

Глас Бертрам Джеймс История розги (Том 2-3)

Бертрам Джеймс Глас

История розги. Том 2 и 3.

Перевод с английского А. Б. Головин

Книга рассчитана на врачей, юристов, историков

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ У РИМЛЯН

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ У РИМЛЯН (Продолжение)

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ У РИМЛЯН (Продолжение)

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАКАЗАНИИ ЖЕНЩИН

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ КАК СТРАСТЬ. ЕСТЬ ЛИ ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ ЖЕНСКИЙ ПОРОК?

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ В МОНАСТЫРЯХ. МИСТИЧЕСКАЯ ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В КИТАЕ. ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У ПРОСТИТУТОК

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В СЕМЬЕ И ШКОЛЕ

КАКИМ ОБРАЗОМ СТАНОВЯТСЯ ФЛАГЕЛЛЯНТШЕЙ. ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ БЕЛОЙ РАБЫНИ

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ И ЛЮБОВЬ

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ ДЕТЕЙ

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ ИЗ-ЗА ДЕНЕГ И ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ

ПСИХОЛОГИЯ ФЛАГЕЛЛЯНТА И ФЛАГЕЛЛЯНТШИ

СВЯЗЬ ФЛАГЕЛЛЯЦИИ С МАСТУРБАЦИЕЙ

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ ЖЕНЩИН НА ВОСТОКЕ

ТЕЛЕСНОЕ НАКАЗАНИЕ ЖЕНЩИН В ИСПАНИИ

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ, СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И ГОЛЛАНДИИ

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ В ИТАЛИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ФЛАГЕЛЛЯЦИИ

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В СОВРЕМЕННОЕ НАМ ВРЕМЯ

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ У РИМЛЯН

В первобытные времена человек в глубине лесов был так же свиреп в припадке гнева, как и разнуздан при удовлетворении своего сладострастия; законодатель сумасбродный, судья пристрастный, тюремщик строгий и палач жестокий, он командовал своими слугами, женами и детьми, как стадом животных. Самым обычным наказанием, к которому прибегал господин, было телесное наказание, оно же являлось самым действенным средством заставить себе повиноваться.

Позже, когда главы нескольких кланов соединились и образовали государство - монархию или республику, могущество его поддерживалось только полным повиновением подданных, инструментом рабства, и домашняя тирания являлась для государства образцом.

В те отдаленные времена считалось, что господин не может быть несправедлив к своему рабу, ибо сам Бог назначил его быть господином.

Таким образом, повсюду законы закрепили институт рабства и естественно, что наказания, предназначенные для рабов, стали назначаться и свободным гражданам даже за самые маловажные проступки. Телесным наказаниям, более или менее жестоким, начинают подвергать всех граждан, но самые жестокие из наказаний были предназначены для презренных рабов.

Самым древним сведением об этих наказаниях, дошедшим до нас, является рассказ Гомера об осаде Трои, когда Терсит позволил себе оскорбить словами главнокомандующего, за что и был собственноручно наказан Улисом. "Немедленно своим жезлом он наносит удары по обнаженным плечам и спине Терсита. Терсит согнулся под ударами золотого жезла

и горько плачет; на его спине появляются кровавые рубцы. Он дрожит, садится, испытывая боль и ужас; он бросает, вытирая слезы, по сторонам взгляды, которые никого не трогают, а только вызывают смех среди греков".

В первобытные времена рабов под угрозой телесных наказаний заставляли выполнять тяжелые работы. Во вновь сформировавшихся государствах освобожденные рабы и даже от рождения свободные люди, но бедные, обязаны были выполнять эти работы.

В колониях до освобождения негров, а в России до освобождения крепостных тех и других заставляли работать под ударами плетей или розог. В те времена и солдат, и моряков при обучении постоянно подвергали наказанию палками, плетью или розгами. Повсюду тогда господин, по своему произволу, подвергал своих рабов или подчиненных всевозможным истязаниям из мести или чтобы заставить платить себе оброк.

Законы, а впоследствии гнусные правила Инквизиции позволяли каждого обвиняемого подвергнуть наказанию плетью и другим истязаниям, чтобы вырвать у него признание вины, после чего только и можно было подвергнуть его смертной казни.

Итак, телесные наказания, более или менее жестокие, самые страшные пытки назначались теперь, уже и свободным людям, а несостоятельные должники отдавались в рабское состояние, когда их могли подвергать самым ужасным телесным наказаниям.

На одной скале в Египте нашли выгравированное изображение, подтверждающее, что телесное наказание существовало в те отдаленные времена. На нем изображен распростертый на земле обнаженный человек, которого один держит за ноги, другой за руки, а третий наказывает палкой,

В Фивах был найден подобный же рисунок, только наказываемый стоит на коленях, с согнутой спиной.

У евреев Моисей сохранил наказание плетью в несколько измененном виде. Ни царь, ни главный священник, никто из Левитов не мог приказать самолично наказать кого-нибудь плетью, а подобное наказание назначалось только собранием судей, вроде наших присяжных заседателей. Кроме того, было запрещено давать более сорока ударов "из боязни, - говорит закон, причинить слишком сильную боль, и чтобы твой ближний не подвергся недостойному обращению на твоих глазах". Закон требовал, чтобы число ударов назначалось в зависимости от важности проступка.

Телесным наказаниям подвергались решительно все, начиная от самых низших и до самых высших лиц.

Мы уже говорили в первом томе, что у индусов закон Ману повелевал наказывать воров деревянными палками или железными прутьями и каждый индус мог наказывать плетью или бамбуковыми прутьями свою жену, своих сыновей, своих слуг или служанок, своих учеников и своего младшего брата.

Плутарх говорил, что в Персии подвергались телесным наказаниям за проступки самые высокопоставленные лица.

Артаксерс был первый из царей, который повелел для наказания таких лиц подвергать сечению только их одежду. Впоследствии подобная привилегия была отменена, и высокопоставленные лица не только подвергались одинаково со всеми телесным наказаниям, но обязаны были после него идти лично благодарить царя за то, что он удостоил вспомнить о них.

Из Персии, Сирии и Индостана телесные наказания распространились в Африке, стране рабства* во всей Азии и Европе.

Орды фанатических браминов и авантюристов из Сирии и Египта перенесли их в Македонию и Грецию - страны свободные. Из этих стран, вместе с рабством негров, наказание плетью перешло в Америку,

Мусульмане приняли от евреев телесное наказание, но только гибкой тростью для лиц свободного состояния, а для рабов и евнухов была сохранена плеть. Эти наказания обыкновенно производились в сералях. Наказание палкой из гибкого дерева производилось чаще всего по пяткам.

В XV веке в Мекке подвергали телесному наказанию тех, кто продавал или пил кофе, но вскоре, впрочем, заметили, что кофе напиток божественный, и дозволили его.

В азиатской Турции есть секта так называемых вертящихся дервишей, которые являются страшными любителями активной и пассивной флегелляции вследствие религиозного фанатизма. Эта оригинальная секта существует до сих пор. Последователи ее подвергают свое тело страшным истязаниям.

В России, главным образом на Кавказе, существуют многочисленные секты хлыстов. Подобно турецким дервишам, хлысты истязают свое тело ременными плетками, в концы хвостов которых вплетены гвозди. Приведя себя в сильное возбуждение отчаянной пляской, хлысты начинают себя хлестать по обнаженному телу. Обыкновенно дервиши наносят себе удары собственноручно. В России же идут еще дальше, и когда сектант не в состоянии уже от утомления наносить себе удары, то он находит сострадательных лиц, которые продолжают хлестать его до тех пор, пока он не потеряет сознание. Если в Турции в эти секты женщин не принимают, то на Кавказе, наоборот, женщины охотно принимаются, и они-то главным образом являются самыми горячими поклонницами флегелляции. Собрания происходят в уединенных местах, в глухих лесах или в уединенных домах, куда посторонним лицам трудно проникнуть и помешать сектанту достигнуть прямым путем рая при помощи истязания своего тела, истязания нередко столь сильного, что последствием его является смерть.

Последователи Магомета, как мы уже сказали выше, подвергают свободных лиц палочным ударам, а рабов и евнухов наказывают плетью. Женщины очень часто подвергаются телесным наказаниям палками, плетью или розгами. Наказывают их всегда в серале и при помощи евнухов.

В Африке повсюду телесные наказания, и самые жестокие, в большом ходу.

Святой Августин говорил, что, по словам Цицерона, децемвиры установили, что виновный в оскорблении кого-нибудь в публичном сочинении наказывался розгами до смерти. Этот закон вскоре был изменен, и римские граждане, которые соглашались подвергнуться изгнанию, избавлялись от телесного наказания.

Юстиниан подвергал духовных лиц телесным наказаниям.

Римские солдаты, как сухопутные, так и флотские, подвергались телесным наказаниям. Полибий утверждает, что наказываемые часто умирали под ударами. По словам Тацита и других авторов, этот род смертной казни был причиной многих военных бунтов и падения дисциплины, что благоприятствовало нашествию варваров.

У римлян число ударов не было законом ограничено и вполне зависело от усмотрения судьи.

Обычай требовал, чтобы всякий раб или зачисленный в рабское состояние даже за самый пустой проступок присуждался к телесному наказанию.

После падения Римской империи варвары, которые разделили ее между собою, продолжали также применять телесные наказания, но они подвергали, им только рабов или колонов. Толщина палки или розги была определена особым законом. Наказание производилось по обнаженному телу. Число ударов должно было быть дано не меньше шестидесяти и не более двухсот, а иногда трехсот. Столь большое число ударов позволяет предположить, что у варваров палачи били с меньшей силой, чем у римлян; впрочем, Григорий Турский сообщает, что наказываемые иногда умирали под ударами палок.

Изучение римского права, сделавшееся всеобщим, привело к тому, что в феодальной Европе стали применяться телесные наказания.

И гражданские, и духовные судьи стали по произволу подвергать свободных людей наказанию розгами публично или в тюрьмах.

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ У РИМЛЯН (Продолжение)

У римского писателя Светония {Дальнейшее повествование, приписанное Светонию, не является сочинением данного автора. - Ред.} мы находим довольно подробное описание практиковавшихся в его время телесных наказаний рабынь в домах патрициев. Из этого

рассказа, который мы переводим полностью, читатель увидит, с какой утонченной жестокостью производились подобные наказания, часто из мести или для развлечения, над совершенно невинными рабынями.

- Не разрешишь ли, господин, своему верному вольноотпущеннику предложить тебе развлечение, которое рассеет тебя на несколько минут?

- Говори, Фаос, но да поразит тебя гром небесный, если твои слова окажутся пустой болтовней! Я вне себя от бешенства и злобы.

- С моим благородным патроном поступили действительно недостойным образом. Фамилия Метелиус одна из тех, которую все должны уважать.

- Эти негодяйки не только грубо отвергали мое брачное предложение, но еще обе, и мать и дочь, распространяют про меня и мою семью самые позорные вещи. Ты так же, как и я, слышал эти сплетни?

- Потому-то я и возмущен так, что я вполне искренно предан своему господину и глубоко чту фамилию, которую он носит.

- Ты верный слуга, и освобождение не превратило тебя в неблагодарного. Молю весь Олимп, да постигнет несчастье этих женщин с такими ядовитыми языками. Не стоит и думать о них!

- Укроти свой гнев и успокой свои раздраженные нервы, господин! Не хочешь ли наказать сегодня плетью одну из своих рабынь?

- Ты полагаешь, что это развлечет меня немного?

- Я почти в этом уверен. У тебя есть потребность сорвать на ком-нибудь свой справедливый гнев. Крики наказываемой женщины явятся для тебя успокоительным бальзамом. К тому же ты постоянно наслаждаешься, когда при тебе секут женщину.

- Ты тоже, Фаос, любишь это зрелище, почему и побуждаешь меня слишком часто подвергать женщин такому наказанию. Вот, черт возьми, было бы здорово выпороть моих болтушек! Я бы уж приказал пороть без пощады!

-- Ты можешь вообразить, что наказываешь одну из них. Ничто так не похоже друг на дружку, как крупы наказываемых розгами женщин. Разреши мне привести сюда одну из твоих рабынь.

- Ну, ступай и живо приведи сюда женщину с широким крупом да принеси хороших розог, - я ее буду сам сечь. Ты прав, крики наказываемой женщины немного успокоят меня.

- Господин останется доволен своим верным слугой.

Оставшись один, Кай Метелиус продолжал быстро шагать по комнате, не будучи в силах сдержать душившего его гнева.

Римлянину было около тридцати лет. Родители его умерли и оставили ему очень большое состояние вместе с древним патрицианским именем. Он был высокого роста, сильного и хорошего сложения. По бронзовому цвету его лица можно было сразу видеть, что он служил в армии. Действительно, Метелиус, совсем еще юный, участвовал в разрушении Карфагена, а недавно он состоял при генерале Сципионе и участвовал вместе с его отрядом в тяжелой и продолжительной осаде испанского укрепления города Нуманции. Из этих походов он вынес не только почетное оружие, но и душу пылкую и привычку повелевать.

Молодой патриций по смерти своего отца бросил военную службу и решил посвятить себя общественной службе. Фамилия Метелиуса была известна всему Форуму и насчитывала немало консулов. Но Кай был еще слишком молод, чтобы занять какую-нибудь высшую должность в Республике, и ему пока не оставалось ничего другого, как только поддерживать свою репутацию. Уже несколько месяцев он старался создать себе семейный очаг и обеспечить в будущем поклонение своим семейным богам - ларам. Понятно, что у него не было недостатка в наложницах; ему нетрудно было также найти среди своих молодых рабынь готовую исполнять все его прихоти... Но она не была бы законной супругой, которая могла бы дать ему потомство и быть в то же время не слишком ревливой к его женской прислуге.

До сих пор все матримониальные предприятия Метелиуса оканчивались неудачей. Все

знали, что он богат, но несносного характера. Лагерная жизнь еще более ухудшила его властный и мстительный характер, и многие главы семейств отклонили честь породниться с ним. Про него рассказывали, что молодой человек был груб в обращении с женщинами, и, хотя молодая римская девушка не имела почти никакого влияния на своих родителей в решении выдать или не выдать ее замуж, тем не менее, все они до сих пор проявили мало желания войти в его дом. Метелиус, хотя, в общем, и не отличался от других особенной жестокостью, славился, однако, тем, что относился с каким-то особенным презрением и беспощадной строгостью к прекрасному полу. До сих пор он пользовался только ласками своих напуганных покорных рабынь, а потому смотрел на женщину, как на существо низшее, которое обязано повиноваться и которое за непослушание наказывают.

Метелиус был господин строгий к своим рабам, и, хотя в то время никто не проявлял особенного участия к рабам, многие все-таки находили, что жизнь прислуги молодого патриция не была завидной. После возвращения из похода в Испанию, где он принял участие в беспощадном истреблении жителей неприятельских городов и деревень, римлянин усилил еще более жестокость наказаний для своей прислуги и без всякой жалости пользовался предоставленной ему законом абсолютной властью над своими рабами.

Это роковым образом должно было превратить Метелиуса в горячего поклонника телесного, наказания женщин. Тут соединялась его природная суровость с презрением к женщине, чему еще более способствовали прежние походы. Легионер часто подвергался палочным ударам по приказанию центуриона, и вот он, в свою очередь, подвергал неприятельских жителей жестоким телесным наказаниям, вымещая на них свою злобу. Нередко молодой человек видел, как привязанных к позорному столбу испанских женщин наказывали плетью или как солдаты ради забавы хватали совсем молоденьких девушек, клали их себе на колена и, обнажив, секли розгами до крови. Метелиус и сам принимал участие в подобных развлечениях, а потому, возвратясь в Рим, он продолжал подвергать рабынь телесным наказаниям для того, чтобы вызвать приятное щекотание своих чувств. Его вольноотпущенники, в особенности Фаос, всячески старались развить эту позорную страсть. Чтобы развлечь его и расположить к себе, они за самый ничтожный проступок, а часто и вовсе ни за что приказывали подвергать служанок продолжительному сечению.

Итак, рабыни Метелиуса подвергались в самой широкой степени телесным наказаниям и не могли ждать от него никакой пощады. Женщины наказывались плетью или розгами под самым ничтожным предлогом, а часто, как мы увидим ниже, ради просто одного развлечения. Наказаний последнего рода рабыни особенно боялись, так как тогда римлянин не стеснялся проявлять без всякого удержу свою страсть к флеллации, подвергая несчастных своих жертв страшным истязаниям. Наказываемые девушки могли кричать что есть мочи, отчаянно извиваться от боли, тем не менее наказание продолжалось без всякой пощады. Единственным пределом для строгости наказания являлась забота, чтобы кожа наказываемой не была навсегда повреждена рубцами и ранами. Но до этого предела женщины могли подвергаться продолжительным и мучительным истязаниям. Метелиус выбирал самых опытных исполнителей, которые, наказывая розгами или плетью, умели причинять возможно большую боль, не нанося коже неизгладимых повреждений, и сам он достиг в этом жестоком искусстве высокой степени совершенства. Ему не доставляло особенного удовольствия видеть, как у наказываемой девушки течет кровь, он старался достигнуть той особенно сильной боли, которую вызывают удары плетью по нежной женской коже. Он любил наблюдать, как тонкая кожа краснела, мало-помалу, под ударами плети, нервы возбуждались, что выражалось в конвульсивных подпрыгиваниях тела. То он приказывал наказывать молодых девушек, чтобы насладиться их ужасом и видом их нежной кожи; то, наоборот, приказывал сечь взрослых женщин, чтобы полюбоваться законченностью их форм а также большей выносливостью. Само собою разумеется наказания всегда производились по обнаженному телу; причем не обращалось равно никакого внимания на вполне законную стыдливость, которую могли сохранить даже рабыни.

Именно одна из подобных сцен была главной причиной крушения его последнего матримониального проекта. Чтобы сломить сопротивление только что купленной им девственницы-рабыни, он велел ее высечь при себе двум рабам-варварам, но и после наказания девушка продолжала таки сопротивляться и даже слегка оцарапала его ногтями.

Это привело Метелиуса в такое бешенство, что он тут же велел девушку сечь веревками до потери сознания. Конечно, тут не было ничего особенного, он только воспользовался своим правом собственника женского тела. Но об этом случае стали рассказывать болтуны-рабы, значительно, как всегда, преувеличив; о нем узнали в семье, где Метелиус сделал предложение, и ему отказали.

Метелиус в самое последнее время воспылал сильной любовью к прелестной Цесилии - падчерице своего двоюродного брата проконсула Лициния Курзо. Этот чиновник недавно вернулся в Рим после довольно продолжительного пребывания в одной из провинций Малой Азии. Поехал он туда бедным холостяком, а вернулся богатым и женатым на вдове одного римского гражданина, покинутой там вместе со своей единственной дочерью. Впрочем, подобный брак был вполне понятен, так как жена проконсула, Юлия Помпония, была тридцати шести или тридцати семи лет и в полном расцвете своей замечательной красоты. Что же касается до ее дочери - Цесилии, то она отличалась чистотой своих форм и очаровательным личиком.

По возвращении в Рим проконсул искал общества своего старого родственника, чтобы при помощи его связей проникнуть в самые аристократические семьи. Метелиус скоро воспылал страстью к молодой девушке и через несколько дней сделал предложение. Лициний, понятно, ничего не имел против этого брака, но мать и дочь наотрез отказались принять предложение. Дело в том, что Метелиус некоторыми своими сарказмами над манерами и неумением держать себя в обществе сильно задел самолюбие Юлии Помпонии. Цесилии тоже не нравилась грубость, его частые припадки гнева и отсутствие той утонченной вежливости, с которой она познакомилась на Востоке.

Так как обе женщины имели громадное влияние на проконсула, человека уже в годах и истощенного от всевозможных излишеств, то Метелиус вскоре встретил и с его стороны пассивное сопротивление своим матримониальным планам, что его страшно раздражало.

Лициний сильно его любил, но находился под очень большим влиянием своей жены и падчерицы, чтобы быть в состоянии настоять на своем желании. Случай же с наказанием рабыни убедил его окончательно в жестокости характера своего будущего зятя, и он, хотя и с сожалением, решительно отказал ему в руке своей падчерицы. Чтобы закрепить окончательно за собой победу и навсегда удалить неприятного претендента, Юлия и Цесилия каждый день рассказывали про Метелиуса самые неприятные вещи, выставляя его кровожадным развратником.

Эти сплетни еще более взбесили римлянина, и без того раздраженного крушением сладострастных вожделений, которые возбудила в нем редкая красота Цесилии. Кроме того, он, не без основания, видел, что ими могут воспользоваться его политические враги, а плебеи - отказаться голосовать за него. И тогда все его честолюбивые мечты рассеялись, как дым, так же, как матримониальные планы. Он рисовал в своем воображении, как он останется старым холостяком без всяких почестей. Как раз ему только что случайно удалось подслушать в Форуме далеко не лестное о себе мнение, происхождение которого ему отлично было известно. Вот почему он вернулся домой страшно раздраженный против всех женщин вообще и особенно против тех, которые так сильно ему вредили.

Перебирая в своем уме всевозможные планы мести и с трудом сдерживая свой от природы бешеный характер, Метелиус продолжал нервными шагами ходить по комнате, довольно скромно меблированной, когда дверь отворилась и показался Фаос с женщиной, которая должна была разрядить на себе его гнев и удовлетворить его страсть к флелляции.

Рабыня, шедшая за вольноотпущенником, была еще довольно молодая женщина, лет двадцати пяти, со смуглым лицом и очень толстыми губами, свидетельствовавшими о ее африканском происхождении. Ее звали Гисбэ. Она родилась в доме родителей Метелиуса и с

малолетства привыкла к покорности и беспрекословному исполнению всевозможных капризов своих господ. Сознавая, что она совершенно беззащитна и находится в полной их власти, Гисбэ старалась покорностью избегать слишком частых телесных наказаний. На ее горе природа одарила ее очень развитым крупом, и благодаря этому господский гнев очень часто оставлял на нем чувствительные следы.

Для Гисбэ достаточно было одного беглого взгляда, чтобы сразу определить степень раздражения Метелиуса и убедиться, что ее ожидает жестокое наказание, хотя она ни в чем не провинилась. Она слегка побледнела; Гисбэ множество раз подвергалась наказанию розгами, все-таки она страшилась их горячих ласк. Ее опытность рабыни удержала ее от проявления даже тени сопротивления, когда Фаос, положив ее грудью на сиденье высокого стула, стал привязывать ей руки и ноги. Это была мудрая предосторожность, иначе молодой человек, конечно, приказал бы исполосовать плетью женщину, которая была бы настолько глупа, что позволила бы усилить его нервное возбуждение неуместным сопротивлением. Не произнося ни одного слова в то время, как Метелиус, тоже в полном молчании, следил за всеми этими знакомыми ему приготовлениями, Фаос поднял платье Гисбэ и привязал его к верхней части тела, обнажив таким образом совершенно тело женщины, у которого выступали во всей наготу два смежных полушария крупа, покрытого тонкой, блестящей кожей... Положив недалеко несколько пучков принесенных с собой длинных, довольно толстых и свежих березовых розог, он молча вышел из комнаты, оставив господина наедине с его жертвой.

Женщина лежала неподвижно,, слегка только вздрагивая в ожидании неизбежного наказания. Метелиус перестал шагать, и его горевшие недобрым огнем глаза, не отрываясь, смотрели на этот обнаженный перед ним женский круп. Юлия Помпония, думал он, должна была иметь подобный же круп, и он дорого бы заплатил, чтобы иметь его в своем распоряжении. Цесилия, конечно, обладала менее развитым крупом. Но он с наслаждением бы высек и его. От одной этой мысли все лицо его побагровело, и, взяв в руки пучок розог, он приблизился к покорной рабыне.

Заметив, что розги подняты над ней, женщина инстинктивно сжала свои обнаженные ягодицы. Спустя секунду последовал по ним первый сильный удар розог, вызвавший у бедной Гисбэ глухой стон. За первым ударом безостановочно стали сыпаться следующие. Гисбэ была очень закаленная в этом отношении, но в тот день Метелиус сек женщину без всякой пощады. Розги свистали в воздухе и со страшной силой ложились на тело женщины. Вскоре ягодицы стали покрываться красными рубцами, все более и более расширявшимися. Сначала Гисбэ стонала, затем вскоре она стала кричать, а потом молить о прощении, хотя она по опыту знала, что самые трогательные мольбы не останавливали наказания. Господин, действительно, продолжал наказывать ее, не обращая внимания на ее крики и жалобы. Как и предсказал Фаос, по мере причинения страданий невольнице гнев Метелиуса утихал. Стоны, мольбы о пощаде и крики наказываемой женщины доставляли ему удовольствие; он даже стал улыбаться при виде иссеченного розгами крупа молодой женщины. Метелиус продолжал его сечь, но уже более направлял удары розог несколько ниже крупа женщины, которая от страшной боли напрасно сжимала свои ляжки. В глазах Метелиуса показался яростный огонек, и он, конечно, продолжал бы сечь несчастную, пока она не потеряла бы сознания, если бы не отворилась дверь и на пороге не появился бы Фаос.

- Прости, господин, - сказал он дрожащим от волнения голосом, - твой родственник Лициний умер, и говорят, что он назначил тебя своим единственным наследником.

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ У РИМЛЯН (Продолжение)

Метелиус рассеянно слушал, как писец монотонно читает список оставленного имущества Лициния. Как верно молодому патрицию. Но перечисление всех оставленных ему богатств нисколько не трогало его, если бы не одно обстоятельство, которое являлось последствием этого наследования.

По смерти Лициния, Юлия и ее дочь Цесилия проявили страшную скорбь и в то же время беспокойство. Обе выразили желание немедленно покинуть Рим, чтобы, говорили они,

скрыть горе в какой-нибудь глухой и отдаленной деревушке. Метелиус ничего не имел против подобного желания. Но законные формальности требовали присутствия вдовы, а также было необходимо посоветоваться с адвокатами. Юлия так торопилась исчезнуть, что предлагала даже отказаться от своей законной доли наследства. Подобная поспешность сильно интриговала молодого человека; как вдруг в один прекрасный день он, к величайшему своему удивлению, нашел разрешение этой загадки.

Юлия никогда не была законной женой проконсула; она была просто куплена вместе со своей дочерью лет двенадцать тому назад в одном из городов Сицилии. Акт о покупке ее, вполне ясный и законный, был найден при разборе бумаг покойного, и не было никаких следов позднейшего их освобождения. Хорошенькая и ловкая рабыня, без всякого сомнения, сумела мало-помалу добиться, чтобы ее выдавали за законную жену; последнее было еще потому не особенно трудно, что Лициний отсутствовал в Риме продолжительное время, а по возвращении в Рим ни у кого из его близких не было основания подозревать действительность брака. Таким образом, Юлия вполне свободно могла выдавать себя за матрону и пользоваться всеми привилегиями не принадлежащего ей положения, рассчитывая, конечно, исчезнуть, как только будет открыто ее настоящее положение. Внезапность смерти проконсула помешала привести этот план в исполнение. Таким образом, обе женщины по наследству стали рабынями Метелиуса.

Это открытие вызвало страшный скандал в Риме. Матроны, гордые тем, что состояли в законном браке, не могли простить себе, что они принимали как равную особу, которая была только ловкой служанкой, а патрицианки еще более были возмущены, что открыли двери своих домов хитрой рабыне. Друзья, родственники покойного стали умолять Метелиуса, чтобы он примерно наказал мать и дочь и отомстил за нанесенное ими оскорбление достоинству римской дамы. Так как они были рабыни, то их и следовало подвергнуть наказанию, назначенному рабыням, т. е. унижительному телесному наказанию.

Метелиус вовсе не нуждался в подобных просьбах и поощрениях, чтобы решиться приказать высечь розгами обеих женщин. Конечно, он разделял горделивое мнение своей касты и понимал, что нужно наказать интриганок, обманувших его семью, но прежде всего он хотел выместить свою личную злобу. Юлия и Цесилия задели его самые святыя чувства, нанесли ущерб его самым дорогим интересам, распускали про него дурные сплетни, и вот теперь обе они были в его полной власти, от него зависело подвергнуть их любому наказанию. Наконец его душа могла вволю насладиться местью безжалостной и долгой, сообразно гению расы, никогда не дававшей пощады слабым и побежденным.

Со дня открытия обмана обе женщины находились под строгим надзором и с ужасным трепетом ожидали, чтобы господин решил их участь. Но Метелиус не торопился и наслаждался тем, что рисовал в своем воображении планы самых утонченных наказаний, которым он подвергнет Юлию и Цесилию.

Неоспоримо, что он велит обеих высечь плетью, тем более, что подобное наказание доставит лично ему большое удовольствие. Он, как мы уже видели, вообще любил наказывать женщин телесно, даже без всякого повода. Во сколько же раз ему приятнее будет видеть, как будут сечь в его присутствии женщин, так жестоко его оскорбивших? Метелиус особенно еще наслаждался тем, что подобное жестокое удовольствие он будет иметь когда ему угодно и в каком угодно количестве. Лишь бы только исполнители были искусны, а своих он набирал с разбором, почему у него женщины и даже молодые девушки могли подвергаться наказанию плетями или розгами бесконечное число раз без всякого вреда для их здоровья или опасности для их жизни. Он припомнил, что у его родственника, такого же страстного любителя телесных наказаний, как и он, была молодая девушка, которая в течение долгих лет, почти ежедневно, а иногда и по несколько раз в день наказывалась розгами или плетью, и несмотря на это она была вполне здорова и сильна. Вот почему патриций думал подвергнуть двух новых своих рабынь такому же режиму.

Менее опытный господин, чем Метелиус, приказал бы своих жертв сразу же наказать со страшной жестокостью и удовлетворил бы свою злость. Римлянин хотел, наоборот,

наслаждаться своею местию возможно долее. Ему не нужно было, чтобы при наказании кровь лилась ручьем... Женщина, наказываемая без излишней жестокости, но наказываемая возможно чаще, могла доставить ему более сильное удовольствие. Прежде всего в последнем случае он испытывал бы каждый раз варварское удовольствие наслаждаться ее позором, который ей приходится испытывать при раздевании донага при нем. Юлия была еще очень хороша, а Цесилия в полном расцвете своей юношеской красоты, и для них самым ужасным позором будет то, что они будут обнажены в его присутствии, особенно тяжело это будет для Цесилии, которая никогда не была на положении рабыни. Но и мать ее уже привыкла, чтобы с ней обращались, как с законной супругой. Метелиус заранее смаковал, как он будет любоваться множеством раз ужасом своих новых рабынь, их слезами, тем более, что они оттолкнули его с презрением.

Наказывая их плетью, он мог причинить самые сильные и продолжительные мучения. Действительно, чем чаще женщина подвергается наказанию плетью, тем более она страдает от боли, и вскоре наказание становится для нее положительно мучением. Одновременно кожа ее от частых наказаний делается способной выносить все большее и большее число ударов, таким образом, с каждым разом является возможность наказывать ее сильнее и продолжительнее. Во всяком случае, плетью причиняет женщине такие жестокие страдания, что более сильных не мог желать даже самый свирепый господин, а в отношении Юлии и Цесилии плетью была особенно жестоким орудием наказания, ввиду особенной нежности их кожи. Для наказания их Метелиус мог употреблять, начиная от березовых розог, сравнительно детского орудия наказания, и кончая плетью из коровьей кожи, причинявшей женщине особенно нестерпимые страдания. Для начала он решил подвергнуть мать и дочь строгому и продолжительному наказанию плетью, а затем сечь их каждый раз, как ему придет охота.

Через несколько дней для несчастных женщин начался новый режим истязания их. Метелиус приказал приготовить все необходимое для наказания и спокойно ждал появления двух своих жертв.

Мать и дочь вошли, ведомые или, вернее, влекомые двумя черными невольниками, которые должны были подвергнуть женщин истязаниям по приказу их господина. Цесилия плакала горячими слезами от страха наказания плетью и, особенно, от предстоящего позора быть обнаженной. Юлия снаружи пыталась казаться спокойной, хотя внутри испытывала ужас быть в полной зависимости от флаголляторских капризов Метелиуса. К тому же, хотя и рабыня, она, благодаря своей красоте, до сих пор умела подчинять себе своих господ и никогда не была телесно наказана розгами отцом или матерью совсем маленькой девочкой. Правда, последний раз за излишнее кокетство с сыном хозяина отец преждевременно высек ее розгами, но ей было тогда двенадцать лет, и она совершенно забыла теперь об этом неприятном событии. Она отлично знала, какие страшные мучения испытывают наказываемые телесно женщины, так как сама приказывала нередко наказывать провинившихся служанок, но наказывала их только розгами сама или приказывала сечь женской прислуге. Она ни разу не наказывала женщин плетью, а также не только не поручала наказывать розгами мужчине, а даже держать наказываемую мужчинам. Свою же дочь она никогда не секла. Зная хорошо римлянина, она не сомневалась, что их обоих ожидает страшно жестокое наказание плетью.

В черных глазах патриция блеснул недобрый огонек, когда он увидел молодую девушку всю в слезах, а мать дрожащей от страха. Руки его сжались в кулаки, и был момент, когда он готов был броситься на Цесилию и начать ее бить. Испуганная девушка была в эту минуту как-то особенно хороша: покрасневшие от волнения щеки, блестящие от слез глаза, испуганные движения еще более усиливали ее и без того дивную красоту. Однако Метелиус сдержал себя, он не хотел выдать, что красота девушки произвела на него впечатление. Как самая обыкновенная рабыня, она делается игрушкой плети палачей. Что касается Юлии, то она в глазах его была просто опасная интриганка, заслуживающая самого беспощадного наказания плетью. После нескольких минут полного молчания Метелиус

заговорил; голос его звучал жестоко и с насмешкой: "Привет вам, целомудренная матрона и непорочная девица. Вы не хотели меня иметь супругом. Я тебе, Цесилия, представляю мужа, которого я тебе выбрал".

Он указал рукой на одного из негров, черного колосса с чисто животным лицом, которое осклабилось в широкую улыбку и показало ряд белых зубов. Молодая девушка бросилась к матери и спрятала свое лицо на ее груди, отчаянно зарыдав.

- Ты, кажется, не особенно влюблена в него, - продолжал Метелиус, - и не расположена быть к нему благосклонной, хотя он красивый мужчина. Сейчас ты будешь к нему более любезной, после того, как он угостит твое тело плетью.

Цесилия еще сильнее прижалась к своей матери, которая, рыдая, обняла дочь, как бы желая ее защитить.

- Трогательная картина любви дочери, - сказал с насмешкой римлянин. Вы отлично подражали манерам римских дам, и подобно последним ты, Юлия, должна научить свою дочь послушанию.

- Ты - господин, - отвечала женщина, подняв высоко голову, - вели бить, если ты безжалостен, но не издевайся над нашим несчастьем.

- Шутка довольно удачная, - возразил, смеясь, Метелиус. - Две рабыни, которые должны были бы на коленях умолять меня о прощении, начинают мне проповедовать мораль. Клянусь Юпитером! Видно, что вас еще никогда не наказывали.

- Пощади нас, всемогущий, - прошептала молодая девушка.

- Слушай, Цесилия, - продолжал молодой человек, - ты еще невинна, и я никогда не простил бы себе, что выдал тебя замуж не вполне осведомленной. Так как твоя мать не хочет помочь тебе своими советами, пусть она научит примером.

- Что хочешь ты этим сказать? - спросила с испугом Юлия.

- Очень просто, моя красавица, сейчас я велю моим неграм сечь тебя плетью. Я тебе предоставляю выбор: или приказать Цесилии беспрекословно слушаться меня или я велю тебя сечь при ней, чтобы она наглядно могла убедиться в пользе послушания.

- О, это слишком гнусно, - вскричала в негодовании Юлия, - велеть сечь меня мужчинам на глазах моей дочери! Это ужасно!

- Я теперь ясно вижу, что только одна твоя гордость мешает тебе оценить всю мою умеренность. Только одна плеть в силах заставить женщину понимать. Сейчас тебя мои рабы познакомят с ее ласками.

Тотчас же негры оттащили Цесилию от матери. Молодая девушка упала на колени и закрыла лицо обеими руками. Когда Юлия почувствовала, как ее схватили негры, то стала отчаянно сопротивляться и кричать.

- Не утомляй напрасно своего голоса, - сказал Метелиус, - он тебе сейчас понадобится.

- Прикажешь, господин, наказывать ее хорошенько? - спросил один из негров.

- Секите ее по крупу посильнее, но только чтобы кожа не была иссечена до крови! Пускай она познакомится только с плетью.

- Будь спокоен, господин, я только что хорошо смазал хвосты плети салом, чтобы они лучше хлестали тело.

Палачи растягивают и привязывают несчастную женщину на деревянной кобыле. Теперь она вполне уже беззащитна. Один из негров поднял ее одежду и обнажил тело до талии. Чувствуя, что ее окружают мужчины, Юлия ребяческим жестом старается спрятать свое лицо, прижимая его к кобыле, как бы стараясь скрыть свой позор.

Цесилия продолжает истерически рыдать.

Метелиус тоже подошел к кобыле и, тронув рукой круп Юлии, сказал: "У тебя, действительно, прекрасный круп и славная кожа. Смотри, Цесилия, как и тебя сейчас будут наказывать".

- Прости нас, господин, - пролепетала Цесилия, упав к ногам Метелиуса.

- Клянусь Юпитером, вы обе заслуживаете за ваш обман хороших плетей. Начинайте, негры, наказывать и дайте ей понять, что у нее есть теперь господин.

Тотчас же негры начали истязание. От первого же удара круп несчастной женщины быстро поднимается, чтобы в ту же секунду опуститься, и отчаянный крик одновременно вырывается из груди. Гибкие хвосты плети ложатся вдоль всего тела женщины, обжигая своими жгучими ласками самые чувствительные места. Крики наказываемой становятся резче и продолжительнее.

Теперь уже Юлия кричит почти безостановочно и с каждым новым ударом плети все сильнее и сильнее. Благодаря своей тонкой коже, она испытывает невыразимые страдания. Негры наказывают спокойно и медленно, ударяя каждый раз по выбранному заранее месту, и после каждого удара на теле появляется красная полоса. Плеть обжигает круп наказываемой и даже ложится на талию и ляжки. Кровавые полосы все растут числом и видимо сближаются одна с другой. Из утонченности жертва не была притянута к кобыле вполную, почему может биться. Она извивается всем телом при каждом прикосновении ужасной плети. Круп подпрыгивает скачками; когда плеть ударяет по нему, ягодицы сжимаются, становятся более округленными, потом вдруг расплачиваются, как будто этим движением наказываемая старается уменьшить свою боль.

Метелиус сел и спокойно смотрит, как вертится женщина и отчаянно кричит. Он следит взглядом за движением мускулистых рук негров, и в глазах его ясно просвечивает бешеная радость, особенно в те именно моменты, когда плеть особенно удачно ложится на тело и вызывает наиболее отчаянный крик у истязуемой. Круп сделался уже совсем красным, и после каждого нового удара плети рубцы становятся все ярче и ярче.

Негры продолжают сечь женщину, не обращая ровно никакого внимания на ее мольбы и стоны; но боль становится нестерпимой, и несчастная начинает умолять простить своего господина. Ее нежные нервы не в силах более переносить прикосновения плети, ей кажется, будто ее круп разрывают на части, и истязание поражает решительно все ее мускулы. Она молит о пощаде в промежутке между ударами плети. Когда ее крики становятся сильнее, а подпрыгивание быстрее, негры громко смеются, а патриций холодно улыбается. Он вполне наслаждается унижением и страданиями стонущей под ударами плети женщины.

Метелиус наклоняется к Цесилии, продолжающей все еще рыдать у его ног: "Посмотри, - говорит он, - что испытывает по моему приказу твоя мать и что вскоре ожидает и тебя. Полюбуйся результатами наказания плетью".

Он хватается молодую девушку за руку и грубо поднимает ее. В то же время оба негра глазами сговариваются и одновременно дают женщине с обеих сторон два особенно жестоких удара, от которых на крупе появляются два страшных, багровых рубца.

- Ах, ай, ай, - задыхаясь, кричит Юлия, - больно, ай, очень больно!..

- Ты видишь, как хорошо пробирает плеть, она сделает чудеса на твоём молодом теле, Цесилия!

- Избавь ее, - умоляет Юлия, - я готова лучше умереть под ударами плети...

- Ну а я предпочитаю видеть, как твоя красавица Цесилия будет подпрыгивать на кобыле под ударами плети...

Молодая девушка хочет снова закрыть руками свое лицо, чтобы не видеть ужасного истязания своей матери, но ее господин схватывает ее руки и заставляет смотреть до конца, как ее мать извивается под ударами плетей.

Негры продолжают сечь все с той же жестокостью...

Наконец Метелиус делает знак остановиться. Теперь очередь молодой девушки подвергнуться позорному сечению.

- Не вели меня раздевать, пожалей мою молодость, - рыдая, умоляет несчастная девушка.

- Разденьте ее совсем и привяжите к кобыле. Рабыня должна забыть капризы знатной барышни, - произносит с иронией Метелиус.

- Мама, мама, помоги мне, спаси меня! - кричит обезумевшая молодая девушка, когда негры стали ее раздевать и привязывать к кобыле.

- Прикажешь ли, господин, наказывать поостроже? - спрашивает один из негров, когда

совершенно обнаженная девушка была привязана.

- Так же, как наказывали ее мать, не до крови, но секите так, чтобы она задыхалась от боли.

Услыхав эти слова и чувствуя, что сию секунду ее начнут сечь, Цесилия силится как бы защитить свой круп, и ее мускулы от этого напрягаются, но ее ляжки крепко привязаны, и весь круп отлично выдается для наказания. Ради большей предосторожности негры привязали ее к кобыле еще за талию широким ремнем, чтобы круп не мог вовсе вертеться...

Увидав, как оба негра, стоявшие по обеим сторонам тела, взяли в руки плети, Цесилия начинает иступленно кричать:

- Не бейте меня, не секите, я буду послушна, совсем послушна!

- Господин, - умоляет привязанная Юлия, - пожалей это дитя, плети причиняют страшную боль, это нестерпимая пытка.

Оба негра стоят с обеих сторон с поднятыми плетями и ожидают только знака римлянина.

- Я все сделаю, - продолжает просить Цесилия, - все, что хотите... Ах, аа!

В это время один из негров наносит первый удар, на теле девушки появляется длинный красный рубец. За этим первым ударом второй негр тотчас наносит второй удар по тому же самому месту, отчего боль еще усиливается.

- Довольно, оо! Довольно! - вопит жертва. - Я не могу терпеть... Простите, не буду, не буду, ай, ай, не могу, ах, аа, ай, ааа!!..

Но плети продолжают медленно стегать несчастную девушку, покрывая круп ее все новыми и новыми красными рубцами и заставляя все ее тело судорожно вздрагивать.

- Я не могу, я не могу, ой, ай! - кричит несчастная, - ой, ой, аа, ай, аа!

Палачи начинают хохотать. Это настоящее наслаждение сечь такую нервную девушку, которая от первых же ударов так сильно страдает. Когда обе плети ложатся одновременно, то у девушки вырывается особенно продолжительный вопль от нестерпимой боли.

- Отлично, продолжайте ее так пороть, и с расстановкой, чтобы она побольше страдала! - говорит Метелиус.

Плети свистят в воздухе и с сухим ударом ложатся на молодое тело, которое корчится от страшной боли. Круп девушки остается неподвижным, так как талия и ноги крепко притянуты к кобыле, но все мускулы находятся в сильном напряжении, а оба полушария крупа только дрожат под жгучими ласками плетей...

Цесилия все время сильно кричит, изредко произнося отрывистые слова. Временами крики переходят в непрерывный стон. Весь ее круп уже иссечен красными рубцами, и когда плети ложатся по пораженным частям кожи, то вызывают у несчастной отчаянный вопль.

- Порите круп, - приказывает господин, - а также ляжки, чтобы она знала, как наказывают капризных женщин...

Крики жертвы становятся еще более отчаянными, раздирающими, она поднимает свою голову, и ее обезумевшие глаза, искривившийся рот лучше всего говорят о нестерпимом мучении, которое она переносит. Плети стегают решительно по всем, даже самым чувствительным местам. Негры, видимо, секут с особым наслаждением. Они не сразу отнимают, после удара, от тела плети, а выдерживают несколько секунд, чтобы кожаные хвосты, прижимаясь к пораженным местам кожи, причиняли более сильную боль... Затем они хлещут также по внутренним частям ляжек, где, как известно, кожа особенно чувствительна. Каждый из них направляет удары плети, начиная от колен, и, медленно, постепенно поднимаясь, доходит до крупа девушки, где обе страшные плети, по молчаливому уговору палачей, ложатся на круп одновременно с более ускоренным темпом, который выдерживается ими все время, пока они секут круп и спускаются к ляжкам, откуда до колен опять начинают сечь враздробь и более медленно.

Римлянин, видимо, с сладострастием следит за истязанием, которое производится по его приказу. Все тут должно доставлять ему наслаждение. Девушка обнажена, ее круп сделался красным, тело дрожит под ударами плетей все это действует возбуждающим

образом на его чувства, и это видно по блеску его глаз. Но кроме того, он удовлетворяет свою месть. Отказ девушки выйти замуж за него задел его гордость, и он в восторге, что подвергает мучениям неосторожную девушку; он ее неограниченный повелитель и только от него одного зависит, прекратить или продолжать жестокое наказание.

Цесилия теперь безостановочно вопит, боль от ударов плетьюми так велика, что она уже не в состоянии произносить, как вначале, слова мольбы о прощении. Теперь она чувствует только, как внутренний жар проникает во все части ее тела и все растет, и растет... Каждую секунду ей кажется, что она не в силах будет дольше переносить такие мучения, и, мгновение спустя, новый удар плети вызывает опять приступ страшной боли и заставляет все ее тело конвульсивно содрогнуться.

Ее мать в безумном ужасе плачет и умоляет... Крики корчащейся под ударами плетей дочери вырывают у нее жалобные стоны. Она молит господина, просит сжалиться палачей, умоляет, чтобы ее снова наказывали плетьюми с какой угодно жестокостью, но чтобы пощадили Цесилию. Негры даже не слушают ее причитаний, так же как и криков жертвы. Плеть для того и назначена, чтобы гулять по спинам женщин. Они секут спокойно, видимо наслаждаясь производимым ими истязанием. Что касается до Метелиуса, то крики и слезы несчастных только усиливают наслаждение, испытываемое им при виде наказания их.

Молодую девушку все еще секут. Теперь плети опять ложатся на дрожащий круп девушки. Кожа стала менее красной и в состоянии без вреда принять еще новое число ударов. Но чувствительность не уменьшилась, и бедную девушку, напротив, ждут еще большие страдания.

Наконец Метелиус приказывает прекратить наказание девушки и велит отвязать ее и унести негру, которого он ей назначил в мужья. Юлия, все еще привязанная к деревянной кобыле, не может удержаться, чтобы не обругать гнусного господина, когда видит, как негр, с горящими от сладострастия глазами, уносит ее истерзанную дочь, чтобы совершить над ней еще более ужасное насилие. Патриций, услышав брань, хватает плеть у негра и начинает полосовать тело несчастной Юлии. В припадке бешенства он с остервенением сечет ее. Вскоре круп и ляжки Юлии снова покрываются темно-красными рубцами, и во многих местах выступает кровь... Наконец он бросает плеть и велит негру отвязать женщину и увести ее.

Метелиус взял себе в наложницы одну из доставшихся ему в наследство рабынь по имени Калиста, которая за последнее время пользовалась его особенным фавором. Это была брюнетка с большими черными глазами. От природы она была очень страстная, но страшно ленивая. Когда Юлия пользовалась правами супруги Лициния, то Калиста была ее горничной. Хотя, как мы уже выше сказали, Юлия Помпония не была любительницей жестоких наказаний, но Калисту она неоднократно наказывала очень строго розгами за лень, а раз, когда она застала ее на коленях Лициния, то уговорила Лициния велеть наказать ее плетьюми и поручить наказывать двум неграм. Но когда Калисту привели наказывать, то она все-таки смягчилась, отослала негров, велела позвать для наказания женщин, а также убрать плети и принести несколько пучков длинных и толстых березовых розог. Правда, из страха потерять любовь Лициния и желая отучить Калисту раз и навсегда от всяких любовных видов на Лициния, Помпония проявила обыкновенно не свойственную ей жестокость. Когда Калиста была раздета и привязана к скамейке, Юлия велела сечь ее розгами с двух сторон одновременно и, кроме того, мочить розги в уксусе. Два раза Калиста от потери крови и боли теряла сознание, и каждый раз Юлия приказывала прекратить сечение и привести Калисту в сознание, но оба раза как только она немного оправлялась, ее снова, по приказу Юлии, растягивали на скамейке и продолжали беспощадно сечь розгами. Наконец, когда Калиста потеряла сознание в третий раз, Юлия после того, как ее привели в сознание и опять собирались растянуть на скамейке, смягчилась и простила ее. Помпония достигла цели. После такого жестокого наказания, когда ее отвязали от скамейки, она не могла стоять, и ее снесли на плаще в ее комнату, где она провалялась три дня, лежа все время на животе. Больше она не искала любви Лициния и стала очень усердно исполнять обязанности

горничной Цесилии. Молодая же девушка в течение двух лет велела наказывать розгами Калисту всего три раза, каждый раз по настоящую матери. Наказание розгами производилось в присутствии Цесилии, но она, под страхом самой быть наказанной розгами, не смела namного уменьшить число ударов розог, назначенных матерью. Во всяком случае, Калисту наказывали эти три раза так слабо, как не наказывали даже патриции своих провинившихся дочерей. Однако понятно, с какой радостью Калиста увидела, что ее бывшие господа попали в разряд простых рабынь, к тому же пользующихся нерасположением господина. Вот почему Калиста не упускала ни одного удобного случая восстановить Метелиуса против Юлии и Цесилии, пользуясь для этого своим влиянием, а также влиянием на него Фаоса.

Отдав обеих женщин, чтобы их унижить, во власть своих черных рабов, Метелиус и сам удостаивал их благосклонности. Хотя и чувственно, но он сильно любил Цесилию. Если место любви заменило чувство злобы, то все-таки физические прелести Цесилии по-прежнему возбуждали сладострастие у Метелиуса. Калиста была слишком хитра, чтобы открыто бороться с этим чувством, но она внушила молодому человеку мысль подвергать несчастных женщин телесному наказанию перед тем, как удостоить ту или другую своей благосклонности. Метелиус принял этот совет с удовольствием, так как он потворствовал его страсти к флагелляции. Теперь Цесилия и Юлия знали, что каждый раз, как та или другая будут приглашены Метелиусом для исполнения супружеских обязанностей, они перед этим будут неизбежно подвергнуты телесному наказанию, часто очень жестокому.

Жизнь бедных женщин стала настоящим адом. Метелиус велел назначать их на самые унижительные работы - прислуживать рабам и рабыням, главным образом кухаркам, а также убирать комнаты рабынь. Обеим женщинам постоянно приходилось исполнять отвратительные и нечистоплотные работы, одним словом быть прислужкой слуг господина. Вопреки существовавшему обычаю, по которому рабы никогда не имели права наказывать телесно других рабов, патриций дозволил своим рабам и рабыням, которым обе женщины прислуживали или под наблюдением которых исполняли работы, наказывать их розгами за леность, дерзость или непослушание, сохранив за собою только право наказания их плетьюми. Но и права наказания розгами по своему усмотрению было слишком достаточно. Под самым ничтожным предлогом, а иногда даже без всякого основания несчастных женщин секли розгами по голому телу. Причем немедленно после наказания они должны были продолжать работать без малейшего ропота под угрозой жалобы господину на их леность и неизбежного тогда за это жестокого наказания плетьюми. Калиста особенно злоупотребляла правом наказывать их; она разыгрывала роль дамы, приказывала матери и дочери одевать ее в присутствии своих подруг-рабынь, насмешливо улыбавшихся. Пучки розог из толстых, длинных и свежих березовых прутьев постоянно лежали у нее в комнате, и под каким-нибудь предлогом она приказывала рабыням обнажать мать или дочь, держать их, и сама собственноручно жестоко наказывала розгами. Одной из работ, которой особенно страшились несчастные женщины, было верчение мельничного колеса для приготовления муки, необходимой для домашнего употребления. Господин велел назначать их на эту работу, и ежедневно утром их приводили к тяжелой машине. Перед тем как поставить их вертеть колесо, надсмотрщик обнажал им спину и круп, привязав платье. Затем при малейшем замедлении с их стороны работы он хлестал по обнаженному телу бичом. Часто даже он хлестал без всякого повода, чтобы полюбоваться красными полосами на теле, подпрыгиваниями и криками женщин от боли. Несмотря на подобное унижение, они должны были продолжать вертеть колесо из страха подвергнуться за непослушание жестокому наказанию плетьюми.

Но самым тяжелым моментом, которого новые рабыни всегда ожидали с трепетом, был вечер, когда все работы оканчивались и вся прислуга собиралась вместе. Тогда нередко некоторые из мужчин делали попытки совершить над обеими женщинами гнусное насилие. Другие рабыни обыкновенно хохотали или помогали держать несчастных жертв, вырывавшихся из грубых объятий или защищавшихся от ударов. Иногда дело только этим и кончалось, но чаще, особенно когда при таких сценах присутствовала Калиста, мужчины

хотели добиться, чтобы мать и дочь исполнили их фантазию. Конечно, обе отказывались подчиниться, и тогда Калиста шла жаловаться Метелиусу на мнимое непослушание со стороны новых рабынь. Ответ не заставлял себя ждать и всегда был неизменно один и тот же: "Выпори их обеих хорошенько плетью и заставь слушаться". Когда Калиста возвращалась и сообщала о распоряжении господина, то рабы и рабыни громко выражали свой восторг; рабские души от природы были так низки, что могли наслаждаться мучениями своих же товарищей по несчастью. Все наперегонки торопились принести две деревянные кобылы, поспешно раздевали женщин и привязывали. Затем начиналась оргия истязания их. В таких случаях всегда наказывали не розгами, а страшными плетью, причем секли мужчины. Под ударами плетей вскоре тела наказываемых женщин покрывались красными полосами. Женщины окружали наказываемых и, улыбаясь, подбивали наказываемых мужчин сечь сильнее, а крики истязуемых вызывали у них смех. Наказание производилось без соблюдения всякой стыдливости, в присутствии мужчин и женщин, как самая натуральная и обыкновенная вещь, причем секли с удивительной жестокостью. Молодая девушка всегда особенно сильно кричала, но и Юлия, хотя и более выносливая, не могла удержаться от стонов. Число ударов не считалось. Наказывали не только беспощадно, но страшно долго, так как знали, что господин одобрит всякое истязание, лишь бы кожа не была повреждена. В особенности для Цесилии были тяжелы и мучительны подобные истязания. Благодаря нежности своей кожи, она испытывала страшную боль и не могла удержаться, чтобы не кричать. Исступленные же ее крики и стоны доставляли особенное наслаждение мучителям, и они всегда наказывали ее сильнее и дольше матери ее. После наказания мать обыкновенно, забыв собственные страдания, должна была до самой поздней ночи омыwać и лечить иссеченное тело своей бедной дочери.

Друзья Метелиуса, конечно, отлично знали горькую участь этих двух женщин, но никто не жалел их; Закон давал господину самую неограниченную власть над рабом, и в его власти было наказывать раба по своему усмотрению. Раз в руках господина была жизнь этих двух женщин, то, очевидно, он имел полное право подвергать их каким угодно наказаниям, и никто не мог помешать ему в этом. Напротив, все были очень довольны, что Метелиус подвергает двух искательниц приключений и интригенок таким унижительным и жестоким наказаниям. Римские матроны и барышни патрицианки никогда не могли им простить, что они обманом вошли в их среду; Строгость Метелиуса привлекла ему симпатии, и его политическое положение возросло, когда узнали о его обращении с обеими женщинами. Все сожалели, что поверили сплетням, распускавшимся про него Юлией и Цесилией, и, чтобы заставить его забыть это, сами советовали приказывать почаще и построжее сечь обеих женщин.

Римлянин, как мы уже видели, вовсе не нуждался в таких поощрениях. Он всегда от души смеялся, слушая рассказы Калисты о жестоких и продолжительных наказаниях розгами, которым она подвергает этих несчастных женщин. Не говоря уже о том, что чрезвычайно часто и сам приказывал жестоко сечь Юлию и Цесилию в своем присутствии. В последнее время он велел наказывать их особой длинной плетью. Наказания такой плетью боялись самые отчаянные мужчины. В первый раз, когда несчастные узнали, что их ожидает такое наказание, обе стали безумно кричать и умолять Метелиуса... Они имели понятие о той боли, которую приходится испытывать при обыкновенных наказаниях розгами или ременной плетью, даже очень строгой, но они знали, что страдания от длинной плети в несколько раз мучительнее.

Этот инструмент употреблялся для наказания азиатскими царьками, и римские чиновники заимствовали его от них. Длинная плеть была изобретена специально для наказания рабов за наиболее страшные проступки. Она состояла из толстой рукоятки с одним хвостом, длиною в шесть или семь футов, из полос коровьей кожи, склеенных так, чтобы получилась лента толщиной в палец. Предварительно такая лента делалась очень мягкой, благодаря этому она при ударе плотно прилегала к коже, а ее чрезвычайная гибкость даже препятствовала поранению тела при наказании. Длинная плеть причиняла

наказываемой женщине невероятные страдания, благодаря своей длине и толщине. Хвост охватывал все тело, и после удара получалось впечатление, как от ужасного и продолжительного ожога; испытываемая боль была несравненно сильнее, чем от удара обыкновенной плетью. После нескольких ударов такую плетью тело наказываемой становилось столь чувствительным, что прикосновение к коже пальцем вызывало страшную боль. Несмотря на это, если экзекуторы были опытные, то кровь не появлялась даже после очень значительного числа ударов, хотя наказываемая испытывала адские мучения.

Обеим женщинам не удалось упросить Метелиуса избавить их от подобного жестокого истязания. Напротив, он, по совету Калисты, согласился усилить и без того страшно жестокое истязание обжиганием кожи перед наказанием длинной плетью и поркой на деревянной кобыле веревочной плетью погонщиков.

Для наказания длинной плетью обеих женщин совершенно раздели и в стоячем положении, со связанными и поднятыми вверх руками, привязали к веревке, спускавшейся с потолка, а ноги их были также связаны и притянуты к полу. Таким образом тело было доступно для плети со всех сторон, и от пяток до шеи не было места, по которому палач не мог бы сечь.

Но перед этим их подвергли прижиганию раскаленным железом. По очереди к обеим женщинам подходит Калиста и, взяв раскаленный железный прут, начинает им водить по коже, начиная с груди. Потом негры поворачивают женщин, и она водит таким же прутком по ягодицам, которые спазматически сжимаются и открываются от прикосновения прута. Калиста постоянно меняет пруты, чтобы они были хорошо накалины, водит она по телу слегка, кожа, остается нетронутой, обжигается только наружная поверхность. Но дикие крики и конвульсивные движения несчастных женщин лучше всего говорят, какие нестерпимые мучения им приходится испытывать...

Наконец прижигание кончено, и, по знаку Метелиуса, обеих женщин начинают сечь длинной плетью. Боль так сильна, что захватывает дух у наказываемых, и секунду они молчат и затем выпускают дикий, нечеловеческий крик, одновременно тела их начинают корчиться в конвульсиях.

Крики утихают, как только плеть отнимается от тела, чтобы с новым ударом раздаваться еще сильнее. Истязаемые женщины отчаянно бьются, как бы желая избавиться от объятий плети. Они кричат с безумными глазами и пеной во рту.

Цесилия откинулась назад и издает жалобные, дикие вопли. Страдание вдвое сильнее оттого, что плеть ложится по обожженным местам.

Метелиус с горящими глазами следит за истязанием. Наконец, по его приказанию, обеих женщин отвязывают и дают несколько минут отдохнуть. Несчастные, все исполосованные рубцами, катаются по полу от боли. В это время негры приносят две деревянные кобылы. По знаку хозяина обеих женщин привязывают на кобылах и по только что исеченному телу начинают сечь веревочной плетью погонщиков. Женщины кричат от страшной боли... Еще несколько ударов и кровь польется, но господин желает сохранить их для новых истязаний и приказывает прекратить наказание и отвести женщин в их комнату.

Мы не будем перечислять всех последующих истязаний, которым Метелиус подвергал обеих женщин. Его звезда на политическом небосклоне блистала все ярче и ярче. Он был выбран на очень важную должность. В восторге от своей победы, он подверг Юлию и Цесилию ужасному наказанию плетью, - причем в этот раз разрешил сечь до крови. Калиста же добилась права наказывать их не только розгами, но и плетью.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАКАЗАНИИ ЖЕНЩИН

Трудно теперь воссоздать в воображении облик Парижа в средние века. Со своими домиками, похожими скорее на голубятни, маленькими лавчонками в подвалах, железными барьерами на улицах, отделявшими школьный квартал, готическими окнами Парижского собора Богоматери и набережными Сены, почти ежедневно заливаемыми водой, Париж представлял любопытное зрелище.

В грязных переулочках, которые были, однако, главными артериями города, с самого

раннего утра и до поздней ночи постоянно толпилась масса празднующихся. Это была забавная, веселая, шумная, настоящая французская толпа.

Ежеминутно сцены менялись. Вот подьячие столпились около клиента, и каждый старается затащить его к себе под смех окружающих их зубоскалов. Далее из-под ворот одного дома выскочил толстяк и с палкой в руках гоняется за стаей гогочущих и удирающих от него школьников.

Наемные солдаты, от которых на целую версту несет водкой, строят куры служанкам со здоровенными ручищами...

Это - Париж в царствование доброго короля Франсуа Первого.

Праздношатающиеся ищут даровых зрелищ, в которых нет недостатка.

В то время частенько можно было видеть уличных мальчишек, бегущих к уличному перекрестку, за ними мчались сломя голову мужчины и женщины, толкая друг друга, награждая бранью; все спешили, теснились, поднимались на цыпочки, чтобы лучше видеть.

Вдали одной из улиц слышался шум, мало-помалу приближавшийся... Достигнув маленькой площади, мальчишки разражались громким хохотом. Все они жестикулировали, кричали, свистали.

За этими нарушителями тишины и спокойствия показывался осел, меланхолически тащивший деревянную тележку.

Осла вел под уздцы один из помощников парижского палача; отряд городских окружал экипаж и старался отеснить от него наседавшую толпу.

Со всех сторон из толпы неслись смех, крики, свист...

- У, У, У!

Осел подвигался медленно, тележка качалась во все стороны. Наконец все могли видеть интересовавший предмет.

Это была совсем еще молодая женщина со связанными руками, привязанная к тележке.

Одетая в рубашку, из которой выглядывали ее груди, и скверную юбку, с распущенными волосами, вся задыхающаяся, она безумными глазами смотрела на толпу, подобно бедному загнанному зверьку.

Наконец кортеж останавливался среди маленькой площади, и судебный пристав деревянным голосом прочитывал, что "женщина, признанная виновной в нарушении полицейского запрещения проституткам входить в школьный квартал, была по указу короля приговорена к публичному наказанию розгами на всех площадях того квартала, где она проживала".

Пристав складывал, по прочтении, приговор. Помощник палач передавал поводья одному из городских, а сам подходил к несчастной, которая с безумным взором старалась освободить руки и прижималась спиной к тележке.

Но это продолжалось недолго, палач грубо поворачивал ее и, надавливая ей рукой на шею, заставлял ее нагнуться и подставить спину для наказания.

Одновременно другой рукой он поднимал у нее юбку вместе с рубашкой.

Среди толпы раздавался гомерический смех; свист оглушал преступницу, и без того обезумевшую.

По обнаженным перед глазами толпы ягодицам палач начинал сечь розгами. Удары наносились страшно сильно, но медленно; розги рассекали полушария крупа, напрасно силившегося уклониться от них.

Дав двенадцать ударов, после которых круп и юбка покрывались кровью, палач опускал юбку с сорочкой, и несчастная вновь продолжала свою печальную прогулку до следующей площади, где ее снова секли с тем же церемониалом.

Иногда женщину сажали верхом на осла, повернув лицом к заду животного.

Она совершала триумфальную прогулку, которая прерывалась каждые четверть часа вышеописанной церемонией. Ей поднимали сорочку и по обнаженному задку секли розгами.

Обыкновенно только проститутки подвергались такому наказанию.

В их ремесле трудно избежать, чтобы не нарушить какое-нибудь полицейское

запрещение, а потому не проходило недели, чтобы та или другая из них не подвергалась такому позорному наказанию розгами.

Но такое унижительное наказание выпадало только на долю проституток низшего разряда. Дамы полусвета всегда умели подкупать полицию, и не было примера, чтобы какая-либо из них была публично наказана розгами.

Однако если в те времена публичное телесное наказание составляло привилегию проституток низшего разряда, то келейному наказанию розгами или плеткой подвергали положительно всех женщин, начиная от дам из буржуазии и кончая самой знатной дамой; все зависело от каприза короля.

Особенно наказывали часто розгами или плетью женщин, обвиняемых в колдовстве.

Так, современный хроникер Жан де Клай рассказывает, как одна молодая девушка - Анна Курсель - была заподозрена в колдовстве, в котором, впрочем, она не признавала себя виновной. Тогда судьи постановили, пишет в своей хронике Клай, "подвергнуть девицу Анну Курсель наказанию розгами по усмотрению епископа через палача, с единственной целью вынудить ее сознаться в гнусном сношении с Антихристом... Палач взял Курсель, которая ревела и брыкалась, как бесноватая, раздел, как раздевают провинившихся школьниц учительницы. Он сек бедную девушку по обнаженным ягодицам так сильно, что она вся корчилась от боли, но все-таки не сознавалась в своей вине. Епископ велел прекратить наказание бедной девушки, найдя обвинение не вполне доказанным, если она, несмотря на жестокое наказание розгами, продолжает уверять в своей невинности".

Мы не можем удержаться, чтобы не привести рассказ Берольда де Вервиля про существовавший в те времена обычай среди венецианских дам выражать свой любовный восторг испусканием духов, которые являются, обыкновенно, последствием спокойного пищеварения.

Он рассказывает, как одна из знаменитых куртизанок Венеции, красавица Империя, как ее все величали, когда солдаты Людовика XII наводнили Италию, привела к себе одного французского дворянина, прельстившегося ее красотой. Влюбленные вскоре удалились под сень алькова. Во время общих восторгов Империя не захотела отступить от существовавшего среди венецианских куртизанок обычая, который заключался в том, что они между щеками ягодиц помещали капсулу, наполненную какими-либо духами. Капсулы были со всевозможными духами.

В подходящий момент женщина раздавливала капсулу, отчего получался звук, и по комнате распространялся приятный запах. Француз не знал об этом обычае, а потому, когда раздался звук, то он приписал его невежливости дамы, и собирался ее слегка пожурить, когда распространившийся над кроватью запах приятно защекотал его обоняние.

Пораженный этим, он задал вопрос кокетке, которая, манерничая, объяснила ему, что все это очень натурально.

"Я знаю, - возразил дворянин, - что мои соотечественницы издают подобный же звук, но запах вместо того, чтобы быть приятным, до невозможности отвратителен".

Империя тогда разъяснила ему, что эта особенность венецианских дам происходит от того, что они употребляют чрезвычайно ароматичную пищу, и так же как травы пропитываются ароматом духов, так и пищеварительные выдыхания итальянских дам проникаются ароматом их тонких кушаний.

Они продолжали еще развлекаться; красавица Империя каждый раз испускала какой-нибудь новый нежный запах, который приятно ласкал обоняние дворянина.

Но затем произошло, что молодая женщина, двигаясь, забылась и испустила уже естественный звук.

Дворянин, думая поймать в этот раз какую-нибудь еще более редкую эссенцию, поспешно сунул голову под простыню и почувствовал вполне натуральный запах, вовсе не напоминавший предыдущие духи.

"Ах! - сударыня, что же это вы сделали?"

Прелестная венецианка, заливаясь от смеха, отвечала: "Это простая любезность с моей

стороны, - я хотела напомнить вам ваших соотечественниц!"

Известно, что госпожа Ментенон, раньше, чем попасть в фаворитки короля, была учительницей и довольно часто и строго наказывала детей розгами.

Мы уже в первом томе сказали, что в те времена во всех мужских и женских училищах и даже в университете наказывали розгами или плетью учеников до двадцатилетнего возраста, а учениц до пятнадцатилетнего.

Известно, что очаровательная Элоиза, кроткая и послушная, имела попечителем старого монаха, который задумал дать ей выходящее из ряда вон образование и пригласил для этого знаменитого молодого философа Абеляра.

В начале все шло хорошо; под наблюдением добродушного монаха Элоиза склоняла слова: роза и господин.

Несмотря на все свое желание угодить учителю и попечителю случалось, что бедняжка смешивала или забывала довольно сложные правила синтаксиса.

Тогда ее попечитель, который был сыном своего времени и поклонником телесных наказаний школьников и школьниц, немедленно говорил учителю:

"Высеките ее розгами, если у нее тупая голова. Порите ее чаще, как пороли вас самих, только таким способом вы сделаете ее ученой!" Все это было настолько в нравах и обычаях, что учитель не находил ничего шокирующего в том, что молодой еще мужчина будет обнажать взрослую девушку и сечь ее розгами.

Абеляр, которого, конечно, в школе секли бесчисленное число раз, не замедлил придержаться того же принципа. В один прекрасный день, когда молодая девушка не приготовила урока, он взял ее за талию, и всю дрожащую от волнения, положил на колена, спустил ей панталоны и, взяв из рук попечителя пучок березовых розог, высек ее. Элоиза, вся в слезах скорее от стыда, чем от боли, когда Абеляр окончил экзекуцию, вскочила и убежала к себе в комнату.

Конечно, во время одной из подобных экзекуций Элоиза стала возлюбленной Абеляра, и влюбленные долгое время наслаждались медовым месяцем.

Иногда монах находил учителя слишком слабо наказывающим и напоминал о его долге:

- Порите ее сильнее, вы увидите, что она будет прилежнее заниматься!

Элоиза скромно, с опущенными вниз глазами, сама поднимала юбки и ложилась под розги.

Плутовка, конечно, внутренне смеялась, зная отлично, что за ничтожную боль она будет с лихвой вознаграждена возбужденным созерцанием ее тайных прелестей поклонником, как только уйдет попечитель.

Как это бывает постоянно, влюбленные были пойманы. Абеляр был изуродован самым гнусным образом и принужден был удалиться в монастырь.

Известно, что Маргарита Валуа в молодости неоднократно была наказываема розгами. Впоследствии она сделалась большой любительницей телесных наказаний, как подробно сообщает об этом в своих мемуарах состоявший при ее особе генерал д'Анкр {Выдержки из мемуаров относительно телесных наказаний, которым подвергала Маргарита Валуа, напечатаны полностью в главе "Странная страсть". - Физиология брака. Д-ра медиц. Дебэ. Естественная и медицин, история мужчины и женщины с сам. ин-тересн. подробностями. Гигиена брака. Бесплодие. - Бессилие. - Онанизм. Половое извращение. Болезни половых органов, средства для их излечения и проч. Полный перевод с 202-го издания, с многочисленными дополнениями. Д-ра медиц. А. 3-го. Эта книга для студен, и юристов. Подробное объявление о содержании высылается бесплатно 464 стран, убористой печати. Цена 1 р. 50 к., в перепл. 1 р. 90 к. На веленовой бум. 1 р. 80 к., в перепл. 2 р. 20 к. За пересылку одного экзмп. платится 30 к., а за наложенный платеж 15 к. В той же главе, а также в главе "Мазохизм и садизм" есть много подробностей относительно сечения.}.

Петр Детоаль приводит имена многих гугенотских дам, высеченных солдатами в Варфоломеевскую ночь. Тут нет ничего удивительного, так как всегда возмущения

сопровожаются сечением женщин, - в это время страсти разнузываются.

Королева Екатерина Медичи была одна из самых страстных поклонниц телесного наказания женщин. Она даже злоупотребляла подобными наказаниями в отношении своих фрейлин. Екатерина Медичи нередко снисходила до того, что собственноручно секла провинившихся фрейлин.

В сформированный ею в качестве почетной свиты летучий батальон принимались только совсем молоденькие девицы, не старше 23 лет. По уставу они не имели права носить панталон, чтобы их можно было скорее подвергнуть телесному наказанию.

Девушка де Лимель из этого батальона нарисовала на Екатерину карикатуру, которая попала в руки королевы.

Екатерина велела позвать де Лимель в свою приемную. Две горничные поставили ее на колени и привязали на стуле, предназначенном для молитв. Затем обнажили молодую женщину и, вооружившись каждая пучком розог, высекли страшно жестоко.

Во времена мадам Помпадур если и наказывают розгами придворных дам, то слегка - за излишнее кокетство. В женских тюрьмах по-прежнему секут с беспощадной строгостью.

Накануне Революции, которая была апофеозом флеллягии, женщин секут публично на городских площадях.

Фаворитка Людовика XV Дюбарри имела подругой молоденькую и очень хорошенькую маркизу де Розен. Розовая, беленькая маркиза походила на хорошенькую фигурку из саксонского фарфора. Среди массы сплетен, которые обыкновенно распускают подруги одна про другую, была одна сплетня, распущенная Розен про Дюбарри, которая особенно больно задела всесильную фаворитку. Вся в слезах она отправилась жаловаться на маркизу королю.

Добродушный король успокоил фаворитку словами: "Ба! Она совсем ребенок, заслуживающий розог! Вот и все, не стоит волноваться!"

Дюбарри решила воспользоваться словами короля и составила довольно коварный план.

Однажды Дюбарри послала горничную к маркизе попросить ее немедленно приехать к ней, так как ей нужно было сообщить очень интересную новость.

Де Розен, ничего не подозревая, вошла в будуар красавицы-фаворитки и отдала ей глубокий поклон. Не успела маркиза поднять голову, как на нее набросились горничные, повалили, раздели и, по приказанию Дюбарри, высекли розгами до крови. После наказания, поправив свой костюм, бедняжка поспешила уехать. Впрочем, вскоре обе подруги примирились.

Всем известна история с колье Марии-Антуанетты: невинная девушка Валуа была приговорена судом к публичному наказанию розгами. Это наказание особенно замечательно тем, что в то время, во Франции по крайней мере, публично не наказывали телесно женщин.

Для девушки Валуа было сделано исключение. Для парижан предстояло довольно пикантное зрелище, так как Валуа была очень хорошенькая.

Мишле порицает этот приговор суда, оскорбивший общественную стыдливость. Он так описывает экзекуцию:

"Валуа узнала, что приговор, присуждавший ее к публичному наказанию розгами, был утвержден королем, и что последний, ради стыдливого милосердия, повелел наказывать ее рано утром.

Благодаря этому, Валуа секли в присутствии только тряпичников, собирателей всевозможных нечистот, бездомных и сутенеров, которыми кишели улицы Парижа в такое раннее время... По-видимому, нашли, что наказание в присутствии такого милого общества будет менее унижительным.

Когда Валуа, бледную как смерть, привезли к эшафоту и палачи стали раздевать ее, так как по приговору суда она должна была быть наказываема обнаженной, то из чувства стыдливости девушка начала сопротивляться, биться, кусать и царапать палачей...

Ее все-таки, говорит Мишле, довольно скоро раздели и сняли сорочку, оставив белые

вышитые чулки... Затем ее силой наклонили, чтобы заставить принять положение, удобное для наказывания...

Утренний туман еще не вполне рассеялся, и зрители с трудом могли наблюдать все подробности наказания.

Дикий крик раздался, когда палач стал выжигать на плече Валуа клеймо белых лилий...

Затем несчастную стали сечь розгами.

Помощник палача сек в то время, как два других держали ее.

Вскоре все нежное тело покрылось кровью, струившейся, из рубцов. Начиная от шеи и до самых икр все тело несчастной представляло окровавленное мясо без кожи.

Почти в бессознательном состоянии на нее надели рубашку и юбку.

Бледная, как смерть, с искривленными губами, дрожащим подбородком, она не могла даже плакать.

Этот последний поступок короля Людовика XVI не принес счастья ни ему самому, ни его семье.

В католической Европе в средние века, начиная с V и VI веков, духовные власти присвоили себе право судить лиц всех классов общества и приговаривать к телесному наказанию виновных. Подобное злоупотребление сперва началось в восточных монастырях и пустынных местах, откуда телесные наказания вошли в статуты решительно всех мужских и женских монастырей.

Вскоре епископы присвоили себе права, подобно аббатам и приорам, наказывать монахов или монахинь розгами или плетью. Мало того, даже миряне под видом эпитимии могли быть наказываемы розгами по приказанию епископа или его заместителя или даже просто духовника, причем кающийся или кающаяся обязаны были сами принести розги.

Монахи, священники и дьяконы были избавлены от телесного наказания; но были исключения из этого правила: так, монах Годескаль был с большим церемониалом наказан розгами в присутствии короля Карла Лысого; епископ Отжер, живший в X веке, был высечен по повелению папы Иоанна XII.

В то время даже государи подвергались суду епископов, пап или их легатов, и когда они не соглашались подвергнуться торжественно телесному наказанию, то теряли престол. Так, Раймонд VI, граф Тулузский, был, с его согласия, подвергнут, как подозреваемый в ереси, жестокому наказанию розгами на пороге церкви Сент-Жиль по приказанию папского легата Милона.

Генрих II английский подвергся такому же наказанию.

Людовик VIII за неисполнение приказаний папы был присужден явиться босым к ступеням собора Богоматери в Париже, чтобы быть наказанным там розгами.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ КАК СТРАСТЬ. ЕСТЬ ЛИ ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ ЖЕНСКИЙ ПОРОК?

Среди многочисленных трудов относительно флагелляции нет ни одного серьезного сочинения, трактующего относительно причин, способствующих возникновению и развитию этого порока; нигде не найти указания на физиологические или психологические причины. Говорят, что субъекты, подверженные этой странной мании, существа ненормальные, сумасшедшие или даже идиоты, а затем ограничиваются тем, что рассказывают факты, описывают сцены, приводят анекдоты, более или менее невероятные, где мы видим активных и пассивных флагелляторов испытывающими более или менее сильное наслаждение.

Насколько нам известно, никто еще не объяснил, почему существует громадное число людей, одаренных умом выше среднего, которые испытывают особенное удовольствие, приводящее их к высшему наслаждению, когда они выступают в роли активных или пассивных флагелляторов.

Нужно ли флагелляцию причислить к разряду половых, извращений? В дальнейшем изложении мы объясним и постараемся доказать, что флагелляция пассивная, если и ценится мужчинами как возбудитель полового сладострастия, то она также очень часто доставляет подвергаемому сечению страстное наслаждение, которое не заменить ничем другим.

Мы объясним также, почему флагелляция может рассматриваться как порок по преимуществу мужской, мы покажем, что испытывают активные и пассивные флагелляторши, каковы причины, побуждающие их стать, так сказать, виртуозками плети или розог, а также укажем и на существующую в этом отношении разницу между мужчиной и женщиной.

Как это ни может показаться странным человеку нравственно здоровому, флагелляция является для некоторых индивидумов источником достижения самых сильных наслаждений, иногда с успехом заменяющим для них натуральные половые акты.

Во все времена флагелляция считалась средством для возбуждения полового сладострастия и имела многочисленных горячих поклонников. В истории религий флагелляция играет довольно важную роль и употребляется христианскими монахами, персидскими дервишами, индусскими фанатиками постоянно с целью вызвать восторги, которые тесно связаны с теми, которые доставляют нам половые органы в минуту наивысшего сладострастия.

Жан-Жак Руссо является знаменитым флагеллятором, известным в истории, и не потому, что он был единственным таким, а только потому, что он был почти единственным, кто имел мужество сознаться в своем пороке и с мельчайшими подробностями его описать.

Все те, кто читал "Исповедь" женеvского философа, конечно, помнят любопытные страницы, где он повествует, как испытывал величайшее наслаждение, когда его секла учительница.

Это наказание впервые дало ему испытать сладострастное чувство.

Он ровно ничего не знал о половых отношениях, и любовь представилась ребенку в образе женщины, наказывающей розгами.

Задняя часть тела, ляжки являлись в глазах его инструментами любви, источником неслыханных наслаждений.

Он рассказывает, что, преследуемый чисто сладострастными мечтами, он отправлялся на пустынные улицы или в глухие переулки, где под предлогом удовлетворений естественной нужды устраивался так, чтобы показать проходящим девушкам и женщинам свои обнаженные ягодичи. Уже один ужас и негодование женщин доставляли ему очень сильное наслаждение. Он трепетал от восторга при мысли, что одна из женщин в конце концов настолько рассердится, что схватит и высечет его, чего он страстно желал.

В продолжение всей своей последующей жизни к половому акту он относился почти с полным равнодушием и даже не в состоянии был его выполнить, - если тот не сопровождался сечением.

Последователей Руссо было и есть громадное число, но обыкновенно они тщательно скрывают свою страсть, а если иногда и открывают, то только тогда, когда вполне убеждены, что напали на поклонника той же доктрины.

Задавшись теперь целью всестороннего и беспристрастного изучения, мы должны в самом начале нашего труда вполне определенно установить физиологические законы, которыми управляется страсть к флагелляции, чтобы о самой флагелляции читатель мог вывести вполне определенное понятие.

Порок этот имеет корнем не только нравственные, но и физические причины.

Флагеллянта не следует считать больным, хотя очевидно, что за эту страсть нельзя его причислить и к субъектам вполне нормальным.

У флагеллянта половые отправления всегда частично поражены по весьма различным причинам. Обыкновенный половой акт его не возбуждает, иногда от природы, иногда как следствие расстроенного здоровья от малокровия, болезней, физических или умственных излишеств.

В нормальном состоянии флагеллянт обыкновенно натура холодная. Он становится страстным и похотливым, как только находит благоприятную почву для удовлетворения своей страсти.

Часто также он робкое существо, у которого унижение, - подчиненность вызывают

радость и даже возбуждение от того чувства полной покорности, которое он питает к особе, его угнетающей.

У женщины любовь к пассивной флагаелляции является, в сущности, только преувеличением ее природного инстинкта и вполне отвечает той роли, которая ей назначена в половом акте.

Флагаелляция по ягодицам, внутренним частям ляжек и даже по половым органам вызывает сильный прилив крови к половым органам. Нетрудно понять, что это доставляет ощущения и наслаждения вполне сходные с испытываемыми от естественного прилива крови при половом возбуждении.

Иногда воображение в течение целого ряда лет рисует известную картину унижения. Так, один образованный господин в течение многих лет рисовал в своем изображении картину, что та или другая знакомая дама за измену или дерзость жестоко наказывает его розгами, причем наказывает иногда не сама, а поручает прислуге, непременно женской, но очень сильной, нередко в присутствии той дамы, с которой он изменил или в присутствии которой оскорбил. Курьезно, что воображение должно было рисовать непременно наказание розгами, а не другим орудием, и еще требовалось несколько таких же мелких подробностей. Как только вызванная воображением картина приводила его в сладострастное возбуждение, а одновременно более или менее сильное напряжение члена, он ложился на живот и, подражая нормальному совокуплению, онанировал. Об этом читатель найдет подробнее в сочинении д-ра Дэбе "Физиология брака" (в переводе д-ра мед. А. 3-го). Впрочем, необходимо отличать настоящего флагаеллянта от садиста или мазохиста.

Садизм есть стремление причинить другому лицу боль, заставить его страдать; мазохизм есть желание самому страдать и в этом страдании находить наслаждение.

Садист - больной человек, ничем не отличающийся от дикого животного. Правда, он удовлетворяет свою страсть флагаелляцией, но это за недостатком лучшего, потому что он не решается дойти до крайних границ из боязни угодить на каторгу. Подвергая сечению, он постоянно проявляет варварскую жестокость, которой вовсе не ищет настоящий флагаеллянт.

Садист испытывает сладострастное ощущение при виде страданий своей жертвы, и для того, чтобы наслаждение его было полным, ему необходимо, чтобы ужас и мучения, испытываемые его жертвой, отнюдь не доставляли ей самой ни малейшего наслаждения. Сам он не желает подвергаться подобному же обращению и, испытав боль, тотчас же отрезвляется, если только его садизм не соединяется с мазохизмом. Но в таком случае он ищет особенно жестоких для себя мучений, иногда чрезвычайно опасных по своим последствиям. Бывали случаи, что подобные смешанные мазохисты уродовали себя.

Флагаеллянт становится иногда садистом, если от частого употребления флагаелляция теряет свою остроту, и ему для получения наслаждения поневоле приходится переходить к более жестокому мучению своей жертвы, но, обыкновенно, он все-таки сохраняет известную умеренность и к предмету своего обожания испытывает чувство любви и удивления, которых никогда не знает садист.

Флагаеллянт есть в то же время фетишист, он боготворит ягодицы, по которым наносит удары, являющиеся как бы данью его обожания.

Он обожает руки и ноги, которые его толкают и бьют. Но чтобы он испытывал вполне наслаждение, он не должен причинять своему партнеру действительных мучений и сам испытывать настоящих страданий.

Кроме того, необходимо, чтобы получаемые удары ложились на известные части тела, которые меняются в зависимости от субъектов и пола. Чаще всего излюбленными местами для нанесения ударов, вызывающих сладострастное чувство, являются ягодицы.

Некоторые мужчины испытывают невероятное наслаждение, когда ласкают у них части, смежные с заднепроходным отверстием (анусом).

Многие женщины обожают слабую флагаелляцию по их половым органам, так же как трение их груди (более подробные сведения об этом можно найти в сочинении профессора Ролледера "Онанизм" {Онанизм. Проф. Ролледера. Причины. Виды онанизма. Онанизм у лиц

разных возрастов. Последствия. Предупреждение. Лечение. Первое подробное исследование порока. Полный (без цензуры) перевод д-ра Б. Шехтера. "Книга Ролледера как первое переводное сочинение в России, написанное вполне научно и не рассчитанное на низменные инстинкты любителей порнографии, может оказать существенные услуги родителям и воспитателям в борьбе со злом раннего детства". (Отзыв "Ежен. журн. Практич. Медицина"). Изд. 2, 320 стр. 2 р., в пер. 2 р. 40 к.}). Случается, что у поклонниц подобной флагелляции от злоупотребления ею опасно заболевают груди.

Удары, наносимые по плечам, рукам, икрам и животу, всегда неприятны и не доставляют удовольствия любителям флагелляции.

Некоторые любят получать пощечины. Но испытываемое ими удовольствие чисто мысленное. Они наслаждаются стыдом, испытываемым при подобном оскорблении, а не физическим ощущением от пощечины. Необходимое почти условие для полного удовлетворения пассивного флагеллятора является - чтобы флагелляция была вызвана действительным или мнимым гневом наказывающего.

Идеал пассивного флагеллянта - быть наказанным телесно от чистого сердца лицом, не знающим или не обращающим внимания на то, что наказание доставляет наказываемому наслаждение. Но это случается очень редко, и обыкновенно ему приходится довольствоваться только подобием, в остальном ему должно придти на помощь воображение, всегда у таких субъектов весьма развитое.

У людей очень сладострастных предварительные прикосновения к телу перед сечением удваивают удовольствие от последующих ударов, и нормальное совокупление или нечто подобное следует за этими приготовительными церемониями.

У флагеллянта, страсть которого подходит к области патологической, наслаждения, испытываемые им в то время, когда он сечет или его секут, вызывают истечение семени без полового совокупления.

Является ли флагелляция женским пороком?

На этот вопрос можно смело ответить отрицательно. Нет, флагелляция есть главным образом мужской порок.

Но, если большинство женщин не подвержено этому пороку, тем не менее, между ними есть горячие поклонницы флагелляции.

Бесспорно, что женщина гораздо более склонна к садизму, чем к чистой флагелляции, а ее мазохизм, если только она им заражена, редко бывает таким откровенным, как у мужчины.

Конечно, флагеллянтша довольно легко найдет женщин, которые согласятся в угоду ей переносить удары, делая при этом вид, что испытывают наслаждение, или разыгрывая какую-либо другую комедию по ее желанию.

Но тут только простая угодливость из-за материального интереса.

Женщина, которая действительно любит играть пассивную роль и испытывает сладострастие от жгучих ударов, встречается редко.

Флагеллянт должен считать себя счастливым, если ему удастся напасть на вполне искреннюю подругу его сладострастных развлечений.

Женщина гораздо более мужчины чувствительна к побоям, почему среди них и мало последовательниц пассивной флагелляции. Ее нервные впечатления бесконечно острее, чем у мужчины.

Кроме того, половое возбуждение у нее вызывается и удовлетворяется легче, чем у мужчины, не нуждаясь для этого в сложных ухищрениях.

Не следует забывать глубокую разницу, существующую между сладострастием мужчины и женщины.

У женщины любовная похоть или постоянна, или отсутствует вовсе. Никакими способами нельзя вызвать сладострастного чувства у женщины, которую природа наделила холодным темпераментом. С другой стороны, нет ничего легче возбудить похотливое чувство у женщины, от природы страстной.

У мужчины похотливое желание бывает даже при случайной или естественной импотенции.

Но у мужчины, даже очень сильного в половом отношении, половая сила пробуждается только вследствие более или менее сложных нравственных и физических процессов.

Мужчина, преждевременно истощенный или ослабевший, почти всегда старается возбудить утерянную половую силу и испытать сладострастные наслаждения. Он ищет всевозможные средства оживить заснувшие чувства, чтобы испытать ускользающие наслаждения или чтобы создать эквивалентные им, когда получаемые им наслаждения от нормального полового акта являются недостаточными.

Найти искреннего флагеллянта активного несравненно легче, чем пассивного. Но, как мы выше сказали, женщина все-таки чаще склонна к первому.

Тогда как флагеллянт получает наслаждение от умеренной флагелляции своей жертвы, флагеллянтша питает к ней злобное чувство, иногда доходящее до бешенства. Если она и сечет умеренно, то это по совершенно другим соображениям, независимым от ее воли. Флагеллянт, когда бьет, то ласкает; флагеллянтша же как будто мстит за тайные оскорбления.

Любительница пассивной флагелляции, испытывающая под ударами розог, руками или плетью настоящее наслаждение, обыкновенно получала мужское воспитание. Иногда это еще происходит от анемии, благодаря которой кожа делается почти нечувствительной к побоям.

Активная флагеллянтша действует главным образом под влиянием ума; ей доставляет удовольствие проявить свою власть над мужчиной или более слабой своей же сестрой. Наказывая их розгами или рукой, она испытывает невыразимое наслаждение от их страданий и унижения.

Активная флагеллянтша очень редко желает сокоупления, и половой оргазм происходит у нее во время экзекуции без всякой помощи соблазнительных прикосновений или мужского члена. Если произвести в это время исследование ее половых органов, то всегда можно будет найти те же самые выделения, которые появляются при нормальном соитии.

Впрочем это не есть общее правило. Наоборот, у некоторых женщин флагелляция является средством, возбуждающим к половому акту, которому они предаются с большей охотой и от которого испытывают несравненно большее наслаждение, если предварительно возбудили себя наказыванием своего возлюбленного.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ В МОНАСТЫРЯХ. МИСТИЧЕСКАЯ ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ

{Сочинение это - переводное, а потому везде идет речь о католических монастырях.}

Флагелляция существовала постоянно и существует даже до сих пор в монастырях мужских и женских. Конечно, чаще всего она применяется не как действительное наказание, а как средство для удовлетворения наклонностей к флагелляции монахинь, подвергающих ей своих сотоварок или детей, воспитание которых доверено им.

Напрасно было бы искать флагелляцию в пансионах, где обучаются дети состоятельных родителей, находящихся в постоянных сношениях с ними и могущих всегда уведомить о жестоком с ними обращении. Но в конгрегациях, которые призывают детей бедняков, сирот и брошенных детей, более или менее выраженная наклонность монахинь к садизму и неудовлетворенность вследствие полового воздержания удовлетворяются в широкой степени при помощи флагелляции, применяемой ими под видом наказания якобы за непослушание или лень.

Таких учреждений, где монахини удовлетворяют свою страсть, подвергая учеников и учениц наказанию розгами или плетью, очень много.

Непослушная или провинившаяся девочка выслушивает строгую нотацию; затем ей велят сделать что-нибудь в присутствии ее подруг с целью унижить ее. Например, она должна стать на колени, поцеловать ноги игуменьи или монахини-воспитательницы, делать земные поклоны и т. п.

Иногда после этого ее наказывают еще телесно, публично или келейно. Наиболее употребительный способ наказания, который обыкновенно доставляет большое наслаждение флагеллянтше, в том, что, поднявши юбки у виновной и поставив ее на четвереньки, наказывающая садится на нее верхом и крепко сжимает коленами ее тело, имея перед собою заднюю часть ребенка. После этого, спустивши панталончики и подняв рубашку, начинает сечь по обнаженным частям тела розгами, руками, плетью или просто пучком веревок.

Иногда сильное сопротивление наказываемой и желание освободиться, хотя бы при помощи царапания и кусания своей мучительницы, вынуждают ее прибегнуть к другим способам.

В таком случае в монастырях чаще всего кладут виновную на стол на четырех ножках так, чтобы живот ее лежал на столе, а ноги можно было бы привязать к концам ножек стола; при помощи длинных веревок кисти рук привязываются к противоположным ножкам стола.

Затем обнажают тело и наказывают; при этом наказываемая может только вздрагивать и слегка подпрыгивать, чем доставляет еще большее удовольствие наказывающей.

Флагелляция между взрослыми монахинями практикуется несколько иначе.

В монастырях, открыто развращенных, сладострастная флагелляция плетью или розгами по обнаженным ягодицам применяется постоянно и сопровождается всевозможными лесбийскими развлечениями.

В монастырях, где господствует истерия под видом искреннего религиозного чувства, флагелляция, которой собственноручно подвергает себя "святая" или которой она просит подвергнуть ее, никогда не производится по обнаженным ягодицам, но всегда по спине, плечам, и иногда по бедрам. Тут уж царство мазохизма, и внутренне - сладострастное наслаждение, испытываемое наказываемой, будет тем сильнее, чем боль будет острее.

Известно, что в первые времена христианства духовники присвоили себе право сечь кающихся грешников и грешниц, но злоупотребление подобными наказаниями вскоре достигло чудовищных размеров. Назначенное для умерщвления плоти наказание, наоборот, достигало совершенно обратных результатов, т. е. вызывало как у наказывающего, так и у наказываемого половое возбуждение.

Если ксендзам было разрешено подвергать друг друга сечению, а также наказывать подобным образом и кающихся грешников, то понятно без длинных рассуждений, что чаще удары падали на спины последних. Мы уже сказали, что флагелляция в монастырях практикуется и в настоящее время, конечно, с большей скрытостью, чем когда-то, а женщины, за редкими исключениями, наказываются только женщинами же.

Д-р Миланжен говорит, что в былые времена флагелляция в монастырях обоего пола являлась настоящим искусством.

Флагелляция была двух родов: по верхним и нижним частям тела; первая назначалась для плеч, а вторая - для ягодиц, применявшаяся обычно к женщинам, так как полагали, что первая флагелляция была для них опасна вследствие возможности поранить груди, как известно, очень чувствительные, ударами плети или розог. Этим, кроме того, думали сильнее пристыдить наказываемую.

Святые монахи испытывали большое наслаждение сечь не только тех, которые их оскорбили, но и самых верных своих последователей. Флагелляция считалась одним из самых лучших средств, чтобы умиловить святых и сделать их щедрыми на всевозможные блага. При папе Сиксте VI один профессор богословия написал целый трактат против таинства Причащения и отрицал Непорочное Зачатие. За это он был публично, к великому удовольствию дам, наказан телесно. Вот перевод с латинского протокола, который был составлен об этом памятном событии: "Отец ключарь, схватив его за талию, положил к себе на колена. После этого, подняв все его одежды, потому что он, хотя и был слуга Бога, но дерзнул восставать против таинства, установленного самим Богом, стал его сильно бить по жирным обнаженным ягодицам руками. Все присутствовавшие были в восторге от этой экзекуции. Одна набожная дама даже попросила наказывающего дать за нее четыре удара. Услышав такую, просьбу, другая дама стала просить дать и за нее тоже четыре удара. После

этого и другие дамы последовали их примеру. Таким образом, если бы отец ключарь захотел исполнить все просьбы, то ему пришлось бы наказывать бедного профессора целый день".

В XVIII веке существовала секта, последователи которой имели обыкновение собираться в плохо освещенных сараях, где секли взаимно друг друга. Во главе этой секты стояли два брата Бонжур, которые имели такое громадное влияние на женщин-последовательниц секты, что вызывали вполне законные протесты со стороны мужей, которые никак не могли понять, зачем их женам бросать семейный очаг, чтобы идти просить ксендзов подвергнуть их сечению. Женщины дошли до того, что с розгами в руках останавливали своих духовников в поле и умоляли их немедленно, тут же на месте, высечь. И вот можно было наблюдать сцену: в поле ксендз, подняв женщине юбки, наказывает ее розгами, как маленького ребенка!

Известный историк Мишле относительно религиозной флелляции говорит следующее: "Как! Даже на каторге закон запрещает бить воров, убийц и т. п. злодеев... А вы, проповедники милосердия и кротости, бьете женщин, даже молодых девушек и детей, которых, если и можно в чем упрекнуть, то только в некоторой слабости... Но самое главное, как вы производите это наказание? Кто назначает число ударов? Игуменья или игумен? Каково положение безапелляционного судьи, страстного и капризного, призванного решать споры между двумя женщинами, когда одна ему не нравится, или когда спор идет между рожей и хорошенькой, или между старухой и молоденькой!.. Бывали случаи, аббаты или аббатисы требовали и добивались того, чтобы епископ сменил духовника, который, по их мнению, не был достаточно строг. Есть громадная разница между строгостью мужчины и жестокостью женщины. Чистейшим воплощением дьявола на земле вы знаете, кто является?.. Такой-то инквизитор, или такой-то иезуит скажете вы! Нет, это иезуитка, дама из высшего света, постригшаяся в монахини и которая мнит себя рожденной для управления, которая среди дрожащего стада женщин разыгрывает Бонапарта, изоощряется в изобретении всевозможных мучений для незащищенных женщин, находясь под влиянием плохо вылеченных страстей!"

Аббат Воазенон, друг Вольтера, оставил труд, где он довольно ярко рисует, какой род набожности культивировался в тогдашних высших классах общества: "Епитимий набожной герцогини, муж которой был светский высокопоставленный человек, относившийся к ней с преступным равнодушием, происходили под наблюдением одного из друзей дома, державшегося очень строгих принципов. Чтобы изгнать грешные мысли и умертвить плоть, которая, как сказал апостол Павел, находится в постоянной борьбе с религиозным настроением, потребовалось прибегнуть к телесному наказанию. Дама, которую духовник убедил в необходимости этого для спасения ее души, подчинилась без всяких протестов. Генрих Р. был членом приходского собрания, состоявшего из ханжей, мужчин и женщин. В этом собрании толковали о проповедниках, о духовниках, о святых, память которых праздновалась в тот день, о чистилище, о последнем страшном Суде, о смерти, об аде и о многих других подобных материях. Герцогиня Конда, увидавшая его в этом собрании, пригласила его посетить ее.

Когда он явился к ней, то благородная дама сказала ему немедленно следующее: "Я рассчитываю на вашу помощь при исполнении мною епитимий. Услыхав это, он уже собирался отвечать, что ровно ничего не смыслит по части духовных епитимий, но, когда герцогиня произносила свою фразу, он увидал, что перед ним стоит молодая и хорошенькая женщина; ему жаль было, что она такая ханжа, но он восхищался ее дивными темно-синими глазами, открытым лбом и густыми бровями и превосходным цветом лица, а потому мысленно решил с ханжой быть тоже ханжой. Особенного зла тут не было, -придется только разыграть маленькую комедию; посмотрим, думал он, какая будет у нее развязка.

Герцогиня просила его войти в маленький кабинет, где он нашел ночную сорочку, кальсоны и туфли. Он взял ванну, после этого началось моление. Но рассказы о рае и его утехах производят на герцогиню потрясающее впечатление и она вскрикивает: "Ах! милостивый государь, остановитесь, я более не в силах слушать! Описание вами райских

наслаждений мне окончательно вскружило голову. Я чувствую, что теряю сознание! Не оставляйте меня, мне нужен воздух! Ради Бога, снимите у меня шейный платок, но при этом не скандализируйтесь теми ужасными вещами, которые вы увидите!"

Но, по-видимому, молодой человек проявил столько горячности, что возбудил герцогиню, и она пожелала наказать себя за это.

Р. берет плетъ, а герцогиня начинает петь псалом, но, окончив последний стих, она говорит: "Остановитесь! Это я виновница греха, я и должна быть наказана. Если за наслаждение можно заслужить проклятие, то я должна опасаться этого, так как я испытала очень сильное удовольствие. Через вас я получила удовольствие, через вас и должна понести наказание! Возьмите плетъ и накажите меня!" Сказавши это, герцогиня легла на оттоманку, приняв положение, удобное для наказания ее, и продолжала кричать: "Наказывайте меня, бейте сильнее великую грешницу!"

При виде стольких прелестей, Р. падает на колена и говорит: "Я должен несколько сосредоточиться и мысленно просить Бога, чтобы он принял благосклонно то, что я совершу сейчас".

Флагелляция состоялась, но веками доказано, что ни набожная дама, ни ее духовный наставник не достигли еще той степени совершенства, чтобы стать выше могучих требований плоти".

В большинстве католических монастырей, как показало произведенное секретно следствие, флагелляция господствует не в виде религиозного обряда, а под предлогом наказания.

Мы уже сказали выше, как она применяется. Многие монахини ударяют по обнаженным ягодицам виновной.

Другие употребляют розги из свежих березовых прутьев, от которых на коже очень скоро проявляются красные рубцы.

Некоторые, что встречается реже, наказывают гибкой палочкой, веревкой с узлами на конце или иногда пучками крапивы, от которой боль особенно сильна.

На допросе у следователя одна из монастырских воспитанниц показала следующее: "Конечно, мы все очень боялись быть наказаны телесно, особенно тяжело было ожидать предстоящего телесного наказания. Несмотря на это, втайне, одновременно со страхом мы испытывали, по крайней мере, многие из нас, - некоторое удовольствие. Мы больше любили тех сестер, которые наказывали нас чаще и при этом секли строже. Только наказание пучком крапивы внушало нам всем один страх, ибо после такого наказания боль оставалась гораздо дольше, чем приятное чувство.

Между нашими воспитанницами, - продолжает показывать та же воспитанница, - одна маленькая девочка, жалкая, худая и запуганная, лет 12-ти, была положительно мученицей, так ее часто и жестоко секли.

Она умерла 15-ти лет от менингита, который, вероятно, и развился у нее от перенесенных ею истязаний.

Главной ее мучительницей была сестра Эмма, особенная любительница суровых телесных наказаний.

Она нередко за какую-нибудь дерзость маленькой Анжель заставляла ее раздеваться совершенно догола и бегать на четвереньках по комнате кругом. Чтобы заставить бегать ее скорее, она вооружалась плетью и подхлестывала несчастного ребенка, при этом еще ругая его. Наконец, когда измученная девочка уставала и забивалась в угол, сестра начинала ее колотить по чем попало своими костлявыми руками или рукояткой плетки. После подобного истязания у ребенка всегда была на теле масса синяков и кровоподтеков. Следует, впрочем, заметить, что сестра била только по ягодицам, спине и ляжкам, избегая головы и других частей тела.

Что касается так называемой мистической флагелляции, происходившей в монастырях, она возникла благодаря отшельникам, применявшим ее с совершенно другой целью. Так, отшельник Петр спас однажды одну молодую женщину, которую хотел изнасиловать

офицер, но зато у него самого появилось такое сильное половое возбуждение, что ему пришлось запереться и подвергнуть себя жестокой флагелляции...

Но большинство монахов и духовников пользовались флагелляцией как средством для удовлетворения своей похоти. Так, испанский монах Менус убедил нескольких молодых женщин жить с ним как бы в мистическом браке, который всегда заканчивался, вопреки его обещаниям, вполне плотски.

Другие уверяли женщин, что брачные удовольствия, как и земные плоды, должны подлежать "десятичному налогу в их пользу, а сечению подвергали женщин, чтобы дать им возможность испытать небесные наслаждения.

Наконец, были еще и такие монахи и духовники, которые прибегали к флагелляции женщин, чтобы отвлечь подозрения и привести к благоприятному концу свои любовные интрижки. Чтобы победить чувство стыдливости у некоторых, они говорили, что наши прародители ходили в раю голыми, что люди при крещении тоже бывают голыми и в таком же виде будут при всеобщем воскресении. Ссылались также на текст из Священного Писания: "Ступай и покажись священникам", чтобы оправдать необходимость для кающихся быть в обнаженном виде.

В 1765 году в Лондоне появилось довольно любопытное сочинение под названием "Дорога в рай". В нем есть несколько довольно любопытных подробностей из монастырской жизни.

Так, например, один здоровенный монах, духовник в одном из женских монастырей, проповедовал, что наиболее короткий путь в рай - особое наклонение тела. Проповедуемое им положение было очень удобно для злоупотреблений со стороны монаха над кающимися женщинами.

Подобные молодцы или отцы вроде Жиара, о проделке которого с девицей Кадир мы говорили в первом томе нашего труда, были всегда самыми яркими защитниками флагелляции во всех ее видах.

Св. Терезия, бичевавшая себя по совету своего духовника, испытывала при этом невыразимые наслаждения. Аббатиса Луденского монастыря подвергала себя и своих монахинь сечению. Все они были влюблены в ксендза Грандье, который проповедовал им прелести покаяния и уверял, что в них сидит дьявол, для изгнания которого их необходимо сечь и сечь...

Многие из женщин испытывают мазохизм вместе с флагелляцией. Некоторые из них умоляют о прощении, как будто они страшно боятся ожидающего их телесного наказания, а между тем они часто желают быть подвергнуты сечению в минуту сладострастия.

Флагелляция, которой добиваются некоторые женщины, благоприятствует тому, чтобы разыгрывать роль мужчины, и обладание подругой бывает тем страстнее, чем флагелляция сильнее и продолжительнее.

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В КИТАЕ. ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У ПРОСТИТУТОК

Китай, мудрость конституции которого признается многими, представляет во многих отношениях деспотическую монархию.

Палочный режим в полном ходу в Китае. Палочное, или наказание палками, чрезвычайно часто применяется просто по словесному приказанию, и даже за такие проступки, которые следовало бы оставить на усмотрение каждого. Так, например, сын или внук, женатые, наказываются ста ударами палок, если плохо служат отцу, матери, деду и бабушке.

Нередко по распоряжению верховной власти наказываются палками очень высокопоставленные лица. Они подчиняются с полной покорностью и после наказания допускаются опять ко двору. Судьи Приказывают частенько бить палками во время самого заседания граждан и даже подчиненных им судей.

Военные, происхождением китайцы, наказываются палками, а маньчжуры плетью.

Женщины наказываются плетью или розгами. За воровство их наказывают плетью публично. У высокопоставленных лиц провинившихся женщин секут евнухи.

В Китае существуют дома терпимости с проститутками мужчинами. Китайская

женщина, как порядочная, так и проститутка, совершенно невежественна. А китаец часто обладает поэтической душой, любит искусство, философию, о которых китайка не имеет ни малейшего понятия. Вот почему китаец, если он со средствами, посещает мужских проституток высшего полета, среди которых он может встретить пассивных педерастов, получивших очень хорошее образование.

В Китае педерастия не представляет чего-нибудь особенного; ей предаются вполне свободно. Общественное мнение относится к ней вполне равнодушно и не видит в ней оскорбления общественной нравственности. Подобный род развлечения считается уделом людей богатых. Практиковать педерастию роскошь, которую могут позволить себе только люди очень состоятельные; она является дополнением всех хороших пирушек, во время которых пирующие поглощают массу возбуждающих кушаний.

Молодые пассивные педерасты с самого раннего детства воспитываются и тренируются в этих видах как в физическом отношении, так и в умственном. Большей частью они - или дети, проданные родителями их в возрасте от четырех до пяти лет, или дети, украденные лицами, специально занимающимися комплектованием мужских домов терпимости. Эти дети подвергаются особой тренировке, которая должна сделать их способными играть будущую их роль. Они отдаются в ряды проституции только в возрасте пятнадцати лет.

В начале тренировки их подвергают методическому сечению кожаными ремнями; подобное сечение, как говорят, особенно сильно развивает ягодицы, особенно, если сечение сопровождается еще массажем. Сладострастный китаец, предающийся педерастии, любит, чтобы предложенный ему пассивный сюжет обладал формами, похожими на женские. Вот почему сводник-воспитатель употребляет все средства, чтобы достигнуть этой цели. Молодые мужчины очень скоро привыкают к образу жизни, на который натолкнул их сводник. Они всегда роскошно одеваются, ездят только в экипаже, много душатся и вообще заботятся о туалете своей персоны и об ее чистоте. Они так привыкают играть женскую роль, что прекрасно подражают женской походке, манерам и голосу.

Первое полицейское постановление, которым публичным женщинам запрещалось носить некоторые предметы туалета или украшения, было издано парижским прево 8 января 1415 года. Так, им было запрещено носить на платьях украшения из золота и серебра, золотые или позолоченные пуговицы, некоторые так называемые честные меха, и это под страхом конфискации, штрафа и наказания плетью.

Известный юрист Жозе Дамудер говорит в своем сборнике "Юридическая практика": "Сводники или сводницы, соблазняющие порядочных женщин в разврат, по закону наказываются плетью, а по обычаю высылаются или подвергаются каким-либо другим наказаниям. Некая Елисавета, продавшая одну молоденькую девушку, была наказана плетью и сожжена живой, держа горящий факел в руках. Телесное наказание по приговорам епископа производилось у ступеней Парижского собора Богоматери". Подобные экзекуции служили большим развлечением для парижан. Выше мы описали одну из подобных экзекуций за то, что проститутка гуляла в школьном квартале.

При проезде осужденной собирались целые толпы народа. Публичные женщины и все развратники находили особенное удовольствие присутствовать при телесном наказании этих сводниц, которые частенько обогащались за счет своих жертв.

В Лионе, несмотря на то, что проституция была терпима, сводники и сводницы стояли вне закона. Их секли розгами или плетью, высылали и конфисковывали их имущество. Иногда сводницу, говорит де Вуглан, сажали на осла, лицом к хвосту, в соломенной шляпе и привязанной доской с надписью. После наказания плетью ее возили по городу, а потом высылали из города.

В 1347 году королева Ионна издала в Авиньоне указ, в котором был следующий параграф: "Если какая-либо девушка совершила падение и хочет продолжать так же поступать и впредь, то хранитель городских ключей или начальник городских возьмут ее за руки и торжественно, с барабанным боем отведут в дом, где живут проститутки. Ей будет

запрещено выходить из этого дома в город под страхом штрафа в первый раз, наказания плетьюми и ссылки за нарушение этого правила во второй раз".

В шестом пункте этого указа говорится: "Содержательница дома не должна допускать мужчин в страстную Пятницу, страстную Субботу и первый день Пасхи под страхом наказания плетьюми и высылки из города".

В мемуарах госпожи Генриетты де Пуасси, известной сводницы, жившей на улице Пеликан в Париже, мы находим интересное описание, как к ней нагрянула полиция по доносу, что у нее находятся женщины, не записанные в разряд проституток. Дело было во времена консульства. Вот как это описывается: "Посаженные попеременно на телегу, мы были отвезены в Большой Шатле при смехе собравшейся толпы народа; нам бросили немного соломы и принесли несколько кувшинов с негодной водой. Вот где можно было наблюдать алчность надзирателей тюрьмы, которые не замедлили воспользоваться нашим несчастьем, чтобы ежедневно брать с нас взятки. Безжалостные варвары, наше горе их мало трогало. Мало того, они нас очень часто жестоко поролли розгами за самый пустячный проступок, а то травили собаками, которые рвали в клочья наши платья.

Через два дня наступил момент, когда должна была быть решена наша участь. Нас всех привели в большое залo, доступное для всех, желающих присутствовать при разборе нашего дела. Грубость конвойных, сопровождавших нас, ничем не отличалась от грубости тюремных надзирателей. Они нас награждали пинками, били саблями плашмя по спине. По прибытии полицмейстера конвойные оттеснили толпу; он уселся в большое кресло, по левую руку его стал полицейский пристав, а по правую два городских. Нас, несчастных, грубо заставили стать на колена, в ожидании приговора. Всех нас приговорили к четырехмесячному заключению в госпитале и наказанию двадцатью ударами розог.

По прочтении нам этого гнусного приговора, нас усадили опять в тележку и с тем же церемониалом отвезли в госпиталь, где всех отвели в баню и велели каждой взять ванну и хорошенько вымыться. После взятия ванны каждая из нас должна была переодеться в больничное белье и халат. Нас всего было со мною четырнадцать душ. Когда нас ввели в довольно большую комнату, то появился полицмейстер с доктором и начальницей женского отделения госпиталя. Доктор без всякого внимания к нашей стыдливости, в присутствии конвойных и полицмейстера, велел каждой раздеться донага, подробно осматривал ее, выслушивал сердце и затем приказывал опять надеть рубашку и халат. Из слов доктора полицмейстеру я поняла, что нас вымыли и доктор осматривал, чтобы решить, не вредно ли будет какой-нибудь из нас немедленное наказание розгами. Хотя в тюрьме без всяких подобных церемоний, по жалобе надзирателя или по капризу смотрителя тюрьмы, нам давали и по пятидесяти розог.

Доктор нашел, что всех можно наказывать без опасности для нашего здоровья. Тогда, по приказанию надзирательницы, конвойные связали нам руки толстыми веревками. Пока конвойные вязали нам руки, надзирательница вышла из комнаты. Я и многие из нас стали плакать и просить, чтобы полицмейстер, если не хочет простить, то велел бы наказывать женщинам и в присутствии одной надзирательницы. Но он ответил, что ни сам, ни доктор не могут по закону уйти, а наказывать и - держать должны конвойные. После этого некоторые стали браниться, произносить неприличные слова и даже обвинять полицмейстера с доктором, что они хотят любоваться их голыми телами... Но когда полицмейстер пригрозил дать вместо двадцати розог сорок или даже больше, то брань прекратилась и большинство стало только громко реветь и умолять о прощении... Через некоторое время, показавшееся нам целой вечностью, опять появилась надзирательница, за ней две бабы несли длинную, узенькую скамью, на которой, очевидно, нас будут наказывать; сзади две сестры милосердия несли громадное количество длинных пучков розог из березовых прутьев... При виде такого количества ужасных розог, плач и рыдания перешли в настоящий вой и крики о прощении... Но это не произвело на начальство никакого впечатления; полицмейстер только снова пригрозил удвоить или утроить порцию тем, которые не перестанут громко орать, - после этого крики затихли и перешли опять в сдержанные рыдания. Первою была вызвана девушка

Бетти; скамейка уже стояла среди комнаты, и около нее столпилось все начальство, а один конвойный взял пучок розог и стоял около скамейки; он слегка взмахивал розгами. Сестры милосердия положили пучки розог на пол около скамейки и собирались уходить, но надзирательница велела обеим остаться; одной она приказала стать около скамейки и считать удары розог.

Бетти пошла покорно, только стала громче всхлипывать, когда конвойный, при помощи другого солдата, стал ее укладывать на скамейку. Бетти была хорошенькая девушка, всего девятнадцать лет. Она была тихая, слегка рыжеватая, с темным блестящим оттенком волос. В лице ее сохранилось пугливое, скромное и лукавое выражение. Было что-то таинственное в уклончивом взгляде ее густо темносиних глаз из-под длинных опущенных ресниц. Даже лежа - под розги, она сохранила свои манеры, усмешки и интонации скромной, но развратной святоши. Наконец ее обнажили, один конвойный стал держать за ноги, а другой за руки. Солдат с розгами в руках поднял их высоко - и смотрел на полицмейстера, ожидая знака для начала экзекуции. Последний кивнул головой, и мгновенно розги со свистом опустились на круп Бетти, которая дико крикнула и рванулась, но солдаты, видимо, крепко держали, и Бетти, когда последовали новые удары, перестала рваться и только дико кричала все время, пока ее секли. Сестра милосердия громко считала удары. Солдат бил очень сильно и с расстановкой, удерживая после удара несколько секунд розги на теле... После двадцатого удара полицмейстер велел прекратить сечение. Все тело несчастной Бетти было исполосовано темно-красными полосами, из которых сочилась кровь. Многие полосы были фиолетовые. Полицмейстер похвалил солдата... Бетти с трудом встала со скамейки и, пошатываясь, вышла из комнаты в сопровождении одной из сестер милосердия. Следующей повели сечь Женю. Это была двадцатилетняя девушка. Ей нужно было скорее быть в лечебнице, чем жить в публичном доме. Она иступленно, с какой-то особенной жадностью отдавалась каждому мужчине, даже самому отвратительному. Подруги подшучивали над ней и слегка презирали ее за этот порок. Жанна даже очень удачно передразнивала Женю, как она вздыхала, стонала в минуты экстаза и выкрикивала страстные слова, которые были слышны в соседних комнатах. Я знала, что Женя поступила в мой дом вовсе не из-за нужды и не соблазном или обманом, а добровольно, под влиянием своего ненасытного полового инстинкта. Мне, конечно, было выгодно поощрять слабость девушки, и я ее баловала, потому что она шла нарасхват и зарабатывала в пять или шесть раз больше других девушек. Она имела массу постоянных гостей. В праздники я даже не выпускала ее в общее зало, чтобы не обижать постоянных гостей отказом в услугах Жени. Многие мужчины были в нее влюблены и предлагали ей пойти на содержание. Пассивная во всем, кроме своего ненасытного сладострастия, Женя пошла бы ко всякому, но я всеми средствами старалась помешать этому невыгодному для меня казусу. Впрочем, она сама стыдилась своего чрезмерного сладострастия. К подругам она относилась с удивительной нежностью, любила обниматься с ними, целоваться, спать в одной постели, но к ней все относились с некоторой брезгливостью. Денег она не любила и была в полном смысле бессребреницей. Надо было видеть ее испуг, когда ее повели сечь. Но кричала она не особенно сильно во время экзекуции. Так перебрали всех нас. Последнюю секли меня. От страшной боли я кричала, как безумная. В госпитале нас потом без всяких подобных торжественных церемоний секли розгами за всякий пустяк и малейший ропот - правда, секли женщины".

В одном довольно любопытном сочинении "Pisanus Fraxi" мы нашли описание Бардом виденной лично им сцены в публичном доме госпожи Бельзевут.

"Дом госпожи Бельзевут, - говорит Вард, - был одним из средних домов терпимости Лондона. Это был трехэтажный дом в византийском стиле. Роскошный монументальный подъезд; дорогой бархатный ковер на лестнице; в танцевальном зале паркет, на окнах тяжелые штофные занавеси желтого цвета и тюль; вдоль стен белые с золотом и богатой резьбой стулья и зеркала в золоченных рамах; было несколько гостиных с диванами, пуфами и другой богатой мягкой мебелью; с особенной роскошью были отделаны спальные комнаты. Помимо всевозможных удобств, комнаты были устроены так, что в соседних

можно было решительно все делать без всякой боязни, что будет слышно за стеной. Подбор девиц был тоже очень разнообразный, и все они имели роскошные туалеты.

Вот с трудом поднимается по лестнице очень почтенный господин, лет под шестьдесят. При виде его управляющая торопливо подошла к одной из пансионеров и в полголоса спросила, готовы ли у нее свежие розги. Так как я сидел очень близко, то слышал, как девушка ответила: "Конечно, вы отлично знаете, что я сама купила их сегодня!"

При входе этого господина, наши дамы покидают нас, как будто скромные девственницы, оставив почтенного сатира с двумя девицами. Мы уходим в зало кафе. Меня особенно удивило, что он выбрал двух здоровенных девиц...

Позднее я увидел этого посетителя спускающимся с лестницы, и спросил у управляющей, почему она спрашивала о розгах у девушки? На мой вопрос она улыбнулась и сообщила, что этот пожилой господин с такой невинной наружностью платит девицам, чтобы они раздевали и секли его до тех пор, пока у него не явится возбуждение и он не будет в состоянии совершить совокупление с одной из них. Все время, пока его, растянутого и привязанного на деревянной кобыле, секут розгами, он умоляет о прощении. Но чем более он просит о пощаде, тем более секущие его девушки состязаются в нанесении ему более сильных ударов. Секут они его до тех пор, пока не увидят, что член его пришел в состояние напряжения, достаточное для совершения полового акта".

В начале XIX века в Лондоне существовали меблированные комнаты, чрезвычайно роскошно обставленные. Эти комнаты были предназначены для поклонников флагелляции. Женщины полусвета приходили туда и исполняли активные и пассивные роли флагеллянтш. Имена некоторых из этих артисток сохранились в скандальной истории. Так, мистрис Коллет посещал регент, впоследствии король Георг IV; ее племянница, миссис Митчел, пользовалась также большой славой; она была раньше горничной леди Кламикард и удалилась от дел с большим состоянием. Но во главе всех стояла Тереза Беркли, которая в этом отношении не имела соперниц. У нее был удивительный подбор всевозможных орудий для истязания. Постоянно большой запас толстых и длинных березовых прутьев хранился у нее всегда в воде, чтобы розги имели гибкость. Девятихвостые плетки, гибкие бичи, всевозможной толщины и длины, кожаные ремни: и т. д. Летом в особых вазах имелась зеленая крапива, которой она в состоянии была воскресить любого мертвеца, - конечно, воскресить к половой жизни. Она могла угодить на все вкусы, и даже любители активной флагелляции имели в своем распоряжении собственное тело госпожи Берклей.

Журнал "The Bouton Magazine" за 1792 год дает несколько подробностей о дамском клубе, помещавшемся на одной из центральных улиц Лондона. Каждое собрание в клубе состояло по меньшей мере из двенадцати лиц: шести активных и шести пассивных; жребий решал, к какому классу принадлежит вынуждая жребий. Президентша сама раздавала розги и пользовалась правом первой сечь. Затем активные начинали сечь пассивных; положение во время наказания пассивной, а также число розог вполне зависело от активной; пассивная должна была беспрекословно исполнять все приказания активной, под угрозой исключения из клуба. Когда все активные находили, что пассивные достаточно наказаны, то заявляли президентше; после этого роли менялись - бывшие активными становились пассивными.

О проституции писалось очень много. Величайшие философы мира задавались вопросом, прекратится ли она когда-нибудь или она погибнет с исчезновением человека? Я выскажу свое мнение: думаю, это вековечное историческое явление прекратится тогда, когда осуществится дивная утопия анархистов и социалистов, когда земля сделается ничьей, общей, когда любовь будет свободна и подчинена одним только половым желаниям, а человечество образует одну счастливую семью, где не будет различия между твоим и моим, и на земле настанет рай; человек сделается безгрешным, блаженным и станет ходить нагим...

Конечно, легко теоретизировать, сидя в комнате за чаем с булкой и сыром, но пока будет собственность, - будет и нищета. Пока будет брак, будет и проституция. Ведь проституция поддерживается и питается так называемыми порядочными людьми, любящими братьями, безукоризненными мужьями, благородными отцами семейства... Эти господа

всегда отыщут приличный повод нормировать и узаконить платный разврат, чтобы не допустить его проникнуть в спальни и детские. Для них проституция - это возможность увести сладострастие подальше от стен дома. Да и сам любящий брат или почтенный отец семейства не прочь втихомолку предаться разврату - им надоедает все одно и то же: горничная, гувернантка, жена и дама на стороне. Петушино-любовным инстинктам человека особенно вольготно развешиваться в таких чудесных рассадниках, как заведение госпожи Бельзевут в Лондоне или госпожи Стоецкой в Москве, и т. п. Человек, в сущности, животное многобрачное, что отлично понял Магомет, мормоны и т. п. Все фальшивые мероприятия, вроде разных приютов для падших женщин, - чушь и чистое надругательство... Почтенные супруги, отцы пятерых взрослых дочерей всегда будут кричать об ужасе проституции, устраивать в пользу приютов для спасения женщин любительские спектакли и лотереи, но в душе все они будут благословлять и поддерживать существование проституции...

В начале этого тома я описал, как публично наказывали в средние века проститутки во Франции за нарушение полицейских правил. Вот как описывает английский журнал "Лондонский шпион" наказание публичных женщин в Англии: "Один мой приятель свел меня в Бридвель (исправительный дом), где как раз был "приемный день", чтобы я имел возможность полюбоваться, как укрощается строптивость некоторых панельных дам низшего разбора при благосклонном участии девятихвостой плетки.

Пройдя в ворота монументального здания, которое, как сказал мне приятель, носит название Бридвель, и переступив порог, я сперва готов был подумать, что попал, скорее, во дворец короля, чем в исправительный дом; но осмотревшись хорошенько, я заметил в громадном зале много изможденных женщин, в бедных и у многих изорванных платьях.

Оттуда мы прошли на другой двор, где постройки имели такой же величественный вид по наружности. Перед нами была особая ограда, за которой помещалось женское отделение. Войдя в него, мы увидели множество женщин, заключенных, как монахини или рабыни, и находившихся под надзором надзирательницы, ходившей все время.

От них пахло как от козлов или от грудных детей в воспитательном доме, и они держали себя с такою же распущенностью, как заключенные в центральной тюрьме. Впрочем, они весело исполняли свою унижительную работу. Между ними были совсем молоденькие, и меня особенно поразило, что они в таком раннем возрасте успели уже пасть так низко.

Пока я, усталый, с грустью наблюдал бесстыдство этих несчастных, мой приятель попросил меня вернуться назад опять на первый двор, где мы поднялись по лестнице и вошли в обширный зал, где с большой помпой заседал полицейский суд. Один очень представительный господин, по строгому костюму которого можно было догадаться, что это был почтенный гражданин, занимал президентское кресло; в руке у него, как у судебного пристава на аукционах, был молоток, а в соседней комнате, двери которой были настежь открыты, чтобы присутствующие лица могли видеть и слышать все в ней происходящее, одну женщину секли плетью. Наконец молоток стукнул, и наказание женщины прекратилось. Я обратил внимание на то обстоятельство, что почтенный суд происходил в присутствии большого числа мужской и женской прислуги, а также проститутки.

Следующей подсудимой была очень молоденькая проститутка. Это была высокая, красивая девушка с круглыми бровями, с голубыми глазами навывкате, с самым типичным лицом английской проститутки. Судя по прочитанному обвинительному протоколу, она ударила гостя по лицу, бросила стакан, наполненный вином, а когда ее за это хозяйка немедленно, в присутствии пострадавшего гостя, велела разложить на скамейке и дать пятьдесят розог, то девица встала со скамейки и плюнула в лицо гостю и хозяйке; тогда гость велел позвать полицейского, который составил протокол о всем происшедшем, и девушку привлекли к суду. Хозяйка показала, что девушка эта - очень добрая, уступчивая, никогда никому не может отказать в просьбе, и невольно все относятся к ней с большой нежностью. Она краснеет, когда дает показание ее хозяйка. Но стоит девушке, - продолжает показывать хозяйка, - выпить три-четыре рюмки виски, как она делается совсем неузнаваемой и учиняет

всевозможные скандалы, так что всегда требуется вмешательство экономки, швейцара и иногда полиции. На другой день я ее за скандал всегда наказываю розгами, порой очень строго. После наказания она никогда не дерзит, а просит прощения. Во время наказания также все время просит о прощении... Вчера я, по настоянию гостя, чтобы не посылать за полицией, согласилась немедленно при нем же высечь ее розгами... Но у нее хмель не прошел, почему она все время, пока ее секли, ругалась похабными словами, а после наказания плюнула мне и гостю в лицо. Я хотела ее снова сечь и даже послала швейцара за свежими розгами, но гость не согласился простить и велел послать за полицией...

У обвиняемой девушки не было защитника, и суд через две-три минуты постановил наказать ее тут же десятью ударами плети; наказание было сравнительно мягкое, вероятно, вследствие благоприятного показания хозяйки, а, главным образом, также того, что бедная девушка была уже довольно строго наказана розгами хозяйкой.

Немедленно по прочтении приговора два сторожа увели девушку в соседнюю комнату, но мы отлично видели, как ее раздели совсем донага и, связав предварительно обе руки, подвели к стене и привязали к кольцам за руки и ноги, так что она была как бы приклеена к стене. Затем президент поднял молоток, и сторож, взяв девятихвостку в руки, стал сечь провинившуюся, которая все время неистово орала и корчилась. С первого же удара у нее показалась кровь на теле, которое и без того все было в синих полосах, очевидно, от вчерашнего наказания розгами по приказанию хозяйки. При десятом ударе молоток опустился на стол с силой, и немедленно сторож перестал сечь и отвязал девушку, которая вскоре вышла одетая, с заплаканными глазами, которыми она старалась не смотреть на присутствующих. Хозяйка подошла к ней и хотела увести ее с собой, но президент остановил их обеих и, обращаясь к девушке, сказал, чтобы она в другой раз не буянила, иначе, независимо от наказания хозяйки, он велит ей дать не менее двадцати плетей. Хозяйку же он просил уже не наказывать девушку сегодня еще розгами, прибавив, что с нее довольно вчерашнего наказания розгами и сегодняшних плетей за буянство. Хозяйка откровенно созналась, что она, хотя очень любит девушку, но для ее же пользы собиралась дать ей после обеда сто розог за вчерашнюю проделку, но "раз господин президент просит больше за вчерашнюю вину не наказывать, то я даю вам слово, что не буду сегодня ее наказывать".

Англичанин-человек положительный. У него нет ни времени, ни терпения самому позаботиться о своем удовольствии, нужно, чтобы это сделали за него другие лица. В Англии почти все заняты той или иной коммерцией. У англичанина чувство любви играет сравнительно редко важную роль. Поэтому-то существует множество лиц, торгующих молодостью и красотой голодных, незащищенных девочек. Нет ничего поэтому удивительного в том, что в Лондоне гнусный торг белыми рабынями процветает в самой широкой степени.

Существует масса лиц, лишенных всякого понятия о нравственности и охраняющих целомудрие своих девиц до семнадцатилетнего возраста не ради любви к добродетели, а единственно потому, что девственность есть тоже своего рода товар, от которого они готовы освободиться лишь за известную сумму денег. Таким образом, в Англии молодых девиц можно получить по такой-то цене за голову; это не будет считаться обольщением или соращением, а простой поставкой девственности по договору за наличные деньги.. Бывают, конечно, случаи, когда девушка сопротивляется, но правильная поставка имеет в виду только таких девиц, которые смотрят на свою девственность, как на простую товарную ценность.

Такова теория, изложенная в парламенте одним из его членов, когда был затронут вопрос относительно развития проституции среди малолетних девушек.

Следует еще заметить, что английский закон несколько не защищает детей старше тринадцати лет. Если девушка четырнадцати лет под влиянием ласки или угрозы немедленного телесного наказания, или под влиянием насилия, или даже при помощи побоев соглашается против своего желания на поступок, последствия которого она не вполне понимает, то закон вмешивается с единственной целью защиты обольстителя. Раз жертва согласилась на совокупление, то было ли это согласие получено обманом или силой, в глазах

закона это не имеет ровно никакого значения. Закон как бы нарочно указывает на подобных детей как на хорошую дичь для распутников.

Как только девочке исполнилось тринадцать лет, она в глазах закона женщина и имеет полное право располагать своей особой в пользу первого встречного, который силой или другим каким-либо способом сумеет ее настолько утратить, что она ему пожертвует своей честью. Одна лондонская сводница показала на суде, что происходит, если девушка отказывается позволить лишиться себя невинности после того, как сама продала эту невинность: "Когда девушка слишком много шумит, то теряет свою невинность задаром вместо того, чтобы потерять ее за деньги. Самое лучшее средство, чтобы добиться цели у этих дурочек, это внушить им, что раз настало время, они все равно будут обольщены, хотят или не хотят. Если не хотят, то их будут сперва пороть розгами, пока они сами от боли не согласятся на все. Если же они орут отчаянно, но не просят, чтобы их лучше лишили невинности, только перестали бы сечь, то порка продолжается до полного изнеможения девушки, почти до потери ею сознания от боли, после чего ее берет силой".

Иногда девушка проявляет столько упорства, что приходится даже после порки помогать обольстителю; что и произошло с четырнадцатилетней Жени, дело которой дошло до суда. "Эта девочка причинила нам массу хлопот; мы ее сперва очень больно высекли розгами за сопротивление господину; после этого мы ее опять отпустили к господину, но она все-таки продолжала отбиваться, и пришлось ее снова сечь, в этот раз уже плетью. Но после жестокой порки, когда мы отдали ее господину, она все еще продолжала кусаться и царапаться, так что господин, который заплатил, опять ничего не мог с нею поделать. В конце концов пришлось ее держать и только тогда удалось ее обольстить, хотя она все время орала, как безумная". Английский суд, несмотря на подобное насилие, оправдал всех подсудимых по обвинению в изнасиловании и пособии ему на том основании, что девочка была четырнадцати лет, сама сперва согласилась на обольщение и взяла за это деньги; только потом, когда наступила минута, она раздумала и отказалась, на что, по мнению суда, уже не имела права. Суд нашел только, что за отказ исполнить свое обещание девочку могли высечь розгами и плетью, но не так жестоко, как она была высечена, по мнению свидетельствовавшего ее доктора, почему приговорил сводницу, по приказанию которой пороли девушку, к штрафу в 50 фунтов стерлингов (около 500 р.) и к шестимесячному заключению в рабочем доме, а трех женщин, поровших и державших девушку во время экзекуции, - к штрафу в 10 фунтов стерлингов (100 р.) и двухмесячному тюремному заключению. Главный лорд-судья, к которому перешло дело до апелляции, изменил приговор в том смысле, что сводницу приговорил к штрафу в 10 фунтов стерлингов и двухмесячному заключению в рабочем доме, а трех помогавших ей женщин оправдал. Виновник же обольщения был также оправдан.

В Лондоне существуют очень приличные на вид приюты, содержимые учеными акушерками, куда сводницы приводят девочек до лишения девства, чтобы установить наличие девственности, и куда их опять приводят после потери оной для восстановления ее искусственным путем и новой продажи ее.

До чего может доходить услужливость сводниц, желающих пойти навстречу капризам своих клиентов, служит лучше всего доказательством следующий факт.

Чтобы угодить одному богатому клиенту, который в беспутных оргиях настолько растратил свои половые силы, что только сечение его розгами в присутствии молоденькой девственницы могло разбудить заснувшие его чувства и позволить ему совершить с нею половой акт, - одна очень почтенная дама сама секла его розгами и помогала ему удовлетворить свою похоть. Если же девушка сопротивлялась, что бывало иногда, она привязывала ее за ноги и руки к кровати. В некоторых подобных случаях, как обнаружилось тоже на суде, пользуются для привязывания строптивых девушек особыми ремнями, подбитыми ватой.

- Русский писатель Максим Горький довольно подробно описывает телесное наказание проституток в доме терпимости. Это происходит в современное нам время {М. Горький. -

Васька Красный. Собр. соч., т. III.}.

"Недавно в публичном доме одного из поволжских городов служил человек лет сорока, по имени Васька, по прозвищу Красный. Прозвище было дано ему за его ярко-рыжие волосы и толстое лицо цвета сырого мяса.

Толстогубый, с большими ушами, которые торчали на его черепе, как ручки на рукомойнике, он поражал людей жестоким выражением своих маленьких, бесцветных глаз; они заплыли у него жиром, блестели как льдины, и, несмотря на его сытую, мясистую фигуру, всегда взгляд его имел такое выражение, как будто этот человек был смертельно голоден. Невысокий и коренастый, он носил синий казакин, широкие суконные шаровары и ярко вычищенные сапоги с мелким набором. Рыжие волосы его вились кудрями, и, когда он надевал на голову свой щегольский картуз, они, выбиваясь из-под картуза кверху, ложились на, околыш картуза - тогда казалось, что на голове у Васьки надет красный венок.

- Красным его прозвали товарищи, а девицы прозвали его Палачом, потому что он любил истязать их.

Васька был известен во всех домах этого квартала, его имя наводило страх на девиц, и когда они почему-нибудь ссорились и вздорили с хозяйкой хозяйка грозила им:

- Смотрите, вы!.. Не выводите меня из терпенья... а то как позову я Ваську Красного!..

Иногда достаточно было одной этой угрозы, чтобы девицы устарились и отказались от своих требований, порой вполне законных и справедливых, как, например, требование улучшения пищи или права уходить из дома на прогулку. А если одной угрозы оказывалось недостаточно для умирения девиц, хозяйка звала Ваську.

Он приходил медленной походкой человека, которому некуда было торопиться, запирался с хозяйкой в ее комнате, и там хозяйка указывала ему подлежащих наказанию девиц.

Молча выслушав ее жалобу, он кратко говорил ей:

- Ладно...

И шел к девицам. Они бледнели и дрожали при нем, он это видел и наслаждался их страхом. Если сцена разыгрывалась в кухне, где девицы обедали и пили чай, он долго стоял у дверей, глядя на них, молчаливый и неподвижный, как статуя, и моменты его неподвижности были не менее мучительны для девиц, как и те истязания, которым он подвергал их.

Посмотрев на них, он говорил равнодушным и сильным голосом:

- Машка! Иди сюда...

- Василий Мироныч! - умоляюще и решительно говорила иногда девушка: ты меня не тронь! Не тронь... тронешь - удавлюсь я...

- Иди, дура, веревку дам... - равнодушно, без усмешки говорил Васька.

Он всегда добивался, чтоб виновные сами шли к нему.

- Караул кричать буду... Стекла выбью... - задыхаясь от страха, перечисляла девица все, что она может сделать.

- Бей стекла... а я тебя заставлю жрать их... - говорит Васька.

И упрямая девица в большинстве случаев сдавалась, подходила к Палачу; если же она не хотела сделать этого, Васька сам шел к ней, брал ее за волосы и бросал на пол. Ее же подруги, - а зачастую и единомышленницы, - связывали ей руки и ноги, завязывали рот и тут же, на полу кухни и на глазах у них, виновную пороли. Если это была бойкая девица, которая могла и пожаловаться, ее пороли толстым ремнем, чтобы не расцарапать ей кожу, и сквозь простыню, смоченную водой, чтобы на теле не оставалось кровоподтеков. Употребляли также длинные и тонкие мешочки, набитые песком и дресвой, - удар таким мешком по ягодицам причинял человеку тупую боль, и боль эта не проходила долго...

Впрочем, жестокость наказания зависела не столько от характера виновной, сколько от степени ее вины и симпатии Васьки. Иногда он и смелых девиц порол без всяких предосторожностей и пощады; у него в кармане шаровар всегда лежала плетка о трех концах на короткой дубовой рукоятке, отполированной частым употреблением. В ремни этой плетки была искусно вделана проволока, из которой на концах ремней образовывалась кисть.

Первый же удар плетки просекал кожу до костей, и часто, для того, чтобы усилить боль, на иссеченную спину приклеивали горчичник или же клали тряпки, смоченные круто соленой водой.

Наказывая девиц, Васька никогда не злился, он был всегда одинаково молчалив, равнодушен, и глаза его никогда не теряли выражения ненасытного голода, лишь порой он прищуривал их, отчего они становились острее...

Приемы наказаний не ограничивались только этими, нет - Васька был неисчерпаемо разнообразен, и его изощренность в деле истязания девиц возвышалась до творчества.

Например: в одном из заведений девица Вера Коптева была заподозрена гостем в краже у него пяти тысяч рублей. Гость этот, сибирский купец, заявил полиции, что он был в комнате Веры с нею и ее подругой Сарой Шерман; последняя, посидев с ним около часу, ушла, а с Верой он оставался всю ночь и ушел от нее пьяный.

Делу дан был законный ход; долго тянулось следствие, обе обвиняемые были подвергнуты предварительному заключению, судились и, по недостатку улик, были оправданы.

Возвратясь после суда к своей хозяйке, подруги снова попали под следствие; хозяйка была уверена, что кража - дело их рук, и желала получить от них свою долю.

Варе удалось доказать, что она не при чем в этой краже; тогда хозяйка ревностно принялась за Веру Коптеву. Она заперла ее в баню и там кормила соленой икрой, но, несмотря на это и многое другое, девица не созналась, где спрятала деньги. Пришлось прибегнуть к помощи Васьки.

Ему было обещано сто рублей, если он допытается, где деньги.

И вот однажды ночью, в баню, где сидела Вера, мучимая жаждой, страхом и тьмой, явился дьявол.

Он был в черной лохматой шерсти, а от шерсти его исходил запах фосфора и голубоватый светящийся дым. Две огненные искры сверкали у него вместо глаз. Он стал перед девушкой и страшным голосом спросил ее:

- Где деньги?

Она сошла с ума от ужаса.

Это было зимой. Поутру другого дня ее, босую и в одной рубашке, вели из бани в дом по глубокому снегу, она же тихонько смеялась и говорила счастливым голосом:

- Завтра я с мамой опять пойду к обедне... опять пойду... опять пойду к обедне...

Когда Сара Шерман увидела ее такой, она тихо и растерянно объявила при всех:

- А ведь деньги-то украла я...

Разумеется, больше всего скопилось страха пред Васькой и ненависти к нему у девиц того дома, где он был "вышибалой". В пьяном виде девицы на скрывали этих чувств и громко жаловались гостям на Ваську; но, так как гости приходили к ним не затем, чтоб защитить их, жалобы не имели смысла и последствий. В тех же случаях, когда они возвышались до истерического крика и рыданий и Васька слышал их, - его огненная голова показывалась в дверях зала и равнодушный, деревянный голос говорил:

- Эй ты, не дури...

- Палач! Изверг!.. - кричала девица. - Как ты смеешь уродовать меня? Посмотрите, господин, как он меня расписал плетью... - и девица делала попытку сорвать с себя лиф...

Тогда Васька подходил к ней, брал ее за руку и, не изменяя голоса, что было особенно страшно, - уговаривал ее:

- Не шуми... утомись. Чего орешь без толку? - Пьяная ты... смотри!

Почти всегда этого было достаточно, и очень редко Ваське приходилось уводить девицу из зала.

Никогда никто из девиц не слышал от Васьки ни одного ласкового слова, хотя многие из них были его наложницами.

Он брал их себе просто: нравилась ему почему-либо та или эта, и он говорил ей:

- Я к тебе сегодня ночевать приду...

Затем он ходил к ней некоторое время и переставал ходить, не говоря ей ни слова.

- Ну и черт! - отзывались о нем девицы. - Совсем деревянный какой-то...

В своем заведении он жил по очереди почти со всеми девицами, жил и с Аксиньей. И именно во время своей связи с ней он ее однажды жестоко выпорол.

Здоровая и ленивая, она очень любила спать и часто засыпала в зале, несмотря на шум, наполнявший ее. Сидя где-нибудь в углу, она вдруг переставала "завлекать гостя" своими глупыми глазами, они неподвижно останавливались на каком-нибудь предмете, потом веки медленно опускались и закрывали их, и нижняя губа ее отвисала, обнажая крупные, белые зубы. Раздавался сладкий храп, вызывая громкий смех подруг и гостей, но смех не будил Аксинью.

С ней часто случалось это; хозяйка крепко ругала ее, била по щекам, но побои не спугивали сна - поплачет после них Аксинья и снова спит.

И вот за дело взялся Васька.

Однажды, когда девица заснула, сидя на диване рядом с пьяным гостем, тоже дремавшим, Васька подошел к ней и, молча взяв за руку, повел ее за собой.

- Неужто бить будешь? - спросила его Аксинья.

- Надо... - сказал Васька.

Когда они пришли в кухню, он велел ей раздеться.

- Ты хоть не больно уж... - попросила его Аксинья,

- Ну, ну...

Она осталась в одной рубашке.

- Снимай! - скомандовал Васька.

- Экой ты озорник! - вздохнула девушка и спустила с себя рубашку.

Васька хлестнул ее ремнем по плечам.

- Иди на двор!

- Что ты? Чай, теперь зима... холодно мне будет...

- Ладно! Разве ты можешь чувствовать?..

Он вытолкнул ее в дверь кухни, провел, подхлестывая ремнем, по сеням и на дворе приказал ей лечь на бугор снега.

- Вася... что ты?

- Ну, ну!

И толкнув ее лицом в снег, он втиснул в него ее голову для того, чтобы не было слышно ее криков, и долго хлестал ее ремнем, приговаривая:

- Не дрыхни, не дрыхни, не дрыхни...

Когда же он отпустил ее, она, дрожащая от холода и боли, сквозь слезы и рыдания сказала ему:

- погоди, Васька! Придет твое время... и ты заплачешь! Есть Бог, Васька!

- Поговори! - спокойно сказал он. - Засни-ка в зале еще раз! Я тебя тогда выведу на двор, выпорю и водой обливать буду..."

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В СЕМЬЕ И ШКОЛЕ

Весьма редко бывает, чтобы волнения от половой зрелости, которые появляются зачастую гораздо раньше появления у девушки менструаций, не выражались у молоденькой девочки приступами свирепости, жестокости, степень которой зависит от состояния ее здоровья, от той среды, в которой она живет, и от природных ее наклонностей.

Обыкновенно еще недавно милая, пугливая и кроткая девочка превращается в этот период в существо своевольное, скрытное, злое, с неожиданными вспышками гнева, с порывами странными и непредсказуемыми.

Подобные вещи обычно проходят с наступлением зрелости, но у некоторых они внедряются глубоко и способны проявиться позднее, когда наступит настоящее чувственное волнение. У большинства же, наоборот, они пропадают бесследно.

Временный садизм и мазохизм - явления вполне обыденные в жизни как девочки-подростка, так и юноши.

Если заняться исследованием детей поближе, сумеешь познать их внутреннюю жизнь, угадать то, что они скрывают от своих родителей, мы откроем примеры довольно любопытных волнений страсти, которые терзают столько юных умов.

Пока мы займемся только наблюдениями над девочками, оставив мальчиков в стороне.

Вот несколько примеров садизма и мазохизма у девочек, наблюдавшихся в период, предшествующий наступлению половой зрелости.

Генриетта, семи лет, очень нежная, очень добрая, любящая животных, к некоторым из них проявляет ненависть без всякой видимой причины, происходящую просто из инстинктивной у нее потребности к временной жестокости. Она запирается в комнате с кроликом, у которого она вырывает шерсть и подбрасывает его высоко в воздух. Раз она так подбросила его, что он ударился об стену и расшибся до смерти. Увидав это, девочка остолбенела и затем разразилась горячими слезами, вполне искренно оплакивая гибель своего друга. Или она берет кошку и начинает вдруг немилосердно ее колотить.

Мария, восьми лет; вместе с нею, на время вакансий, живет ее маленькая кузина четырех лет, которую ей доверяют, так как знают, что она любит детей и очень серьезного характера. И вот она все время, которое проводит с кузиной наедине, употребляет на то, чтобы пугать и тиранить ее. То она грозит утопить ее, то она ставит ее в угол или жестоко сечет розгами за воображаемые шалости.

Когда ее ловят и спрашивают, почему она так дурно обращается с малюткой, девочка не может объяснить своего поведения. Она не знает, почему один вид кузины толкает ее невольно на совершение жестоких поступков.

Женевьева, девяти лет, внезапно стала мазохисткой, постоянно волнуемой потребностью причинить себе боль, испытать на себе тысячи всевозможных мелких истязаний. Она собирает вокруг себя подруг, чтобы показать им, с каким искусством запихивает себе в кожу восемь или девять булавок, причем кровь не течет. Прокалывает себе гвоздем руку и т. п. Наконец в один прекрасный день она держит пари с подругами, что новым перочинным ножиком, один вид которого приводит ее в восторг, она порежет концы пальцев на обеих руках, причем так, что пойдет кровь, и она проделывает подобную штуку.

Дениза, семи лет, любит слушать рассказы о совершении кем-либо всевозможных жестокостей, - таких, чтобы у нее от ужаса зуб на зуб не попадал. У нее мания, когда она играет с детьми, играть в волка и ягнят. Она изображает ягненка, становится на четвереньки и делает вид, что щиплет траву, причем иногда так входит в свою роль, что проглатывает несколько травок. Волк, изображаемый одной более взрослой подругой, более сильной, должен броситься на нее с рычанием, опрокинуть, начать щипать, кусать, главным образом за ягодицы, в то время как она жалобно стонет и молит: "Добрый волк, не ешь меня!"

Сюзета, восьми лет, до сих пор очень кроткая, скорее робкая, становится вдруг нервной, буйной. Она буквально пользуется каждым ничтожным предлогом, чтобы заслужить брань и наказание. Она ревет, когда взбешенная мать дает ей пощечину, но тотчас упрямо повторяет поступок, за который ее наградили плюхой, добиваясь более серьезного наказания. Но так как в их семье не принято наказывать детей телесно и всячески стараются исправить ее строптивый характер мерами кротости и подействовать на нее убеждением, то девочка находит средство удовлетворить свою инстинктивную страсть. С ней играет мальчишка-конюх, совершенно простой, славный малый, который очень ее любит и не знает никаких тонкостей в страстях; девочка задает ему такой вопрос:

- Тебя секли, когда ты был совсем маленьким?
- Конечно!
- Тебе это нравилось?
- Ну, нет.
- Расскажи, как тебя наказывали?
- Да мне просто давали шлепки.
- По ягодицам?
- Понятно.

- Покажи мне, как тебя секли.

Смеясь, мальчик берет девочку и показывает на ней, как его наказывали.

- Так.

И Сюзета начинает кричать, задыхаясь от страшного наслаждения.

- Сильнее! Бей по-настоящему!

Тот пожимает плечами и произносит:

- Вам это не понравится.

Разумеется, девочка не открывала ему вполне своей страсти, а, сделала вид, что это ее забавляет, как и всякая другая игра.

Она очень часто надоедала мальчику, говоря;

- Я опять нашла, сделай вид, что ты меня за это сечешь.

Но тот не всегда исполнял ее желание; тогда она старалась его рассердить и заставить прибегнуть к настоящему наказанию ее. Однажды, наконец, она добилась, что тот высек ее в лесу розгами и при этом она испытывала такое сладострастное наслаждение, что потеряла сознание. Можно себе представить испуг и угрызение совести, которые испытал наивный мальчик при виде ее в таком состоянии.

Ягодицы очень часто привлекают особенное внимание молодых девочек. В одном из недавно появившихся судебных дознаний по делу женского пансиона в Тарасконе, принадлежавшего монахиням, есть одно любопытное место, где следователь как раз говорит о затронутом нами вопросе. Мы приведем его полностью: "Воспитанницы ложились спать в десять часов вечера в спальнях, в которые выходило окно, завешанное белой занавеской от комнатки, где спала надзирательница-монахиня, сестра Елисавета, "Особа самого несносного, сварливого характера, всегда готовая шпионить за нами - показывает одна из пансионеров."

- Пока она занята наблюдением за отделением, где спят маленькие девочки, мы пользуемся случаем:

- Лалюн, - вдруг прерывает гробовое молчание Есфирь. - "Танец ягодиц"?

Жанна Лалюн делает недовольную гримасу и отказывается.

Но все, кто не спит, начинают тихонько говорить:

- Да, да, да, танец ягодиц!

Лалюн садится ко мне на кровать, качает отрицательно головой и показывает глазами на кровать, где лежит девочка Ивонна.

- Ивонна никому не расскажет, она поклялась! - уверяют несколько воспитанниц.

Лалюн, впрочем, делает еще несколько гримас, потом вскакивает на кровать и вытягивается во весь рост, повернувшись к нам спиной. Обеими руками она поднимает рубашонку и концы ее держит, прижимая сорочку к спине, потом проделывает упражнения: ее ягодицы начинают сжиматься, разжиматься, подниматься и опускаться, как бесноватые. Она вытворяет крупом удивительные штуки. Одним словом, это "танец живота", только наоборот.

Мы все покатываемся самым безумным смехом. Это еще более подогревает Лалюн, и она в этот раз превосходит себя и выделяет ягодицами самые уморительные вещи.

Сама я не в состоянии более сдерживаться и хохочу до слез..."

Оказалось, что сестра Елисавета не только наблюдала за маленькими девочками, но, на горе взрослых девиц, видела все штуки Лалюн и переписала всех зрительниц. На другой день после утренних классов все зрительницы, в числе восьми штук, были посажены на пять дней в темный карцер на хлеб и воду, а четырнадцатилетней Лалюн, по приказанию начальницы пансиона, на той же самой кровати, где она накануне с таким художеством танцевала, дали сто розог. Секла ее сама сестра Елисавета, две другие монахини держали за ноги и руки. Начальница сама присутствовала при наказании девочки. Высекли ее так жестоко, что она, по ее словам, "с трудом встала после наказания с кровати". После этого ее также посадили в карцер на пять суток на хлеб и воду. О своем наказании девочка написала отцу своему-башмачнику. Тот подал жалобу прокурору, который и назначил следствие. Делу не

был дан ход, так как министр нашел, что начальница "не вышла из пределов своей дисциплинарной власти, наказав девицу Жанну Лалюн ста ударами розог за безнравственность; хотя наказание было очень строгое, но, по заявлению врача, свидетельствовавшего девочку, не носило характера истязания и не могло причинить вреда ее здоровью. Проступок же Лалюн требовал строгого наказания". Такова резолюция министра Шомье.

В пансионах и школах маленькие девочки очень любят играть в "учительницу и учеников". В сущности, игра является просто благовидным предлогом сечь якобы провинившихся учениц. И нужен внимательный надзор настоящей учительницы, чтобы наказание не производилось по обнаженным ягодицам.

Во время этих первоначальных приступов любовных мечтаний девочка-подросток часто рисует в своем воображении образ известного ей мужчины, грубого, очень властного, ласки которого граничат с насилием... Она почти постоянно воображает, что страсть сопровождается болью и страхом. Не зная ничего о половых отношениях или зная о них мало, она рисует в своем воображении страстные картины, где насилие и флагелляция играют важную роль и как бы заменяют совокупление.

Я лечил одну девочку, которая мне поведала, что, начиная с четырнадцати и до пятнадцати лет, она никогда не засыпала без того, чтобы не нарисовать в своем воображении почти всегда одной и той же сцены, которая глубоко возбуждала ее и доставляла ей сильное сладострастное наслаждение. Она воображала себя замужем за человеком очень безобразным, который подходит к ней и хочет ее поцеловать; так как она с ужасом отказывается, он ее хватает, связывает и начинает немилосердно колотить. Девушка настолько сильно рисовала себе подобную картину, что испытывала сильное удивление, что на ее коже не было следов от побоев.

Другая девочка-подросток, тоже моя пациентка, также, по ее словам, мечтала о грубом мужчине, которого она воплощала в своем дяде, человеке очень крепкого сложения и очень грубом. В действительности она никогда не сказала ему ни одной двусмысленной фразы, и он никогда даже не подозревал, какую роль играет в воображении своей племянницы, но наедине она отдавалась ему без оглядки.

Два раза во время сна ей ясно представилось, что этот человек вошел к ней и позволил себе насилие над ней. Впечатление от насилия было у нее так поразительно живо, что раз, когда дядя, случайно был у них в доме, она в течение некоторого времени была вполне уверена, что он действительно к ней приходил в комнату.

Не зная ровно ничего о половых сношениях, она была убеждена, что этих мнимых сношений совершенно достаточно для того, чтобы она забеременела, а потому все время, пока у нее не появились регулы, была в страшном волнении.

Эдгар Б., помещик, живущий большую часть года в своей деревне, страстный флагеллянт; жена отказалась пойти навстречу его фантазиям, и он с большим трудом находил лиц, готовых удовлетворить его страсть к активной флагелляции. Тогда он обратил свои взоры на девочку, которая пасла баранов; она согласилась, сначала соблазнившись прелестью получить несколько копеек, позволить ему высечь себя розгами. Но вскоре она испытала под розгами такое сильное наслаждение, что стала просить Б. сечь ее розгами сколько ему угодно и даром, лишь бы ей испытывать невыразимое сладострастное удовольствие во время порки.

Людовик Н., рассыльный, имел трех дочерей. Как только утром его жена отправлялась на работу, он приносил розги и по очереди сек своих дочерей, которым это доставляло большое удовольствие. Причем он никогда не позволял себе никаких с ними других вольностей. Истые поклонницы пассивной флагелляции, они в ней одной находили высшее наслаждение и оставались девственницами.

Доктор В., страстный флагеллянт, насчитывал десятками девочек, которые испытывали полное удовлетворение под розгами.

Впрочем, по достижении восемнадцатилетнего возраста девушка обыкновенно теряет

подобное расположение и, наоборот, становится страшно пугливой и чувствительной к болезненному прикосновению розог или плетки к ее коже. В этом возрасте между женщинами редко можно встретить искреннюю любительницу пассивной флагаелляции.

В этом инстинктивном отвращении играют роль многие факторы. Половая любовь представляется ей более или менее ясно, ее чувства направляются к природным любовным наслаждениям, потом она становится кокетливой, дорожащей прелестями своего тела. Флагаелляция представляется ей позорной, смешной, способной повредить ее красоте... Теперь ее идеалом становится уже не мужчина грубый, недавний укротитель. Она мечтает о нежных ласках, о коленопреклонении перед нею мужчины, об обожании ее мужчиной молодым и красивым.

От двадцати до тридцати лет искренняя флагаеллянтша встречается только между невропатками, истеричками или такими, которые были приучены к флагаелляции еще с детства и сохранили эту привычку.

Мы могли бы назвать очень почтенного судью, который приучил к флагаелляции дочь своей гувернантки; начиная с десяти лет и потом в течение двадцати лет она была добровольно послушной жертвой его страсти к флагаелляции.

Мишле в своей "Истории Франции" говорит, что телесное наказание детей было повсеместно в таком ходу, что от него не были избавлены даже принцы крови. Король Генрих IV в одном из своих писем к госпоже де Монглан, воспитательнице королевских принцев, пишет: "Я не особенно доволен тем, что вы не сообщили мне, что высекли моего сына розгами, так как я желаю и вам приказываю наказывать его розгами каждый раз, как только он проявит упрямство или позволит себе какую-нибудь шалость, зная очень хорошо по себе, что ничто в мире не принесет ему столько пользы, как розги; я знаю по опыту на себе самом, что они были очень полезны для меня, так как в его годы меня очень часто поролли розгами. Вот почему я и вас прошу отнюдь не стесняться и сечь его розгами, как только найдете это нужным, а также сообщите ему об этом". С той же строгостью воспитывались и дети прусского короля. Отец Фридриха Великого даже злоупотреблял телесными наказаниями своих детей. Молодой Фридрих однажды приказал заменить железную столовую вилку, которую он обыкновенно употреблял при еде, серебряной; его отец это заметил и немедленно велел за это высесть его розгами, чтобы раз и навсегда отбить у него охоту к роскоши.

Английский историк Карлейль рассказывает, что отец Фридриха Великого избил учителя его за то, что застал его изучающим с сыном латинский язык, когда король формально это запретил, а сына, за непослушание, немедленно же велел жестоко при себе наказывать розгами.

Вот что пишет этот принц в одном из писем к матери: "Я в полном отчаянии. То, чего я так боялся, случилось со мною. Король совершенно забыл, что я его сын. Сегодня, по своей обычной привычке, он вошел ко мне в комнату и, как только увидал меня, схватил за шиворот и стал колотить тростью. Напрасно я старался уклониться от ударов. Он был в страшном бешенстве и бил меня до тех пор, пока сам не устал. Я положительно не в силах более терпеть подобное обращение и готов на все, чтобы избавиться от таких мучений..."

Тот же принц вздумал добиваться благосклонности у одной барышни по имени Дора Риттер из города Потсдама.

Король велел пригласить к себе девушку, позвать трех своих гайдуков, принести скамейку и розог. Несмотря ни на какие мольбы бедной Риттер, гайдуки, по приказанию короля, раздели ее и разложили на скамейке. Король велел держать ее одному за ноги, другому за руки, а третьему сечь розгами. Ее поролли так жестоко, что вскоре вся ее спина представляла живой кусок мяса, а ягодицы были иссечены, как котлета... Короля не тронули душераздирающие крики истязуемой девушки. Он только тогда велел прекратить пороть ее, когда девушка перестала орать, потеряв сознание. Когда она оделась и получила позволение уйти, король сказал, что сегодняшняя порка ничто в сравнении с той, которая ее ожидает, если он узнает, что она хотя бы один раз виделась где бы то ни было с сыном его.

Следует еще заметить, что, подвергая детей наказанию розгами, сами наказывающие - родители, учителя или гувернантки, не остаются равнодушными.

Брантом заметил этот факт и пишет: "Я слышал от одной очень почтенной дамы, что ее, когда она была девочкой, мать наказывала розгами иногда по два раза в день, но, по ее мнению, не за шалости, а потому только, что матери доставляло удовольствие слышать ее крики и видеть, как она вертится под розгами. Пороли ее до пятнадцати лет",

Из королевских принцев Франции, кажется, более всех секли, когда он был наследником престола, будущего короля-солнце - Людовика XVI.

Наказывать розгами могли его только воспитатель де Монтэзье или госпожа Ласкост.

"Наказывали принца очень часто, - говорит в своих мемуарах госпожа Ласкост, - и притом довольно строго; раз, когда принц умышленно не ответил на поклон министра и я его собиралась высечь розгами за это, тело его было настолько иссечено, что случайно увидавшая это сестра его предложила высечь ее взамен брата".

По словам все той же госпожи Ласкост, телесные наказания детей практиковались в семьях столь же часто, если даже не чаще, чем в пансионах. До назначения воспитательницей наследника престола госпожа Ласкост была начальницей одного пансиона для дочерей аристократок. Вот что она рассказывает про свое собственное детство: "Мы все, я и три моих сестры, жили дома и учились в школе, где вовсе не были в ходу телесные наказания; сажали в карцер, надевали колпак и т. п., но никогда ни одну девочку не наказывали каким бы то ни было образом телесно; зато наши родители почти до самого нашего замужества поддерживали свой авторитет при помощи розог. Правда, и мать, и отец наказывали очень редко и только розгами. Но мы знали, что оба они непременно высекут каждую из нас, если мы этого заслужим. Особенного унижения мы при подобных наказаниях не испытывали... так как почти никто в доме не знал, если которая из нас была высечена. Хотя иногда наказывали очень строго. Последний раз я была наказана за то, что пошла на свидание к одному молодому человеку, который ухаживал за мной, но которого мои родители терпеть не могли. Я успела вернуться до возвращения домой моей матери, но она меня видела на улице с молодым человеком; кроме того, не зная этого, я энергично отрицала, что в отсутствие матери и отца выходила из дома. В конце концов меня уличили во лжи, и, посоветовавшись с отцом, мать решила высечь меня розгами на другой день утром, когда прислуга уйдет на рынок за провизией. В ожидании наказания я всю ночь не могла заснуть и плакала. Я спала со старшей сестрой и рассказала ей всю историю. Она обещалась утром упросить мать простить меня. Утром я сама слышала, как она просила мать простить и не сечь, но мать была непреклонна. Меня уже очень давно не наказывали розгами, и я никак не думала, что придется опять познакомиться с ними. Как только наша кухарка ушла на рынок, мать явилась в нашу комнату с двумя пучками розог. Увидав такую массу розог, я поняла, что меня ожидает очень серьезное наказание, бросилась в ноги к матери и стала умолять простить. Но мать была неумолима... Очень строгим голосом велела старшей сестре выйти из комнаты и оставить нас вдвоем. Когда та вышла, я еще раз стала просить прощения, но мать мне сказала, что если я сейчас же не разденусь и не лягу на кровать, чтобы она меня привязала, она подождет возвращения с рынка Мари и тогда с помощью ее и отца меня высекут. После этого я увидела, что мне не избежать наказания; быть же наказанной в присутствии прислуги и отца еще стыднее. Быстро раздевшись и оставшись в одной рубашке, я легла на кровать. Мать молча привязала меня за руки и ноги к кровати. Затем, подняв мне рубашку, начала меня сечь... Секла она, как мне показалось, страшно долго и больно. Сестры мне потом говорили, что я орала, как безумная. Я кричала, просила прощения, как пятилетняя девчонка, обещалась никогда больше не назначать свиданий; но меня все секли и секли. Наконец перестали, позволили встать и одеться. Когда я посмотрела в зеркало на свое тело, то увидела, что оно было все в полосах, из которых некоторые были темносиние, местами сочилась кровь. После этой порки я больше никогда уже не ходила на свидания".

Флагелляция детей может привести совершенно к неожиданным результатам. Если

произвести наблюдения над детьми, то можно заранее указать на будущих флагеллянтов. Такими непременно будут те, которые находят удовольствие в наказании и охотно ложатся под розги, умышленно совершая поступки, за которые их ждет порка, а также те дети, которые любят играть в учителя и учеников, при этом просят, чтобы их секли под разными предлогами.

То, что происходит в семьях, ничем ровно не отличается от происходящего в школах. Так, на ребенка, подвергаемого наказанию розгами, думают подействовать не только физической болью, но и стыдом, - розги или плетки считаются позорными орудиями наказания, в особенности, если наказывают ими в присутствии сотоварищей или подруг, или взрослых. Но боль, как мы уже видели, может некоторым доставлять наслаждение, так же, как и унижение и вид обнаженного тела; все это может подготовить будущих флагеллянтов.

В Англии, как мы уже сказали в первом томе, телесные наказания детей обоего пола были в ходу как в семьях, так и в школах, да сохранились еще и по настоящее время.

В старину телесное наказание детей считалось настолько необходимым при воспитании их, что школьников или школьниц в училищах секли не только за какую-нибудь вину, а просто потому только, что считалось полезным пороть ребенка.

Эразм Роттердамский говорит, что во имя подобного принципа его часто секли в школе. Так, его учитель сек, чтобы посмотреть, как он переносит боль. Теперь телесные наказания применяются в общественных школах в редких случаях - за безнравственное поведение, дерзости начальству и оскорбление нравственности. Но в частных школах они и до сих пор в гораздо большем ходу и нередко заменяют карцер или другие наказания.

В XIX веке, вплоть до 1830 года, в женских пансионах беспощадно секли розгами или плеткой девочек, иногда довольно взрослых. Дисциплинарными правилами большинства пансионов устанавливалось три степени наказания. Первая - виновного или виновную наказывали розгами или плеткой начальник или воспитатель собственноручно, в присутствии одной прислуги. Вторая степень наказывали на скамейке или деревянной кобыле, при этом допускалось присутствие трех прислуг, из них двое держали, если наказываемый или наказываемая не были привязаны, а третий или третья секли. И, наконец, третья степень - подобное же наказание, но на глазах всех сотоварищей или подруг по классу или, в редких случаях, в присутствии решительно всех учеников и учениц. Когда применялась третья степень к девочке, то перед тем, как привести ее в экзекуционную комнату, на нее надевали ночную сорочку.

Вот что рассказывает бывшая воспитанница одного из лучших пансионов Лондона: "...Некоторые мои подружки рассказывали мне, что после первых ударов розгами они испытывали странное чувство, и то, что должно было служить наказанием, порождало в их уме такие райские мысли, что они испытывали страшное наслаждение. В то время я не могла понять этого, но когда вышла замуж, то мне все объяснил мой муж настолько подробно и хорошо, что я теперь глубоко убеждена в том, что девочек старше двенадцати лет отнюдь не следует наказывать телесно из опасения вызвать раннее половое возбуждение и склонность к онанизму".

Так, у одной из ее подруг, которая за излишние ласки с подругой была торжественно, в присутствии всего класса высечена розгами, первое половое возбуждение возникло после наказания. Между тем ее наказали жестоко, привязав к лестнице, и после наказания прямо отнесли в лазарет.

В 1797 году одна дама, по имени Розалия Брингтон, вдова, очень богатая, попала на скамью подсудимых по обвинению в истязании своего десятилетнего сына и двух дочерей, из которых одной было тринадцать лет, а другой четырнадцать. Мы приводим, исключив некоторые подробности, показание у судьи лакея Джона Белля.

"Я был послан к госпоже Брингтон конторой Кларка. Нанимая меня, Брингтон предупредила, что я обязан буду исполнять все ее приказания. Я обещался делать все, что она прикажет. Вскоре я узнал, что она подразумевала под словами "исполнять все ее приказания". На другой день утром, в то время, как я накрывал стол для завтрака, госпожа

Брингтон спросила меня, не служил ли я когда-нибудь в школе и не помогал ли я наказывать розгами учеников? Я отвечал, что в школе не служил, но что меня самого отец и мать в детстве не раз секли, и потом, тут нет никакой хитрости, и я могу помочь, если она захочет наказать кого-либо из своих детей. Не больше, как через час после нашего разговора, сын госпожи Брингтон толкнул меня нечаянно, и я выронил блюдо с рыбой на пол.

- Держите, Джон, хорошенько этого шалуна, пока я схожу за хорошими розгами. Через несколько минут барыня принесла пучок розог, велела мне раздеть кричавшего и вырывавшегося мальчугана и, положив на колена, высечь розгами, как меня когда-то секли. Я быстро спустил штанишки и начал сечь барчонка. Барыня, пока я сек, все время смотрела и приговаривала: "Хорошо, посильнее его..." Она велела перестать сечь, когда мальчик был наказан очень строго, так что во многих местах показалась кровь.

Но я был страшно поражен, когда в тот же вечер мне было велено высечь розгами старшую барышню. Когда барыня заметила, что я стесняюсь немного, то строго мне сказала: "Если, Джон, вы хотите у меня служить, то извольте сейчас привязать шалунью к кушетке". Пришлось повиноваться и привязать барышню к кушетке, хотя она сильно сопротивлялась и даже укусила мне палец, но я вскоре с нею справился... Затем, взяв по приказанию барыни розги, я стал ее сечь. Барыня указывала, где бить. На другой день она наказывала также младшую барышню и опять мальчика. Детей секли почти каждый день. Иногда барыня сама секла, но гораздо чаще приказывала мне пороть их. Наказывали и плеткой, но реже. Особенно жестоко барыня наказывала старшую барышню. За какую-то грубость мне было приказано так долго сечь розгами, что она вся была в крови и два раза теряла сознание..."

По жалобе соседей дело дошло до суда, но судья оправдал Брингтон, так как нашел, что Брингтон "наказывала за проступки и не вышла из пределов родительской власти"... По возвращении из суда госпожа Брингтон, с помощью того же Белля, жестоко выпорола розгами всех трех детей. Эта порка дошла до полиции, и та тут же привлекла Брингтон к суду, но судья снова ее оправдал, найдя, что "за показание, данное детьми на суде при разборе первого дела, госпожа Брингтон могла наказывать их гораздо строже, чем они были наказаны".

В вопросах о сечении детей, конечно, лучше всего было бы допросить их самих, но по многим причинам это неудобно.

У Ницше Заратустра говорит, что женщину необходимо сечь.

До Ницше к такому же выводу пришел поэт Юлий де Бове.

В наше время немногие поэты дадут совет пороть женщин за капризы.

По судебным приговорам женщин наказывали в сравнительно очень недавнее время.

Начиная с самых отдаленных времен женщину секли по обнаженному телу за незначительные даже поступки. С особенной жестокостью в старину наказывали их розгами или плетью, публично, по обнаженному телу, за адюльтер. Обычай довольно нескромный наказывать женщин по обнаженному телу возник в те отдаленные времена, когда нагота тела женщины никого не шокировала, даже почтенный ареопаг судей.

С наступлением христианской эры по-прежнему продолжали сечь обнаженных женщин, но подобное наказание, не безнравственное в древние времена, стало теперь безнравственным.

В Греции ценилась физическая красота, и этот удивительный народ понял, что нет ничего странного в том, чтобы девушке с красивым крупом поднести статую, триста талантов золотом и лавровый венок. Мы же платим какому-нибудь тенору за его красивый голос по несколько тысяч франков в вечер!

Один и тот же поступок может быть нравственным и безнравственным, смотря по производимому им действию.

Когда наказывали публично розгами виновную весталку, народ и патриции говорили: "У нее хороший круп!". Когда в подземелье инквизиционного суда монахи секли хорошенькую молодую женщину, то у них глаза горели сладострастием. Монахи видели то же самое зрелище, что и римляне, но последствия от него были совершенно различные...

Березовые розги покрывали атласную кожу красными прозрачными рубцами, слышались вопли от боли, а в голове монахов был настоящий ад...

Все читатели знают из истории, какую геену огненную представляли средневековые тюрьмы?

Я не собираюсь распространяться здесь по поводу тех ужасных пыток, которые воображение истязателей придумывало для злосчастных жертв, попавших в их лапы.

Когда секли женщину, мысль унизить ее была по меньшей мере так же сильна, как и желание заставить ее страдать физически.

Через всю историю проходит красной нитью стремление мужчин оскорбить стыдливость женщины перед тем, как причинить ей боль.

В средние века секли проституток, чтобы устыдить их; в наши дни случаи сечения молодых девушек с дисциплинарной целью вовсе не так редки, как думают некоторые. И всегда мужчина, подвергая наказанию розгами или плетью провинившуюся женщину, стремится прежде всего унизить ее, оголив ей зад на глазах присутствующих.

У натур возвышенных стыд от того, что будут подняты юбки, - спущены панталоны, значительно тяжелее или мучительнее самой сильной боли от розог или плети.

Это подтверждается многими историческими примерами.

Не раз уже занимались психологией преступниц, но среди судей, особенно старинных, были прежде всего мужчины, со всеми желаниями, свойственными мужчинам, и которым услужливое правосудие помогало осуществить эти желания.

В подземелье инквизиционного трибунала приводили молоденькую девушку, очень красивую, обвиняемую в колдовстве. Обнаженная вполне или отчасти, она должна была показать все самые сокровенные прелести своего тела...

Мужчина всегда остается мужчиной, и вот судья пользуется своим положением, чтобы видеть более того, что требуется по делу.

Понятно, что наказанием выбирается сечение, как соединяющее приятное с полезным... Пользуются самым пустяшным предлогом, чтобы вызвать громы флагелляции на несчастных женщин или девушек. Да и как было мужчинам устоять против возможности полюбоваться прелестями женщин!

Если в теологии были споры, есть ли у женщины душа, то вопрос, следует ли сечь женщин, не вызывал никаких тогда споров, так как все были согласны, что их нужно сечь, и если спорили, то только относительно способов применения телесного наказания.

Если что и может несколько смягчить ужасную сторону унижительного наказания розгами или плетью женщин, то только мысль, что не все виды флагелляции были слишком суровы, и иногда красота взволнованной и плачущей женщины или девушки заставляла невольно мужчину смягчить удары...

В отношении флагелляции маркиз де Сад является просто мальчишкой по сравнению с той флагелляцией, которая была произведена народом во время сентябрьской бойни в Париже в дни Французской революции.

Начиная с великого избиения гугенотов, драгонад и бойни после Нантского эдикта ничего подобного в истории мы не знаем.

Все подонки народа набросились на аристократические тела, которые были выданы им богиней Свободы.

Мария-Антуанетта должна была считать себя счастливой, что ей удалось умереть на эшафоте без предварительных унижительных истязаний.

Что может сравниться по трагичности со смертью маленькой де Ламбаль, обнаженное тело которой было в течение целого дня выставлено на посмешище глупой, пошлой, злой и невежественной толпы.

Что можно сказать о тех молоденьких девушках из аристократии, укрывавшихся в монастырях, которых беспощадно секли розгами, прежде чем убить и таскать на пиках целый день по улицам Парижа их отрубленные головы.

Мы не знаем ни в Жюстине*, ни в Юлии {Сочинения маркиза де Сада.} сцен такой

садической жестокости, которая была в это время проявлена парижскими ремесленниками, считавшимися до сих пор вовсе не злыми.

Кто мог предполагать, что какой-нибудь бондарь или сапожник проявит в этом деле столько утонченного искусства.

Маркиза де Ламбаль! Перед нами рисуется ее белоснежное тело с младенческим ротиком, все израненное!

Гнусное изуродование тела той, которая слыла за друга королевы, возмущает даже самый спокойный ум!

Поведение храброй черни из окрестностей Парижа в сентябрьские дни, когда она таскала по улицам на пике голову Ламбаль, причесанную парикмахером из толпы, намного убавит восхищение всеми настоящими и будущими революциями.

Нужно полагать, что в наше время не будет лучше, и мы от души желаем нашим знакомым дамам не быть современницами подобных ужасов.

Террор! Это настоящая оргия флагаелляции! Ежедневно газеты "Отец Дюшен" и "Газета" посвящают целые столбцы описанию флагаелляции девушек на улице.

Вот молоденькая портниха гуляет по улице.* Хорошенькое личико, трехцветная кокарда - это честная гражданка, в твердости республиканских убеждений которой нельзя сомневаться. Проходя мимо казармы национальных гвардейцев, она видит себя окруженной несколькими солдатами, требующими, чтобы она сделала глубокий поклон перед кокардой их головного убора. Молодая девушка думает, что с нею шутят, отказывается и при этом слегка улыбается. Тотчас солдаты ее хватают, поднимают платье с юбками, спускают панталоны и жестоко порют шомполами. Этот факт сообщает историк Мишле.

И подобные сцены повторяются ежедневно.

Невольно является вопрос, как эти солдаты могли безобразничать в Париже в то время, как их собратья в рядах армии республики удивляли весь мир своим геройским поведением?

В ту пору здоровые мужчины разделились на два класса.

Один спасал отечество от опасности, он остается чист, как античный мрамор, начиная с последнего капрала и кончая фигурой двадцатидвухлетнего генерала. Другой класс порол женщин на улицах, в монастырях и тюрьмах.

Особенно в монастырях проявили свою страсть к флагаелляции жирные торговки и их почтенные мужья. Почти все аристократические крупы угодили под плети и розги; молодые и старухи, все подвергались унижительному телесному наказанию.

В одном из монастырей, куда скрылись дамы и девушки высшей аристократии, жены национальных гвардейцев в течение целых пяти часов занимались тем, что поролли женщин розгами или шлепали по их обнаженным ягодицам руками, так как не хватало розог.

На другой день "Отец Дюшен" напечатал в хронике, что аристократки были счастливы подвергнуться наказанию розгами, ибо смотрели на подобное наказание как на испытание, посланное им самим Богом, и по прибытии торговки или жен гвардейцев сами раздевались, и последним не приходилось возиться с раздеванием их, чтобы пороть розгами или шлепать руками.

Потребовалось бы написать целые тома, если бы мы пожелали передать со всеми подробностями произведенные экзекуции.

Все телесные наказания, в общем, похожи одно на другое. Тогдашние газеты полны подробными описаниями телесных наказаний женщин из общества. Даже конвент посвятил несколько своих заседаний вопросу о злоупотреблении телесным наказанием женщин.

В первом томе нашего труда мы рассказали уже о наказании парижской чернью в революционное время Терианы де Мерикур.

Когда Империя украсила свои орлы трехцветным флагом, народная мысль направилась к другой цели, и пушечный гром заглушил крики женщин, если еще их где-нибудь в глуши поролли.

Наполеон провел свои победоносные войска по многим странам, и флагаелляция не принимала участия в этом шествии, а если и практиковалась иногда, то в таких ничтожных

размерах, что о ней не стоит и говорить.

Само собой разумеется, наполеоновские солдаты не упускали случая посечь хороших неприятельниц, прежде чем воспользоваться своим правом сильного...

В рядах 6-го драгунского полка, где служил Стендаль, было в ходу выражение, что женщины, как говяжье мясо: чем больше их бьют, тем они становятся нежнее. Но это уже казарменные остроты... Мы не станем разыскивать и описывать здесь случаи телесного наказания женщин солдатами. Приведем только рассказ капитана 5-го гусарского полка Корнар, как он сам описывает подвиг его солдат в своих мемуарах.

"Я вошел в крошечный деревенский трактир, где один вид моего мундира произвел на всех живущих в домике потрясающее впечатление. Муж, жена и прислуга положительно все дрожали, когда подавали мне скромный обед, который я им заказал.

Я отрезал ломоть хлеба, когда услышал раздирающие крики на дворе, в сарае.

Не снявши салфетки, которую завязал вокруг шеи, я бросился к сараю. Крики все усиливались. Я открыл дверь, сопровождаемый хозяином, хозяйкой и прислугой, и увидел пухленький женский круп, весь красный и припухший под шлепками, которыми награждал его один из моих солдат в то время, как двое других держали женщину за руки и за ноги.

Увидав меня, солдаты оставили свою жертву, и она встала на ноги. Эта была прехорошенькая блондинка, с голубыми глазами, маленькая немочка, похожая на фарфоровую куколку. Ее личико, раскрасневшееся от слез, было чрезвычайно мило.

Я стал утешать милую девушку, которая оказалась хозяйской дочерью. Ей на вид нельзя было дать больше шестнадцати лет. Отдав ее на руки ее родителей, которые тотчас же поспешили ее увести с собой, я вернулся к своему немного простывшему обеду.

На другой день я узнал, что девушка отказала солдатам в своей благосклонности, и они не придумали ничего другого как начать ее шлепать, чтобы сломить ее упрямство. Я посадил каждого из моих ребят на пять суток в темный карцер на хлеб и воду".

Подобные факты не раз повторялись в течение кампании и, конечно, весьма часто с благоприятным для солдат результатом, так как не всегда находился капитан Корнар для освобождения нежной голубки, упорство которой обыкновенно старались сломить не шлепками, а хорошими розгами. В этом отношении солдатам была дана полная свобода.

Госпожа Розга свирепствовала в Тюльери, и ходили слухи, что сам Наполеон не был против телесных наказаний, как дисциплинарной меры. Его собственные сестры, по его словам, частенько после урока наказывались розгами за леность.

После падения Империи наступил белый террор, тоже оргия флагаелляции, но теперь вернувшиеся аристократы пользовались властью и на крупах хороших якобинок вымещали обиду, нанесенную их женам, сестрам и дочерям. Затем с той же бесцеремонностью и жестокостью стали пороть бонапартистских женщин. Пучки розог или рукоятки плеток, которыми секли женщин, украшались белыми лилиями. Этот цветок гравировался на дереве остроконечными иглами и оставлял свое изображение на теле женщины. Если какая-нибудь девушка слыла за либералку, что означало приверженность к Империи, ее быстро хватали, спускали ей панталоны, поднимали платье с юбками и жестоко секли первым попавшимся удобным предметом, а затем хватали следующую.

Одна молодая женщина тотчас по выходе из церкви после венчания была схвачена толпой в Лионе и жестоко высечена публично розгами. Несчастная пролежала потом в постели несколько месяцев.

Но особенно много было перепорото публично женщин в Руане.

Так, до сведения роялистских дам дошло, что в одном костеле каждый вечер собирается очень много молодых и пожилых дам-бонапартисток. Подобные собрания не понравились некоторым гражданам города, и решено было положить им конец.

Несколько здоровенных и сильных женщин-роялисток, вооружившись пучками толстых, длинных и свежих березовых розог, стали караулить бедняжек у входа в костел. Когда бонапартистки появились, закутанные в свои тальмы, роялистки набросились на них; с каждой спускали панталоны, поднимали платье с юбками и секли ее розгами с яростью

настоящих фурий по обнаженным частям тела. Присутствующие зрители аплодировали и поощряли разъяренных женщин, которые и без того были возбуждены криками истязуемых ими. Только когда у большинства розги измочалились и тела были исполосованы рубцами до крови, роялистки отпустили своих жертв.

Несмотря на жестокое истязание, которому подверглись несчастные бонапартистки, они все-таки решились еще раз собраться в костеле, чтобы покаяться в своих грехах, но из боязни нового истязания они решили на всякий случай надеть панталоны из особенно толстого полотна и которые не так легко было бы спустить. Роялистки провели обо всем этом и решили поступить с ними еще безжалостнее, чем в первый раз. Они запаслись пучками из крапивы, каждую из них должен был сопровождать с таким пучком мальчик или девочка, чтобы она сама не укололась этим страшно колючим растением, а могла бы взять в руки пучок, когда жертва будет совсем готова для наказания. Полиция помогла им в их заговоре. Дней через восемь, когда появились у костела бонапартистки, они, как и в первый раз, были схвачены и обнажены, так что особые панталоны только немного замедлили операцию раздевания, но не спасли обладательниц их. Почти все дамы и девушки были наказаны крапивой до потери сознания, и многих пришлось полиции отвезти на извозчике домой... После этого дамы прекратили собрания в костеле. Когда об этом истязании заговорили газеты и старик Беранже особенно горячо нападал на руанскую полицию, допустившую два раза на улице такое безобразие, то министр сменил полицеймейстера, а через месяц дал ему повышение по службе.

В то время и в школах, и при исповедальнях опять стала процветать флагаелляция в самых широких размерах.

Иезуиты признавали, что единственным средством заслужить прощение грехов было согласие подвергнуться от руки духовника наказанию розгами, плеткой или крапивой. И вот в исповедальне коленопреклоненная молоденькая женщина или девушка сама поднимает платье с юбками и подставляет свое обнаженное тело, чтобы духовник высек ее розгами, или плетью, или, за особенно большой грех, крапивой.

В одной деревне в то время один Ксендз принял за обыкновение наказывать своих духовных дочерей розгами или крапивой при всяком удобном и неудобном случае. Дамы настолько нашли это по вкусу, что часто сами для будущего успокоения души приставали к нему, чтобы он их выпорол, даже тогда, когда он находил возможным отпустить им грех, ограничившись двумя-тремя пощечинами.

КАКИМ ОБРАЗОМ СТАНОВЯТСЯ ФЛАГЕЛЛЯНТШЕЙ. ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ БЕЛОЙ РАБЫНИ

Мы увидим ниже, что любовь к получению ударов может быть у молодой девушки врожденной, но мы пока хотим рассмотреть тот случай, когда женщина, достигнув зрелости, не имела даже самого смутного желания быть высеченной или самой сечь кого-нибудь.

Теперь нас занимает мужчина, зараженный этим пороком и заражающий им женщину. Если это человек умный, он постарается вызвать у своей подруги страсть к флагаелляции, действуя на ее воображение. Он станет заводить с ней разговоры по этому вопросу, будет частенько рассказывать факты, касающиеся флагаелляции, таким образом он добьется, что возбудит любопытство у той, которую он хочет обратить в свою секту.

От одного господина мы узнали, как он просветил свою возлюбленную, не имевшую понятия о том, что есть мужчины, находящие наслаждение в унижении от женщины. Он был как бы полумазохист.

Он рассказывал, как его в детстве родители и гувернантки секли розгами за непослушание или дерзости. Затем он однажды приготовил розги и попросил ее высечь его. Подруга привязала его тоненькими веревочками, которые разорвались, как только она ударила его розгами, и он рванулся. На нее это произвело впечатление, она была сильно взволнована и сказала, что больше этого никогда не будет делать.

Но затем он ей постоянно рассказывает о том, как его знакомая дама наказывает своего возлюбленного розгами страшно жестоко за малейшую дерзость и неисполнение ее желаний.

Иногда тот сам ее сердит или говорит грубости, так что она, серьезно взбешенная, говорит: "Вы дождетесь, что я вас пребольно выпорю розгами за подобные грубости!" Раз, выведенная из терпения и, думая совершенно искренно, что, подобно его знакомой даме, можно наказанием розгами заставить его быть более внимательным и не говорить грубостей, она сказала, чтобы на следующий раз к ее приходу были готовы розги, и она накажет его. Он приготовил розги, и она, привязав на кровати уже солидными веревками, наказала его четырьмя ударами розог, так что у него появились красные рубцы и местами кровь. Так как после наказания он был сильнее в ласках с ней, что она, конечно, заметила, то она впоследствии стала чаще прибегать к наказанию розгами, несмотря на то, что розги было нелегко достать. Иногда он, довольно чувствительный к боли и более возбуждавшийся от приготовлений к наказанию, чем от самого наказания, хотел уклониться от розог, особенно если видел, что сильно ее чем-нибудь взбесил и она его хорошо проберет розгами... Но она настаивала и даже, случалось, уходила от него, если он не соглашался лечь под розги. Затем через несколько дней являлась уже сама с пакетом розог и требовала, чтобы он подчинился и дал себя привязать и высечь, если не желает чтобы она опять ушла. Приходилось исполнять ее желание. В таком случае она особенно больно и долго секла, давая часто до тысячи и более ударов. Она говорила, что сечь ей доставляет большое удовольствие, особенно когда показывается кровь или удачный удар розгами вызывает крик. Мужчине этому было под пятьдесят лет, и она его очень любила. Пробовала сечь и плеткой, так как розги трудно было доставать.

Таким образом была подготовлена флагеллянтша. Впоследствии она сознавалась, что и мужа стала постепенно приучать к тому, чтобы он позволял себя бить по обнаженному телу. Особе этой было под тридцать лет.

Сама она была на редкость чувствительна и с трудом позволяла шлепать себя по ягодицам рукой.

В данном случае вышеупомянутый мужчина вполне достиг цели: он искал не столько боли, сколько унижения; боль для него была даже неприятна, и он, как мы видели, старался иногда уклониться от наказания. Но его подруга все-таки смотрела на наказание розгами отнюдь не как на возбуждающее средство или удовлетворение желания своего друга. Она именно наказывала, чтобы заставить смириться своего друга причинением ему сильной боли и унижения, когда он, взрослый человек, должен вертеться и кричать от боли, как пятилетний мальчуган. Она никогда, например, не наказывала, если не было с его стороны никакой вины. Он сумел мастерски вселить убеждение, что от всего неприятного для нее она может отучить его розгами, не лечь под которые он, конечно, может, но не рискнет, когда увидит, что ему грозит потеря близких с нею отношений. При этом, повторяем, она его любила. Это была как бы мать или воспитательница, глубоко убежденная, что наказывая, иногда очень строго, она исправляет своего любимого сына или воспитанника. Играл тут также роль некоторый садизм ее характера, - она сознавалась, что появление крови на теле наказываемого возбуждало ее...

Но не всегда можно напасть на такую подругу.

Во всяком случае, когда мужчина увидит, что женщина его рассказами достаточно подготовлена, что ее, любопытство возбуждено, то он может ей сознаться в своей страсти и просить ее удовлетворить, если не может рассчитывать, как в вышеописанном случае, достигнуть удовлетворения ее своей подругой бессознательно, по собственному желанию...

Часто стыд, боязнь быть смешной удерживает женщину и делает флагелляцию для нее затруднительной, благодаря

необходимости разыгрывать комедию, которая должна ее сопровождать.

Если мужчина не интеллигентен, то он не сумеет воспитать единомышленницу, а просто обратится к подкупу, и очень редко бывает, чтобы его желание не было удовлетворено.

Впрочем, очень многие женщины согласятся охотно сечь, но не в силах будут преодолеть страх, который им внушает быть самой высеченной.

Для флагеллянта, у которого нет ни капли садизма, наслаждение будет несравненно полнее, когда женщина подвергается флагелляции силой, испытывая при этом неудовольствие и страх.

Максим Р., один из моих пациентов, был именно флагеллянтом подобного рода.

Вид крови был для него тягостен, всевозможные утонченные истязания, которым садисты подвергают свои жертвы, стараясь возможно полнее удовлетворить свою страсть и в то же время боясь уголовного преследования, уколы булавками, прижигания, нанесение ран и т. п. - все это внушало ему отвращение. Но он был страстный охотник до причинения нравственных страданий женщинам, которых он находил для удовлетворения своей страсти и которых он после таких мучений подвергал утонченной флагелляции.

Он выбирал женщин только между проститутками и старательно искал между ними девушек очень молодых, немного робких, которых он находил на плохо освещенных улицах в часы, когда в Париже всюду выступает на сцену продажная любовь.

Он приводил избранницу на свою холостяцкую квартиру, находившуюся в центральном квартале и так устроенную, что из нее нельзя было услышать ни криков, ни призывов на помощь.

Когда девушка входила в западную, то начиналась ужасная комедия. Она каждый раз менялась, в зависимости от приведенной девушки и собственного настроения в ту минуту Максима.

Иногда он разыгрывал сумасшедшего и своими бессвязными словами приводил в неподдельный ужас несчастную подругу. Чаще он признавался ей в своей страсти к виду крови, и когда она, обезумевшая, хотела бежать, то он связывал ее веревками.

Затем целыми часами он наводил на нее ужас рассказами о тех неслыханных мучениях, которым он ее подвергнет после того, как накажет розгами; розгами он сек сравнительно слабо, но при этом уверял девушку, что это только прелюдия ожидающих ее пыток.

Ему доставляло невыразимое наслаждение видеть, как: у несчастной меняется от страха все лицо, как обнаженное ее тело корчится, слышать ее отчаянные крики и призывы о помощи.

Два раза, по его словам, дело могло кончиться для него очень скверно. В первый раз очень молодая чахоточная девушка впала в бессознательное состояние и умерла, когда он поднял рубашку и собирался сечь ее розгами. К счастью для него, на теле не было никаких следов насилия. Он развязал несчастную и, уложив в постель, послал за полицией. Призванный доктор нашел смерть естественной и последовавшей, по словам Максима, в минуту первой ласки.

В другой раз, по его словам, разочарование его было еще сильнее.

В этот день его подруга, сперва взволнованная и напуганная его ужасными угрозами, мало-помалу пришла от них в опьянение, и сама горячо торопила его поскорее начать сечь ее розгами. Когда он на ее глазах вязал из березовых прутьев два пучка розог, она находила, что он выбирает недостаточно толстые прутья или вяжет слишком тонкий пучок.

Но самое любопытное то, что женщину эту еще ни разу в жизни не секли, и о подобной страсти она знала только по слухам. И вдруг она стала ярой поклонницей флагелляции.

Но Максим искал не этого; он наслаждался волнением и страхом, происходившими от его слов и действий.

Наоборот, многие флагеллянты находят высшее удовольствие, если их удары вызывают у жертв наслаждение, и они всячески стараются, чтобы жертвы разделяли их сложные чувства.

Мы уже раньше сказали, что большинство женщин охотно становятся активными флагеллянтшами. Мы прибавим еще, что, если хотят внушить женщине страсть к пассивной флагелляции, непременно необходимо для начала заставить ее играть активную роль, не требуя тотчас перемены ролями.

Вначале она будет страшно изумлена тем, что ей пришлось не ласкать, а бить... Сначала она беспокоится о причиняемой ею боли, потом привыкает к мысли, что она

причиняет, наказывая даже очень жестоко розгами своего возлюбленного, не страдание, а высшее наслаждение... Мало-помалу совершенствуясь в искусстве сечь со страстью, она становится совсем смелой и, за редкими исключениями, принимает в подобных развлечениях вполне искреннее участие.

Ей сладко и дорого видеть, как ее возлюбленный валяется у нее в ногах, готовый испытать от нее всевозможные унижения, что в ее власти, неограниченной, как у царицы или жестокой богини, взять в руки розги или плеть и начать полосовать обнаженное тело и что за все причиненные ею страдания он ее будет еще благословлять.

Она изощряется в изобретении утонченных истязаний, что усиливает наслаждение от флагелляции.

И если только женщина от природы не садистка, она неизбежно, - раз она действует искренно, - захочет и сама испытать от руки своего возлюбленного наслаждение, которое, несомненно, она ему доставляет, наказывая розгами и т. п.

В одну прекрасную ночь, утомленная наказанием своего друга, она подставит свое тело и будет молить его причинить ей страдания.

У некоторых женщин-невропаток страсть к флагелляции развивается при помощи внушения.

Один очень известный доктор по нервным болезням, страстный флагеллянт, комплектовал свой гарем пассивными флагеллянтками при помощи внушения. Обращаясь к субъектам уже с некоторой склонностью, которую он умело развивал, он заставлял их исполнять все свои желания.

Способ его довольно любопытен. Он сначала во время глубокого гипнотического сна внушал им, что они испытывают высшее наслаждение от флагелляции, которую он приказывал испытать.

Наконец, когда его внушение начинало действовать, он объявлял им свою волю, уже не погружая их в сон. Никогда он не встречал непослушных, а многие сделались даже отчаянными флагеллянтшами.

Лучшим доказательством того, что торговля живым товаром процветает преблагополучно, служит факт, происшедший в июне 1909 года в России и обошедший все русские газеты, откуда мы заимствуем эти интересные подробности.

Молодой человек и великий мерзавец Иван Скоряк познакомился с приехавшей в Одессу для приискания должности Марией Лопатнюковой. Узнав о цели ее приезда и затруднительном материальном положении, он принялся за ней ухаживать. Неопытная девушка не подозревала, к чему клонятся эти ухаживания, принятое Скоряком в ней участие тронуло ее неопытную душу, и Лопатнюкова стала благосклонней относиться к нему. Ухаживания Скоряка пошли еще дальше; в один прекрасный день он предложил ей руку и сердце. Мария согласилась. Жених, чтобы не жить на двух квартирах, предложил ей переехать к нему. Лопатнюкова сначала колебалась, но Скоряк убедил, что временное сожительство под одной кровлей несколько не будет ее шокировать, тем более, что в Одессе ее никто не знает. Через неделю-две, пока он устроит дела с документами, они будут обвенчаны. Переезд Лопатнюковой на квартиру Скоряка и был началом ее страданий. Клятвы жениха о вечной любви вскружили голову неопытной девушке, и она отдалась. Прошло несколько дней в каком-то угаре. Ежедневно происходили попойки, и Лопатнюкова каждый день засыпала в полуопьяненном состоянии, с тем чтобы завтра повторялось то же. Вскоре в квартире Скоряка прибавилась еще одна пара. Их стал посещать некий Арон Шомнис тоже с девицей, Пелагеей Дроздовой. "Это невеста моего товарища", - сказал Лопатнюковой Скоряк, и кутежи стали происходить уже вчетвером. Как потом оказалось, Дроздова была такой же жертвой, как и Мария. Девушки вскоре сошлись, подружились и делились своими надеждами.

Спустя две недели Скоряк заявил своей невесте, что они должны уехать в Николаев; туда же поедет и Шомнис со своей невестой. Сначала Лопатнюкова протестовала, но когда жених стал угрожать, что он ее выгонит, согласилась, и они уехали.

Затем николаевскому сыскному отделению стало известно, что в один из домов терпимости в Николаеве продается двумя субъектами девушка и что в данный момент они находятся в известном месте. Туда были откомандированы агенты, и через полчаса в отделение были доставлены аккерманский мещанин Иван Скоряк и браиловский мещанин Арон Шомнис с Пелагеей Дроздовой, которая, обрадовавшись, что, наконец, вырвется от своих мучителей, рассказала все начальнику отделения.

Она приехала в Николаев с Лопатнюковой; последняя, как имеющая больше 20 лет, уже продана в дом терпимости, а она, имевшая всего 19 лет, не могла быть принята; поэтому Шомнис, остановившись в гостинице "Новый Берлин", эксплуатировал ее. Дроздова умоляла начальника спасти ее подругу, которая попала в "веселый дом" лишь накануне. Г. Матвеев немедленно с агентами отправился по указанному адресу. Появление полиции в "домике", естественно, смутило находящихся в большой комнате за утренним чаем "этуалей", между последними Марии не оказалось. Начальник энергично потребовал от "хозяйки" указать местонахождение Лопатнюковой. И когда чины полиции вместе с Дроздовой вошли в "комнату", то Дроздова с трудом могла узнать свою красивую подругу Марию. На постели лежала полунагая женщина, со впалыми щеками и глазами, и слабым голосом что-то говорила. Дроздова дала ей воды и помогла одеться. Собрав кое-какие вещи, Лопатнюкова, поддерживаемая подругой и чинами полиции, с трудом передвигая ноги, вышла на улицу, где ее усадили на извозчика и повезли в сыскное отделение. По дороге с ней случился нервный припадок. Немедленно в отделение был вызван врач, который привел ее в чувство и констатировал сильное нервное расстройство, близкое к помешательству.

Когда Лопатнюкова пришла в себя, она на расспросы в сыскном отделении рассказала следующее: "Мы позавтракали с Ваней в одном ресторане, где выпили, но я не была пьяная. Затем мы поехали... Ваня привез к одной даме, по его словам, хорошей знакомой. Он мне назвал ее Марией Ивановной. Здесь мы пили вино. Через некоторое время Ваня сказал, что он уедет по делу, но скоро вернется за мною. Как только он уехал, Мария Ивановна позвала какую-то женщину и велела ей показать мою комнату... Я сказала, что мне комнаты не нужно, так как сейчас придет Ваня за мною... На это дама засмеялась и сказала, что Ваня больше не придет, и теперь я должна слушаться ее и вот Эмилию Федоровну, если не хочу, чтобы мне было плохо... Тогда я догадалась, что попала в бардак, и стала плакать и просить меня отпустить, иначе я буду жаловаться полиции. В это время принесли два шелковых платья и белье. Эмилия Федоровна подошла ко мне и велела мне переодеваться, "так как уже скоро десять часов и скоро могут приехать гости". Я опять в слезы и, взяв зонтик, хотела выйти из комнаты... Мария Ивановна подошла ко мне, вырвала зонтик, бросила его на кровать и сказала, чтобы "я не дурила и тотчас одевалась", иначе мне будет очень плохо... Я говорю, что не стану одеваться, тогда она подошла и ударила меня со всего размаху по щеке... Я закричала: "Вы не смеете меня бить, я не ваша дочь!" А она говорит мне: "Пороть розгами буду, если, стерва, не будешь делать, что тебе велят!" При этом опять меня ударила по другой щеке. Тогда я хотела броситься к окну и закричать, но меня схватили и, потащив к кровати, стали хлестать по щекам; я, конечно, закрывала лицо руками, но они отнимали и били по лицу, так что у меня пошла кровь из носу. Тогда они перестали. Мария Ивановна опять меня спросила: "Оденешься ли ты, проклятая стерва, и выйдешь к гостям?" Я говорю, что ни одеваться, ни выходить к гостям не стану, пустите меня, я буду жаловаться на вас за побои полиции... Тогда Мария Ивановна говорит Эмилиии Федоровне: "Эмилия, вели Егору приготовить побольше хороших розог и скамейку в сарае, потом пускай и сам придет взять ее поучить хорошенько, а Агафье скажи, чтобы ждала нас в сарае"! Когда Эмилия ушла, Мария Ивановна опять подошла ко мне ближе и говорит: "Маша, лучше слушайся, а то больно выдеру и буду пороть, пока не станешь, как шелковая, всю шкуру спущу, а настою на своем! Ну, будешь одеваться ко встрече с гостями"? Я опять говорю, что незачем мне одеваться, когда я одета, гостей мне не нужно, я не блядь, а пороть меня розгами вы не смеете! Тогда Мария Ивановна говорит: "Посмотрим, что ты запоешь под розгами, шкура барабанная", - и опять ударила меня по щеке.

Я ничего не ответила, вижу, что попалась, и, сев на кровать, стала только плакать... В это время пришла Эмилия Федоровна с здоровенным мужиком и говорит: "Мария Ивановна, все готово!" Та опять мне говорит: "В последний раз говорю, Маша, будь умницей и делай, что я тебе приказываю, иначе будет очень больно!" Я говорю: "Хоть режьте, а блядью не буду!" Тогда она велела Егору отвести меня в сарай. Так как я не хотела идти, то он ко мне подошел и, взяв меня за талию, говорит: "Нужно, Маша, слушаться хозяйку и идти в сарай!" Я говорю, чтобы отпустили меня, не их девочка, чтобы слушаться... Тогда Егор хотел меня взять на руки, но я стала брыкаться, кусать его за руку и кричать: "Пустите меня, вы с ума сошли! Я хочу уйти!" В ту же минуту я почувствовала, как мне связали веревкой обе руки и ноги, а Эмилия Федоровна всунула мне в рот платок. Егор взял меня на руки, и все пошли в сарай.

Когда меня принесли в сарай, то там уже была одна баба. Вместе с Эмилией они меня уложили на скамейку, я была так слаба, что перестала сопротивляться, видела, что ничего не подделаешь... Я чувствовала, что кто-то развязывает мне панталоны и спускает их до низу... Потом мне все платье с юбками и сорочкой завернули на голову. Тогда Мария Ивановна велела вынуть платок изо рта, а Егору пороть меня. Меня никогда в жизни не секли розгами, а потому, когда я почувствовала первый удар, то света не взвидела и думала, что я умру от боли и стыда. Сильно рванулась, но увидала, что меня крепко держат, и стала только кричать. Что это была за боль, не могу передать... Затем меня все секли, но потом остановились, и Мария Ивановна говорит: "Я тебе дала пятьдесят розог и сейчас дам еще столько же, если ты не обещаешься одеться и слушаться меня!" Я говорю, что не могу бладовать! Тогда она опять велела пороть.

Егор стал драть меня еще сильнее, и я стала кричать, чтобы меня простили и что я согласна на все и буду слушаться. Меня все-таки продолжали драть. Наконец, когда перестали, то я опять кричу, что готова на все, только бы не секли меня. Мария Ивановна говорит: "Маша, я тебе дала сто розог, но думаю, что тебя сегодня можно еще пороть, чтобы выбить у тебя всю дурь из головы! Агафья, принеси еще свежих розог! Услыхав это, я стала божиться, что готова слушаться и пускай меня опять выпорют еще больнее, если я солгу. Но Мария Ивановна все-таки не отпускала меня со скамейки. Вскоре Агафья вернулась с новыми розгами. Мария Ивановна взяла у нее пучок розог и, подойдя ко мне, показала розги, прибавив: "Я не верю, что ты будешь слушаться, и велю сейчас опять тебя сечь еще больнее, я вижу, что ты обманываешь"... И тут же передала розги Егору, как я не клялась и не уверяла, что не лгу и готова все делать. Опять меня стали пороть, от боли я не могла кричать, дух захватывало. Но скоро опять перестали. Мария Ивановна спрашивает: "Ну, что, Маш?, будешь слушаться и переоденешься здесь же в сарае?"

- Переоденусь здесь в сарае! Только простите и не бейте.

- Постараешься быть хорошенькой, иначе помни, что я тебя прямо из зала отведу в сарай и опять выпорю, но уже много больнее!

Я начинаю клясться, что все буду делать, тогда Мария Ивановна спрашивает меня, буду ли ласкова с гостями? Я опять клянусь, что буду ласкова, если же не буду, то пускай меня опять порют. Только теперь она позволила меня снять со скамейки. Когда я встала, то она при всех подняла мне все платье с рубашкой и сказала: "Полубуйся Маша, на свою спину, видишь, что бывает, когда меня не слушаются!" Я из стыда не хотела смотреть и старалась опустить платье, говоря, что мне стыдно. Но она ударила меня не сильно по щеке и прибавила: "Обещала слушаться, а не слушаешься, стыдно не слушаться, если говорю, смотри на спину, так значит не стыдно, и должна смотреть, я лучше тебя знаю, что стыдно и что нет, видно я тебя мало пробрала, и нужно опять велеть пороть!" Тут я совсем обезумела, увидав, что меня опять хотят класть на скамейку, сама подняла все и стала смотреть на спину, умоляя простить и говоря, что я не поняла... Вся спина была в рубцах, из многих сочилась кровь, были рубцы темно-красные. Теперь я видела, что нужно все делать, если не хочу опять быть поротой. Когда мне принесли белье, платье, зеркало и все необходимое для туалета, Мария Ивановна велела уйти Егору и Агафье. Сама же осталась с Эмилией

Федоровной, и все время были, пока я умывалась и переодевалась. Когда я была совсем готова и приняла вполне приличный вид, так что волнение от пощечин и наказания розгами было заметно только по покрасневшему лицу, что, по-моему, делало меня еще интересней, Мария Ивановна осмотрела меня, похвалила и рассказала мне некоторые подробности, которых я не знала. Затем сказала, что я могу идти в зало. Но мне нужно было за естественной надобностью... Мария Ивановна велела позвать за Агафьей и отпустила меня только с ней. Вернувшись оттуда, я еще раз поправилась и пошла в зало".

Оказалось, что в истекшую ночь она имела у себя одиннадцать "гостей", десять человек были у нее временно, а одиннадцатый остался ночевать. Лопатнюкова отправлена в больницу. Скоряк и Шомнис предаются суду.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ И ЛЮБОВЬ

Не подлежит никакому сомнению, что женщина в любви будет, обыкновенно, такой, какой пожелает видеть ее мужчина, с которым ей приходится иметь дело в минуты страсти.

Выше мы говорили, что девушка, за исключением патологических случаев, во время наступления половой зрелости волнуется от сладострастных мыслей, но становится нормальной в этом отношении около восемнадцати или девятнадцати лет.

Очень часто к этому времени ее чувства, недавно еще так возбужденные, вдруг успокаиваются вследствие родов, необходимости зарабатывать кусок хлеба или от светской жизни и флирта, особенно сильно атрофирующего здоровую чувственность у женщины.

Но бывают такие женщины, у которых с годами развивается сладострастие.

За исключением патологических случаев полового извращения, женщина в таком периоде неизбежно удовлетворяет свою страсть с мужем или любовником, от которых и зависит та дорога страстей, по которой она пойдет.

Если мужчина нормален, она станет тоже нормальной, если он садист, то и она сделается более или менее садистской в зависимости от своего темперамента. Если он - флагеллянт, неизбежно ей придется познакомиться с розгами и пристраститься к ним.

Моя пациентка, госпожа Р. Б., была тридцати четырех лет и только по слухам знала о наслаждении, испытываемом некоторыми лицами при флагелляции, когда сошлась близко с одним молодым человеком, на вид слабым, деликатным, но с твердым, жестким взглядом; в форме его носа и рта проглядывала повелительность.

По ее словам, он был страшный любитель флагелляции, и в ней его соблазняли главным образом сильно развитой круп и ляжки, многообещающие округленности тела, а также величественный вид богини, которой недоставало только немного властности и строгости во взоре, чтобы вполне осуществить ту идеальную любовницу, которую создало его воображение.

Вначале они имели нормальные половые сношения. Очевидно, он хотел ее сперва приручить, считая совершенно неподготовленной к тем упражнениям, в которых он собирался пригласить ее принять участие.

За последнее время на свиданиях он стал проявлять особенную озабоченность, рассеянность и злость. Будучи в него сильно влюбленной, дама умоляла открыть ей причину его беспокойства. Может быть, он ее разлюбил?

Он признался, что один вид ее волнует его странным желанием испытать наслаждения, которые рисовало ему его воображение и которое можно испытать только от страданий, он славословил поцелуи, так сказать, кровавые...

Б. слушала его с удивлением и даже некоторым испугом...

Хотя она не дала согласия, но по выражению ее лица он понял, что отныне он может действовать с нею смело.

Прошло несколько дней, когда молодой человек не заговаривал более об этом предмете. Затем, раз, когда оба они были в постели, он вдруг опять заговорил о своей страсти.

В этот раз, как признавалась сама Б., она надела особенно кокетливое нижнее белье, стараясь всеми способами удержать при себе своего любовника.

Вдруг он схватил ее и положил на живот; затем стал всю покрывать поцелуями, но в то же время ударять слегка шнурками по плечам; раз он ударил довольно сильно, и Б. запротестовала слабо, тогда он, подняв у ней рубашку, дал ей штук десять более сильных ударов уже по ягодицам. Она хотела вырваться, напуганная его бешенством и порывистым дыханием... Но при первых же ее попытках он стал ее хлестать что есть мочи, меняя руки и полосуюя ее по всем частям тела, не обращая внимания на ее крики; было видно, что крики еще более возбуждали, и он после сильного крика или попытки вырваться ударял с еще большим остервенением... Наконец он как-то особенно вскрикнул, бросил шнурки на пол, перевернул ее и приласкал с такой силой, с какой еще никогда не ласкал. Б. испытала такое наслаждение, которое еще ни разу не испытывала.. Немудрено, что после этого она стала поклонницей флагелляции.

Бывает иногда, что женщина не так скоро постигает прелесть от перенесения или причинения страданий. Для таких женщин требуется часто очень долгий промежуток времени для опытов, которые не обходятся без последствий для них.

Другая моя пациентка, Анжель Л., едва переступила за тридцать лет. Это была жгучая брюнетка, с очень развитым крупом и бедрами, но тонкой талией.

Жена фабриканта, бездетная, ничем не занимавшаяся, чрезвычайно любопытная, она уже имела несколько романов с первыми встречными.

Несмотря на всю опасность подобных приключений, нюх парижанки выручал ее до сих пор, и она избегала неприятностей. Всегда ей везло на вполне галантных мужчин, которые не причиняли ей ни малейшей неприятности.

Раз после полудня, когда шел мелкий осенний дождик, она, подобрав высоко юбки и платье, довольно торопливо шла домой, как всегда делая задом соблазнительные движения, - вдруг она заметила рядом с собой мужчину, изящного, хорошо одетого, по виду перешагнувшего сорок лет, но еще очень красивого, тщательно выбритого, с черными усами, темными глазами, пронизывающими насквозь и властными; иногда в его взоре проглядывала как будто нерешительность и забота о чем-то.

Он сказал ей несколько комплиментов, довольно изысканных, без всякой шокирующей фамильярности.

В конце концов, он предложил ей зайти с ним в очень приличную кондитерскую напиться чаю. Заинтересованная, немного увлекшаяся, Анжель согласилась. Очень галантно он опередил ее и выбрал в кондитерской столик в самом отдаленном углу, где их трудно было заметить.

Она мило провела с ним около двух часов и рассталась, очарованная им и дав обещание прийти к нему на другой день около четырех часов.

Аккуратно в назначенное время она на другой день входила в очень приличный дом на улице Ларошфуко в квартиру во втором этаже.

В передней ее встретил новый друг - Виктор и провел в обставленную гостиную; это была, очевидно, не холостая квартира, но в данное время все в ней указывало на отсутствие постоянных обитателей.

На вопросы Анжели Виктор, улыбаясь, сознался, что он, правда, женат, но его жена с двумя детьми и прислугой уехала на шесть недель к своей матери в По; он вполне свободен приводить в квартиру кого ему угодно. Ей нечего бояться, консьерж на него молится.

Однако он через некоторое время провел ее в свой охотничий кабинет, а не в спальную.

Комната была убрана подобно всем комнатам спортсменов: был уютный диван, две кушетки, ассортимент разного оружия, и что ее особенно поразило это громадная коллекция всевозможных плеток и бичей; тут были собачьи плетки, кнуты погонщиков, ужасные английские девятихвостки, дамские и мужские бичи и т. д.

Из деликатности, за которую Анжель в душе была ему очень благодарна, Виктор закрыл окна вместе со ставнями, спустил шторы и занавеси, затем зажег две электрических небольших люстры. Комната выглядела совсем мило, и Анжель внутренне радовалась, что придется принести жертву богине любви в таком изящном храме, ничем не похожем на

банальные комнаты гостиниц.

Около широкого и низкого дивана, служившего ему, как объяснил Виктор, постелью, стоял большой массивный дубовый стул для моления, обитый дорогим шелковым трипом малинового цвета.

Анжель, указывая на этот стул, сказала, улыбаясь насмешливо: "Вы на нем творите молитвы?"

Он загадочно улыбнулся и ответил:

- Нет, не я, но случается, что мои посетительницы молятся на нем, и очень горячо.

Она захохотала, хотя была охвачена каким-то необъяснимым беспокойством при этих словах, самих по себе ничего не значащих, но которым придавала странное значение особенная интонация, с которой произнес их Виктор. Впрочем, это впечатление скоро исчезло; Виктор сделался нежным, несколько раз поцеловал, очень мило шепнул ей, не хочет ли она помыть руки, и проводил ее в туалетную комнату. Когда вернулась оттуда, он опять стал ее целовать и умолять, чтобы она разделась, на что Анжель тотчас же согласилась. Пока она раздевалась, Виктор принес подушки, простыни и одеяло; затем постелил на диване. Когда она была уже в одной рубашке и собиралась нырнуть в приготовленную постель, то удивилась, что он не раздевается, а потому, шутя сказала ему: "Надеюсь, вы не думаете остаться в вашем костюме?"

Он посмотрел на нее искоса и, делая вид, что не слышал ее вопроса, прошептал:

- Ну, а ваши молитвы... Вы должны помолиться теперь...

Снова у ней сжалось сердце от невольного страха.

- Что за глупые шутки! - сказала она несколько свысока и отступила назад.

Но он одним прыжком был около нее, схватил ее не особенно грубо, но с большой силой, и, подтащив ее к стулу, поставил на нем на колени.

- Молись, говорю тебе, изволь сейчас молиться!

Тогда уже окончательно Анжелью овладел ужас.

- Пусти меня! - заорала она во все горло. - Я хочу уйти, вы сумасшедший!

В ту же минуту она почувствовала, что ее привязывают к стулу в положении не на коленях, а верхом, с лицом, обращенным к спинке. Откуда-то появились веревки, прикрепленные к стулу. Ими он крепко привязал ее под мышки и за талию.

Анжель рвалась, кричала, ругалась и даже кусалась, но Виктор, по ее словам, поднял ей обе руки вверх и крепко связал кисти рук.

- Молись! Молись! - повторял он без перерыва, улыбаясь и с горящими глазами.

Она продолжала кричать, браниться и, наконец, стала умолять отпустить ее.

- Напрасно кричишь, все равно никто тебя не услышит! - При этом он указал на тяжелые занавеси.

Тогда Анжель заорала нечеловеческим голосом:

- Спасите, меня убивают!

Виктор только расхохотался и сказал:

- Да нет же, ты с ума сошла, я тебя обожаю и после ты меня сама за все поблагодаришь!

"Подняв мне рубашку и приколов ее вверх, он несколько раз погладил мое обнаженное тело, произнося голосом, уже задыхающимся от радости:

- Да! Я верно угадал, что у тебя дивные ягодички!

Я уже молчала, - говорит Анжель, - сообразив, что ничего не поделаешь, и решила наблюдать, что будет дальше. Я заметила, что у Виктора возбуждение все росло и росло, и втайне ласкала себя надеждой, что он скоро меня отвяжет и отнесет на диван, где будет умолять о прощении. Но он вдруг бросился к коллекции бичей, схватил один из них и, подойдя ко мне, стал меня сечь что есть мочи. Тут уже я от боли стала орать во всю глотку. Когда он наконец остановился и отвязал меня, то я, подойдя к зеркалу, увидала, что вся была исполосована темно-красными рубцами, припухшими, местами сочилась кровь. Но отвязал он меня, когда я уже немного успокоилась. С нежностью самой усердной сестры милосердия он обмыл мне все иссеченные места, но со мною сделался истерический припадок, и я

потеряла сознание. Когда я пришла в себя, то увидала, что лежу на диване рядом со своим палачом. Я, конечно, с ужасом вскочила. Но он меня взял в руки, стал умолять простить, целовать, ласкать...

Одним словом, когда я уходила, то не только простила его, но пообещалась даже придти навестить такого оригинального любовника, взяв с него клятву, что он не позволит себе дойти до той же степени увлечения, как в этот раз.

Он сдержал свое обещание легко, так как на него находило подобное опьянение только с женщиной, которую он встречал в первый раз.

Обыкновенно, женщин, которые приходили к нему во второй и последующие разы, он подвергал банальной флагаелляции, т. е. сек розгами или плетью, но несильно, редко до крови, затем следовал нормальный коитус.

Анжель оставалась его любовницей около восемнадцати месяцев, не столько влюбленная, сколько загипнотизированная этим человеком. К нему влекли, против даже ее желания, его ласки бичом или розгами, хотя она испытывала от ударов больше ужаса, чем счастья.

Тем не менее, когда она впоследствии играла в любовь с другими, у ней проявилась потребность к флагаелляции, и она многих мужчин посвятила в тайны этого искусства; причем сама постоянно оставалась пассивной флагаеллянткой; если же приходилось исполнять роль активной флагаеллянтки, то она действовала крайне неумело и совсем плохо.

Флагаелляция между супругами. Вполне понятно, что гораздо труднее узнать от замужних женщин тайны алькова, особенно относительно такого щекотливого вопроса, как флагаелляция, чем собрать подобные же сведения от дам полусвета.

Но есть, однако, одно место, где все тайны, рано или поздно, открываются, где вся душа, все чувства, все самые сокровенные секреты обнажаются. Это - кабинет врача.

Я был в состоянии собрать сам и через своих собратьев много любопытных фактов, которые и постараюсь изложить здесь.

Но прежде всего нам необходимо решить вопросы:

Является ли флагаелляция между супругами редким исключением? - Нет!

Есть ли она тогда явление, повторяющееся часто? - Опять нет!

Обыкновенно, в первую очередь у мужчины существует к ней страсть, но он стыдится сознаться в ней своей жене и удовлетворяет ее вне дома.

Впрочем, бывает, что муж по тем или другим причинам посвящает свою жену в тайну предпочитаемых им наслаждений.

Случается также, что жена, по натуре флагаеллянтка или пристрастившаяся к ней благодаря любовнику, вводит флагаелляцию в свой домашний обиход.

Довольно трудно установить вполне точную статистику по этому вопросу, но я полагаю, что не ошибусь, если скажу, что на сто семей существует две или три, где флагаелляция применяется или была в ходу раньше.

Было бы грубой ошибкой думать, что флагаелляция - удел неврастеников или утонченных умов. В действительности флагаелляция имеет своих адептов среди всех классов общества, и в крестьянских семьях она практикуется чаще, чем в других.

Один английский автор говорит, что флагаелляция в семье была чуть не от сотворения мира. Раввины утверждают, что Адам оправдывался, что съел плод от древа познания добра и зла под влиянием побоев от Евы. Мы знаем, что многие дамы следуют примеру своей прародительницы и присваивают себе право наказывать своих мужей.

Известен исторический факт, как лорд Мюнзон, королевский судья, был при помощи служанок привязан женой к постели и жестоко наказан розгами за свое непохвальное поведение. Благородная леди секла его до тех пор, пока он не стал просить прощения и обещать исправиться. Когда дело дошло до суда, то судьи не только оправдали леди, но торжественно, в присутствии всего суда благодарили ее.

С другой стороны, большая часть законодателей относится вполне снисходительно к наказанию телесно мужьями своих жен. Вопрос о том, может ли муж сечь свою жену, не раз

ставился на разрешение. И обыкновенно решали, что подобное право зависит от поведения и характера его дражайшей половины.

Стекль справедливо замечает: есть такие бесспорно испорченные хозяйки, что мужу необходимо проявить совсем необычную дозу философии, чтобы ужиться с ними. Если подобные женщины нападают на мужей с вспыльчивым характером, несдержанных и невоспитанных, то случается, что те их частенько колотят. Уверяли, что женщина была сотворена, чтобы быть подругой мужчины, товарищем, ангелом-хранителем его, и что она обязана быть доброй, аккуратной и т. п.; если она такова, то охотно подчиняется власти мужа. Если же она не удовлетворяет этим качествам, то неизбежно приходится употребить розги.

12 октября 1856 года в лондонской юридической газете были приведены следующие факты:

- За последнее время королевским судам приходится разбирать массу жалоб жен на побои со стороны их мужей, в особенности в квартале Вест-Гавен. В этом квартале живет много последователей христианской секты, которая, в числе других доктрин, утверждает, что телесное наказание жен мужьями вполне допустимо, согласно повелению самого Бога. Высокоуважаемый Жорж Бирд, бывший викарий Гумберворта, поселился в этом квартале, и около него собралось много одинаково верующих. Он публично проповедовал, что по Священному Писанию муж имеет право пороть свою жену.

Шесть недель тому назад некий Джеймс Скотт, член секты последователей, был привлечен, по жалобе жены, к суду за то, что наказал ее розгами. В своей жалобе госпожа Скотт пишет, что "муж, возвратясь из молельни, где проповедовал Бирд, спросил ее, сядя за стол завтракать, почему она не пришла в молельню? Когда она ответила, что не желает слушать глупостей Бирда и не будет ходить в молельню, то муж, не севши за стол, подошел к ней, ударил два раза ее по щеке, а когда она оттолкнула его, сказав, что он не смеет ее бить, что ее даже родители не били, что все равно она в молельню не пойдет, то он вышел из столовой, а через некоторое время пришел к ней в спальную, куда она ушла после его ухода. Вместе с ним вошли горничная и лакей; в присутствии их муж велел мне идти на конюшню, где он, по его словам, научит меня слушаться его и ходить в молельню. Я говорю: "На конюшне мне нечего делать, туда не пойду и прошу вас оставить меня в покое". Тут он меня опять ударил по щеке, тогда я отскочила к комоду и, схватив подсвечник, бросила в него, но не попала. После этого он велел прислуге взять меня и отвести на конюшню. Так как я не хотела идти, то меня лакей с горничной взяли и понесли на руках, хотя я все время сопротивлялась. Когда меня принесли на конюшню, то я увидела там скамейку и кучера с розгами в руках, другой пучок таких же длинных розог лежал на полу около скамейки. Я поняла, что муж хочет меня высечь. Стала кричать, но меня все-таки силой положили на скамейку, горничная, по приказанию мужа, развязала панталоны, спустила их и завернула все платье с юбками и рубашкой на голову. Потом горничная стала меня держать за ноги, которые держал раньше кучер; муж велел кучеру пороть меня розгами. Он сказал, что мне дадут пятьдесят розог. Когда мне дали все удары, то муж сказал мне: "Видишь, Мери, к чему привело тебя непослушание: ты вся в крови, и тебе стыдно прислуги. Будешь слушаться и ходить в молельню?" Я отвечала, что не пойду в молельню, тогда муж велел кучеру взять другой пучок розог и дать мне еще пятьдесят розог. После этого я помню, что меня стали сечь еще сильнее, и я от боли вскоре не могла кричать и потеряла сознание. Когда я пришла в себя, то увидела, что лежу у себя на постели, и около меня доктор с мужем. Муж при докторе и горничной говорит мне: "Мери, помни, если завтра не пойдешь в молельню, то я тебя высеку розгами еще больше".

Госпожа Скотт ухитрилась убежать к матери, а затем подала жалобу в суд.

На суде госпожа Скотт заявила, что она просит суд не наказывать мужа, если он даст обещание больше не бить ее по щекам и не сечь розгами. Когда судьи потребовали от Скотта дать подобное обещание, то он отказался, прибавив, что будет слушаться скорее повелений Бога, чем людей. Тогда судьи приговорили его к заключению в тюрьму на месяц с

каторжными работами.

В Ветхом Завете есть действительно изречение: "Кто кого любит сильно, то и наказывает его сильно". Царь Соломон советовал наказывать детей розгами с самого раннего детства, чтобы сделать из них честных и хороших граждан.

В Библии тоже говорится, что тот, кто получит побои, станет умным. Наказывай розгами твоего сына строго, но не до смерти. Розги или плеть оставляют следы на коже, а злой язык разбивает существование. Тому подобных изречений можно очень много найти в Библии.

Теперь женщин гораздо реже секут, чем в старину, но от этого они не сделались умнее. И теперь, как и в старину, очень много плохо налаженных семей, несносных мужей, сварливых и ревнивых жен, пьяниц, а потому нет ничего удивительного, если и теперь розги иногда гуляют по той или другой спине.

Теперь перехожу к собранным мною фактам. Вот один из них.

Однажды меня пригласили к жене очень состоятельного крестьянина из местечка, где я жил на даче. Она упала, сходя с лестницы чердака, и сломала правую ногу немного ниже колена.

Осматривая больную, я был страшно удивлен, что у нее на спине, ягодицах и ляжках были полосы от заживших длинных рубцов. Их было очень много, в некоторых местах они сохранили еще синеватость. Для меня было очевидно, что это следы от розог, но я не хотел выдать этого, а потому спросил:

- Вы уже раньше упали, что у вас на теле синяки и ссадины?

Женщина была молодая, не старше двадцати пяти лет. На мой вопрос она ответила, вся покраснев:

- Да, нет!

- Откуда же у вас эти следы?

- Я не знаю.

Осторожно, при помощи окольных вопросов и особенного внимания, мне удалось, наконец, через несколько дней добиться от молодой женщины откровенного признания.

Вот уже два года, по ее словам, как у мужа вдруг явилась странная мания смотреть на нее, как на маленького ребенка, и очень часто под тем или другим предлогом наказывать розгами, иногда очень больно. У нее ягодицы и ляжки очень полные и совсем белые. Сперва муж стал хлопать, когда они были в кровати, рукой по обнаженным ягодицам и ляжкам; она заметила, что это его возбуждает. Шлепки раз от разу становились все сильнее и сильнее. Вначале женщине это нравилось, но когда шлепки стали сильнее и продолжительнее, то она стала протестовать. Правда, протестовала не особенно энергично, так как боль была терпима, а за наказанием всегда следовала приятная награда.

Раз, когда он долго не приходил вечером из трактира, она легла без него и так крепко заснула, что ему, по его словам, пришлось очень долго ждать, пока она отперла дверь. Вернулся от навеселе и, раздеваясь, сказал, что в этот раз накажет ее гораздо строже, а чтобы не вырывалась, то привяжет ее веревками на постели. Сперва она не хотела давать привязывать себя, но потом согласилась, чтобы поскорее отделаться и заснуть, вполне уверенная, что дело не пойдет дальше шлепков; ну, думала, будет бить подольше и посильнее, чем обыкновенно...

Когда он привязал, то она удивилась, что он не поднял ей сорочку и не стал шлепать, как это делал всегда, а встал с кровати и вышел на двор. Подумала, что за нуждой. Прошло очень продолжительное время, пока муж опять вернулся. Когда он вошел, она, не поворачивая уткнутой головы в подушку, сказала, что едва не заснула, и просила скорее наказывать ее.

Он сказал, что она сегодня особенно провинилась и он ее выпорет розгами, чтобы в другой раз не держала его долго на дворе. Тогда только, повернув голову, она увидела у него в руках пучок длинных и толстых березовых прутьев и поняла, зачем он уходил так надолго. Стала просить оставить такие глупые шутки, но не тут-то было. Он вставил ей в рот кляп,

чтобы не слышно было криков, и высек страшно больно, до крови. Когда он вынул кляп и отвязал, она еще больше часа проревела. Но он ее успокоил и несколько раз приласкал, так что она стала забывать боль от розог, хотя все тело страшно ныло и приходилось лежать на животе, чтобы не касаться иссеченных мест. Несмотря на все горячие ласки, муж сказал, что теперь будет редко наказывать шлепками, а чаще розгами. В действительности, он совсем перестал бить рукой и непривязанную, а постоянно сек и страшно больно иногда, когда был выпивши.

- Но вы знаете, господин доктор, он вовсе не злой, и это он делает из любви ко мне, - прибавила бедная женщина.

В один из приемных моих дней ко мне явились две дамы, которых раньше я не видал у себя. Одна была мать, а другая - дочь.

Мать объяснила мне, что ее дочь, Елена, находится в страшном отчаянии, что не имеет детей, и решила посоветоваться со мной, нет ли возможности вылечить ее мужа от одной страшной ненормальности.

Он вовсе не бессилен, в чем она убеждалась, касаясь руками его члена, находившегося в состоянии полного напряжения, но у мужа было отвращение к коитусу, и он находил наслаждение в том только, что заставлял жену ложиться на живот и долго бил ее рукой по ягодицам и ляжкам; в это время у него происходила эякуляция, и она осталась бы невинной, если бы в первые дни медового месяца он не совершил коитуса три или четыре раза. Коитус доставил ей большое наслаждение, но, к сожалению, зачатия не произошло.

На мои вопросы молодая женщина с трудом, вся покрасневшая, объяснила, что ей стыдно было сказать своему мужу о своем желании иметь ребенка; когда же ее мать пробовала деликатно коснуться этого вопроса, то молодой человек приходил в бешенство, и той ничего не оставалось, как замолчать. На другой вопрос молодая супруга ответила мне, что шлепки мужа ей были далеко не неприятны, даже она испытывала сильное наслаждение, и, если бы не желание иметь ребенка, она не обратилась бы к моим услугам, хотя, добавила вполголоса и вся покраснев, наслаждение от коитуса было бы в несколько раз сильнее.

Я попросил прислать ко мне мужа и рассказал ему только о желании жены иметь от него ребенка, скрыв все сообщенные мне другие подробности.

- Я был бы, доктор, в отчаянии, если бы моя жена забеременела, так как в течение долгого периода беременности мне не пришлось бы с ней ездить на автомобиле.

- Послушайте, разве вы не могли бы на время болезни жены найти женщину, которая ездила бы с вами на автомобиле, надев рейтузы, чтобы вы могли любоваться ее формами и с терпением ждать выздоровления жены?

Молодой человек покраснел до ушей, поняв, что его тайна известна мне. Он сознался, что обыкновенный коитус для него скорее неприятен, тогда как продолжительные удары и даже прикосновение к ягодицам и ляжкам любимой женщины вызывают у него страшное возбуждение. Впрочем он все-таки дал мне слово постараться удовлетворить вполне законное желание своей жены иметь ребенка.

У Терезы В. была от рождения страсть к флагелляции. Будучи совсем маленькой девочкой, она постоянно старалась устроить игру в мать и дочь или учительницу и ученицу, причем требовала себе непременно роль непослушной ученицы или дочери и настаивала, чтобы за каждое непослушание или дерзость с ее стороны мать или учительница раздевала ее и секла розгами или плеткой. Когда ей исполнилось десять лет, родители взяли для нее в гувернантки англичанку, которая была отчаянной флагеллянтшей. Родители имели неосторожность разрешить гувернантке наказывать девочку за проступки розгами. По ее словам, вплоть до четырнадцати лет не проходило недели, чтобы гувернантка не секла ее розгами. При этом очень часто она нарочно ленилась, шалила или грубила, чтобы добиться наказания розгами. Если же находила, что ее слабо высекали, то, опять же нарочно, говорила какую-нибудь дерзость и с радостью ожидала, что ее снова будут пороть, уже сильнее.

Двадцати лет она вышла замуж. К половому акту она питала полное отвращение. Наконец, преодолев свой стыд, она созналась мужу в своей страсти и уговорила его, чтобы

каждый раз, как ему захочется иметь с ней совокупление, он перед этим наказывал ее розгами, отчего она испытывала невероятное наслаждение.

В июне 1908 г. один сторож парка в окрестностях Лондона составил протокол, что он, услышав человеческие крики, поспешил на них. В самом глухом месте парка он застал мужчину, который жестоко сек крапивой молодую женщину по обнаженным ягодицам.

Возмущенный сторож бросился на мучителя и схватил его за шиворот. Освобожденная жертва, вся сконфуженная, поспешно стала поправлять беспорядок в своем костюме.

Однако мужчина на упреки сторожа ответил, что молодая женщина - его жена и наказывал он ее с ее же согласия.

Не понимая ничего, сторож свел обоих в мэрию. Секретарь мэра, человек образованный и имевший понятие о подобных вещах, улыбнулся и свел все дело к простому нарушению общественной нравственности. Но сторожу такой оборот дела показался странным, и он с горячностью сказал:

- Уверяю вас, господин секретарь, что этот господин истязал эту барыню самым жестоким и недостойным образом. Вам стоит только приказать освидетельствовать их доктору, - я уверен, что следы от крапивы еще совсем свежи!

На это секретарь самым спокойным образом ответил:

- Мой милый друг, тело барыни принадлежит ей одной, и она вольна им распоряжаться, как ей вздумается. Оба они в одном только виноваты, что приняли парк - публичное место - за комнату, принадлежащую им.

Существует немало женщин, которые умышленно стараются рассердить мужа, чтобы добиться с его стороны пощечины или более серьезного наказания. Несколько лет тому назад я часто бывал у одного очень талантливого писателя в его чудном имении в окрестностях Лондона.

Он только что женился на очень молоденькой девушке; между ними была довольно большая разница в годах, но молодая жена была сильно привязана к мужу. Она только была страшно ревнива и, будучи очень неразвитой, вообразила, что это его друзья сбивают ее мужа с пути верности ей, а потому стала принимать их довольно нелюбезно, иногда даже позволяла говорить им грубые колкости.

Раз взбешенный муж, по уходе гостей, поздно вечером, отпустил всю прислугу спать, а сам завел жену в глушь своего парка и, несмотря на ее слезы, преболно высек ее, как маленькую девочку, розгами до крови. Наказал он ее хотя и довольно строго, но не жестоко, тем не менее с нею сделался истерический припадок, и так как я в эту ночь как раз ночевал у него, то он разбудил меня и просил оказать помощь, причем рассказал все дело. Я скоро привел в чувство молодую женщину. Конечно, успокоил ее уверениями, что никому не расскажу ни слова. С этих пор она была всегда внимательна к гостям мужа и перестала ревновать его.

Одна из моих пациенток, которую я лечил, когда она была девушкой, вышла замуж за молодого человека, очень богатого и довольно красивого, занимавшего хорошее положение в министерстве юстиции. Муж боготворил жену, исполнял все ее капризы. Вдруг она стала меланхоличной и постоянно была не в духе. Муж умоляет ее сказать ему причину такой перемены в ее настроении. Сперва она все отговаривалась пустяками, но все-таки проговорила, что есть причина, однако ей стыдно сказать. Как муж ее ни уговаривал, она не хотела признаться.

Тогда муж обратился к моей помощи и просил меня попытаться узнать. Я поехал к ней и с трудом уговорил поведать мне как врачу ее тайну, которую я выдам мужу только с ее позволения.

Оказалось, что у нее явилось желание, чтобы муж высек ее хорошенько розгами, но совершенно серьезно; раздев и привязав на скамейке, выпорол бы ее березовыми розгами до крови, почти до потери сознания.

Когда я, с ее разрешения, рассказал мужу о желании жены, то он ни за что не хотел исполнить его, называя это безумством с ее стороны. Он был даже удивлен, что я советовал

исполнить и не находил ничего вредного для здоровья, если даже он ее высечет розгами очень сильно.

После нашего разговора прошло около двух недель, когда он приехал ко мне опять и объявил мне, что завтра он решил исполнить это желание и высечь розгами жену, но он хочет, чтобы я выслушал ее перед наказанием, и если найду, что ее можно сечь без вреда для здоровья, то все-таки находился бы в соседней комнате, на случай оказания помощи. Я ему посоветовал, что если он хочет отучить ее от этой мании, то чтобы не нежничал и что опасного ничего нет. Напротив, если накажет слабо, то, возможно, она потребует повторения, и не раз, подобных экзекуций.

Вечером я приехал к ним и обедал у них. Муж рассказал мне, что жена сегодня особенно нервничала и на какое-то пустое замечание, очевидно, боясь, что он не сдержит своего обещания, бросила в лицо ему дорогую вазу, которая разбилась, задев его за ухо. После этого, по его словам, он готов ее так выпороть, что она не встанет сама со скамейки.

После обеда часа через два меня позвали осмотреть молодую женщину.

Она сидела в кабинете одна; посредине стояла скамейка, на диване лежали веревки и несколько пучков длинных, свежих и толстых березовых розог.

Я осмотрел розги, потом попросил женщину раздеться, чтобы выслушать.

Когда я ее выслушал, то сказал, что опасности никакой нет, но разве ее не пугает вид скамейки и розог... Она как-то загадочно улыбнулась и попросила меня сказать мужу, что она сейчас разденется, прибавив, что он так зол за вазу, что, пожалуй, не простил бы ее, если бы она и пожелала...

Я вышел и передал просьбу мужу, который тотчас пошел к жене.

Через несколько минут я услышал крики... Очевидно экзекуция началась. Минут через пять муж пришел ко мне и просил меня посмотреть, можно ли дать еще сто розог, как он хочет, - он дал уже сто розог. Жена просит ее простить. Я сказал, что посмотрю, и если можно, то лучше дать ей еще сто, несмотря на ее просьбы. Решено было, что я кивну головой, если можно. Я осмотрел... Тело было очень сильно иссечено, все в полосах, из них многие с кровоподтеками, были полосы и темно-синие. Но все-таки дать сто розог еще не было никакой опасности, почему я кивнул головой и вышел из комнаты. Опять раздались крики...

Потом муж опять меня позвал. Мы с ним ее отвязали, и она с трудом поднялась со скамейки и легла в кровать, так как с трудом держалась на ногах.

Она пролежала два дня в постели. Курьезно, что молодая женщина после этой экзекуции настолько осталась удовлетворенной поркой, что больше не просила. Даже шутила, говоря, что это я ее отучил, так как муж разболтал ей про мой совет дать ей еще сто розог.

Мой коллега из Бухареста рассказал мне следующий случай. Один француз-художник женился на дочери богатого купца. Она была очень миленькая. Свадьбу отпраздновали с большой роскошью. Молодые уехали в свадебное путешествие в Канн. По-видимому, все должно было способствовать их счастью, но в конце медового месяца муж стал частенько заставлять жену плачущей. Как он ее ни расспрашивал о причине слез, она не говорила. Ласки его она переносила как бы по принуждению. Старалась всячески уклониться от них под тем или другим предлогом.

Наконец мужу надоело постоянно ухаживать за ней, и, когда жена и по возвращении в Бухарест нисколько не изменила своего отношения к нему, он не на шутку разозлился. И настойчиво потребовал от нее объяснений. Жена сперва колебалась, но, видя настойчивость со стороны мужа, вся красная от волнения, опустив глаза, ответила:

- Если кто и должен делать упреки, то не ты мне, а я тебе, так как ты держишь себя со мной не совсем как следует.

Глубоко удивленный, он спросил ее, в чем именно он провинился?

- Ты забыл одну обязанность в отношении меня...

- Какую? Я не знаю! Умоляю тебя объясниться раз и навсегда и, клянусь, я сделаю все

возможное, чтобы тебе угодить, так как безумно тебя люблю.

- Я верю, что ты говоришь искренно; вероятно, в твоей милой Франции не существует нашего обычая! - сказала она, покраснев, как маков цветок.

- Видишь ли, - продолжала она нерешительно, - я была иногда неласкова с тобой, уклонялась от твоих ласк из простого упрямства, отвечала тебе грубо, а ты не только не прибег к этому, - и жена указала на стоявшую во дворе метлу, - но даже не ударил меня по щеке. Если бы ты любил меня сильно, то ты не только наказывал бы меня, когда я на самом деле провинилась, но просто по дружбе сек бы меня иногда розгами... Вот почему я подумала, что я тебе не нравлюсь.

- Отчего же ты мне раньше не сказала всего этого; я бы давно исполнил твое желание, хотя, откровенно говоря, я не понимаю такого способа выражения любви к жене!..

- Ты жестоко, мой друг, ошибаешься; приготовь сегодня вечером розог и накажи меня ими хорошенько за все мои прошлые вины, - ты увидишь, что тебе доставит большое удовольствие наказывать меня, это мне моя мать сказала.

- Ну, хорошо, пусть будет по-твоему! Я попробую.

К вечеру муж велел, под каким-то благовидным предлогом, приготовить пучок хороших березовых розог.

Перед тем как ложиться спать, супруг наглухо закрыл окна со ставнями и спустил еще шторы с занавесями... Когда супруга совсем разделась, он велел ей лечь поперек кровати и привязал ее за ноги и руки к средней стойке. Затем, подняв рубашку, стал ее сечь розгами. Сначала он сек ее несильно, но потом все усиливал удары и остановился только тогда, когда во всех местах показалась кровь, хотя жена давно просила перестать сечь. Все-таки, видимо, она была довольна... Когда она легла в кровать и он ее приласкал, то она, целуя его крепко, сказала: "Видишь, после этого выходит гораздо лучше!"

Флагелляция и лесбосские игры. В лесбосских играх флагелляция играет весьма важную роль. Можно сказать с полной уверенностью, что флагелляция лежит в основе всех наслаждений сафических.

Иногда она по форме отличается от чистой флагелляции. Она менее ограничена пространством и видом, более разнообразна, но вытекает из одной и той же потребности удовлетворения сладострастного чувства.

В то время, как флагеллянт или флагеллянтша, выдресированная мужчиной, ограничивают область наслаждения сечением ягодиц и ляжек, лесбосская флагелляция ищет причину мучения всему существу своей жертвы.

Такая женщина не садистка, она не испытывает удовольствия от страдания своей жертвы, а наслаждается только тогда, когда причиняемая ею боль доставляет сладострастное удовольствие и ее жертве.

Разные манипуляции, щипки, уколы тела, особенно груди и т. п. являются обычными играми активных лесбиянок. Очень редко, чтобы их возлюбленная не была вся исцарапана и в синяках, впрочем, безболезненных и воспоминание о которых только приятно щекочет их воображение.

Впрочем встречаются среди лесбиянок и чистые флагеллянтши, которые находят удовольствие сечь розгами или плетью своих возлюбленных, переодетых школьниками. Они же иногда охотно разыгрывают и другие комедии флагеллянтов.

Мадмуазель Клара, модистка в Вест-Энде, славилась не столько своими шляпками, довольно неважными, сколько своими комнатами, находившимися за магазином. В них ее клиентки, большей частью перезрелые кокетки, находили любезных гризеточек, послушных, хорошо выдрессированных, которых можно было, по желанию, слегка высечь розгами без добавочной за это платы.

Впрочем, у нее было запрещено снимать панталоны, а можно было сечь только через имеющееся в панталонах небольшое отверстие.

В Ницце десять лет тому назад полиция открыла существование одного дома, посещавшегося главным образом англичанками, где почти ежедневно происходили сцены

флагелляции. Но тут имелось в виду скорее удовлетворение садистских наклонностей, и жертвами их было немало молодых девушек и подростков.

В Париже существуют немало фотографических заведений, являющихся центрами самого утонченного разврата.

Девочки-подростки с большими глазами, обведенными синими кругами, худенькие, еще не сформировавшиеся и уже порочные, мальчуганы с длинными волосами, обнаженными бедрами и накрашенными щеками, молодые беспутные женщины, мужчины с плутоватыми глазами, неудавшиеся актеры, а иногда апаши и коты, мелкие буржуазки, рассчитывающие на легкий заработок для покупки каких-нибудь тряпок.

В этом странном мире никто не умеет отказать в какой бы то ни было гадости. Здесь никого решительно ничем не удивишь. Все самые порочные любезности находятся, так сказать, в скрытом состоянии; продажные цены так низки, что покупающий известный порок может думать, что он напал на лицо, любящее тот же самый порок.

На одной из отдаленных от центра улиц Парижа приютилась фотография, служащая главным образом местом свидания для лесбияк, между которыми есть немалое число отчаянных флагеллянтков.

На бархатном диване клиентки не раз секли розгами или плетью какую-нибудь молоденькую модель, безропотно выносившую побои ради наживы...

В этой мастерской если не все было регламентировано, то приход и уход гостей были подчинены самому строгому контролю, чтобы не произошло неприятных встреч. Здесь было можно встретить много интересных женских типов.

Вот госпожа Б., жена одного дипломата, достигшая пятидесяти лет, говорящая по-французски с самым отчаянным горловым акцентом, носящая тяжелые бархатные платья с разными фру-фру, грязными, потертыми и в пятнах.

В обществе это была безупречная женщина, величественная, немного даже строгая в отношении других. Для близких это была отчаянная лесбийка, которая, старея, требовала все более и более молоденьких сюжетов; рука ее с особенной силой прогуливалась по молодой коже детей, попадавших в ее распоряжение.

Мадам Антонина, старая актриса, когда-то пользовавшаяся известностью и вызывавшая восторг у зрителей одной своей манерой обнимать своего партнера в любовных сценах. Этой требовались молоденькие девушки с гибкой талией, которую она любила сжимать своими пальцами, распухшими от подагры. Для нее всегда готовился пучок из длинных и свежих березовых розог. У нее сафизм соединялся с небольшой дозой садизма.

Она то гладила рукой по обнаженному телу модели, то брала розги и секла.

Мадам Исак, жена одного ювелира, представляла классический тип разбогатевшей еврейки. В молодости она была очень красива. Эта заставляла модель повернуться к себе спиной, так, чтобы голова находилась у ее ног, затем брала розги и долго секла, любуясь жадными глазами, как вертелась под ударами розог бедная девочка.

Через некоторое более или менее продолжительное время у нее появлялись сладострастные спазмы, и сеанс кончался.

Но особенно была любопытна мадам Альжина. Она имела на левом берегу магазин старинных вещей. Вдова, очень сильно занятая своей торговлей, она могла только изредка появляться в мастерской фотографа.

Высокая, стройная, с желтым лицом, с блестящими глазами, почти постоянно опущенными вниз.

Фотограф устраивал живые религиозные сцены для заказываемых ею открытых писем. Она обожала также сечь розгами мальчиков, которые должны были быть не старше двенадцати лет. Перед экзекуцией мальчик наряжался в костюм прислуживающего в костеле и брал в руки кадило.

Являлась Альжина и делала ему строгий выговор за то, что он небрежно исполняет свою обязанность. Мальчик отвечал какой-нибудь дерзостью и швырял кадило. Тогда Альжина хватала его, тут же раздевала и порола розгами с остервенением.

Она прекращала сечь, когда совсем уставала; затем, после того как мальчик уходил, она опускалась на колени и горячо молилась.

В скандальной хронике времени Второй империи во Франции сообщалось, что вдова одного моряка жила в роскошном особняке на Елисейских полях. Она вела уединенную жизнь, не принимая никого. Вся прислуга ее состояла из старика-лакея и старухи-кухарки. Мадам М. часто выезжала из дома в наемной карете. Всегда одетая изысканно, она приказывала везти себя в Булонский лес, где выходила и прогуливалась немного пешком. Она славилась своей удивительной худобой.

У нее не было любовников, никаких светских знакомств, но была страсть, про которую разболтал ее партнер.

Однажды она встретила очень красивого негра, прекрасно сложенного и очень высокого роста. Негр продавал разные сласти. В его больших глазах проглядывало что-то дьявольское. Остановив свою карету, она купила у него половину лотка и дала конверт, сказав:

- Если вы хотите заработать десять франков, то снесите эту записку по адресу.

Торговец обещался тотчас же отправиться по указанному адресу. Барыня дала ему обещанные десять франков, что в несколько раз превосходило стоимость его товара, и он был в восторге.

Мадам М. подозвала свою карету и уехала домой.

Не успела она приехать, как лакей доложил ей о приходе негра, которого она велела ввести в свой будуар, где она обыкновенно проводила время. В то же самое время она приказала приготовить ванну.

- Хотите заработать вдвое, - сказала она, обращаясь к негру, - тогда делайте буквально все, что я вам прикажу, без малейших возражений.

За двадцать франков негр готов был, конечно, делать все, что угодно. Негр сделал знак головой, что согласен.

- Раздевайтесь, раздевайтесь совсем!

Пока он был занят этой операцией, барыня быстро разделась сама. Она была такая жалкая, кости и кожа, что негр в испуге отошел немного назад.

Затем барыня отперла шифоньерку и вынула оттуда плетку, на ременных концах которой были прикреплены маленькие шарики из слоновой кости.

После этого она достала несколько шнурков. Подойдя к негру, она сказала, чтобы он ее крепко привязал на кушетке, и тотчас же легла на живот. В кушетке везде были кольца, к которым негр и привязал барыню за руки и ноги. После этого она сказала, что он должен сечь ее плеткой беспощадно до крови, потом бить, царапать руками, опять пороть, пока она почти не потеряет сознание. Бояться вам нечего, так как на столе лежит записка, в которой я пишу, что все это вы сделали по моему приказанию и за последствия не отвечаете.

Негр посмотрел записку, хотя прочесть не мог.

Он добросовестно исполнил приказание. Порол с яростью плетью, меняя руки, бил руками, опять брал плетку и сек ею... До того разошелся, что рискнул даже ударить барыню несколько раз по лицу так, что у нее пошла кровь из носа. Сперва он, было, испугался, но потом страх, что найдут работу нехорошей и не дадут денег, пересилил, и он опять схватил плетку и стал драть с каким-то особенным озлоблением. Барыня кричала, стонала, как безумная, но наконец потеряла сознание.

Негр тогда остановился с удивленными глазами, и перестал ее пороть. Конечно, он мог бы удовлетворить свои возбужденные чувства, но не решался, объятый каким-то суеверным страхом перед этим жалким женским телом. Наконец, она пришла в себя, приказала негру отвязать себя и помочь ей встать с кушетки. Посидев несколько минут в кресле, нюхая нашатырный спирт и натирая виски одеколоном, она велела негру одеться и сама стала одеваться.

Когда оба были одеты, она заплатила негру и отпустила его, сказав, чтобы он опять пришел через восемь дней.

Но негр не рискнул явиться во второй раз, он боялся, чтобы она не умерла под ударами плетки.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ ДЕТЕЙ

Мы уже знаем, что у нас, англичан, в сравнительно очень недавнее время широко применяли телесные наказания в школах. Да и теперь еще многие признают, что наказание розгами - хорошее средство для укрощения буйных характеров. По их мнению, подобное наказание действует двояко: унижением от того, что наказываемый обнажается и, особенно, если наказание производится в присутствии товарищей или подруг или прислугой, - а также и болью, когда секут довольно сильно. Нельзя отрицать, что у наказанного сохраняется от того и другого более продолжительное воспоминание, чем от карцера или других подобных не телесных наказаний.

У нас (в Англии) сохранилось очень много средневековых обычаев. Так, например, до сих пор существуют во многих местах для молодых девушек плохого поведения или с дурным, необузданным характером исправительные дома, где! телесные наказания считаются одной из главных исправительных мер.

Сложилось также убеждение, что родители строгие, наказывающие своих детей за более важные проступки розгами, уважаются детьми гораздо сильнее, чем родители, проявляющие мягкость и снисходительность.

Но что особенно удивительно, существует много трактатов и сочинений, посвященных вопросу о телесном наказании детей.

Я лечил одну вдову, у которой было семь человек детей, четыре девочки и три мальчика. Старшей девочке было тринадцать лет, а младшему мальчику семь лет. Сама вдова имела не более тридцати лет. Она применяла телесные наказания в самых широких размерах.

Так, однажды она узнала, что ее старшая дочь объяснила своему двенадцатилетнему брату, как делаются дети. Обоих она так строго наказала розгами, что для девочки понадобилось послать за мной.

Противникам телесных наказаний может показаться очень странным, что дети не питали не только ненависти за наказания, но все очень любили свою мать.

От девочки я узнал, что брата высекла мать не так больно, ему она дала тридцать розог и секла сама на скамейке, в то время как его держали кухарка и горничная. Ее мать заставила присутствовать при наказании брата, а брат должен был смотреть, как ее наказывали. Когда я спросил, за что же наказали брата, ведь он только слушал, что она ему рассказывала, девочка, краснея, объясняла, что он хотел попробовать применить свои сведения с пятнадцатилетней девочкой, служившей у них подгорничной. За это мать его и высекла. Девочке мать дала восемьдесят розог, и секла ее кухарка. По ее словам, мать, когда ее разложили на скамейке, сказала, что ей дадут сто розог, но потом сжалась и сбавила...

Наказана девочка была действительно довольно строго, было много полос, темно-синих, с кровоподтеками, рубашонка была изрядно выпачкана в крови, но опасного для здоровья ничего не было.

Вероятно, некоторые помнят дело гувернантки Элен, разбиравшееся лет десять тому назад в лондонском суде, который приговорил ее к трехлетнему тюремному заключению. Мне пришлось быть одним из экспертов. Вот некоторые подробности этого дела.

Карл К. был мальчиком высокого роста, блондином с густыми волосами, страшно изнуренный, худой.

Родители его, у которых он был единственным сыном, умерли очень рано, когда он был еще очень молод. Они оставили ему громадное состояние. Опекуны, намеренно или ненамеренно (на суде не удалось это выяснить), оставили его на попечении бывшей уже в доме гувернантки Элен. Как на суде выяснилось, Элен еще при жизни родителей приобрела громадное влияние на мальчика, и он не смел на нее жаловаться родителям, не особенно обращавшим внимания на воспитание сына и вполне доверявшим гувернантке. За самую пустячную детскую шалость она секла его, и он не жаловался, если она являлась в его

комнату вечером, когда все в доме спали, поднимала одеяло и рубашку и, зажав рукой ему рот, начинала что есть мочи хлестать его рукой по ягодицам.

Со смертью родителей гувернантка стала действовать еще смелее. Наказания рукой продолжались по-прежнему, но стали часто употребляться розги, плетка и даже крапива.

Ребенок не жаловался не из-за одного страха, а потому, что после каждого наказания, нередко очень жестокого, гувернантка, удовлетворив свою страсть к жестокости, спокойно переходила к изнурительным для него ласкам.

Он сознавался, что испытывал не только страх, но и некоторое приятное нетерпение, когда гувернантка говорила ему днем, что он заслужил быть наказанным. Ни разу она тогда не пропускала, чтобы не придти поздно вечером или очень рано утром высечь его и потом ласкать и ласкать... Благодаря этим ласкам он полюбил даже наказания.

Подобный режим привел к тому, что ребенок заболел, и его пришлось поместить в одну известную лечебницу.

Он вернулся совсем поправившимся и уже взрослым мальчиком. Элен, которая по-прежнему распоряжалась всем в доме, уверила опекунов, что не следует мальчика обучать в гимназии, где он испортится от других учеников, что гораздо лучше дать ему образование под ее наблюдением, при содействии учителей, дома.

Опекуны согласились, и были приглашены профессора, которые ежедневно приходили давать уроки мальчику. Элен же стала управляющей, имевшей в своем распоряжении целую свору прислуги, слепо исполнявшей все ее приказания.

Юноша вскоре сделался игрушкой страстей гувернантки. В ней буквально сидел бес жестокости и сладострастия. Она с полной свободой отдалась своим страстям. Карл стал настоящим мучеником. Он послушно, из боязни истязаний и отчасти из-за наслаждений,, должен был приходиться на кровать к гувернантке, где она обладала им...

Но настал день, когда юноша не был в состоянии удовлетворить требований мегеры. Различные ухищрения, к которым прибегала раньше Элен, настолько притупили его вкус, что он оставался холодным к нормальному удовлетворению любви. Теперь он предпочитал разные тонкости, которым его научили.

Тогда гувернантка наскоро оделась и ушла, предупредив его, что она идет велеть приготовить скамейку и розги, и если к ее возвращению у него не пройдет холодность, то она велит его жестоко выпороть розгами, причем пороть будет не сама, а кучер... До сих пор она всегда секла сама, привязывая на скамейке, на постели или стуле, и т. п.

Хотя страх от предстоящего ему унижения и жестокого наказания был велик, но все-таки он не в силах был преодолеть свою холодность к возвращению Элен. Немедленно по звонку явился кучер со скамейкой и двумя пучками розог. Карл пробовал было протестовать и угрожать жалобой опекунам. Это привело Элен в бешенство. Она велела кучеру связать ему руки веревкой и, взяв его за ухо, стала другой рукой хлестать по щекам... Затем велела привязать его на скамейке и дать ему двести розог.

С первого же удара розгами он почувствовал громадную разницу между силой Элен и кучера. До сих пор его всегда секла сама Элен. Правда, за последнее время она давала ему иногда по девяносто розог, но все-таки боль от ударов была несравненно слабее. Он положительно обезумел от одной мысли, что ему предстоит получить еще сто девяносто девять таких ударов. Он был уверен, что умрет.. Но ни клятвы не жаловаться, ни самые трогательные мольбы не смягчили Элен, - она не сбавила ни одного удара. После наказания он с трудом встал со скамейки и лег в постель, где был утешен ласками Элен.

Недели через две он все-таки решил пожаловаться на Элен одному из опекунов, но кончилось это для него очень скверно. Опекун не поверил, что его наказали за холодность, и рассказал Элен. Когда та разревелась и заявила, что уйдет, если опекун не разрешит ей наказать Карла, опекун позволил всыпать ему четыреста, как хотела Элен, но просил дать их не сразу, а сперва двести и затем через час или два вторые двести.

Никакие мольбы не помогли. Не прошло и часа, как Элен повела его драть. От полученных четырехсот розог он провалялся целых два дня, лежа почти все время на животе,

до того больно было касаться иссеченных мест. После этого мальчик решил больше уже не жаловаться на Элен, а слушаться ее. Она же, заметив его покорность, опять стала сама собственноручно сечь его. Только за холодность, когда у нее являлось желание искать удовлетворения нормальным путем, Элен почему-то ни за что не хотела собственноручно наказывать, а постоянно приказывала сечь кучеру и давала всегда не больше и не меньше двухсот розог. Это наказание по-прежнему оставалось для Карла самым мучительным. После него он обыкновенно лежал в постели день или два. Под угрозой подобного наказания он готов был сделать все, что угодно. К несчастью, быть не холодным не зависело от него, но Элен почему-то винила его. Правда, холодность он испытывал не всегда, да и Элен не часто искала нормальных удовольствий...

За все остальные его проступки, как-то незнание урока, дерзость и т. п., она его наказывала собственноручно и келейно.

Любимым способом наказания его, как ответил Карл на вопрос прокурора, был следующий: гувернантка приказывала ему раздеться донага и, привязав крепко веревками на кровати или к кольцам на полу, или на столе, или на скамейке, подложив под живот подушку, чтобы придать наказываемой части тела возвышение, она садилась, нередко верхом, к нему на шею и начинала сечь розгами; секла она медленно во всю силу, видимо, наслаждаясь его криками и движениями. Розги всегда выбирала сама по утрам и сама же приготавливала пучки. Прутья были березовые, длинные и толстые. Пучки розог всегда лежали в воде в ванной комнате, где стояла скамейка, на которой часто его секли.

Она постоянно выдумывала новые наказания, хотя отдавала сильное предпочтение березовым розгам, так же, как и новые положения для жертвы во время наказания.

Как мы уже сказали, секла Элен всегда жестоко, пока все тело не покрывалось рубцами и не появлялась кровь. Экзекуция обыкновенно прекращалась только тогда, когда она видела, что Карл переставал кричать и начинал уже хрипеть или совсем замолкал. Тогда она отвязывала его, становилась ласковой, уверяла, что он сам виноват, если ленится, грубит и тем вынуждает ее наказывать его, так как иначе ее опекуны прогонят. Затем всегда следовали гнусные ласки, благодаря которым он еще более был в ее власти.

Ночью, когда он спал с ней, ласки были нормальные - это были холодные поцелуи... Истязание производилось обыкновенно днем и по известной программе, умело и долго изученной.

Истязание и неумеренное сладострастие совсем ослабили его и сделали неврастеником в самом полном смысле. Кроме того, он страшно истощал.

В это время совершенно неожиданно вернулся из Индии его двоюродный дядя, которому пришла мысль навестить племянника. Пораженный его страдальческим видом, он чуть не силой усадил мальчика на своего извозчика и привез в Лондон к одному известному доктору. Конечно, все это произошло в отсутствие Элен.

Доктор велел Карлу раздеться и был поражен массой рубцов и синяков на теле. Дядя подал жалобу прокурору на Элен и опекунов, а племянника оставил в Лондоне. Затем их всех судили, опекунов оправдали, а Элен, как мы уже сказали, была присуждена к трехгодичному тюремному заключению.

Ввиду своего жалкого состояния, Карл был отправлен на поправку к одному доктору в Канн. Там его здоровье отчасти восстановилось. После трех лет пребывания в Канне он уехал в Париж, так как достиг совершеннолетия и хотел насладиться жизнью вволю. Его нервная слабость просто усыпила половую чувствительность. Продолжительный отдых пробудил в нем невыразимую жажду чувственных удовольствий.

В этом веселом городе подобную жажду нетрудно удовлетворить человеку богатому. Но он вскоре разочаровался - он оказался полным импотентом даже с самыми замечательными красавицами, предлагавшими ему свои услуги.

Тогда он попробовал обратиться к флагелляции. Он испытал все те истязания, которым когда-то подвергала его Элен. Пришлось перенести снова массу страданий, но при этом без малейшей тени наслаждения.

Огорченный, он вернулся в Канн. Он пришел к убеждению, что ни одна женщина в мире, кроме Элен, не вернет ему половую силу. Он был презренным рабом, собакой, ползающей у ног первой и единственной женщины, которой он обладал; женщины-чародейки, вредной и ненормальной, некрасивой и немолодой (ей было около тридцати лет), но которая сумела подчинить его своим капризам и дать ему испытать в страданиях громадное наслаждение.

Он вернулся в Англию, разыскал вышедшую из тюрьмы Элен, которая хорошо жила в окрестности Эдинбурга на сделанные ею сбережения.

Мне как врачу, лечившему теперь его и Элен, он рассказал, что Элен не сразу согласилась. Помимо денег она требовала полной покорности от него, чтобы весь штат прислуги был нанят ею и зависел от нее одной. Он должен был вернуться на свое прежнее положение.

Все условия он принял. Он был ее рабом и должен был им оставаться, если хотел, чтобы она была с ним в близких отношениях.

В кучера она взяла старого своего кучера. Через две недели по переезде в имение Элен жестоко наказала Карла розгами. Дала она ему шестьсот розог в два приема, с промежутком в полчаса, причем эти полчаса он пролежал на скамейке. Отвыкший от розог, он света не взвидел от первых же ударов, но пришлось выдержать все шестьсот. Это, как объяснила ему Элен, она его наказала за показание на суде четыре года тому назад. Затем режим был прежний, прибавилось несколько новых видов подвязываний, была устроена особая экзекуционная комната, наказывала иногда крапивой, за холодность давала уже по триста розог.

Но удивительно, что, пролежав в постели три дня после первого наказания, он стал potentен и имел с Элен нормальный коитус. Впоследствии тоже эта потенция сохранялась. Через четыре года он женился на Элен.

В суде Эдинбурга разбиралось довольно интересное дело в конце 1902 года.

Ирландский помещик отдал свою пятнадцатилетнюю племянницу в один из женских пансионатов. В один прекрасный день девочка вернулась из пансионата к дяде вся в слезах, растрепанная.

Оказалось, что утром на уроке русского языка она утверждала, что какие-то стихи, приписываемые одному поэту, в действительности написаны другим.

Она была права, и учитель ошибся, в чем он впоследствии, при разборе дела в суде, сознался. Он пожаловался классной даме, которая сделала ей выговор за то, что она грубо говорила с учителем, и оставила ее в пансионе на пять часов после окончания уроков. Так как девушка была уверена, что права, то сказала шепотом какую-то грубость классной даме, которую никто на суде, как и девочка, не хотел повторить. Классная дама ударила девочку по щеке в присутствии целого класса за эти слова; девочка, недолго думая, ответила тем, что бросила в классную даму пресс-папье. После этого классная дама побежала жаловаться начальнице пансионата, к которой через полчаса позвали и девочку. По приходе она увидела классную даму, начальницу и одну из их нянек. После короткой нотации начальница, несмотря на ее сопротивление, велела завязать ей руки шнурком на спину, и объявила, что ее сейчас накажет розгами. Затем велела няньке принести розог. Когда розги были принесены, то ее, несмотря на крики, нянька и классная дама силой положили на кушетку. Начальница развязала ей панталоны, спустила их и, подняв платье вместе с сорочкой наверх, приколола на спине булавкой и начала сечь розгами, сказав, что она даст ей двадцать розог. Если же она не будет просить прощения у классной дамы, то ее будут снова пороть. Девочка, из боязни новой порки, после двадцати розог, от которых у нее на ягодицах местами показалась кровь, попросила прощения у оскорбленной ею классной дамы и поцеловала у нее руку. Но, вернувшись домой, рассказала все дяде, который подал жалобу в суд. Суд приговорил начальницу к штрафу в 2 фунта стерлингов (около 20 руб.), а надзирательницу и классную даму оправдал, но в то же время судья и девочку за оскорбление классной дамы и учителя приговорил к заключению в исправительном доме на двадцать суток. Вероятно для того,

чтобы nepовaдно было жаловаться на начальство.

Мы уже выше говорили, что в школах при конгрегациях детей обоего пола наказывали телесно. В суде (исправительном) города По во Франции разбиралось дело по жалобе поверенного Жана Бонетена, по профессии маляра; сын его Поль был в конгрегационной школе. Вот что говорится в жалобе: "В четверг 23-го Апреля 1897 г., после обеда, когда монахи-преподаватели под предлогом молитвы дремали, помогая пищеварению, монах Евсевий позвал моего сына Поля Бонетена:

- Мальчуган, поди сюда и прочитай молитвы.

Ребенок, раскрасневшийся от игры на солнце во дворе, пошел взять молитвенник, а потом сел с книгой на одной из ступенек перрона, где сидел монах.

Мальчик начал бегло читать молитвы, сперва довольно громко, но затем все тише и тише; наконец, вероятно, от жары он вскоре заснул. Монах обнял мальчика за талию и, приблизив его немного к себе, слушал его с полужакрытыми глазами.

Вдруг монах схватил ребенка с силой и прижал к себе так, что тот от боли проснулся и закричал, отскочив в сторону. Монах схватил ребенка за руки и, весь дрожа от гнева, закричал:

- Ты спишь, а не читаешь молитвы, каналья!

- Да я читаю, дорогой отец!

- Ты лжешь! Ты смеешь лгать накануне причащения! На колени сейчас же!

Поль, пораженный этим неожиданным взрывом гнева, стал на колени. Он редко когда видел отца Евсевия в таком бешенстве.

- Теперь, в наказание, изволь сделать на мостовой крест языком.

Бедняжка посмотрел на ступень, к которой его нагибал монах, и, увидя, что она вся покрыта пылью и разными отбросами, так как при входе все вытирали о нее подошвы сапог, инстинктивно откинулся головой назад. Он закрыл глаза в ожидании страшного удара и, сам придя тоже в бешенство, закричал:

- Нет, нет ни за что! Я не сделаю креста!

- Ах! Ты не хочешь, бестия, слушаться, - тогда ты увидишь, что бывает за это.

Схватив мальчика под мышки, словно куль, он понес его по лестнице вверх. Дойдя до первого этажа, он отворил дверь приемной комнаты и бросил мальчика на пол.

Мальчик весь дрожал, он не знал этой комнаты, не бывши ни разу в ней. Закрытые ставни с трудом позволяли рассмотреть мебель. В ожидании предстоящего наказания у него волосы дыбом встали и зуб на зуб не попадал. Монах затем вышел из комнаты, заперев ее за собой.

Через некоторое время, показавшееся мальчугану целой вечностью, он вернулся с пучком розог и опять запер за собой дверь, вынув ключ и положив его в карман. Теперь Поль понял, что его будут пороть.

Монах подошел к окну и приоткрыл одну ставню, чтобы дать немного свету. Затем с розгами в руках он сел в кресло и громко сказал:

- Снимай штаны!

Мальчик повиновался. Тогда монах встал и, подойдя к нему, схватив его за шею, поставил на колени, зажав крепко его шею между ногами. Затем, подняв рубашку и завернув ее на голову мальчика, он взял розги и стал пороть, с каждым новым ударом стараясь бить все сильнее и сильнее...

Поль орал во всю глотку, но скоро стал тихонько хрипеть от боли, так как монах все крепче сжимал его шею ногами и почти душил его. Мальчик был, по мнению свидетельствовавшего врача, наказан очень жестоко. Суд приговорил монаха к шестимесячному тюремному заключению.

Система воспитания, при которой применяются телесные наказания, неизбежно приводит к тому, что в ужасающей прогрессии растет число эротических сцен; многие дети испытывают удовольствие во время телесного наказания и страсть к нему сохраняют позднее; множество учителей и учительниц, а также родителей, с большей или меньшей

скоростью, впадают в эротизм; нередко те и другие извлекают материальную выгоду из школьных или домашних наказаний детей, допуская на это зрелище платных зрителей.

Всего два года тому назад дошло дело до лондонского суда, как один владелец ювелирного магазина, вдовец, поручил воспитание двух своих детей гувернантке. Последняя, подметив у отца страсть к флагелляции, стала потворствовать ей. Почти каждый вечер, по возвращении его из магазина домой, она рассказывала ему какие-нибудь истории про детей, с целью вызвать наказание их; если в течение дня они не совершили никаких проступков, то она их выдумывала, и отец наказывал детей розгами. После экзекуции он обыкновенно, возбужденный, шел наслаждаться в объятиях гувернантки.

Телесные наказания применяются в нас в Англии довольно широко в тюрьмах, где они производятся с особенной жестокостью, доставляющей наслаждение тем, кто присудил к наказанию; в полках, где офицеры бьют солдат бичами за маловажные проступки, а иногда просто ради развлечения. Последнее особенно часто происходит в Индии, где, сравнительно с метрополией, очень мало развлечений. Офицеры секут иногда и своих товарищей, нарушивших этику, как это было на днях в одном из полков. Из-за того, что наказывавшие разболтали об этом, наказанному пришлось оставить полк.

Многие, вероятно, помнят еще шум, поднятый, лет пятнадцать тому назад, разоблачениями лондонской газеты "Pall Mall garette" ежедневных скандалов в лондонских домах терпимости, которые свободно доставляли своим клиентам молоденьких девочек для растления, сечения и других всевозможных истязаний.

Все это практикуется и в настоящее время. Мы могли бы дать сведения о гораздо больших жестокостях, чем те, о которых сообщила вышеупомянутая газета.

Пока оставим в стороне факты, относящиеся до других пороков, так как здесь мы намерены говорить специально о флагелляции, и главным образом о женской флагелляции.

В настоящее время на одной из улиц Вест-Энда существует дом, о котором, благодаря любезности полиции, мы собрали довольно подробные сведения.

Дом стоит в глубине большого сада. Он совершенно отделен от улицы небольшим зданием, в котором находится квартира сторожа, как будто сторожащего какой-нибудь торговый склад.

К дому из ворот ведет крытая галерея, запирающаяся с обоих концов крепкими решетками. При помощи веревки сторож может отворить обе решетки, но он это делает после того, как удостоверится в личности посетителя, которого он может рассмотреть, благодаря помещенному перед окном зеркалу. Никто не может быть допущен, если он не известен сторожу или не сопровождается известным сторожу лицом.

Этот уединенный дом посещается исключительно женщинами. Следует прибавить, что большинство посетительниц принадлежит к высшему свету. Пройдя обе решетки, приходится еще звонить у солидной двери с окнами, завешенными занавесями. Когда зажигают огонь в комнатах, окна и двери плотно закрываются ставнями.

Войдя внутрь, вы попадаете в скромную приемную, где вас встречает директриса этого странного учреждения; далее идет гостиная для ожидающих, довольно скромно меблированная, затем семь комнат для клиенток. Так как все комнаты похожи одна на другую, мы ограничимся описанием одной из них, заимствуя его из полицейского протокола.

Стены выкрашены эмалью нежно-зеленого цвета. На полу хороший линолеум. Из мебели-умывальник, глубокое кресло, комод с ящиками, наполненными предметами, необходимыми для удовлетворения всевозможных капризов клиенток, и в нише, сплошь в зеркалах, низкий диван-кровать с подушками и матрацем, покрытыми материей, которую можно мыть; нет ни простынь, ни одеяла.

В кровати, которая вполне доступна со всех сторон, имеется целая система колец, толстых веревок, крючков, ремней. Все это, чтобы можно было пациентку крепко привязать в каком угодно положении. Ремни и веревки изнутри подбиты и простеганы ватой, чтобы не натерли тела и не скользили.

Приходящие в учреждение клиентки - обыкновенно женщины лет за тридцать или за

сорок; "сюжеты" - дети от десяти до пятнадцати лет. Учреждение поставляет только девочек, мальчики никоим образом не допускаются. Флагелляция, растление при помощи фаллуса и других предметов - вот та цель, с которой являются посетительницы в этот дом, где сеанс оплачивается не менее как двадцатью фунтами стерлингов (около 200 р.), иногда от 50 и до 60 фунтов стерлингов (500-600 р.), когда девочка вполне девственна и неопытна.

Мы приведем резюме и выдержки из разговоров, которые пришлось иметь полицейским чинам с директрисой учреждения, дочерью одного английского моряка. Она, вследствие бедности и дурного поведения - во времена ранней молодости она торговала сафизмом, - занялась этой довольно выгодной торговлей.

- Какого рода клиенты бывают у вас? - спрашивает ее полицейский пристав.

- Великосветские дамы, артистки, дамы полусвета - активные лесбийки.

- Что они ищут в вашем доме?

- Девочек-подростков, готовых добровольно или силой исполнять их фантазии.

Некоторые из этих дам, совершенно как мужчины, любят наслаждаться их испугом и их страданиями... Часто фаллусом применяют больше вреда, чем мужчины.

- Они их только растлевают?

- Нет, и флагелляция не бездействует. Одни довольствуются только тем, что секут ребенка розгами, или плетью, или, наконец, крапивой. Другие же секут до употребления фаллуса и после него.

- Отличаются ли ваши клиентки жестокостью?

- О! Нет! В сущности, все это не причиняет вреда здоровью ребенка.

- Каким образом вы добываете детей?

- Нет ничего легче в мире. Вы понимаете, что для девочки гораздо меньше риска, чем пойти с мужчиной. Когда ей делают предложение, она имеет уже подругу, с которой позволяет известного рода ласки... Она полагает, что хорошо знает то, что ей придется делать, и это ее не страшит.

- Вы ее предупреждаете о том, что от нее потребуют?

- К чему же? Закон не знает растления женщиной. А о флагелляции еще меньше надобности предупреждать. Девочка всегда успеет сама увидеть, что она должна исполнять.

- А если она станет кричать?

- Этого-то страстно желает большая часть наших клиенток.

- Вы не боитесь разве вмешательства соседей?

- У нас все так устроено, что ни один звук не может быть услышан снаружи.

- Ну, а если девочка станет сопротивляться, царапать, кусать?

- Есть, как вы, вероятно, заметили, на диване веревки, ремни и, наконец, в крайности, можно вставить в рот кляп.

- Вы нам не сказали, из каких слоев общества вы добываете детей?

- Понятно, что это не принцессы. Для девочек в возрасте от четырнадцати и до шестнадцати лет наш главный источник это - няни, только что прибывшие из деревни. Девочки моложе четырнадцати лет избираются нами между детьми рабочих. У меня есть две сводни, чрезвычайно опытные, которые умеют уговорить и завлечь ребенка, не потратив ни копейки и ограничившись одними только посулами.

- Предупреждаете ли вы иногда родителей?

- Если они не жители Лондона, то никогда. Предупредить, конечно, безопаснее, чтобы не иметь впоследствии неприятностей, но тогда наш барыш гораздо меньше: нужно заплатить ребенку и еще родителям.

- Это стоит недешево?

- Нет, не всегда; раз знают, что это для женщины, то довольны, так как нет риска забеременеть. Обыкновенно мы обходимся двумя-тремя фунтами стерлингов (2030 руб.), считая в том числе и подарок девочке. Больше трех фунтов стерлингов мы никогда не тратим.

- Ну, а если ребенок будет поранен?

- Тогда мы его отправляем в деревню, где у нас есть своя дача; там держим, пока он не выздоровеет.

Из того же полицейского дознания мы извлекаем и резюмируем показания некоторых допрошенных полицией девочек.

Алиса С., 14 лет, ходит в учреждение более года, но с большими промежутками. Она уже два года служит няней в Лондоне. Хорошенькая блондиночка, очень маленького роста. Когда ее завербовали в учреждение, она уже знала, что ей придется иметь дело с богатой дамой, которая даст ей много денег. Она поняла, что речь идет о разных прикосновениях, которые она уже практиковала с кухаркой, где жила, и у нее не было ни малейшего страха.

Когда она очутилась наедине с богатой дамой в описанной нами комнате, то сконфузилась очень изрядно. Дама была высокого роста, толстая, богато одетая и с большим достоинством державшая себя. Она еще более растерялась, когда дама разделась, и она увидела у нее "нечто ужасное". Девушка собралась бежать, совсем обезумев, но дама ее живо схватила, раздела и привязала на диване. Затем начала ее сечь очень больно розгами, несмотря на ее крики. Потом ей несколько раз сделали очень больно... Алиса больше этой дамы не встречала. Многие же другие дамы посылали за ней, чтобы сечь ее, ласкать, кусать... Теперь она не боялась, и, если ее даже секли не больно, она отчаянно орала, так как ей сказали, что эти крики доставляют удовольствие дамам, наказывающим ее.

Анна М., 17 лет, была менее счастлива, чем Алиса, так как на первом сеансе с одной благородной леди она была сильно поранена, и потребовалось сделать ей зашивание.

Кроме того, раны на ягодицах от розог не заживали, так как леди после того, как жестоко ее выпорола розгами, налила на иссеченные места одеколону для усиления мучений; но одеколон оказался плохого качества.

Ей пришлось пробыть в деревенском домике учреждения вдовы моряка три месяца, чтобы поправиться от следов экзекуции. По выходе оттуда, она потеряла свое место в шляпном магазине и вынуждена была вернуться в учреждение и умолять вдову взять ее. На горе девочки, ее нежное сложение, очень чувствительное к ударам тельце, следы рубцов на ягодицах, бедрах и ляжках - все это прельщало любителей жестокой флагаелляции, которые постоянно выбирали ее, и ей приходилось переживать страшно тяжелые сеансы. Можно сказать, что не было ни одного орудия истязания, которое ей не пришлось бы испытать. Ее одно только утешало: что подобные истязания приводили неизбежно к тому, что ее приходилось посылать на поправку в загородный дом.

Как ни были ей неприятны сношения с лесбийками, она все-таки предпочитала последних мужчинам, так как страшно боялась забеременеть.

Раз на улице она приняла предложение мужчины и пошла к нему, чтобы он высек розгами. Сек он ее очень легко, сравнительно с тем, как ее пороли и истязали в учреждении вдовы моряка, но после экзекуции мужчина заставил ее два раза отдаться ему. После этого она уже более не решалась повторить опыт и ограничивалась посещением учреждения вдовы.

Флорентина Т., 19 лет, хорошенькая девочка, не особенно развитая, которую сама мать приводила для наказания розгами, принуждая ее позволять себя сечь без сопротивления под угрозой еще более жестокой порки дома. От нее пристав ничего не мог добиться, - она только ревела и произносила непонятные слова. На бедрах, ягодицах и ляжках ребенка были длинные фиолетовые рубцы.

Мария Л., 13 лет, маленькая, худенькая, до невозможности нервная, очень ценящая флагаеллянтами, благодаря тому, что во время сечения розгами вся она извивалась как змея. Розги она переносила с большим трудом и ни разу еще не легла под них добровольно, а всегда сопротивлялась, словно ее хотели резать. Напротив, всякие сладострастные прикосновения принимала охотно.

Долли Ж., 14 лет, брюнетка с несносным характером, тщеславная, мечтавшая сделаться дамой полусвета, она готова была на все ради туалетов, чтобы составить себе известное положение. Она поверила обещаниям сводницы-вдовы. Долли пришлось иметь дело с

благородной леди, любительницей жестокого сечения розгами. Дело приняло для нее очень плохой оборот. Девочка, когда приняла предложение сводницы, была уверена, что все дело ограничится какими-нибудь сценами мастурбации; увидав, что леди, едва она разделась, вынула из комода пучок длинных березовых розог и велела ей лечь на диван, чтобы ее привязать, Долли пришла в ярость и стала отчаянно сопротивляться. Она брыкалась, кусалась, плевала в лицо леди, но в конце концов той все-таки удалось ее привязать. Взбешенная сопротивлением девочки и особенно плевками, леди превзошла себя на этот раз и стала так беспощадно пороть девочку, как еще никогда никого не секла. Долли сперва орала что есть мочи, грозила жалобой, а потом начала ругать леди самыми скверными словами. Это привело леди в еще большую ярость, и она, отвязав ноги ребенка и разъединив их насколько возможно, крепко привязала каждую ногу к кольцам в полу. После этого, схватив охотничью плеть, стала ею сечь что есть силы девочку. Причем теперь она секла не по ягодицам, но по всему телу, где попало, стараясь чаще бить по внутренним частям ляжек, спине и половому органу. Не успела она дать ей и десяти ударов плетью, как все тело девочки, начиная от шеи и до пят, было в крови; но разъяренная дама продолжает пороть. Та уже перестала кричать и потеряла сознание, а леди все ее продолжает драть. Наконец она устает, останавливается и тогда только замечает, в каком положении ее жертва. Тут ее одолевает страх, и она, не отвязав девочки, бежит предупредить вдову. Та принимает энергичные меры, но только через несколько часов удастся привести девочку в чувство и на простыне отнести в постель.

Через два дня ее отправляют на поправку в загородный дом. Там она уверяет, что как только поправится, то подаст жалобу в суд. Потребовалась вся сила красноречия вдовы, а главное, большая сумма денег, чтобы уговорить девочку не подавать жалобы.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ ИЗ-ЗА ДЕНЕГ И ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ

Бесспорно, что сечение по спине и частям, близким к половому органу, вызывает половое возбуждение и эрекцию у лиц, страдающих импотенцией, хотя далеко не всегда.

Вот почему иногда развратники, спустившиеся на степень животных, потеряв силу, ищут ее восстановления в болезненной флагелляции.

Флагелляция вызывает у ослабевших половых органов сильное возбуждение, которое передается всей нервной системе; острая боль от ударов заставляет приливать кровь к тем частям тела, по которым бьют, и к смежным с ними половым органам.

Появляющийся жар в половых органах вызывает сладострастные ощущения и возможность совершить половой акт тогда, когда при нормальном условии в нем вовсе не было потребности, - таким образом, увеличить сумму наслаждений сверх того количества, которое назначено данному субъекту матерью природой.

По должности мне приходилось часто посещать публичные дома. Содержательницы, из боязни придираков, решительно ни в чем мне не отказывали.

Однажды я был приглашен к одной проститутке, внезапно почувствовавшей себя очень плохо.

Я находился в комнате больной, когда услышал, как в соседней комнате женщина на кого-то сердито кричала и бранилась, затем раздался звук пощечины. Я собирался задать вопрос моей больной, как она шепотом попросила меня молчать; отвернув кусочек обоев, она пальцем указала на дырочку, через которую я мог видеть все происходящее в комнате. Вот такая сцена происходила там. Главным действующим лицом была хорошенькая брюнетка, остальные актеры были четыре старика в париках, при виде костюмов и гримас которых я едва смог удержаться от смеха.

Эти запоздалые развратники играли, подобно детям, в школу, где женщина изображала учительницу, а старцы - учеников. У каждого была в руках книга. Она каждому задавала выучить немедленно несколько строк и затем спрашивала. Ученик, конечно, не знал урока, следовала пощечина, на которую ученик отвечал дерзостью, и тогда учительница приказывала ему раздеться и при помощи других учеников секла его розгами. Подобное развлечение устраивалось два раза в неделю.

Моя больная смеялась до слез над моим удивлением и тут же рассказала еще более смешные факты, происходящие у них в доме ежедневно. Так, по ее словам, она имела честь довольно часто наказывать розгами или плетью очень важных лиц из духовенства, магистратуры и финансового мира.

Очень часто прибегают к флагелляции как к механическому средству возбуждения половых органов. Но бывает частенько, что мало-помалу средство становится целью; тогда наслаждение получается только от розог или плетки.

Аббат Буало в своем трактате говорит, что флагелляция является предрассудком у монахов, что она вредна и для тела, и для души. Как средство умерщвления плоти она никуда негодна; напротив, она даже вызывает половое возбуждение и как епитимия представляет смесь смешного со скандальным.

Мы уже не раз говорили, что флагелляция, по-видимому, культивируется преимущественно мужчинами; женщина к ней менее расположена, хотя и встречаются между ними страстные любительницы розог после того, как были ими наказаны. Лично я полагаю, что тут следует скорее видеть как бы любовь к более горячим ласкам, если не приходится иметь дело с половым извращением.

Я знал женщин, которые, подвергая женщину сечению, приходили сами в сильное половое возбуждение.

Брантом говорит, что знал одну красавицу, знатную даму, которая хлестала своих фрейлин по щекам; он же рассказывает в другом месте о своей даме так: "Иногда она приказывала провинившимся фрейлинам, для своего развлечения, поднять платье с юбками, так как в то золотое время панталон не носили, и шлепала по ягодицам руками или секла по ним розгами, смотря по фантазии и в зависимости от их желания, так, что наказываемые смеялись или плакали от боли. Подобное зрелище до того ее возбуждало, что после наказания она нередко удалялась в укромный уголок с каким-нибудь галантным кавалером, очень здоровым и сильным.

Что это была только за женщина! Однажды она увидела из окон своего замка, как здоровенный детина, башмачник, мочился у стены ее замка; она послала своего пажа велеть ему придти к ней на свидание вечером в парк. Там она отдалась ему и забеременела. Я слышал еще, что эта дама не только женщин и девушек, состоявших у нее в свите, но и дам, приезжавших к ней погостить, посвящала в свои игры. Вот уж действительно веселые игры".

Нет ничего чаще, чем стремление старцев, даже весьма древних, вызвать у себя половое возбуждение и попытаться добиться эрекции члена, чтобы испытать наслаждение, доставляемое половым актом. Средства для этого сильно отличаются от тех, которые употребляют женщины для уничтожения морщин на лице и придания цвету кожи юношеской свежести. Старики, как пугала, боятся полового бессилия и готовы прибегнуть к каким угодно средствам, лишь бы отдалить этот момент. Когда наука бессильна оказать им помощь, они обращаются к услугам женщин, и в этом отношении последние могут дать несколько очков вперед докторам.

Среди множества возбуждающих средств флагелляция занимает не последнее место. Если от нее получают иногда хорошие результаты, то они всегда кратковременны.

Между тем, половое бессилие может быть только временным и вполне излечимым. Так, например, если оно явилось вследствие усиленных умственных занятий и т. п...

Существуют мужчины и женщины с лимфатическим темпераментом, у которых половой аппетит или совсем слаб, или даже вовсе отсутствует и никогда раньше не проявлялся, - в таком случае можно попробовать подвергнуть их флагелляции; и весьма редко, чтобы, умело произведенная, она не пробудила заснувших органов.

Некоторые истощенные развратники применяют флагелляцию в двух видах: сперва они секут женщину, а затем заставляют женщину сечь их.

Человек от природы любит вид тела. Ему нравятся округленности форм, голая кожа вызывает у него половое возбуждение, и ему приятно сечь, сопровождая экзекуции разными прикосновениями. Но этого бывает не всегда достаточно, и в последнем случае он

подставляет себя под удары своей подруги, чтобы достигнуть желаемого результата.

Субъекты, у которых половое бессилие является результатом злоупотребления половыми удовольствиями, могут также иногда рассчитывать на благоприятные результаты от флагелляции.

Но было бы ошибочно думать, что страсть к флагелляции распространена только среди стариков или истощенных развратом субъектов. Ею в одинаковой, если даже не большей степени, заражены молодые и вполне здоровые мужчины.

В сущности мужчин, страдающих этой манией, можно разделить на три класса:

1. Те, которые любят наказание розгами или другим орудием, более или менее строгое, рукой хорошенькой женщины, достаточно сильной, чтобы сечь очень сильно и оставлять на теле наказываемого заметные следы.

2. Те, которые, наоборот, находят удовольствие в том, чтобы наказывать шлепками или розгами молоденькую девушку.

3. Те, которые не любят быть ни активными, ни пассивными флагеллянтами, но возбуждаются вполне достаточно, присутствуя в качестве зрителя при наказании кого-нибудь.

Активный флагеллянт только и мечтает о том, как бы ему поскорее закончить образование своей жертвы, чтобы видеть ее разделяющей с ним восторг, овладевающий им во время сечения.

Многим из них это удается. Встречаются женщины, испытывающие громадное наслаждение под розгами своего повелителя.

В романе "Сафо" Альфонса Додэ имеется такого рода сцена: "Она видела, как он хочет ударить, и не уклонилась от удара, а приняла его прямо в лицо, потом с чувством тупой боли, в то же время радости и сознания своей победы над ним, она бросилась к нему на шею с криком: "Мой милый друг!.. Ты меня все еще любишь"!.. И они в объятиях повалились на постель".

В одном только нашем Лондоне имеется целая армия флагеллянтов.

Стоит только прочесть многочисленные обвинения в газетах, где покорные молодые девушки, строгие учительницы предлагают свои услуги любителям активной или пассивной флагелляции.

Пользуясь данными, собранными полицией, можно с полной уверенностью сказать, что громадное большинство из числа лиц, посвятивших себя этой ветви любви, преследуют не одни материальные выгоды, но испытывают также известного рода удовольствие.

Следует еще обратить внимание на то обстоятельство, что кожа их от частых ударов по ней розгами или плеткой приобретает удивительную нечувствительность. Я знал одну из таких женщин, которая жаловалась мне и просила, если возможно, помочь ей, так как она в роли пассивной флагеллянтки потеряла значительную долю своей ценности, поскольку ягодицы ее даже при очень сильном сечении розгами более не краснели. А между тем, как известно, одно из самых главных наслаждений активного флагелланта или флагеллянтши заключается именно в том, чтобы видеть, как под его ударами тело наказываемой краснеет и на нем ясно отпечатываются удары в виде рубцов.

Не все, конечно, женщины, помещающие объявления или делающие шепотом на улице соблазнительные предложения, от которых только слюнки текут у любителя флагелляции, находятся в положении вышеупомянутой женщины, но у всех них, безусловно, кожи на ягодицах от частого сечения делается как бы дубленой. %

Флагелляция с подобными женщинами имеет то громадное преимущество, что она совершенно безопасна, женщины обладают профессиональной ловкостью, проявляют покорность, понятливость и идут охотно на удовлетворение всевозможных капризов, даже самых неожиданных.

Но флагеллянт, жаждущий найти в своей партнерше ту же страсть или какой-нибудь сюрприз неожиданного сопротивления или настоящего страха перед ожидающим ее наказанием, не встретит своего идеала в профессиональной флагеллянтше.

Если флагеллянт не боится скандала, то сечение женщины, не знакомой вовсе со специальным ритуалом флагелляции, представляет для него особую прелесть.

Очень многие из флагеллянтов даже отказываются иметь дело с женщиной, заранее предупрежденной, опытной профессионалкой, и ищут только такую женщину, которая не имела бы ни малейшего понятия о флагелляции.

Вот некоторые сведения, собранные мною в качестве полицейского врача, из уст таких неопытных женщин.

Мария Б., восемнадцать лет, работает в мастерской искусственных цветов, зарабатывая, кроме мертвого сезона, по пятидесяти копеек в день, которые она отдает своей матери, белошвейке, вдове, имеющей еще двух детей моложе Марии. Брюнетка, ничего из себя не представляющая, но толстая, вполне сформировавшаяся, Мария, по вечерам, когда она не была сильно уставши, а погода была не особенно дурная, выходила на улицу, всячески избегая попадаться на глаза городовым, и старалась завлечь какого-нибудь мужчину приличного вида и хорошо одетого, который согласился бы с нею уединиться в номере гостиницы, заплатив ей четыре или, самое меньшее, два рубля {Мы заменили везде английские деньги русскими. - Прим. переводчика.}.

Раз вечером господин лет за пятьдесят, строгий на вид, под руку с молодой дамой подошел к ней и шепотом сообщил о своем желании.

- Вот моя дама была бы не прочь вас посечь. Если ты пойдешь с нами, то заработаешь пять рублей и через какой-нибудь час будешь свободна.

Маша, удивленная, была в нерешительности. Она слыхала смутно разговоры об этих особых наслаждениях, но сама не имела о них ровно никакого понятия.

- Ты никогда не пробовала? - задает ей вопрос господин.

- Нет.

- Ну, ты не умрешь от шлепков. Не может быть, чтобы тебя когда-нибудь не секли в детстве?

- Да, но...

- Посмотри на руки барыни, как они хороши. Разве тебе не было бы приятно, если бы она ими тебя пошлепала?

Последние слова, очевидно, под влиянием нарисованной его воображением сцены сечения, он произнес как-то особенно нервно и с горящими глазами.

Маша испугалась и отошла немного назад.

- Нет, я не согласна, я к этому не привыкла. Мужчина пожал плечами с сердцем и повел свою подругу.

- Ну, как хочешь, дура! Ведь пять рублей получила бы за пустяки.

Последние слова произвели впечатление на девушку, и она нагнала пару. Те остановились.

- Господин, послушайте!..

- Ну, что?

- А после любовью не будем заниматься?

- Да нет! Я говорю тебе, что только отшлепают.

- По панталонам?

- Нет, по голой...

Все еще взволнованная, она колебалась и смотрела на даму, которая молчала как убитая, с совершенно равнодушным видом. В глубине души ее успокаивало, что она не будет одна с этим человеком. Женщина не станет, думала она, сильно ее мучить.

- Ну, хорошо, я согласна, но вы мне дадите мои пять рублей сейчас же.

- Нет, - резко ответил господин, - ты удерешь. Будь покойна, я сдержу свое слово, а если ты будешь послушна и мила, моя дама прибавит тебе два рубля.

Последние слова окончательно соблазнили Машу, и она в знак согласия кивнула головой.

- Куда же идти?

- Иди впереди нас, это совсем недалеко.

Они направились на улицу Пикадилли. Мужчина поддерживал свою даму левой рукой, а правой нервно щипал за ягодицы шедшую немного впереди Машу, которая вздрагивала и уклонялась.

На улице Р. они все вошли в один дом, где поднялись в квартиру на четвертом этаже. В комнате, в которую они вошли из передней, было уже освещено и топились камин. Немедленно дама, по-видимому, бывшая у себя дома, сняла шляпу, жакет, надела фартук из темного ситца с воланами и сделала Маше знак рукой:

- Разоблачайтесь!

Молодая девушка сняла шляпу и свое боа, потом, взявшись руками за корсаж, спросила:

- Нужно мне раздеваться?

- Не стоит.

Дама подошла к ней и надела на нее костюм из синего ситца, который обыкновенно носят ученицы городских школ.

Развалившись в глубоком кресле раздвинув ноги, мужчина, видимо, любовался всей сценой.

- Она просто прелесть, эта девочка, - пробормотал он сквозь зубы, прищелкнув от удовольствия язычком.

Черные волосы, спускавшиеся на лоб и завязанные сзади ленточкой из черного бархата, ситцевый синий костюм - все это придавало мастерице вид настоящей школьницы.

Господин взял со стола книгу и бросил ее даме, сказав: "Ну, теперь за урок!"

Женщина поставила стол, к нему два стула, на один сама села, на другой велела сесть Маше и, указав на страницу книги, сказала:

- Читайте громко вслух.

Маша колебалась, сосредоточенно все время наблюдая происходившую сцену, крайне непонятную для нее.

- Читайте! - закричала дама сердито.

- Послушайте, я уже давно вышла из школы, а вы заставляете меня читать из середины книги, подвиньте, по крайней мере, лампу!

- Это просто из упрямства вы не слушаетесь, я вас накажу! - закричала дама.

- Ах, дрянная девчонка, - произнес господин, вертясь в кресле.

Так как Маша молчала, дама вдруг со всего размаха закатила ей пощечину.

- Будете вы слушаться или нет?.. Маша вскрикнула, а господин произнес:

- Вот так ее надо! Не церемоньтесь с этой канальей, иначе вы ничего от нее не добьетесь.

Ошеломленная плушкой, девочка пробормотала:

- Ой, вы меня больно ударили!

Встав со стула, она хотела уйти.

- Я хочу уйти..

Но дама с силой заставила ее опять сесть на стул.

- Не смейте вставать!.. Слушайтесь, или я вас сейчас выпорю розгами до крови!..

Внезапный ужас охватил бедную цветочницу. Она подумала: "Это сумасшедшие, они меня убьют".

- Пустите меня уйти, мне ничего не нужно от вас... Я теперь не согласна...

- Ты хочешь уйти?... Попробуй только встать!

И, схватив Машу за голову, она нагнула ее над книгой, принудив смотреть в нее.

- Что тут напечатано?

Серьезно струсившая, Маша силилась по складам разобрать и прочесть слова в книге.

Она пролепетала медленно, с расстановкой: "Очевидно, что нет..."

Но мужчина заорал:

- Эта девчонка смеется над нами, мой друг. Отшлепать ее хорошенько, и делу конец!

Дама, видимо, согласилась исполнить совет.

- Да, я вижу, что ей хочется розог!

После этих слов она грубо подняла девочку со стула и поставила на ноги, прошептав ей едва слышно:

- Слушайся и не сопротивляйся, иначе он тебя заперет розгами! Ты получишь десять рублей, если будешь послушна.

Окончательно ошалев, Маша отдалась на волю дамы. Та поставила ее на колени перед креслом и, подняв платье с юбками, стала развязывать панталоны, которые затрещали.

- Не рвите мне панталоны, у меня нет других!

Тогда дама стала осторожно их развязывать. Наконец она развязала их и спустила, обнажив часть тела, подлежащую наказанию.

Мужчина все время вертелся в кресле и говорил: "Так ей и надо, пробери-ка ее получше..."

Дама начала что есть мочи хлестать по ягодицам рукой. С третьего шлепка девочка стала уже кричать от боли:

- Не так сильно!.. Мама! мама! Ай! Ай!

Когда ей позволили встать, она была вся в слезах.

- Теперь, ты будешь читать? - опять спросила дама.

- Я хочу уйти! - рыдая, проговорила девочка. - Мне больно, я боюсь.

Дама схватила ее за оба плеча и с силой потрясла.

- Если ты сейчас же не будешь меня слушаться, то я тебя вышвырну за окно. Ты видишь окно?

Маша только жалобно закричала:

- Спасите меня! Помогите!

Она уже видела, как летит за окно в пустое пространство... От ужаса у нее выступил холодный пот на лице и зуб на зуб не попадал. Слезы текли ручьем, и она вытирала руками лицо. Тем не менее, она заметила, что дама с мужчиной обменялись многозначительным взглядом, и она подумала, что ее сейчас бросят за окно. Но дама вдруг переменила тон.

- Вот, возьми свои деньги, можешь уходить.

Она сунула бумажку в руку девочки и вытолкала ее из комнаты. Та торопливо сбросила синий костюм, схватила свою шляпу и боа.

- Живо убирайся!

Очутившись одна на площадке неосвещенной лестницы, девушка, спотыкаясь и дрожа от страха, с трудом выбралась на улицу. Там она, подойдя к фонарю, посмотрела бумажку.

- Ах, подлые! Дали мне только пять рублей! Однако она была так рада своему избавлению, что даже и не подумала подняться снова и потребовать недоданные деньги.

Анна М., двадцати пяти лет, была первой мастерицей у модистки; окончила с успехом и наградой курсы кройки. Затем она открыла свою маленькую мастерскую. У нее появились клиенты, но обстановка мастерской стоила дорого, и она впала в долги. Наступали сроки платежа по вексям, а денег у нее не было.

Тогда она стала внимательно читать в газетах маленькие объявления, думая напасть на случай, который помог бы ей вывернуться из затруднительных обстоятельств.

Само собой разумеется, что она уже давно не была девственницей, но ее падения совершались не из материальной цели.

Ей бросилось в глаза следующее объявление: "Молодой человек, тридцати лет, брюнет, вполне приличный, меланхоличный, состоятельный, щедрый при случае, хотел бы познакомиться, с целью жениться, с молодой женщиной, серьезной, хорошенькой, которая согласилась бы говорить с ним о любимой женщине, которую он недавно потерял. Профессионалок просят не беспокоиться".

Она написала по указанным инициалам в газету. Ей ответили и назначили день свидания. "Если понравимся друг другу, то будем продолжать знакомство", - писал незнакомец.

Анна пришла аккуратно в назначенный час на свидание. Одета она была в синий костюм английского покроя.

Несколько минут спустя, она увидела приближающегося к ней молодого человека; очень хорошо одетого во все черное. Он почтительно с ней раскланялся и спросил:

- Мадмуазель Анна М.?

Сердце девушки забилось скорее.

- Да. Это я самая.

Он произвел на нее приятное впечатление.

Высокий, очень худой, с впалыми щеками, слегка бегающими глазами, немного открытым лбом, он был именно "приличный и меланхоличный", как объявлял о себе.

Она обратила внимание на его руки, длинные, очень выхоленные, а также на изящество его обуви. "Он очень изящен, - подумала она, - это в полном смысле слова дэнди". Уже она строила разные планы, соображала, какую сумму денег она у него попросит.

Шарли, как он себя назвал в письме, обратился к ней со следующими словами:

- Не зайдем ли мы лучше в сквер? Там нам будет удобнее поговорить.

Она кивнула головой в знак согласия и немедленно пошла рядом с ним, немного удивленная тем, что он, после первого беглого взгляда, больше не смотрел на нее.

- Может быть, я ему не нравлюсь? - подумала она, очень этим огорченная.

Но в ту же секунду она была успокоена. Он взял молодую девушку под руку, и они медленно пошли по аллее.

- Вот вся моя история, - сказал он тихим голосом, с полужакрытыми глазами, как бы одолеваемый тяжелыми воспоминаниями. - У меня была любовница, которую я боготворил... Я ее потерял при ужасных условиях... Образ ее все еще передо мною, и я ее по-прежнему люблю. Мне нужна подруга настолько добрая, чтобы она помирилась с тем, что между нами будет в моих мыслях эта женщина, и в то же время настолько развитая, чтобы сумела понять некоторые странности моего характера; хотите вы быть такой женщиной?

- Да, хочу, - отвечала Анна, слегка смущенная.

Шарли снова заговорил скороговоркой.

- Что касается денежного вопроса, то вы можете быть вполне спокойной, я богат, и если вы только сумеете мне угодить, то я вас щедро одарю... Я не свободен и буду просить вас приходить на свидание два раза в месяц. Я сразу вижу, что вы женщина вполне порядочная и разумная, а потому назначьте сами ту сумму, которую вы хотели бы иметь. Вы ее будете находить в конверте каждый раз на условленном месте, и мне будет очень приятно, если об этом вопросе вы не станете никогда заводить даже разговора.

Она была очень растрогана и согласилась на все.

- Я вам очень благодарна! Все то, что я сейчас слышала, меня глубоко растрогало! Я полагаю, что мы с вами отлично сойдемся. Я не невинная девушка, благодаря несчастным обстоятельствам...

Он ее перебил немного сухо.

- Все это прекрасно, - я вовсе не желаю знать вашу историю; вы понимаете, для меня главная прелесть именно в том и заключается, чтобы не знать никаких подробностей относительно вашей личности. Хотите пойти ко мне?

- Как, сейчас?

- Почему же нет, ведь вы свободны?

- Да, свободна.

- Так идемте, это совсем близко, на улице... Мне страшно хочется узнать, подойдем ли мы друг к другу. А здесь, на глазах у публики, невозможно говорить.

- Пойдемте, - сказала она решительно.

Квартира, куда они вскоре вошли, находилась в глубине двора, в первом этаже. В ней было очень темно и пахло духами, напоминающими ладан.

Шарли пояснил:

- Я редко сюда прихожу...

Он повернул кнопку и осветил комнату; Анна тогда заметила с удивлением, что стены комнаты были обтянуты черной материей и украшены надгробными венками из искусственных цветов. В глубине комнаты, как бы на низких салазках стоял гроб, покрытый черным сукном; по сторонам гроба на высоких подставках стояли серебряные канделябры и курильницы.

Она отступила назад.

- Что все это значит? - прошептала Анна.

Шарли спокойно посмотрел на все эти предметы и отвечал:

- Я уже вам объяснил, что я обожаю покойницу... Здесь и вы, и я только простые служители культа ее.

Анна, преодолевая свой страх, спрашивает едва слышным голосом:

- Что же мы будем здесь делать?

- Сегодня ничего, мой ангел. Я вас привел просто для того, чтобы приучить к обстановке и моей персоне. Мне хотелось бы, чтобы вы отнеслись ко мне с полным доверием.

Затем он подошел к одной из консолей, откуда снял большой фотографический портрет женщины, и подал его Анне, сказав:

- Вот это она, моя подруга!

- Она очень хорошенькая! - довольно искренне сказала Анна.

- Ее уже нет! Она умерла четыре года тому назад, варварски убитая, произнес Шарли с заметной холодностью.

У Анны вырвалось невольно восклицание:

- Убита!.. Каким же образом?

- Да, была убита!.. Позже я вам расскажу все подробности, но, Бога ради, не будем об этом говорить сегодня.

Он вдруг стал растроганным, лицо его нервно подергивалось, и Анна поспешно произнесла:

- Эти воспоминания вам тяжелы, я это вполне понимаю.

Он покачал отрицательно головой и почти прокричал:

- Напротив, я их страшно люблю, но сегодня я не хочу их тревожить. Придете ли вы еще сюда? В состоянии ли вы быть той сочувствующей и готовой на все подругой, которую я ищу?

Она несколько колебалась отвечать.

- Да, мой друг, - сказала она, в конце концов, совсем твердо.

- Тогда хотите прийти в четверг? Мы пообедаем, потом придем сюда.

Невольно она вздрогнула. Здесь, ночью? В этой траурной комнате? Потом нашла это оригинальным и отвечала:

- Хорошо, согласна.

Он назвал ресторан, куда она должна была прийти, и проводил, сказав:

- До свидания! До четверга.

Вышли они вместе. Тотчас же Шарли оставил ее, раскланявшись самым вежливым образом. Она не решилась заглянуть в конверт, который он ей сунул в руку, раньше, чем села в омнибус. В нем 5 фунтов стерлингов (ок. 50 руб.). У нее запрыгало сердечко от радости.

- Бедный Шарли! - прошептала она, вся растроганная. - Конечно, я сделаю для него все, что может доставить ему удовольствие.

В назначенный день и час она нашла Шарли в ресторане. Они заняли столик в общем зале.

Шарли ел мало, но очаровал ее своими изысканными манерами. Лишь изредка странный румянец на его землистого цвета щеках портил приятное впечатление, производимое им на нее.

Нисколько теперь не дичившаяся, Анна спокойно пошла к нему на квартиру. Теперь даже похоронная обстановка вызвала в ней тайное желание расхохотаться.

Шарли принес два темных халата, какие носят обыкновенно пилигримы.

- Будьте добры, наденьте это, - сказал он Анне мягким, но не допускающим возражения тоном.

И сам, подавая ей пример, быстро разделся совсем, сняв даже сорочку, показав ей на мгновение свое голое тело, стройное и изящное, и надел халат.

Анна разделась не так скоро.

Засучив рукава халата, Шарли помог ей. Она видела его нетерпение, но в то же время не поймала ни одного страстного взгляда на нее.

- Снимите и сорочку! - скомандовал он ей повелительно, когда увидел, что Анна собирается надеть халат на ночную рубашку.

Она повиновалась с отвращением, но не посмела протестовать.

Шарли как бы гипнотизировал ее, уверяла она меня, когда рассказывала.

- Вы прекрасно сложены, - заметил он холодным тоном. Она попробовала улыбнуться...

Он взял ее за руку и подвел к дивану, который стоял напротив гроба.

- Садитесь... не шевелитесь!

Затем он зажег все свечи в канделябрах, а также курильницы.

Появился дым, и по комнате распространился сильный запах ладана.

- Мы задохнемся! - протестовала Анна.

- Тише, не говорите ни слова, - произнес он. После этого он стал на колени перед ней.

- Теперь я расскажу вам историю Женевьевы, - произнес он глухим и неестественным голосом. - Уже прошло два года, как мы были в близких отношениях, когда нам пришла фантазия отправиться путешествовать по Испании. Мы приехали в Мадрид на Страстной неделе. Мы наблюдали разные процессии, как вдруг один из шедших в процессии мужчин, одетый в такой же халат, как мы с вами, с опущенным на лицо капюшоном, отделился от толпы, остановился около нас и с иностранным акцентом произнес на английском языке следующее: "Если вы охотники до оригинальных представлений, то приходите оба сегодня вечером, в десять часов, туда-то", - при этом незнакомец дал адрес...

Моя подруга была страшно заинтригована и непременно хотела, чтобы мы отправились по приглашению.

В назначенный час мы были на указанном месте. Мы вошли в полуразрушенный от времени дворец. Наш пилигрим встретил нас и провел в комнату, обставленную совершенно так же, как эта, где мы с вами сидим.

Все свечи и курильницы были также зажжены.

Голос Шарли становился все более и более задыхающимся, лицо его покрылось смертной бледностью и нервно подергивалось.

Чувствуя себя плохо, одолеваемая все сильнее и сильнее возрастающим страхом, Анна захотела прервать его.

- Прекратите ваш рассказ! Эти воспоминания вам слишком тяжелы! Я напугана!

Он вдруг на нее заорал:

- Молчать!... Я вам запрещаю говорить! Я вам плачу за то, чтобы вы меня слушали!

Она слегка откинулась назад, немного оскорбленная, но несколько успокоенная. Она теперь начинала понимать: все это была одна комедия развратника, - он просто хотел себя возбудить.

Она слегка пожала плечами.

- Ну, продолжайте ваш рассказ! - прошептала она. Но, против ее воли, вскоре ею снова овладел ужас. Шарли стал продолжать рассказ голосом лунатика:

- Нам велели сесть, и после того, как наш проводник хлопнул в ладоши, все присутствующие запели. Мы ни слова не понимали; но, вероятно, они пели ужасные вещи, и иногда пение сопровождалось ужасным смехом. Наконец они замолчали, и один из них подошел к гробу и достал оттуда несколько пучков длинных березовых розог.

Каждый из кающихся взял по одному пучку, и все, подняв свои халаты, нагнули голые спины, по которым соседи стали хлестать розгами. Женевьева и я пришли в ужас. Вдруг я

почувствовал, как она хватается меня за руку и шепчет:

- Смотри, у некоторых уже кровь показалась! Действительно, у всех мужчин тела были иссечены до крови, но они все-таки продолжали хлестать с остервенением друг друга; слышались крики и стоны.

Женевьева встала и говорит: "Я хочу уйти!" Шарли так естественно передал женский голос, что произвел на Анну особенно глубокое впечатление.

- Ради Бога, не продолжайте больше! - проговорила она, бросив беглый взгляд на окружающие их предметы.

В эту минуту Шарли встал, обе его руки старались схватить руки Анны, и он своими безумными глазами пронизывал ее насквозь.

- Увидав, что Женевьева встала, мужчины побросали розги и налетели на нас.

В один миг я был привязан на скамейке, поставленной у стены, чтобы я мог видеть все происходящее. А она, моя Женевьева, была растянута и привязана на скамейке! Несмотря на ее отчаянные крики, угрозы, мольбы, проклятия, эти люди, скорее демоны, взяли розги, и один из них стал пороть ее.

Анна невольно вскрикнула:

- О! Это сон, это кошмар! Послушайте, это неправда!

Не обращая внимания на ее слова, он продолжал рассказывать, сжимая ее руки все сильнее и сильнее. Она чувствовала его дыхание, так он стоял близко, и это бросало ее в жар и холод.

- Они продолжали ее сечь. Я видел, как на ее белом теле появлялись полосы, как число их росло, как они становились фиолетовыми, и наконец показалась кровь. Она кричала, стонала, звала меня на помощь... Но что я мог сделать, привязанный?!... В конце концов я потерял сознание, когда я пришел в себя, зало было пусто... Я был отвязан. Я уже собрался бежать, когда увидел, что Женевьева лежит в гробу, мертвая.

Анна сделала в эту секунду такой скачок, что вырвалась из его рук.

- Молчите, умоляю вас! Вы добьетесь, что я захвораю! - сказала она, бросив взгляд на гроб, у которого очутилась совсем близко.

Он опять взял ее, но без насилия, привел на прежнее место и, сжимая, стал умолять:

- Будьте доброй... сделайте то, что я прошу, я так вам буду за это благодарен!

- Но что вы хотите?

Он взял из гроба пучок длинных и свежих березовых розог, лег на диван и сказал, задыхаясь от волнения:

- Бейте меня! В память ее мучений. Пусть и я буду страдать, как страдала она.

Анна машинально взяла из его рук розги:

- Мне бить вас? Нет, нет, я не в силах! Я не могу решиться на это!

- Да, да бейте по ягодицам, бейте, что есть мочи! Не бойтесь ничего, ни моих криков, ни просьб... Порите безжалостно, я так хочу!

Тронутая такими мольбами, она слабо ударила его розгами.

- Сильнее, умоляю, сильнее... Она начала бить сильнее.

- Еще сильнее! Еще сильнее!

Это полоумный, подумала она, но, несколько свыкшись со своим положением, Анна стала хлестать гораздо сильнее, находя уже удовольствие причинять ему боль. Теперь уже розги свистели уверенно и смело ложились на тело, которое стало от боли вздрагивать, а ногтями он вцепился в материю дивана.

Наконец, он вскочил с дивана и совершенно неожиданно бросился на Анну.

Та стала барахтаться, вырываться, кричать:

- Пустите меня!.. Убийца! Меня убивают! Спасите!.. Помогите!..

Но вскоре она была растянута и привязана на скамейке, как его Женевьева.

Так как Анна продолжала кричать, то он приложил ей ко рту кляп из ваты и крепко привязал его полотняной тесьмой.

Теперь она не могла кричать...

Обнажив ее, он нагнулся и рассматривал. Затем она видела, как он подошел к гробу и достал оттуда два пучка розог, еще более толстых, чем те, которыми она его секла. По крайней мере ей так показалось.

Очевидно, что он ее будет пороть этими ужасными розгами, и она была уверена, что умрет, не перенеся этого.

Действительно, он принялся безостановочно сечь.

Боль была нестерпимая, к тому же кричать она не могла. Долго ли он ее сек, она не может сказать, так как от боли или от недостатка воздуха она впала в бессознательное состояние.

Когда она пришла в себя, то увидела, что лежит в постели, на ней надета ее сорочка. Комната эта уже другая.

Шарли сидел на краю кровати, и когда увидел, что она открыла глаза, то самым спокойным голосом спросил, лучше ли ей теперь?

Она еще не вполне освоилась и отвечала знаком головы утвердительно.

Он ей дал выпить воды. Мало-помалу она окончательно пришла в себя. Ей тотчас же представилась ужасная сцена, предшествовавшая потере ею сознания.

- Послушайте, это гнусно, то, что вы проделали со мной, я буду жаловаться прокурору!

Шарли улыбнулся и пожал плечами.

- Но что вы скажете, мой ангел?

- Вы меня истязали!

- Разве вы ранены?

Анна быстро вскочила с постели, чувствуя слабость, но, к ее удивлению, не было сильной боли на тех местах, по которым он ее сек. Подняв сорочку, она убедилась, что нет никаких особенных следов от розог. Была припухлость, полосы, но ни одной раны, ни одного синего рубца.

- Теперь вы не станете утверждать, что я был с вами жесток! Никто вам не поверит! Строже секут пятилетнюю девочку. Завтра все исчезнет у вас.

Она буквально была ошеломлена и стояла, разинув рот. В это время он ей подал одежду, сказав:

- Одевайтесь... Вы знаете, уже час ночи. А мне нужно быть дома. Ведь я женат, и моя жена терпеть не может, чтобы я не ночевал дома.

Когда она была совсем готова и собиралась уходить, он ее спросил:

- Сколько вы желаете получить?

Она вспомнила о предстоящих ей платежах по вексям и отвечала:

- Двенадцать фунтов стерлингов (около 120 рублей).

- Черт возьми, немало!

Потом он улыбнулся и говорит:

- Впрочем, ты стоишь этих денег! Ты заставила меня пережить до невероятия блаженные минуты, благодаря обмороку, который одну минуту я принял за настоящую смерть; повторяю, когда ты лежала в гробу, я был наверху блаженства.

Он дал Анне деньги, проводил ее до извозчика и даже заплатил ему.

Больше о нем Анна не слыхала. Бывали у нее не раз денежные затруднения, но она уже не рисковала навестить Шарли, да он, вероятно, и не принял бы ее.

- Вы не поверите, доктор, - прибавила Анна, заканчивая свой длинный рассказ, - я почти уверена, что все про Женеьеву он сочинил. Тем не менее, он способен изувечить, не имея ни капли злобы. Вы не можете себе даже представить, до чего этот человек вежлив, приличен, если бы не эта мания.

В России, в мае 1909 г., в гор. Николаеве, в гостинице "Новая Германия", той самой, где в свое время были арестованы одесские торговцы живым товаром, обнаружена новая жертва разврата, почти ребенок, хрупкая, маленькая девочка, А. В., еще не достигшая 13 лет, тонкая, белая, как молодая березка. Девочка эта числилась как бы в услужении; в действительности же, как установлено, комиссионер и совладелец гостиницы Владимир Х. продавал ее

посетителям.

Жизнь В. представляется сплошным мучением. Сама она из Одессы. Отец ее, беспросыпный пьяница, когда она былаи еще маленькой девочкой, бил ее "смертным боем", привязывал к кровати и стегал ремнем или сек розгами до тех пор, пока она не впадала в бессознательное состояние. Не имея денег на пьянство, он заставлял ее выпрашивать на улицах милостыню, деньги забирал себе и пропивал. Не удивительно, что, живя в этой атмосфере, девочка впитала в себя все ароматы уличного разврата, В один прекрасный день какой-то любитель "острых ощущений", мужчина хорошо одетый, высокий, угрюмый, соблазнил ее шоколадом, конфетами и серебряным рублем, который представлялся девочке недостижимым богатством, и растлил ее.

По словам девочки, она отдалась не добровольно, а силой. Сперва она думала, что господин приказал раздеться, чтобы поласкать только, но когда она увидела, что он хочет делать, то стала сопротивляться и кусаться, господин несколько раз ударил по щекам и сказал, что больно ее выпорот розгами: "Шкуру тебе спущу, если не будешь лежать смирно!" Она все-таки не давалась, плакала, кричала и просила отпустить ее домой. Тогда он ее схватил с постели, засунул ей в рот свернутое полотенце, так что она не могла кричать, и потащил на чердак, где стал драть розгами так больно, как ее не порол никогда даже отец.

Выпоровши ее, он вынул полотенце и спросил, будет ли она лежать на постели смирно, иначе обещался опять пороть еще больнее. Девочка согласилась лежать смирно, тогда он ее опять принес вниз и положил на постель, где она позволила делать с ней все, что угодно.

Это облегчило задачу В., так как она не должна была гоняться за прохожими и получать от них по копейке: ее соблазнитель каждый раз давал ей в награду по двугривенному. Таким образом, девочка прибыла в Николаев, имея уже за собой некоторый проститутский опыт и даже проявляя известный задор, привлекавший гостей. Здесь она несколько отдохнула, так как не имела над собой отца-тирана, который ее терзал, бил и заставлял отдавать себе все деньги.

Жизнь в Николаеве сначала была, по сравнению с одесской, очень хорошей. Две ее подруги, старые и опытные проститутки, промышлявшие в "Новой Германии", порекомендовали ей пойти к Х. - он-де не обидит. Девочка поступила к Х., и вначале тот водил к ней "приличных" клиентов, плативших ему хорошие деньги. Но с течением времени, когда девочка уже потеряла для "почтенных" гостей интерес, к ней стали приводить обыкновенных развратников. Эти оказались более грубыми и придирчивыми и, кроме того, девочку понуждали принимать их в большом числе.

Если же она настойчиво отказывалась, то экономка била ее по щекам так, что "из глаз искры сыпались и часто кровь из носу текла".

Раз как-то экономка отхлестала ее по щекам за отказ принять третьего гостя, она лежала в кровати и, уткнув голову в подушку, редела. В это время вошел хозяин гостиницы, которому экономка пожаловалась на девушку, и велел, как только запрут гостиницу, выпороть ее хорошенько розгами. Она соскочила с кровати и стала просить прощения, обещая, что будет принимать гостей без отказа, но он сказал, что надо было раньше думать, и велел непременно ее высечь, как только уйдут гости.

Вечером ее потащили два коридорных в погреб, где растянули на скамейке, один держал за ноги, другой за руки, а экономка выпорола розгами так больно, что, по словам девушки, она с трудом встала.

Обо всем этом каким-то образом дошло до сведения полиции.

Когда Х. заметил, что за гостиницей установлен надзор, он приказал девочке отправиться к врачу, зарегистрироваться и получить проститутский билет из полиции, угрожая, что, если она не послушается или пожалуется полиции, он выпорот ее розгами еще больнее, чем последний раз.

Девочка пошла к врачу. Но тот, посмотрев на хрупкую, маленькую фигурку низкорослой девочки, которая выглядела еще ребенком, стал увещевать ее бросить проституцию и обратиться к честному труду. Девочка настаивала, но врач категорически

отказался зарегистрировать ее. Когда девочка вернулась домой, туда нагрянула полиция. Х. отрицал свою вину, но девочка должна была в конце концов во всем чистосердечно сознаться.

Когда девочку осмотрел полицейский врач, то нашел на бедрах, ягодицах, ляжках и даже на части живота и спине следы от рубцов и фиолетовые полосы во многих местах, очевидно, от жестокого наказания розгами.

Хозяина гостиницы привлекли к суду за истязание девочки и принуждение ее силой заниматься проституцией.

ПСИХОЛОГИЯ ФЛАГЕЛЛЯНТА И ФЛАГЕЛЛЯНТШИ

В отношении к флагелляции между мужчинами и женщинами есть некоторое различие.

Во-первых, как мы уже говорили выше, число женщин, предающихся чисто активной флагелляции, значительно превышает число пассивных флагеллянтш; тогда как у мужчины страсть к активной флагелляции почти всегда соединяется со страстью к пассивной флагелляции, если только субъект не страдает чистейшим садизмом.

В сущности, женщина-флагеллянтша есть скрытая садистка и очень робкая мазохистка.

Подвергая кого-нибудь сечению, женщина вносит всегда некоторое чувство враждебности к своей жертве, даже часто жестокости, и никогда не питает к ней, как мужчина-флагеллянт, любви.

Это проистекает, как мы уже объяснили, от разницы в физической организации мужчины и женщины.

Страсть сечь кого-нибудь или быть высеченной - у женщины аберрация исключительно умственная. У мужчины же прилив крови от сечения к половым органам вызывает феномены всецело физиологические, благодаря которым он испытывает сладострастные ощущения, как от нормального совокупления.

Следовательно, мужчина-флагеллянт менее ненормален, чем женщина-флагеллянтша.

Если мы рассмотрим ближе факты флагелляции, то будем поражены следующим обстоятельством. Мужчина-флагеллянт, за редкими исключениями, быстро превращается в маньяка и находит удовольствие практиковать флагелляцию постоянно в одних и тех же условиях. Вы увидите, что в течение десяти лет мужчина-флагеллянт повторяет одну и ту же комедию, доставляющую ему одинаковое наслаждение, - нравится ли ему разыгрывать роль непослушного или шаловливого ученика или изображать собаку, с которой плохо обращаются.

Совершенно наоборот, женщина-флагеллянтша отличается поразительным разнообразием своей фантазии, которая зависит от ее настроения в известный день и в особенности от партнера или партнерши, которых ей послала судьба или собственный ее выбор. И капризы у нее возникают совершенно произвольно, без всякого усилия с ее стороны; они внушаются ей какой-то неведомой для нее силой.

Флагеллянт зачастую напоминает маньяка, женщина же никогда. Флагеллянт может под влиянием своей страсти сойти с ума; тогда как женщина чаще становится флагеллянтшей, уже будучи сумасшедшей.

Флагеллянт не может отделаться от своей страсти, раз она овладела им и руководит всеми его половыми стремлениями.

Флагеллянтша, если она не истеричка, может легко освободиться от своей страсти.

Итак, флагелляция у мужчины является потребностью главным образом физической, тогда как у женщины она служит для умственного удовлетворения.

А от умственных привычек, за исключением сумасшествия, гораздо легче освободиться, чем от физических.

Впрочем, все меняется, когда эта страсть одолевает женщину пожилую, как бы уже потерявшую способности и качества, присущие только женщинам.

Всем физиологам известен тот факт, что многие женщины по достижении климактерического возраста совершенно меняются как в нравственном, так и физическом отношении. Не только черты их лица, их талия, их общий вид приближаются к мужскому, но

у них появляются волосы на подбородке, голос твердеет, и очень часто происходят перемены снаружи на половых органах.

В эту пору у женщин, у которых не исчезли сладострастные стремления, выделение жидкости на половых органах становится обильнее, и они делаются более похотливыми. У них половое возбуждение появляется даже помимо их воли. Непреодолимые сладострастные желания возникают у них совершенно неожиданно: стоя, в карете, среди своих детей, при посторонних и т. д.

Эти физические феномены сопровождаются, само собой разумеется, аналогичными умственными изменениями. Таким образом, если страсть к флагелляции овладела женщиной, отныне как бы бесполой, то она будет ей предаваться одинаково с мужчинами.

В подтверждение этого наблюдения мы приведем нижеследующие факты.

Бетти Д. была дама полусвета, составившая себе состояние и удалившаяся от дел. Она обладала сравнительно хорошим здоровьем, не особенно пострадавшим от ее ремесла, которым она занималась около тридцати лет. Однако с возрастом произошли физические и психические изменения. Увеличение известного органа вызвало у нее склонность к лесбосским играм, чего она раньше не знала.

Но вдруг ею овладела исключительно страсть к флагелляции, и ее мания специализировалась, так сказать, на одной сцене, постоянно повторяемой с различными партнершами, от которых она постоянно испытывала незабвенные наслаждения.

Ее партнерша должна была придти к ней как бы истомленная, стонущая и жалующаяся на преждевременную беременность.

- Иди сюда, я тебя живо избавлю, - говорила Бетти протягивая свои дрожащие руки молодой женщине.

После некоторых пустяжных манипуляций по животу, она вскрикивала с радостью:

- Вот, вот он перешел в заднюю твою часть. Ну, теперь моя милая, недолго тебе мучиться, я его живо выгоню!

Затем, повернув пациентку на живот и привязав ее хорошенько, она приносила розги и начинала немилосердно пороть ее. Порка прекращалась ею не раньше, чем у нее не появлялось представление, что жертва родила.

Елисавета Ж. была прехорошенькая блондинка... Она вела широкую жизнь, и, по-видимому, ничто не предвещало, что она станет отчаянной поклонницей флагелляции.

По словам д-ра Молля, она сделалась любовницей одного богатого венгерского графа. Последний ее обожал и исполнял всевозможные ее капризы. К тому же он был молод и красив собою.

Но Елисавета была женщина распущенная и завела еще любовника, бедного молодого адвоката.

Несмотря на всевозможные предосторожности, как всегда бывает в подобных случаях, об измене Елисаветы граф узнал. Но, к удивлению, не порвал с нею связи. Причиной было следующее обстоятельство: граф имел со своей любовницей сношение каждый раз после такой сцены. Граф раздевался при ней и облачался во фрак, надевал дорогие шелковые чулки и лакированные башмаки. В таком наряде он садился на механическую кобылицу.

Елисавета должна была быть одета только в изящную куртку почтальона и держать в руке бич с ремешками хвостами из буйволового кожи.

Как только граф дергал веревку и лошадь начинала двигаться, то Елисавета должна была хлестать бичом что есть мочи. Граф делал пять или шесть кругов по комнате, и тогда он чувствовал себя готовым, слезал с лошади и садился на Елисавету, которая должна была теперь разыгрывать лошадь, но, чтобы граф достиг цели, она должна была хлестать его во всю силу по задку, что она делала очень охотно, вырывая у него крики от боли и отплачивая ему за свое унижение, которому он ее подвергал почти ежедневно.

Позднее она не соглашалась отдаваться возлюбленному, если он раньше не позволял подвергнуть себя сечению. Благодаря своей красоте и очаровательности она находила клиентов и на таких условиях.

Жанна В., восемнадцатилетняя блондинка с бедовыми глазенками, с чувственным слегка ротиком, стала флагеллянтшей после сцены, которую она описала мне так: "В поместье, где я жила со своими родителями, у нас был грум по имени Джек. Это был прехорошенький шестнадцатилетний мальчик. У него еще не было пушка на губах. Голосок у него был тоненький и ласковый. Характер самый добродушный. Одним словом, грум на меня произвел очень приятное впечатление, о чем, впрочем, я ему не сообщила, даже взглядом не показала.

Раз утром я вздумала пойти в гардеробную, где у нас лежало белье. Но перед тем, как отворить дверь, я услышала какой-то необычный вздох. Заглянув в замочную щелку, я, к своему ужасу, увидала, что Джек занимается любовью с молоденькой подгорничной.

Первое мое движение было уйти, но потом любопытство взяло верх, и я захотела остаться до конца и полюбоваться незнакомой для меня сценой. Когда я увидала, что Джек слезает со своей подруги, я незаметно убежала.

Как я ни старалась себя настроить враждебно против грума, внутренне я страстно желала, чтобы меня Джек поцеловал. Искушение было почти непреодолимое. Чем более я думала о виденной мною сцене, тем более во мне бурлила кровь. Наконец я пришла к убеждению, что не в силах больше противиться своему желанию... Но к удовлетворению его я подошла окольным путем.

Я уверила себя, что я не имею права оставить проступка Джека без наказания. Надо заметить, что до десяти лет меня изредко мать и гувернантка наказывали розгами за серьезные проступки. Вероятно поэтому мне и пришла в голову довольно дикая, но вполне понятная мысль наказать самой Джека розгами. Почему-то я не думала о наказании подруги его.

Я отправилась в сад и попросила садовника нарезать мне толстых березовых прутьев. Тот был изрядно удивлен, но я объяснила, что они мне нужны для клетки, которую я хочу сама смастерить. Он, кажется, поверил.

Выбрав из них шесть самых длинных и толстых, я связала два пучка розог, по три прута в каждом. Я испытывала большое наслаждение уже тогда, когда выбирала розги и вязала из них пучки. Спрятала я их в шифоньерку в своей комнате.

На другой день под предлогом мигрени я не поехала с родителями в город в театр. Таким образом, я осталась в громадном доме одна, одинешенька, так как экономка и другая прислуга жили во флигеле.

Грум держал лошадей при отъезде родителей на станцию. Как только они уехали, я велела груму придти ко мне в комнату.

Лишь только он явился, я отперла шифоньерку и, вынув розги, сказала ему:

- Вы не знаете, Джек, для чего служат эти штучки?

- Право, не знаю. Слышал, что ими наказывают детей...

- А теперь узнаете, что ими секут также и грумов! - сказала я в сильном гневе.

- Но... Я не понимаю...

- Как, вы все еще не понимаете, что это вас я собираюсь наказать розгами? Не догадываетесь ли вы, что я вас вчера видела в гардеробной с Флавией?

Если бы земля провалилась, он не был бы так сражен, как услышав мои слова. Наконец он, весь красный, упал передо мной на колени и, сквозь слезы, проговорил:

- Накажите меня как хотите, но, Бога ради, пожалейте меня и старика моего отца, не говорите родителям. Клянусь, что больше этого не будет!.. Я просто хотел поцеловать Флавию, но она легла на диван, и я...

- Довольно, мне не нужно знать подробностей, сейчас же раздевайтесь и ложитесь на кушетку!

Он, видимо, был страшно сконфужен необходимостью раздеваться при мне, но боялся и послушаться...

Затем, молча, он разделся и лег, не произнося ни слова и исполняя все, что я приказывала, пока привязывала его за руки и за ноги к ножкам кушетки. Когда убедилась,

что он крепко привязан, как когда-то и меня привязывала мать или гувернантка, я обнажила его и, взяв в руки пучок розог, стараясь придать как можно больше строгости моему голосу, проговорила:

- Ну, маленький негодяй, я вам дам сто розог!

Странное дело, при виде его белых обнаженных ягодиц, я медлила начинать сечь его. Но это было только одно мгновение, - тут же я вытянула его розгами, потом дала второй удар... На теле появились две полосы, и оно слегка порозовело. Я, надо заметить, была очень сильная девушка и к тому же занималась гимнастикой. При виде полос у меня явилось желание бить сильнее... Сама не зная почему, я стала пороть изо всей силы мальчика, о ласках которого я мечтала и которых страстно желала.

С третьего уже удара у него вырвался крик от боли, но из боязни, чтобы не услышали на дворе, он крепко прижал рот к кушетке и только хрипел и извивался, насколько позволяла привязь.

Сечь его, не скрою, доставляло мне удивительное наслаждение, и я старалась сечь его как можно медленнее, наносить удары во всю силу и выбирать наиболее чувствительные места. Так, если я видела, что какой-нибудь удар вызывал более резкий стон и особенно резкий прыжок тела, я старалась ударить по тому же месту еще сильнее. Секла я его около двадцати минут. Во многих местах у мальчика показались кровавые капельки. Наконец я нашла, что нужно прекратить и, ударив несколько раз с особенной силой, сказала, что прощаю его, и отвязала. Он, сконфуженный, подвязав брюки, ушел.

С тех пор я стала искать в деревне мальчиков, которые позволили бы себя за деньги высечь розгами. Как и в первый: раз, во время порки у меня появлялась на половом органе мокрота, и я испытывала невыразимое наслаждение".

Всего каких-нибудь двенадцать лет назад в Манчестере разбиралось дело об изнасиловании миссис Елены К. одним негром.

Вдова консула одной из французских колоний, она по смерти мужа поселилась в своем имении в окрестностях Манчестера. Ей было тридцать пять лет. Следствие установило, что в молодости ее очень часто секли розгами. В многочисленной их семье телесное наказание детей практиковалось в самых широких размерах. Не проходило почти дня, когда того или другого ребенка не наказывали розгами. Причем часто наказание производилось в присутствии других детей. Испытав первые сладострастные ощущения при виде того, как отец наказывал при ней братьев, она, когда мать умерла, как старшая сестра в семье присвоила, с согласия отца, права матери и стала очень часто наказывать розгами младших братьев и сестер.

Особенно братьев, так как от наказания мальчиков она испытывала сильное сладострастное наслаждение, а от наказания девочек более слабое.

По выходе замуж ей через два года удалось уговорить мужа позволять себя сечь розгами перед совершением полового акта.

Не прошло и двух лет после вдовства, как она стала пользоваться всяким удобным случаем, чтобы применить активную флагелляцию.

Вначале она секла свою молоденькую девушку-прислугу, хотя сечение девушки не доставляло ей большого наслаждения. Вскоре девушка не в силах была переносить истязаний, которым ее подвергала миссис Елена, и отошла от нее.

Тогда Елена обратилась к одному итальянцу, Николини, который и стал поставщиком для нее жертв; он охотился для нее за мальчиками и девочками, соблазнял их серебряными монетами и обещал им дать больше, если они согласятся быть послушными и делать, что им велят. Так как он обращался почти исключительно к бродячим детям, то ему не стоило особенного труда их убедить. Интересно, что вдова требовала себе жертв ежемесячно почти в одно и то же число; уклонения были не более двадцати четырех часов. Не нужно быть особенно тонким знатоком половой психологии, чтобы с уверенностью сказать, что нужда в жертвах возникала в период менструаций у вдовы.

Как бы там ни было, но в течение нескольких лет итальянец аккуратно поставлял

"товар" вдове в назначенное ею время с точностью машины. Нужно заметить, что, помимо бродячих детей, в большом городе есть масса еще детей обоего пола, родители которых находятся в страшной нищете и не допрашивают детей, откуда они добыли деньги, лишь бы те делились с ними.

Впрочем, случалось, что какая-нибудь женщина ради заработка соглашалась подвергнуться экзекуции или даже иногда - юноша.

Все знали по слухам, что если Елена секла очень больно, то зато и платила довольно щедро; вот почему многие из бывших ее жертв приходили к ней снова, если и не с большим удовольствием, то с полной уверенностью, что ценою нескольких рубцов на ягодицах они найдут верный заработок.

В один прекрасный день, прогуливаясь по городу, она встретила молодого суданского негра, который танцами и разными штуками на террасе одного кафе забавлял добрых буржуа, сидевших за кружкой пива, и зарабатывал несколько грошей.

Он был безобразен, маленького роста, но мускулистый, и во время своих хореографических упражнений особенно соблазнительно вертел ягодицами, которые у него были очень полные. Вдова пришла в восторг. Она обратилась к Николини и поручила ему добыть ей этого негра, так как ей сильно хотелось посмотреть, какие следы оставят удары розог на черной лоснящейся коже негра, которая не может краснеть, как у других.

В сделанном ему предложении негр обратил внимание только на одно обстоятельство - что ему предлагают дать денег; он решил, что дама просто хочет заставить его играть и танцевать у себя на дому, чтобы развлечь себя и своих гостей.

Вот почему он пришел к вдове в веселом настроении. Старый лакей, по его словам, ввел его в большую комнату, довольно скромно меблированную.

Он был страшно поражен, когда вдова предложила ему четыре серебряных монеты по 5 шиллингов (всего около 9 р.)! Бедняга еще никогда в жизни не видал столько денег, а потому он колебался взять из рук вдовы подобное сокровище. Он боялся, что за такие громадные деньги от него потребуют совершения какого-нибудь ужасного преступления. В общем, африканские негры народ не злой; они просто - взрослые дети, быть может, несколько похотливые, но чаще всего они не способны на дурное. К тому же они питают страх перед правосудием. При виде денег негр отступил немного назад, но вдове удалось дать ему понять, что ему просто следует раздеться совсем донага, лечь животом на кушетку, позволить себя привязать за ноги и за руки и затем дать себя высечь розгами, которые ему показала вдова.

Он тотчас же разделся, все время улыбаясь, и послушно исполнял все, что приказывала вдова, пока она его привязывала к кушетке веревками.

По словам негра, барыня секла его вначале очень слабо, как бы лаская розгами, и он продолжал смеяться.

Потом она начала сечь все сильнее и сильнее, так что он от боли стал орать во всю силу и извиваться, как змея.

Не обращая внимания на его крики и стоны, Елена продолжала его пороть.

Но после одного особенно сильного удара между ляжками негр так сильно рванулся, что веревки, которыми были привязаны его руки к кушетке, разорвались, и он, как полоумный, вскочил с кушетки и развязал веревки, которыми были привязаны ноги. Встав на ноги, он подошел к своей истязательнице, обнаруживая во всем великолепии достоинство своего мужского пола.

"Одно мгновение, - говорит вдова на суде, - я была ошеломлена; затем, взбешенная его нахальством, я ударила розгами по "чудовищу"; тогда проклятый негр вскочил на меня, схватил, положил меня животом на свои ляжки, разорвал мне панталоны и стал меня хлестать во всю силу рукой по ягодицам, а затем, придерживая меня, поднял с пола розги и стал ими пороть самым безжалостным образом, несмотря на мои мольбы, угрозы, обещания денег... Вскоре я от боли могла только стонать и готова была потерять сознание; тогда негр перестал меня сечь, отнес на кровать, и я, к ужасу, увидела, что он хочет совершить надо

мною гнусность, но я была так слаба, что не могла сопротивляться и помешать ему сделать гадость со мною..."

Совершив насилие с обычной для его расы грубостью, негр, пока его жертва лежала в обморочном состоянии, оделся, выскочил на террасу, а оттуда, через сад, на улицу и скрылся.

Елене пришлось прибегнуть к помощи врача для лечения последствий истязания. Она подала жалобу на негра прокурору.

Суд приговорил негра к двум годам каторжных работ, приняв, конечно, во внимание, что насилие было вызвано самой вдовой. Высший суд, куда перешло дело по апелляции, уменьшил наказание до шестимесячного заключения в тюрьме.

После подобного приключения Елена продала имение и покинула навсегда эту местность.

Один мой приятель, военный врач, рассказал мне следующий факт.

Несколько лет тому назад в одном доме терпимости была одна пансионерка, которую он лечил до ее смерти. Она была из гувернанток. Очень часто теряла места со скандалом из-за своей страсти наказывать детей телесно. В молодости родители часто ее секли. Наконец она попала на содержание к богатому немолодому вдовцу, который, несмотря на ее вид святоши, отгадал в ней сильно похотливую особу.

Старый селадон стал требовать от нее разных штук. Она сперва ломалась для виду, но потом согласилась высечь его розгами. В действительности это было для нее таким же наслаждением, как и для вдовца.

Через два года вдовец умер, не обеспечив ее, и она, благодаря своднику, чтобы спастись от нищеты, попала в пансион.

Она уже страдала чахоткой в самой первой стадии.

Это была высокая, стройная, как пальма, девушка двадцати шести лет. Блондинка с большими темно-кариими глазами, немного длинными ресницами, что придавало ее физиономии выражение особенной доброты. Матовый цвет лица с легким румянцем на щеках придавал ей особенную прелесть.

Ее манера держаться, ее разговоры отнюдь не напоминали обитательницу публичного дома. Она не переваривала самой малейшей фамильярности. Но наедине с клиентом она перерождалась; она умела так приручить его, что тот вскоре позволял ей хлопать себя по ягодицам. Ударяла она с какой-то особенной ловкостью, так что мужчины просили продолжать их шлепать. Правда, это была не обыкновенная флагелляция.

Она не употребляла никаких инструментов наказания, но ее руки, тонкие и длинные, ложились в самые приятные места... Она достигла в этом искусстве высокой степени совершенства...

Первый же, кто попал к ней в руки, не преминул, конечно, рассказать своим друзьям и приятелям. Вскоре ее начали атаковать старые и молодые. В особенности старые. Даже если половое чувство давно умерло, ей удавалось оживить его хоть на несколько мгновений.

Это была удивительная натура! Редко можно встретить нечто подобное: публичная женщина с чрезвычайно повышенным сладострастным чувством, знающая все мельчайшие тонкости разврата, способная выдумать в этой области новые штучки - и в то же время само воплощенное целомудрие, в присутствии посторонних держащая себя так, что ей могла позавидовать любая светская дама.

В это время в городе славился своей развратной жизнью один молодой человек из превосходной семьи. Рано оставшись сиротой, он имел опекуном бывшего морского офицера, своего дядю, которому он причинил много неприятностей. Не особенно довольный ворчанием и нотациями старого офицера, Гектор П., так звали этого красавца, как только исполнилось ему совершеннолетие, потребовал от своего опекуна отчет по опеке и потом нисколько не стеснялся всюду звонить, что опекун дядя его обокрал.

Наконец Гектор задумал остепениться и решил жениться. Бросил посещение всевозможных кабаков и стал появляться в светских гостиных. Тут он познакомился с одной

молодой девушкой, замечательной красавицей и из хорошей семьи, сделал предложение, но дядя его дал о нем такие скверные сведения, что ему отказали не только в руке девушки, но даже отец попросил не посещать больше их дома.

Это окончательно переполнило чашу терпения Гектора, и он решил отомстить дяде.

Через несколько дней он отправился в вышеупомянутый нами публичный дом и сделал предложение бывшей гувернантке.

- Мой ангел, я пришел к тебе с новостью, которой ты и во сне не видала. Хочешь иметь четыре тысячи фунтов стерлингов годового дохода (около 40 тысяч рублей)?

Она недоверчиво улыбнулась.

- Я говорю совершенно серьезно, я пришел сюда вовсе не с тем, чтобы насмехаться над тобой. Хочешь быть моей женой?

- Ты, вероятно, пьян, - отвечала девушка.

- Уверяю тебя, что я не пьян, с ума не сошел; спрашиваю тебя еще раз, хочешь быть моей женой, да или нет?

Девушка продолжала смотреть на него удивленными глазами.

- Тебя это удивляет, я это понимаю и объясню тебе, в чем тут дело. Я решил страшно насолить моей семье, насолить так, чтобы они никогда этого, не могли забыть, ни простить. Ничто не причинит им большей неприятности, чем женитьба на пансионерке публичного дома, - вот почему я вспомнил о тебе.

Она, по-видимому, поняла, но на ее лице появилась грусть. Все-таки она задала ему вопрос, чтобы вполне убедиться:

- Стало быть, это не из-за любви ко мне? - робко спросила она его.

Услыхав этот вопрос, Гектор залился смехом.

- Нет, моя цыпочка, ты до невозможности глупа! Я не стану тебя дурачить, - никакой любви тут нет. Но какое тебе дело до этого? Ведь я серьезно предлагаю тебе отправиться со мною к мэру, хочешь или нет?

- О! Никогда в жизни! - отвечала девушка самым решительным тоном.

- Как хочешь! - с досадой проговорил молодой человек, пораженный такой глупостью и отчасти даже обиженный тем, что получил отказ от девушки, которая за пять рублей шла спать каждую ночь с первым встречным.

Когда он в общем зале рассказал про ее отказ хозяйке и другим девушкам, то у всех вырвался единодушный крик возмущения.

Девушка вышла проводить Гектора, когда тот уходил домой, и хозяйка, при виде ее, закричала:

- Дура, почему ты не хочешь?

- Никогда в жизни! - опять повторила та.

Этот отказ, как всегда бывает у людей богатых, не привыкших встречать отказы, вызвал у Гектора упорное желание добиться своего. Его приводило в ярость упрямство девушки.

Он приходил к ней чуть не каждый день. Наслаждался тем, что девушка его шлепала и позволяла шлепать ее.

В первый же раз как он пришел к ней, она скрылась куда-то и затем вернулась с длинными толстыми березовыми прутьями, которыми на этот раз захотела заменить руки. Молча связала два пучка розог и каждым свистнула несколько раз в воздухе, пока Гектор раздевался. Толщина розог, их свист и особенно какой-то злой огонек в ее глазах напугали его, и он сказал, что раздумал и не позволит сечь себя розгами, а только, как всегда, руками.

Девушка заявила, что если он сейчас же не ляжет на кровать, не позволит себя привязывать веревками и высечь, как ей захочется, то она больше с ним никогда не будет в близких отношениях, хотя бы ей пришлось бросить этот дом. По тону, каким это было сказано, Гектор увидел, что она не шутит и сдержит свое слово. Так как он к ней сильно привык, то решил исполнить ее каприз и сказал, что она может делать с ним что ей угодно. Сказав это, он лег на кровать и дал ей себя привязать.

Когда она подняла у него рубашку и собиралась начать сечь, то он спросил, сколько же розог она ему даст. Она улыбнулась и отвечала:

- Не знаю, но во всяком случае не меньше пятисот...

И тотчас же начала сечь. Секла она его страшно долго и больно. Особенно тяжело было то, что он не мог кричать из боязни насмешек со стороны других девиц.

Когда она прекратила экзекуцию и отвязала его, то все тело его было в крови, во многих местах были черные полосы. Она ему дала тысячу розог. Придя в себя, он стал перед ней на колени и умолял ее, как это делал впоследствии еще не раз, простить его и выйти за него замуж.

Но она постоянно качала отрицательно головой, не будучи в силах забыть грубость его первого признания, хотя теперь Гектор не шутя был в нее влюблен.

162

Быть может, в глубине своей души эта погибшая девушка, несчастная жертва порока и нищеты, сама признавала себя недостойной быть законной женой.

Больше она ни разу не секла его розгами, а только руками, хотя он несколько раз просил высечь его розгами.

Для нее особенно было тяжело отказываться выйти замуж, потому что здоровье ее, вследствие тяжелых условий жизни, все ухудшалось и ухудшалось.

Она как-то раз вечером простудилась и стала харкать кровью. С этого времени чахотка стала развиваться быстрыми шагами.

Агония ее была очень трогательная: она благодарила всех за уход за ней, дала каждой девице что-нибудь на память из своих вещей... Просила Гектора похоронить ее с тем кольцом на пальце, которое он хотел ей надеть, когда предлагал жениться на ней.

Молодой безумец, которому не удалось жениться на ней, купил для нее на кладбище участок земли, где ее и похоронил. Он провожал ее до могилы и поставил мраморный памятник бедной флагеллянтше.

Мы уже знаем, что в средние века телесное наказание являлось одной из главных основ воспитания мальчиков и девочек.

Ришелье сказал, что девочка или мальчик, которых в молодости беспощадно поролли розгами, будут хорошо воспитанными, - это считалось в те времена аксиомой.

Теория, согласно которой по приказу родителей или воспитателей добровольно или силой приходилось показывать другим часть тела, которую обыкновенно скрывали от глаз всех, возымела, в конце концов, благотворное действие на формирование характера будущих женщин. Аристократические ягодицы подвергались порке, чтобы после основательного сечения в мозгу их прелестных обладательниц запечатлелось убеждение в необходимости трудиться и слушаться, которое мало-помалу превратилось бы в привычку.

В те сравнительно отдаленные времена существовали особые исправительные дома, в которых режим был гораздо строже, чем в пансионах при монастырях. В последних секли розгами, плетью или крапивой и т. п. только тогда, когда вы провинились, и каждое телесное наказание назначалось за действительную вину. В исправительных же домах первоначальный проступок, приведший виновную в дом, превращал ее ягодицы как бы в ежедневный приемник телесного наказания, которому она подвергалась, начиная с первого дня прибытия и кончая днем выхода оттуда.

Всякая преступная девочка, переступившая порог такого дома, заранее знала, что она будет немедленно растянута на скамейке и жестоко выпорота розгами или плетью.

Обитательницы этих домов даже дали шутовское название первому наказанию. Они называли его "приветственный поцелуй". Этот поцелуй состоял всегда из нескольких полных дюжин ударов розгами!

Обыкновенно наказывали в присутствии возможно большего числа посторонних лиц; вновь прибывшая наказывалась розгами в первый раз в своем carcere. Регламент требовал, чтобы вновь приведенная была не позже, как через два часа, наказана розгами. Только доктор, который осматривает каждую вновь прибывшую, мог потребовать, чтобы экзекуция

была отложена или назначенное число дюжин ударов розгами было уменьшено или дано с некоторым промежутком.

Как мы уже сказали, наказание розгами происходило в карцере, где должна была сидеть виновная. При наказании должны были находиться начальница дома и надзирательница, затем две монахини, которые должны были держать растянутую на скамейке преступницу за ноги и за руки, и, наконец, третья монахиня, которая должна была сечь ее розгами. Начальница дома, по регламенту, могла пригласить присутствовать при наказании доктора, но только в том случае, если могла ожидать, что потребуется его помощь.

На другой день утром к наказанной являлась надзирательница и говорила следующее, опять же в установленных регламентом выражениях: "Моя дорогая сестра, сейчас вы будете подвергнуты еще более позорному наказанию, чем вчера. Вместе с другими, как вы, бесстыдницами, вас накажут розгами, как наказывают детей. Во время наказания в присутствии посторонних лиц, я уверена, вы подумаете о проступке, который вас привел сюда, и постараетесь исправиться".

Итак, в то блаженное время пороли розгами или плетью девочек, и, как мы выше сказали, в розгах видели воспитательное средство не только для детей, но даже для девочек-подростков.

В семьях высокопоставленных особ гувернеры, гувернантки, учителя или учительницы не только обучали, но и пороли безжалостно, причем не обращалось никакого внимания на пол виновных. Тринадцатилетнюю, а иногда и старше девочку учитель сек розгами без всякого стеснения. Но нужно заметить, что средневековые педагоги секли розгами собственноручно провинившихся учеников или учениц, все равно как родители собственноручно пороли розгами своих дочерей и сыновей. Позднее же стали поручать наказывать мужской или женской прислуге. Таким образом, произошло разделение между воспитателем и наказанием. Поэтому-то и произошло понижение в применении телесных наказаний. Розги потеряли свою нравственную ценность.

Нужно перенестись мысленно в эту эпоху, чтобы понять, что учитель, наказывая розгами обнаженную, часто почти взрослую, благородную барышню, не посмел бы злоупотребить ею, как крепостной крестьянин не дерзнул бы убить хозяйского барашка.

Если прислуга, наказывая барчат розгами, и была сдержана в выражении половой страсти, возбужденной в таких случаях, то из этого вовсе еще не следует, что у ней отсутствовало подобное возбуждение. Нет, подобные бесстыдные спектакли вызывали в ней, бесспорно, более или менее сильное половое чувство, но удовлетворялось оно не на наказываемых, а на других доступных лицах.

В то же доброе старое время существовал обычай, что богатые и знатные лица содержали в складчину приюты для бедных сирот обоего пола, где им давали бесплатно образование.

Понятно, что при воспитании их розги играли главную роль.

Я пользуюсь уставом одного из таких в Глазго в 1455 г.

По уставу, попечительницами являлись жены и совершеннолетние дочери лиц, на счет которых содержался приют.

За нарушение школьной дисциплины и особенную леность дети обоего пола подлежали наказанию розгами. Но наказание розгами производилось не иначе как одной из воспитательниц, собственноручно. В экстренных случаях, правда, директор или директриса приюта могли собственноручно наказать провинившегося ребенка, но курьезно, что это не избавляло его все-таки от наказания розгами одной из попечительниц приюта за ту же самую вину.

Воскресенье было излюбленным днем, в который дамы-патронессы являлись в свои приюты, производили разбор поведения покровительствуемых ими детей и затем на особом общем заседании назначали каждому из провинившихся число ударов розгами, которое мальчик или девочка должны были получить.

Так как среди виноватых и подлежащих наказанию розгами были мальчики и девочки в

возрасте от десяти до тринадцати лет, то, по уставу, мальчиков могли наказывать только замужние дамы-патронессы или вдовы. Девицы же патронессы могли наказывать розгами только провинившихся девочек.

Миссис Бредон, подавшая петицию в парламент о запрещении телесных наказаний в приютах, в одном из которых она сама получила воспитание, а впоследствии вышла замуж за очень богатого и знатного человека, подробно описывает церемониал подобных экзекуций так: "Дамы и девицы-патронессы -приезжали обыкновенно около трех часов дня. Директор или директриса приюта встречали их, окруженные воспитателями и воспитательницами. Мы, воспитанницы и воспитанники, дрожим от страха, так как от нас ничего не скрывают; мы все видели, как в обе классные комнаты, одну, назначенную для наказания мальчиков, а другую - для наказания девочек, пронесли скамейки и целый ворох розог, уже связанных в пучки из длинных, толстых, распаренных в воде березовых прутьев, накануне срезанных с деревьев... Если бы члены парламента, пишет Бредон, - видели эти розги, то, конечно, не подумали бы, что они назначены для наказания за невинные проступки мальчиков и девочек не старше тринадцати лет. Такими розгами впору сечь солдат, а не детей!

Прошли при нас также четыре няньки и четыре сторожа, которые будут держать наказываемого или наказываемую.

Все провинившиеся за последнюю неделю стоят с грустными лицами, если не ревут, так как по опыту или по слухам знают, что их ожидает очень строгое наказание.

Патронессы немедленно по приезде собираются на заседание. На нем сперва директор, а потом директриса докладывают о проступках, и совет решает, какому наказанию подвергнуть виновного или виновную. Если назначено наказание розгами, то против фамилии проставляется число розог, которое совет нашел нужным дать. Так как у каждого воспитанника или воспитанницы есть штрафная книжка, в которую записывается вина и наложенное наказание, то совет, назначая число ударов, рассматривает еще и книжку. Если проступок повторится, то назначается большое число ударов, и виновного или виновную отдают для наказания даме или девице из патронесс, которые известны как наказывающие особенно сильно.

В приюте, где была Бредон, обычно давали девочкам не менее двадцати розог и не более двухсот; причем, если девочке следовало дать больше ста розог, то после ста ударов ей давали отдохнуть минут десять и затем добавляли остальное число ударов.

В каждую комнату ставили две скамейки, так что одновременно можно было наказывать двух человек.

Мальчикам число ударов розгами назначалось не менее тридцати и не свыше четырехсот. Причем сразу им не давалось более двухсот, а делался антракт в десять минут, после которого всыпалась остальная порция.

Насколько были жестоки наказания, видно из того, что редкий раз обходилось без того, чтобы одного или двух из наказанных не снесли на простыне прямо из экзекуционной комнаты в приютский лазарет, хотя наказание производилось аристократическими женскими ручками.

Нередко за строптивость во время наказания розгами или какую-нибудь дерзость, сказанную от боли, патронесса давала максимум ударов уже без всякого совета или усиливала жестокость наказания, приказывая виновного или виновную держать во время сечения на весу или наказывая розгами, вымоченными в соли.

Я подвергалась очень часто наказаниям. Почему-то меня постоянно секла одна уже немолодая леди Салюсбери. Раз, возмущенная тем, что меня за грубость с нянькой решено было наказывать восьмьюдесятью розгами, я ни за что не хотела просить прощения у присутствовавшей при моем наказании няньки и поцеловать у нее руку, как требовала наказывавшая меня розгами барышня. Мое упорство привело ее в бешенство, и она прибавила мне пятьдесят розог. Но когда я и после этого все-таки не хотела исполнить приказания леди, та назначила мне еще пятьдесят розог, причем велела державшим нянькам повернуть животом вверх и стала сечь меня розгами в таком положении. Тут я света не

взвидела и с первых же ударов закричала, что согласна все исполнить. Но леди все-таки дала мне двадцать розог в таком положении, а остальные тридцать приказав повернуть меня опять животом вниз.

Когда совет назначал всем провинившимся за неделю наказания, то их распределяли для экзекуции между патронессами.

Затем патронессы устанавливали между собой очередь, так как за раз можно было наказывать не более двух мальчиков и двух девочек.

После этого всех подлежащих наказанию розгами собирали вместе мальчиков и девочек; тем и другим сторожа и няньки связывали руки веревкой. Потом по два мальчика и по две девочки уводили для порки. По приводе в комнату для наказания, их раздевали и прежде, чем положить на скамейку, связывали веревкой ноги. Потом клали на скамейку, держа за ноги и под мышки, пока патронесса давала назначенное число ударов розгами. Так как одновременно пороли двух, то в комнате был страшный вой и крики, соединенные с разными мольбами и клятвами. За свое пятилетнее пребывание в приюте не помню, чтобы кого-нибудь высекли не до крови.

После наказания обыкновенно весь наказанный был вымазан в крови, и если не попадал в лазарет, то иногда несколько часов не мог ни стоять, ни сидеть. Я помню, что я не раз после наказания часа два могла только лежать на животе, в таком же положении приходилось спать иногда дня два-три.

Если бы можно было показать девочку, вернувшуюся после строгого наказания, то у самого закаменелого человека сердце дрогнуло бы.

Шестнадцать лет я поступила в приют, где сама воспитывалась, на должность помощницы надзирательницы; в этом звании я пробыла более года и затем заняла место надзирательницы, на должности которой пробыла около трех лет, когда познакомилась с мистером Бредон и вышла за него замуж.

В женском отделении приюта было не менее восьмидесяти девочек, но иногда число их доходило до ста. Девочки распределялись для обучения на два класса - младший, в котором были девочки от десяти до одиннадцати и самое большее до двенадцати лет, и старший - в котором находились девочки в возрасте от двенадцати до тринадцати лет и, как исключение, четырнадцатилетние. Моложе десяти лет и старше четырнадцати в приют не принимали.

Столько же мальчиков и в таком же возрасте было и в мужском отделении нашего приюта, который считался самым богатым в городе. Действительно, патронессы средств не жалели.

Одевали, кормили и обучали детей превосходно. Может быть, из-за своей страсти к телесным наказаниям патронессы не жалели кошельков.

Помещение приюта также было роскошное. Если бы не жестокие телесные наказания, то лучшего нельзя было бы пожелать и для детей состоятельных родителей.

В приют принимались только сироты или брошенные дети обоего пола, но лишь вполне здоровые. Им давали очень хорошее первоначальное образование и обучали разным ремеслам, а девочек - рукоделью, домоводству и кулинарному искусству.

Цель этой петиции - обратить внимание членов парламента на жестокость телесного наказания и необходимость если не отмены его, то ограничения права патронесс наказывать детей столь жестоко. По-моему, следовало бы уменьшить число ударов розгами до пятидесяти для девочек и ста для мальчиков. Теперешний максимум - двести розог для девочек и четыреста для мальчиков слишком велик.

Ради справедливости я должна сказать, что максимальное число розог, как девочкам, так и мальчикам, давалось в крайне редких случаях, за какой-нибудь выдающийся по своей порочности поступок. Обыкновенно же самое строгое наказание для девочек заключалось в ста ударах розгами и для мальчиков двести розог, изредка давали девочкам полтораста розог и мальчикам триста. Но зато первая порция назначалась слишком часто.

Наибольшим числом розог наказывали в среднем не больше двух-трех девочек в год и пяти-шести мальчиков.

Надо было видеть девочку, получившую двести розог, или мальчика, которому дали четыреста розог, чтобы убедиться в жестокости подобного наказания.

Если их не относили в лазарет, то у них, когда они вставали или вернее, когда их снимали со скамейки и ставили на ноги, был ужасный вид.

Было видно, что ребенок едва стоит на ногах, но сесть, от боли, тоже не может.

В обязанности помощницы надзирательницы входило наблюдение за качеством и количеством розог, которыми заведовал особый сторож. Розги покупались экономом. Сторож, под наблюдением помощницы, вязал пучки для наказания мальчиков и девочек. Прутья для мальчиков брались толще, чем для наказания девочек. Связанные пучки клались в особые железные чаны, наполненные водой. За полчаса до начала наказания или даже меньше, чтобы они были как можно гибче, их в присутствии помощницы вынимали и вытирали насухо. Концы пучков обертывались тонкой бумагой, чтобы не поцарапать ручек патронесс.

Патронессы, особенно главная из них, находили, что польза от наказания розгами зависит от качества розог, что мне с совершенно серьезным видом она объясняла, когда я поступила помощницей надзирательницы. Раз я была оштрафована на три шиллинга (всего около 1 р. 50 к.) за то, что она нашла розги недостаточно хорошо распаренными, негибкими и небрежно связанными в пучки. Сторожа прогнали за это из приюта. Новый сторож был специалист по этой части, и я больше ни разу не получала замечаний, а главная патронесса раза два-три хвалила меня. Дело в том, что, как объяснил мне новый сторож, нужно было смотреть, чтобы прут был не особенно толст, но и не тонок, чтобы он не резал кожу сразу, а причинял бы при ударе сильную боль, что составляло главное достоинство березового прута. Но необходимо было наблюдать за тем, чтобы прутья были срезаны со старых деревьев, с их верхов, где ветви тверже и эластичнее. Совсем молодые ветви годятся для наказания только очень маленьких ребят. Для наших же детей, как для взрослых, нужно, чтобы прут был достаточно твердый и хорошо хлестал кожу.

Надо было видеть, с какой заботливостью он вязал пучки или принимал от подрядчика прутья.

Для девочек он выбирал прутья тонкие и длиной в 70 сантиметров, для мальчиков толще и длиной в 1 метр. По его словам, концы пучка из двух-трех прутьев должны быть тщательно выравнены, чтобы при ударе выдающийся против других конец прута не ранил преждевременно кожу, особенно, если такой кончик попадает на места, где кожа особенно нежна. Розги, которые приготавливал прогнанный сторож, вязались из сухих прутьев и плохо подобранных, почему патронесса и заметила, что они кожу царапают, но не причиняют максимума боли.

Накануне воспитатель с директором и директриса с надзирательницей вечером, когда дети ложились спать, собирались в комнате директора на совещание, куда и я, как заведовавшая розгами, приглашалась.

Тут составлялся список провинившихся воспитанников и воспитанниц, записывались вины в их штрафные книжки и делались предположения, какое количество ударов может назначить совет патронесс виновному и виновной. Надо заметить, что, по обычаю, каждым пучком розог давалось не более пятидесяти ударов, а затем пучок заменялся новым. За этим опять же должна была наблюдать я. Когда я была воспитанницей, то мы все это отлично знали и, пока нас раздевали, по числу лежавших на столике около экзекуционной скамейки пучков мы могли сообразить, сколько розог нам назначили. Число это не объявлялось. На том же столике стояли стакан и графин с водой, а также пузырек со спиртом.

Мне давался особый "наряд" приготовить столько-то пучков розог для мальчиков и столько-то для девочек. Кроме того, я обязана была иметь, во избежание штрафа, запасные пучки. Иногда случалось, что совет патронесс был особенно не в духе и назначал число ударов значительно больше того, что ожидали директор и директриса, - тогда приходилось сторожу спешно, пока наказывали детей, готовить пучки розог.

Регламент требовал, чтобы наказываемый мальчик или девочка клались на скамейку и

привязывались к ней веревками или держались сторожами и няньками за ноги и за руки, - выбор того или другого способа зависел от усмотрения наказывающей патронессы. Обязательно было всех, подлежащих наказанию розгами, приводить в экзекуционную комнату со связанными руками, а по приводе немедленно связывать ноги.

Впрочем, некоторые патронессы отступали от этого правила и наказывали детей, садясь сами в кресло, кладя виновного на колени и приказывая сторожу или няньке придерживать за ноги. Наконец, некоторые ставили свою жертву на четвереньки, садились на нее верхом и, зажав коленками, секли. Но это уже были отступления.

Я уже выше сказала, что допускалось усиливать строгость наказания за строптивость или дерзости во время самого наказания. Тогда виновного держали на весу и в таком положении секли розгами, что было несравненно мучительнее. Наконец, иногда особенно жестокие патронессы, как было со мной, приказывали повернуть животом вверх и секли в таком положении.

Опять же ради справедливости должна сказать, что несмотря на жестокость наказаний, благодаря хорошей пище и уходу за детьми, вреда здоровью они не причиняли, хотя нередко бывало, что наказанная девочка или мальчуган проваляются после наказания несколько дней в лазарете.

Я заметила, что как только приводили двух девочек для наказания, у патронесс, чаще девушек, появлялось особенное возбуждение, глаза горели, пока девочку или мальчика, которых, как мы сказали, могли наказывать только замужние патронессы или вдовы, раздевали и клали или привязывали на скамейке. Особенно это было заметно у дам или девиц, наказывавших в первый раз.

Надзирательница и помощница должны были наблюдать каждая у своей скамейки, чтобы прислуга в точности исполняла приказания наказывающей патронессы. Они же обязаны были громко считать удары розог. При наказании мальчиков все это исполняли воспитатель и его помощник.

Совет патронесс, конечно, скрывал, что большинству из них доставляло громадное наслаждение сечь детей. Он объяснял суровость и продолжительность телесных наказаний, которым подвергал детей, только тем, что слабое наказание бесполезно, если даже не вредно, и что жестокое наказание розгами редко когда не исправит наказанного. С последним я сама должна согласиться, - по крайней мере для некоторых натур этот принцип был вполне верен.

В старшем классе были, когда я уже стала надзирательницей, две девочки, обе по тринадцать лет.

Нянька несколько раз заметила, что они не соблюдают установленных правил чистоплотности: не чистят зубов, не обмывают тщательно половых органов по утрам и после отправления естественной потребности, и т. п. Она им замечала, но они огрызались и продолжали не слушаться няньки, хотя их за это буквально каждую неделю секли розгами в течение целых двух месяцев, и обе они с двадцати розог дошли до ста ударов. Главная патронесса просила меня объяснить причину такого упорства с их стороны.

Я не скрывала перед ней своих наблюдений. Дело в том, что у одной из них была тетка в экономках у одной из барышень-патронесс. Девочка упросила тетку попросить ее барышню, чтобы та бралась наказывать ее с подругой. Барышня же эта была слабенькая и нежестокоего характера, а потому наказывала чрезвычайно слабо. Я вполне была уверена, что девочки умышленно орали, как безумные, когда их секли, а особенной боли не испытывали. Мне казалось, что им доставляет наслаждение наказание.

Я посоветовала патронессе в следующий раз уменьшить число ударов, но просить наказывать их розгами леди Салюсбери или леди Гаррисон. Обе были известны своей жестокостью, особенно последняя, которая придиралась к малейшему пустяку, чтобы иметь какое-нибудь основание наказывать розгами на весу или мочить их в соленой воде. Так как она была замужняя, то наказывала и мальчиков. Можно смело сказать, что из десяти наказанных ею, по крайней мере три или четыре отправлялись после наказания в лазарет.

Патронесса сказала, что она попросит наказывать их леди Гаррисон или кого-нибудь из

строго наказывающих, но число розог вряд ли совет согласится уменьшить.

На следующей неделе девочки опять провинились. Когда мне директриса в воскресенье передала список назначенных советом наказаний, то я увидела, что обеим им было не только не уменьшено число розог, но увеличено, и каждой назначено по сто двадцать розог, причем одну должна была наказывать леди Салюсбери, а другую леди Гаррисон; с них должно было начаться наказание. Скамейка, на которой наказывали эти леди, находилась под моим надзором. Леди Гаррисон должна была первая начать наказывать одну из девочек, после нее леди Салюсбери-другую, потом опять леди Гаррисон и т. д.

Я уже пожалела, что рассказала свои предположения патронессе, но теперь ничего нельзя было поделать.

Помощница привела девочек. Когда я взяла свою упрямицу за руку и велела няне связать ей ноги, то я не заметила прежнего спокойствия, она вся покраснела... Очевидно, по числу пучков розог она сообразила, что ее ожидает больше ста розог, и увидела, что наказывать ее будет леди Гаррисон.

Пока ее раздевали, она теперь уже тихо плакала. Леди Гаррисон посмотрела на розги и велела мне принести три пучка розог "для мальчиков". Услыхав это, девочка поняла, что и без того жестокая леди сейчас намерена ее пробрать особенно чувствительно, и стала громко выть и клясться, что будет слушаться няньку. В это время миссис Кларк начала уже наказывать свою девочку. Секла она ее очень больно, и та кричала во всю силу.

Вскоре я вернулась с новыми розгами, и леди Гаррисон начала пороть. С первого же удара раздался дикий крик. Очевидно, это был не удар прежней патронессы. С промежутком в десять минут ей дали сто двадцать розог.

После наказания ее пришлось отправить в лазарет.

Не менее жестоко высекла леди Салюсбери вторую упрямицу; ее, правда, не отправили в лазарет, но на ногах она стояла с трудом, сесть же совсем не могла.

После подобного наказания обе девочки стали послушными. Их не раз наказывали, но за какие-нибудь другие проступки. Теперь они всячески старались избегать наказания, так как знали, что их постоянно будут наказывать строгие леди, даже если они совершат небольшую шалость, за которую дадут двадцать розог.

Я заметила также, что глаза у наказывающей патронессы становятся все ярче, по мере того, как под ее ударами тельце наказываемой начинает покрываться рубцами, розоветь, как рубцы удлиняются, припухают, местами появляются фиолетовые полосы и, наконец, показываются капли крови. С появлением крови удары розгами почти всегда становятся сильнее, и у редкой из наказывающих не проступает в глазах сладострастие".

Если внимательно перелистать мемуары, то можно убедиться, что флагелляция существовала во все времена и у всех народов мира. Талеман де Рео, Бюсси, принцесса Палатин, сам Сен-Симон и тысячи других не менее знаменитых исторических лиц говорят прямо или намеками о существовании этого порока как у женщин, так и у мужчин.

Г-жа де Вервен, жена первого метрдотеля короля, была страшная любительница сечь. Если она не находила возлюбленных, согласных подвергнуться экзекуции, то порола розгами своих горничных под тем или другим предлогом. В страстную пятницу 1647 г. целый день она только тем и занималась, что секла розгами своего лакея и горничную по-очереди, то одного, то другого. Своего швейцара за то только, что он отпер дверь без ее разрешения, она приказала пороть четыре дня подряд и давать каждый день не менее двухсот розог.

Королевский сержант в Нанте, по имени Бризар, задумал эксплуатировать страсть к флагелляции, главным образом среди женщин. Он раздевал своих клиенток донага и сек их до крови розгами, потом заставлял их пороть розгами и себя - тоже до крови, "чтобы, - по его словам, - достигнуть наслаждения смешением их крови".

Парламентский пристав застал его во время подобных упражнений и через замочную щелку видел, как он сек розгами по очереди двух прехорошеньких девушек. Было назначено следствие, но дело пришлось замять, ибо обнаружилось, что у него было много высокопоставленных клиенток: президентш, советниц и т. п. Бризара без долгих

формальностей сослала на галеры. При следствии обнаружилось, что президентша Маньян, очень хорошенькая женщина, была в числе клиенток Бризара, - она еженедельно получала по тридцати розог, думая этим ускорить для себя получение наследства, для чего нужно было, чтобы умерло трое лиц. Президентша Брие получила от Бризара сорок розог и дала ему сама пятьдесят. Некая г-жа Керолин, занимавшаяся изготовлением фальшивых монет, просила дать себе шестьдесят розог, чтобы ей удалось напасть на удачный состав.

Дотого велико было суеверие!

В то время было немало сект хлыстов, о которых мы говорили уже в первом томе; эти секты, под лицемерным предлогом служения Богу и умерщвления плоти, стремились, в сущности, безнаказанно удовлетворять страсть высокопоставленных лиц, как мужчин, так и женщин, к флагаellation.

Впрочем, во все времена существовало также много тайных обществ, откровенно признавших, что у них единственная цель-это наслаждение.

Всего каких-нибудь восемь лет тому назад лондонская полиция напала на одно из таких обществ. Мы приведем здесь статуты этого общества, захваченные полицией в качестве курьезного документа, показывающего, до какого безумия могут доходить люди, на вид вполне здоровые и нормальные. Общество состояло из восемнадцати лиц - одиннадцати мужчин и семи женщин; но вначале в обществе находилось тринадцать дам; вследствие обнаружившегося различия во вкусах - некоторые дамы проявили слишком сильные садистические наклонности произошло распадение. Шесть прекрасных дам перешли в другое общество, где кровь лилась ручьем, тогда как остальные их подруги остались в обществе и продолжали развлекаться более мирными играми.

Шесть мужчин были из числа художников, артистов, дилетантов. Между ними был, впрочем, один адвокат, умерший потом в ореоле святости.

Статут общества X... Наказание непослушных детей

1. Нижепоименованные лица: Тото, Лулу и т. д. (идет ряд псевдонимов) образовали общество с целью улучшения образования каждого из членов под угрозой телесных наказаний, одиночных и общих.

2. От членов общества требуется обязательно сохранение в тайне существования общества, его цели, состава его. Каждый член общества, уличенный в разглашении тайны, будет преследоваться всеми средствами, находящимися в распоряжении общества, и строго наказан.

3. Запрещается приводить на собрания общества посторонних лиц, даже в том случае, если постороннее лицо неоспоримо привержено флагаellation. Новые члены принимаются не иначе как после голосования и только в том случае, если принятие будет одобрено единогласно.

4. Орудиями наказания могут служить всевозможные инструменты. Запрещается наказывать такими предметами, которые могут причинить вред здоровью или причинить глубокие раны.

4-бис. Наказание должно быть прекращено, хотя бы назначенное число ударов не было вполне дано, если кровь начинает течь по телу наказываемого, даже в том случае, если он пожелает, чтобы наказание продолжалось до получения им полного числа назначенных ударов.

5. Все члены общества должны иметь один или несколько костюмов детей, в которых должны обязательно появляться на собраниях общества, кроме тех лиц, которые в это время будут исполнять обязанности учителя или учительницы.

6. Перед открытием каждого собрания общества производится выбор учителя или учительницы. Если несколько лиц получают одинаковое число голосов, то между ними бросается жребий. Если нет кандидатов на занятие этой должности, то собрание решает, будет ли "анархия" или учитель или учительница будут назначены большинством голосов. Лицо, избранное на эту должность, обязано добросовестно исполнять свои обязанности.

7. В случае "анархии" все дети будут играть безнаказанно между собою, по своему

желанию, а в случае пререканий будут сами друг друга наказывать, без вмешательства высшей власти.

8. При правильном устройстве, как только учитель или учительница выбраны, все дети обязаны слепо исполнять их приказания.

9. Учителя и учительницы обязаны подвергать телесному наказанию всех без исключения провинившихся детей, причем, по возможности, вносить разнообразие в эти наказания.

10. По окончании каждого урока, если будет сделано предложение хотя бы со стороны одного из учеников о необходимости подвергнуть телесному наказанию учителя или учительницу, дети выбирают из числа их старшего, который и назначает наказание учителю или учительнице по своему усмотрению.

11. Никто не может отказаться от исполнения обязанностей учителя или учительницы во время собрания, если нет желающего заменить их.

12. Детям рекомендуется вносить в свои игры какое угодно разнообразие. Но безусловно запрещено всякое безнравственное сближение между лицами разных полов. Учителя и учительницы обязаны за малейшие более или менее безнравственные поступки подвергать провинившегося, даже против его желания, жестокому телесному наказанию. Причем в данном случае следует назначать возможно большее число ударов, усиливать тяжесть наказания большим унижением, стараться причинить большую боль, наказывая на весу и т. п., давать сполна назначенное число ударов, если заметно, что виновный или виновная слабо наказаны. При потере сознания во время наказания, учитель или учительница принимают меры к приведению в чувство виновного, но по приведении в чувство продолжают наказывать, если назначенное число не было дано сполна или в том случае, если, по их мнению, наказание недостаточно сильно. Так как все члены общества согласились, что принимают настоящие условия, то об ответственности за последствия от наказания не может быть и речи.

Учитель или учительница, отступившие от правил этого параграфа, сами подвергаются подобному же наказанию, что не избавляет и виновных от заслуженного, но не понесенного ими или слабого наказания. Если безнравственный поступок совершен с согласия другого лица, то это лицо обязательно наказывается.

13. Наказания производятся согласно инструкции, одобренной общим собранием членов, в экзекуционной комнате в присутствии не менее двух "детей". В случае отказа детей добровольно присутствовать при наказании, они назначаются учителем или учительницей.

14. Дети обязаны являться на собрания только тогда, когда совершенно здоровы".

Далее идет несколько параграфов, в которых перечисляются поводы для наказания. Тут встречается столько безобразного, что мы не рискуем их выписывать, а приводим инструкцию учителю или учительнице.

Инструкция учителю или учительнице. Мера наказания. Назначение за вину числа ударов зависит всецело от полного усмотрения наказывающего.

Обязательно только наказывать дам не менее как десятью ударами, а мужчин не менее как двадцатью.

Для неопытных считаем нужным объяснить, что назначение для дамы нескольких сотен, а для мужчины нескольких даже десятков сотен ударов розгами или плеткой не может иметь ровно никакого вреда для здоровья.

Следует руководствоваться 4-бис и 12. Потеря сознания при наказании не представляет также ничего опасного, если наказываемый или наказываемая в возрасте не свыше шестидесяти пяти лет.

Рекомендуется не давать бичом дамам более двадцати ударов, а мужчинам более сорока. Но учитель или учительница не нарушат статута, если дадут и значительно большее число ударов бичом. Лучше всего каждое строгое наказание розгами или плеткой заканчивать, особенно для мужчин, несколькими сильными ударами дамского бича.

Вообще, слабое наказание для дамы будет от тридцати до ста розог, для мужчины - от

двухсот до пятисот; строгое для дамы - от двухсот до трехсот, для мужчины - от пятисот до восьмисот и, наконец, жестокое наказание для дамы - свыше трехсот, а для мужчины - свыше восьмисот.

Для усиления строгости наказания можно наказывать розгами на весу или мочить розги в соленой воде во время наказания, или наказывать в два удара, одновременно с двух сторон.

Орудия наказания. Допускаются всевозможные орудия для наказания виновных при условиях, указанных в 4 статута.

Бесспорно, самым превосходным орудием являются толстые березовые прутья, связанные в пучки из двух-трех прутьев, длиной около метра.

Пучки хранятся для сохранения эластичности все время в воде, вынимаются из воды и вытираются только перед самым наказанием.

Плетки всевозможных видов - тоже хорошее орудие наказания. Они имеются всевозможных видов: кожаные, веревочные, длинные, короткие, треххвостки, английские девятихвостки. В общем, плеть довольно строгое орудие наказания, и к нему лучше тогда только обращаться, когда желательно особенно строго и даже жестоко наказать провинившегося "ребенка".

Крапива должна быть также причислена к числу довольно строгих орудий наказания.

Бич дамский прекрасное орудие наказания. Мужской бич запрещено употреблять. Дамский бич тонок и гибок; он состоит из цельного китового уса и покрывается прорезиненной ниткой. Необходимо только снять шелковый узелок, который, обыкновенно, делают на конце бича шорники.

Такой бич - довольно серьезное орудие наказания в руках учителя или учительницы, способных во время наказания несколько увлечься. Нужно наказывать им умеючи, с некоторой умеренностью, конечно, не переходящей в сентиментальность, так как он сечет ужасно. Обыкновенно его употребляют как последний аккорд после хорошего наказания розгами, давая им десять-двадцать и больше ударов.

Способы привязывания, как и орудия наказания, бесконечно разнообразны. Безусловно только, что необходимо наказываемого привязывать: во-первых, неподвижность даст возможность направлять удары, а во-вторых, наказывающий может спокойно наблюдать за действиями розог или другого орудия наказания, увеличивая или уменьшая силу ударов.

Кроме того, привязь имеет громадное моральное значение: наказываемый чувствует, что он вполне во власти наказывающего его, который будет сечь, пока найдет сам нужным.

Самая идеальная мебель для наказания - это дубовая или любая другая скамья. На подобной скамейке превосходно можно привязать виновного или виновную. Скамья может быть отделана с желательной роскошью. Она позволяет наказываемому обходить ее со всех сторон, позволяет наказывать розгами с обеих сторон или вдоль, если наказывающий станет у головы наказываемого или у его ног.

Можно привязать на стуле (очень крепком); стул опрокидывают спинкой на пол, наказываемый становится на колени на эту спинку и наклоняет свой корпус вперед до краев стула так, чтобы его плечи касались передних ножек. В таком положении привязывают колени к сиденью, корпус к передним ножкам, а кисти рук к задним ножкам.

Можно привязать, понятно без объяснений, поперек или вдоль кровати.

На столе привязывают, как на скамье, или еще так: велят виновному или виновной лечь грудью на стол, за талию привязывают ремнем крепко к доске, длинными веревками кисти рук привязывают к передним ножкам стола, к каждой ножке по одной руке. Ноги - к задним ножкам.

Есть еще такой способ: на виновного, раздетого для наказания, надевают особый пояс из толстой кожи с кольцом и пряжкой. Кольцо, когда пояс надет, должно прийтись посредине спины, а пряжка для застегивания ремня - на животе. Для мужчин от кольца идет еще неширокий ремень, который потом делается настолько широким, чтобы он мог вполне закрыть половые органы, затем ремень опять сильно суживается и за особую пряжку может быть закреплен на животе. Таким образом у мужчины во время наказания его розгами или

плетью половые органы будут защищены от ударов.

С солидного крюка в потолке спускается толстая веревка, которая пропускается через кольцо в поясе, проходя между ляжками. Руки прикрепляются к крючку в полу.

В способе привязывания нет никакого ограничения, и все зависит от фантазии наказывающего.

Учитель может приказать держать "детям" наказываемого "ребенка" или велеть им сечь виновного или виновную. Подобные приказания, под угрозой жесткого наказания или исключения из общества, должны исполняться беспрекословно".

На этих выписках мы остановимся.

Среди прославленных клубов флагеллянтов следует сказать несколько слов о клубе "Добродушие", собрания которого происходили в Берлине в наши дни.

Членами его были исключительно люди из высшего света. Тут были доктора, адвокаты, богатые купцы.

Значительное число дам, большею частью замужних, жен членов клуба, были приняты в клуб членами на одинаковых правах с мужчинами.

Собрания членов клуба происходили в Шарлоттенбурге и выдавались за собрания людей, желающих провести весело время, устраивая балы, банкеты, экскурсии и т. п.

Но в один прекрасный день полиция нагрянула в клуб и прекратила эти мирные собрания. Действительно, клуб "Добродушие" служил притоном для самого бесшабашного разврата. В него дамы и молоденькие девушки приходили в костюмах, способных возбудить похотливость у самого развращенного мужчины. Обыкновенно они являлись, например, в костюме бебешек, в совсем коротеньких юбочках, в башмачках нежных цветов, которые давали возможность им появляться с обнаженными икрами.

Развлечения отличались разнообразием: разыгрывались довольно часто сцены домашнего наказания. Дамы или мужчины в костюмах школьников или школьниц, в коротеньких юбочках, подвергались телесному наказанию.

Одной из излюбленных игр была игра "горячих рук". Одно лицо становилось на колени, положив голову даме под юбки, чтобы не видеть лиц тех, которые затем начинали по очереди ударять во всю силу рукой по обнаженным ягодицам. После каждого удара стоящее на коленях лицо должно было назвать по имени того, кто его ударил. Если оно угадывало, то его сменяла угаданная им личность, если же не угадывало, то продолжали бить, пока не угадает.

Устраивались нередко импровизированные балы, на которых, после безумных танцев, происходили сцены таких оргий, что нет возможности даже передать.

Подобные сцены происходили в течение нескольких лет, пока не нагрянула полиция. Было возбуждено преследование, но в клубе участвовало очень много влиятельных лиц, почему пришлось дело замять.

Полиция много раз обнаруживала в крупных столичных городах существование клубов флагеллянтов, в которых собирались мужчины и женщины из хорошего общества и разыгрывали разные глупые комедии.

Так, например, в одном из подобных собраний члены являлись в капюшонах и с масками на лицах.

Затем каждый из присутствующих исповедовался в своих грехах, и духовник назначал эпитимии в виде наказания розгами или плетью и т. п., которое тут же приводилось в исполнение.

Были также собрания, состоявшие исключительно из одних женщин, которые, подняв юбки, по команде президентши хлестали друг друга до крови розгами, причем президентша указывала места, по которым следовало бить.

Затем президентша сходила с эстрады в общий круг, чтобы подвергнуться флагелляции от одной из членш.

В некоторых клубах в Америке бывают сообщения по вопросу флагелляции. Одним из таких лекторов утверждается, что сладострастное наслаждение может получиться от двух

причин: первая - когда предмет наших вожделений близко подходит к созданному нашим воображением идеалу красоты женщины, а вторая, когда мы видим, что этот предмет испытывает наивозможно сильные ощущения. Ни одно чувство не может быть столь сильным, как боль; оно вполне искренно. Его нельзя симулировать, как, например, большинство женщин симулируют сладострастную спазму...

В общем, все подобные клубы состоят главным образом из женщин, которым наскучил брачный режим своей холодностью по сравнению с той горячностью, которую им приходилось встречать со стороны своих мужей в первое время замужества. И вот они сходятся при помощи флагелляции вновь испытать приятные ощущения.

В Америке флагелляция со сладострастной целью сильно распространена. В этом я убедился из источников официальных. Это - "родной дом" флагелляции. Розги, так сказать, растут в семьях. Волшебное слово "порка" постоянно встречается в разговорах, книгах, рассказах, песнях и т. д. Секуют с целью отучить от лени, с целью наказать или отомстить, ради гигиены или, наконец, ради удовольствия.

Такие города, как, например, Нью-Йорк, или Чикаго, или Бостон, представляют для любителя флагелляции настоящее сокровище, благодаря массе профессиональных флагеллянтш, которые владеют своим искусством в совершенстве.

Так, недавно бостонская полиция закрыла клуб флагеллянтов, члены которого были отчаянными приверженцами этой мистической страсти. Это был вполне закрытый клуб и служил для собраний членов из избранного общества. Чтобы попасть во временные члены этого клуба, необходимо было затратить немало времени и трудов. Клуб занимал роскошное помещение в Парк Авеню и имел более ста пятидесяти членов, из которых около шестидесяти женщин. Кроме того, по уставу, каждый член-мужчина имел право являться в клуб в сопровождении дамы, так что на собрании большинство состояло из женщин.

В помещении имелось большое зало для конференций с эстрадой, снабженной всем необходимым для флагелляции. Другое большое зало, предназначенное для коллективной флагелляции, имело все необходимое для производства флагелляции одновременно сорока персонами. Кроме этих двух больших зал, назначенных для публичных флагелляции, клуб имел еще несколько "отдельных кабинетов", называвшихся "отдельными комнатами" и снабженных каждая, безусловно, всем необходимым для келейной флагелляции. Была также читальная комната с библиотекой, снабженной книгами на всех языках, трактующими о флагелляции, а также папками с фотографиями и гравюрами на тот же сюжет.

Подобно всем остальным американским клубам, этот клуб имел превосходную кухню, кафе для дам, бар и курильную комнату.

Президентшей была вдова полковника И., дама высшего света лет под тридцать, замечательная красавица. Чтобы попасть во временные члены, необходимо было найти двух членов клуба, которые согласились бы быть "крестными отцами" и представить президентше.

В день, когда нагрянула полиция в клуб, она захватила следующую соблазнительную недельную программу:

"Программа

Понедельник. В 3 часа дня. Зало конференций. Мисс А. К. сделает сообщение относительно выбора орудий флагелляции и различных последствий, получающихся от их действия, с демонстрацией публично на нескольких мужчинах и женщинах.

Вторник. В 3 часа дня. Зало конференций. Мисс Ж. С. сделает сообщение относительно воспитания при помощи розог с демонстрацией над учеником двенадцати лет. После лекции мисс Ж. С. предлагает свои услуги членам обоего пола, желающим подвергнуться флагелляции в отдельной комнате.

Среда. В 5 часов дня. Большое зало для флагелляции. Сестры Д. и А. Р. прочтут лекцию относительно сладострастной флагелляции, с демонстрацией над желающими членами из числа присутствующих. После лекции сестры предоставляют себя в распоряжение тех членов, которые пожелают воспользоваться услугами в отдельных комнатах.

Четверг. В 3 часа дня. Зало конференций. Сообщение относительно применения флагелляции между супругами с практическим уроком. На этом сообщении могут присутствовать только лица, готовые принять активное участие в лекции.

Пятница. В 4 часа дня. Зало конференций. Мисс А. Д. прочтет лекцию относительно флагелляции как средства, пробуждающего заснувшую половую способность мужчины, с демонстрацией над желающими особами из числа присутствующих. После лекции мисс А. Д. предоставляет себя в распоряжение членов, желающих воспользоваться ее услугами в отдельных комнатах.

Суббота. В 2 часа дня. Большое зало для флагелляции. Мисс Б. К., укротительница диких зверей, вторично предполагает держать пари, что она силой разденет на эстраде и высечет любого мужчину, который пожелает принять пари и выйти на эстраду. Пари - сто долларов (около 200 руб.). После лекции и пари мисс Б. К. предоставляет себя в распоряжение любителей флагелляции в отдельных комнатах".

В этой программе мы видим почти все виды флагелляции. Одно уже чтение ее должно было бросить в жар любителя флагелляции.

Следует обратить еще на то внимание, что лекторши после каждой лекции предоставляют себя в распоряжение любителей флагелляции в отдельной комнате. Очевидно в том расчете, что лекция должна была настроить так воображение любителей флагелляции, что они пожелают немедленно вкусить сладость жгучих ласк розог. Для таких гастрономов подобное наказание розгами предоставляет еще ту прелесть, что возбуждение удовлетворяется той самой особой, которой оно было вызвано.

На дознании один из допрошенных приставом мужчин, некий А. К., пожелавший быть временным членом клуба, показывает: "Не успел я расмаковать вдоволь программу, как явился грум и сказал мне, что президентша ждет меня в своем кабинете.

Я немедленно проник в святилище, которое было настоящей игрушкой. Стены, обтянутые шелковой материей, были украшены картинами французских художников, изображавшими различные сцены флагелляции. На художественной мебели и этажерках множество разных дорогих и изящных безделушек с изображениями обнаженных мужчин и женщин, подвергающихся в разных положениях наказанию розгами. Здесь все напоминало о таинственной страсти. На столе, украшенном букетом живых цветов, лежало несколько больших пучков березовых розог и дамских бичей.

Президентша сидела за своим рабочим столом, нюхая букет цветов. На мой глубокий поклон она ответила приветливым наклоном своей хорошенькой головки и глазами пригласила сесть в одно из стоявших у стола уютных кресел.

- Вы просите, чтобы вас приняли на одну неделю временным членом нашего клуба. Я должна вас предупредить, что мы оказываем такую любезность исключительно поклонникам флагелляции.

- Мадам, эта страсть вряд ли имеет более горячего поклонника, чем ваш покорный слуга.

- Отлично, - сказала она, - только, по уставу, мы должны иметь доказательства, так как мы желаем во что бы то ни стало не допустить в наше общество зубоскалов и любопытных, которые ровно ничего не смыслят в нашей прекрасной страсти, а являются сюда ради приятного зрелища. В особенности мы боимся газетчиков, которые проникают в нашу среду при помощи всевозможных уловок в поисках сенсаций. Мы создали наш клуб, чтобы дать возможность нашей семье страстных флагеллянтов удовлетворять свою страсть, а не с целью отдавать священные для нас обряды нашего культа на осмеяние и поругание глупой толпы. Чтобы принять вас в нашу среду, хотя бы даже и временно, я должна удостовериться, что вы действительно из числа наших адептов!

- Госпожа президентша, - отвечал я, - готов дать вам какие угодно доказательства.

Расспросив затем меня, когда я последний раз подвергался флагелляции, скольким ударами розгами или другим орудием, кто была экзекуторша, одним словом, войдя в самые мельчайшие подробности и выразив удивление, что следы флагелляции, по моим словам,

почти исчезли, хотя, как я уверял, подвергся жестокой флагаелляции розгами всего каких-нибудь восемь дней тому назад, она заявила, что в виду подобного противоречия не может меня принять даже во временные члены без особого испытания...

- Я готов на какое угодно испытание, -заявил я.

- По нашему статуту, вы должны подвергнуться сорока ударам дамского хлыста. Если кандидат, не будучи привязанным, выдержит покорно их все до последнего удара, не стараясь уклониться, мы признаем его за настоящего адепта флагаелляции и позволяем ему посещение наших собраний.

- Я выдержу сорок ударов, не моргнув глазом, президентша, - отвечал я с горячностью.

- Превосходно, - сказала прелестная женщина, слегка улыбаясь, -я вам напишу записку к одной из дам-членов клуба, которая даст вам сорок ударов, и мое решение будет зависеть от того, что она мне напишет о вас.

Она взяла листик почтовой бумаги и, написав на нем несколько строк, вложила в конверт, заклеила его и передала мне, сказав следующее:

- Вот вам записка к ней, это совсем недалеко отсюда, в четвертой авеню, мм Б. П. Я нарочно выбрала для вас одну из наших самых опытных флагаеллянтш... Если вы действительно такой ярый адепт флагаелляции, как вы уверяете меня, то вы. вполне насладитесь, получив от нее сорок ударов дамским хлыстом. Она даст вам их опытной рукой. Итак, отправляйтесь к ней сейчас же, - я буду вас ждать с ее ответом здесь в два с половиною часа.

В восторге от такого счастливого случая, как подвергнуться сечению рукой светской женщины, я вскочил в первый попавшийся мне кэб и велел везти меня по данному мне адресу.

М-м Б. П. занимала прекрасный особняк, стоявший в громадном саду.

В прихожей я застал целую толпу рабочих, занятых обтяжкой стен материей в то время, как другие рабочие расставляли разную мебель и деревья в кадках.

Передав лакею письмо, я вскоре был введен в гостиную, где все было в страшном беспорядке: мебель составлена в кучу, покрыта чехлами, и несколько обойщиков работали над украшением стен гирляндами из цветов и электрическими лампочками.

Вдруг открылась одна дверь, и в комнату влетела, как вихрь, хозяйка дома, довольно интересная, стройная, высокая блондинка, одетая в кружевной капот. Она держала в руках записку президентши и попросила меня пройти в ее будуар.

- Она просто с ума сошла, полковница! Посылает ко мне выпороть кандидата! Ведь она отлично знает, что сегодня вечером я даю бал, и у меня положительно нет минуты свободной. Нет, воля ваша, она совсем одурела; в клубе шестьдесят флагаеллянтш, и непременно я должна вас высечь!

Говоря это, она все время ломала себе руки.

- Послушайте, сказала она, я вас отделаю в одну секунду, у меня тут где-то есть дамский хлыст - в одном из ящиков.

Мне кровь бросилась в голову, когда я услышал эти слова. Я уже начал расстегивать подтяжки, но тут кто-то постучался в дверь.

В комнату вошла горничная, девица высокая, на вид очень сильная; взглянула она на меня так, словно я ей великое зло однажды сделал.

- Барыня, -сказала она, -портниха пришла.

- Портниха! - вскрикнула хозяйка дома, ломая пальцы рук и хватаясь за голову. - Боже мой! Вы видите, - сказала она, обращаясь ко мне, - что я не могу, вы меня уж извините. Я поручу вас наказать горничной, а пока приготовлю для вас удостоверение; ведь для вас это должно быть безразлично, - вам главное получить удостоверение?! Бетти, - сказала она горничной, проведите этого господина в свою комнату и дайте ему сорок хороших ударов хлыстом по голому телу. Ведь у вас есть хороший хлыст?

- У меня все есть, что нужно, - отвечала горничная, не скрывая своего недовольствия, - но дело в том, что сейчас серебряник принесет из чистки серебро, и нужно, чтобы я

проверила его.

- Ну, это глупости, ведь не час же вы будете давать ему сорок ударов! Дайте их ему поскорее, а если придет серебряник, то поручите высечь его Луизе.

Сказав это, она быстро ушла, как обрывок тучи в ветреный день.

Горничная сухо велела мне следовать за ней. Она поднялась по бесконечной лестнице в самый верхний этаж особняка.

- Это просто безобразие, - ворчала она сквозь зубы, - постоянно мне приходится нести подобную обузу. Извольте пороть мужчин! Если бы это меня забавляло; я не член их дурацкого клуба, и мне наплевать на их грязную забаву! Я больше тороплюсь, чем барыня, портниха могла бы свободно подождать, она не пропала бы! Серебряник - это другое дело, нужно принять от него счетом. Потом не хватит - я же буду отвечать, а не барыня!

Наконец мы поднялись и вошли в ее комнату, бывшую в полном хаосе: платья валялись вместе с грязными полотенцами на мебели и на полу.

- Ну, живо, раздевайтесь, - сказала горничная, - у меня нет времени с вами прохлаждаться! Я покажу барыне, как поручать мне вместо себя пороть мужчин! Эти сорок ударов вы будете всю жизнь помнить!..

Она стала торопливо искать в ящиках хлыст. Я рассматривал здоровенную девицу, грубую, с насупившимися бровями, очень густыми и соединявшимися на лбу, что придавало ей особенно повелительный вид. Я начал испытывать некоторый страх в ожидании ударов, которыми она меня пугала и которых, возможно, я не в силах буду выдержать, а тогда прощай моя надежда попасть в члены клуба! Но тут постучали в дверь, и вошла довольно некрасивая девочка лет пятнадцати.

- Мадмуазель Берта, - сказала она, - пришел серебряник и просит вас сейчас же придти и проверить серебро, так как он не может ждать ни одной минуты...

- Ну, вот, видите! - сказала с досадой горничная. - Послушай, Луизочка, барыня велела мне дать этому господину по голому телу сорок ударов хлыстом. Дай их ему что есть мочи. Поищи хлыст, он, кажется, в каком-то ящике, - и высокая злая девица скрылась, как ураган.

Как только она ушла, девочка залилась веселым смехом; захлопала руками и, подпрыгивая, пролепетала:

- Вот так повезло! Я страшно люблю бить мужчин. Вы не смейтесь, я умею бить сильно и даже очень сильно. Вот увидите! Где же это хлыст?

Она пооткрывала все ящики, но хлыста не находила.

- Экая досада, - проговорила девочка, видимо, недовольная. Послушайте, чтобы у меня совесть была чиста и вы получили бы удостоверение... Я ведь все знаю, это не в первый раз!.. Хотите я вам дам сорок ударов руками? Тогда живо раздевайтесь - и на кровать!..

Для меня было главное получить удостоверение и попасть в члены, что не только удовлетворяло мою страсть к флегелляции, - но, главное, давало мне возможность под псевдонимом описать этот клуб и заработать от издателя газеты не менее ста долларов.

- Я, - показывает на дознании репортер, - разделся и лег на край кровати, заняв положение, удобное для получения ударов.

- Вы будете сами считать удары, - сказала девочка; - когда я дам вам все сорок, вы скажете, чтобы я перестала вас бить...

И девочка начала меня бить рукой. Я не стану лгать и уверять, что я страдал от боли под ее ударами. Я забыл, что должен был считать. Думая, что она дала мне все, я встал и сказал, что получил все сорок.

Но она меня остановила, когда я стал, было, приводить в порядок свой костюм, следующими словами:

- Нет, нет, вы сплутовали, я вам не доверяла и сама считала. Я вам дала всего тридцать шесть ударов... Ложитесь опять.

Я снова лег, и она дала мне во всю свою силу еще четыре удара.

- Ну, живо одевайтесь и идем скорее, а то мне некогда!

Внизу я встретил злую горничную, по-прежнему надутую. Она мне протянула

миниатюрный конвертик, еще не заклеенный, с написанным на нем адресом президентши.

На улице, прежде чем заклеить конвертик, я не удержался от любопытства и прочел записку. Вот что писала дама:

"Дорогой друг! Вы свободно можете принять в члены клуба предъявителя этого письма. Я велела дать ему сорок ударов хлыстом своей горничной Берте, большой любительнице вымещать свою злость на спинах мужчин, а потому вы можете быть спокойны, вашему протезу не было оказано ни малейшей пощады!"

Вот так-то пишется история, подумал я, заклеивая конвертик.

В глубине души я жалел, что ускользнул от хлыста светской барыни или ее свирепой камеристки.

Вернувшись домой, я переменял платье и отправился позавтракать. Ровно в два с половиною часа я был в клубе, в кабинете президентши.

Она быстро пробежала записку своей подруги, молча написала мне билет на право входа в собрания клуба в течение недели и передала его мне.

Я поблагодарил ее от всего сердца и даже, сознаюсь, почувствовал некоторое угрызение, вероятно, такое же, которое испытывают предатели... Но что поделаешь, если страсть к флеллации была у меня слабее страсти, заработать сто долларов.

За несколько минут до трех часов я был уже в зале конференции и занял кресло в четвертом ряду.

Народу было уже довольно много. Это была вполне избранная публика: дамы в дивных туалетах, мужчины корректные и элегантные.

Прозвенел колокольчик, и на эстраде появилась Ж. С. Это была совсем еще молодая особа. На вид ей можно было дать не больше двадцати пяти лет. Лицо у нее было сухое, выражение довольно злое. Она была одета в дамский охотничий костюм. Впоследствии оказалось, что она была учительницей одной из сельских школ в окрестностях Бостона. Когда до губернатора дошло сведение о ее лекции и демонстрации, то он велел немедленно предать ее дисциплинарному суду, который уволил ее со службы. Против нее было возбуждено судебное преследование, и суд приговорил ее к двухнедельному тюремному заключению или штрафу в 30 долларов (около 60 р.).

Как дисциплинарный суд, так и судья в мотивах приговора объяснили, что учительница имела полное право наказывать мальчика розгами за леность, непослушание и дерзость даже гораздо строже, чем она его наказала, но не имела никакого права наказывать его на эстраде, в присутствии совершенно посторонних лиц.

Звонким и приятным голосом она прочла свою лекцию. Я записал некоторые места из нее.

"Милостивые государины и государи! - начала она. - Я вполне счастлива, что могу перед вами констатировать тот факт, что при воспитании детей в нашей стране наказание розгами сохраняется в громадном большинстве семей, несмотря на то, что употребление розог имеет многих врагов, которых я не считаю настоящими американцами. Розги почти исчезли во Франции и Италии, но сохранились в Англии, Германии, Австрии, России и многих других странах. Мы знаем, что престиж розог, которым они пользуются у нас в Америке, не менее велик, чем во всех этих странах. У нас употребление розог при воспитании детей вошло в наши нравы, и розги занимают почетное место как в школах, так и в семьях.

Если не фарисействовать, то придется признать, что нет более действенного средства добиться от ребенка послушания и прилежания; розгами можно укротить самую упрямую, буйную натуру. Из всех репрессивных мер эта наиболее практичная и скорая.

Назначение в наказание переписки известного числа страниц, карцера, хлеба и воды, лишение права играть или прогулки и т. п. - все это следовало бы давно оставить, как не достигающее своей цели, если не считать редких исключений. Списывание одуряет ученика, а остальные наказания антигигиеничны. Разве не варварство лишить провинившегося ребенка пищи или воздуха! Наказание розгами, назначенное в разумной, строго обдуманной

дозе, без жестокости, но и без еще более вредной сентиментальности почти всегда приводит к благоприятным результатам.

Розги, за редкими исключениями, благотворительно действуют не только на маленьких детей, но и на юношей и девочек подростков.

Я не буду касаться вопроса о наказании розгами лиц взрослых, так как это не входит в программу настоящего моего сообщения. Другие лекторы, более сведущие в этом вопросе, чем я, докажут вам здесь, что употребление розог для наказания взрослых лиц обоего пола, как показывает опыт в тюрьмах и при подавлении народных волнений различными карательными экспедициями, почти всегда достигало цели... Мы не в силах с вами всецело переделать мир и человеческую природу. Теория, к сожалению, весьма и весьма частенько расходится с практикой. В теории многое превосходно, а на практике никуда не годно... В теории розги не должны применяться, я первая с этим согласна, а на практике выходит, что ни одно наказание не дает таких хороших результатов, как наказание розгами, - к кому бы оно ни применялось...

Я ограничусь сферой школьной и домашней дисциплины, где я, благодаря применению розог к девочкам и мальчикам до четырнадцати лет, а нередко к пятнадцатилетним и шестнадцатилетним, достигала превосходных результатов.

Если бы я не боялась утомить вас, - я привела бы вам тысячи примеров, когда наказание розгами производило чудеса, тогда как все другие наказания терпели полное фиаско.

Некоторые из моих коллег не рискуют шестнадцатилетнего юношу или девочку таких же лет за какой-нибудь выдающийся проступок подвергнуть жестокому наказанию розгами, с согласия родителей даже, а предпочитают исключить из заведения... Результатом жестокого наказания розгами было бы, что им пришлось бы самое большое полежать дня два-три в кровати, исключение же почти всегда коверкает их судьбу и делает из них босяков, апашей и хулиганов"...

Затем лекторша вывела на сцену мальчика лет тринадцати, которого она за какую-то вину подвергла наказанию розгами на эстраде. Я не мог разобрать хорошенько, что требовала от мальчика лекторша в школе и что он не хотел исполнить. Теперь она хотела продемонстрировать, что мальчик, не выучивший урока и наказанный за это двумя днями карцера, все-таки не знал урока. Несколько месяцев тому назад он на замечание, что, когда пишет в тетради, сильно пачкает ее чернилами, ответил, что виновата она сама, так как покупает скверные чернила; за это она ударила его по щеке и велела идти стать в углу на колени, но он не пошел. Тогда она вытащила его из класса и притащила на кухню, где с помощью сторожа раздела, разложила на скамейке, привязав веревкой, и дала ему шестьдесят хороших розог, так что он не сразу встал со скамейки; после этого тетради стали всегда чистыми, и он в течение трех месяцев не сказал ни одной дерзости. Уроки тоже не готовились, пока за это она наказывала карцером; но стоило ей наказать розгами, даже дать всего двадцать или тридцать розог, как совершалось чудо - в течение двух или трех месяцев уроки готовятся превосходно. Вот уже больше трех месяцев, как она его не секла розгами, но сегодня "он не только не приготовил урока, но на выговор даже огрызнулся"...

На сделанный приставом вопрос свидетелю, не может ли он подробно описать самую демонстрацию, этот господин показал, что лекторша высекла мальчика розгами. Мальчик был приведен на эстраду после того, как она рассказала аудитории о его поведении.

"Вот мальчик, - сказала она, - от которого ничего нельзя добиться без помощи розог.

Джек стоял молча, опустив голову вниз.

- Будешь ли готовить уроки и не грубить? Мальчик не произносит ни звука.

- Ну, тогда я тебе развяжу язык! - молодая женщина взяла со стола шнурок и связала им руки мальчугана, который теперь тихонько плакал. Затем она стала расстегивать ему панталоны; расстегнув, она спустила их вниз до колен и, зажав его голову между коленками, как щипцами, стала его сечь по голому телу.

Джек вел себя все время, как настоящий чертенок: вырывался, громко кричал, и

жалобно просил не бить его.

Но он был в крепких тисках, и розги теперь ложились методично, уверенно.

Когда, наконец, лекторша выпустила мальчика, то он стоял на эстраде, как одурелый. Она снова подошла к нему и громко спросила:

- Ну, отвечай сейчас же, будешь ли грубить в другой раз и не готовить уроков?

Мальчик, видимо, обозленный унижением и побоями на глазах этих разодетых бар, не произносил ни звука.

Тогда женщина снова схватила его и, несмотря на сопротивление, мгновенно заставила принять прежнее положение. Теперь она стала хлестать розгами с несравненно большей силой, обломки розог летели с эстрады в зал.

Я со своего места отлично видел, как его тело стало темнеть и покрываться каплями крови. Теперь мальчуган почти не сопротивлялся. Он, очевидно, пришел к заключению, что упрямством ничего не добьешься, и все время в промежутках между ударами орал:

- Простите, мисс! Ей-Богу, не буду никогда! Не буду! Не буду! Буду готовить уроки! Не буду! - и еще что-то в таком же роде.

Но мисс, несмотря на его крики и просьбы, продолжала безжалостно пороть.

Присутствующие хранили полное молчание. Только и были слышны крики мальчика да свист розог...

Я наблюдал за лекторшей: она была в страшном возбуждении, с горящими глазами и пылающими щеками; ее быстрые и уверенные движения придавали ей чрезвычайную очаровательность. Я многое дал бы, чтобы быть на месте мальчугана. С нетерпением я ждал конца экзекуции, когда она будет в распоряжении любителей флагаелляции в отдельных комнатах, чтобы на себе испытать невероятную жестокость ее ударов.

Наконец она нашла, что укротила мальчика, и, вняв его мольбам простить, отпустила его. Надо было видеть, как поспешно, подхватив штанишки, удрал он с эстрады.

Все присутствующие вздохнули с наслаждением, смешанным с восхищением к лекторше.

Мисс Ж. С. сошла в зал с эстрады. Желая первым подвергнуться флагаелляции в отдельной комнате, я подошел к ней и передал свою просьбу.

- С удовольствием, - отвечала она. - Это стоит пять долларов, вы будете первым номером, - и пошла дальше по залу, где ее тотчас же окружили.

Через несколько секунд она сама подошла ко мне и сказала:

- Не будете ли вы так любезны, чтобы уступить свою очередь одной даме, которая страшно торопится? Вы пройдете сейчас же за нею, согласны? К тому же это не будет долго: в какие-нибудь десять минут я ее отделаю.

Я согласился. Лакей провел меня в отдельную комнату, снабженную всем необходимым для упражнения. Я решил, что пять долларов поставлю на счет издателя газеты.

Вскоре появилась лекторша. Как и обещала, она отделалась от дамы в десять минут.

- Я очень тороплюсь, - сказала она мне, - вам следовало заранее раздеться. Вы не забывайте, что еще четверо мужчин ждут моих услуг. Вы понимаете, что моя лекция изрядно их возбудила, и они с нетерпением ждут своей очереди.

Разговаривая, она поставила скамейку посреди комнаты и достала шнурки. Я уже разделся и сидел в ночной рубашке. Знаком руки, с едва заметной насмешливой улыбкой, она пригласила меня лечь на скамейку. Я, слегка конфузясь, лег. Она все время продолжала насмешливо улыбаться, что придавало ей особенную прелесть. Замечательно быстро привязала меня к скамейке, подняла рубашку и, взяв розги, начала пороть. По силе и поспешности, с которой она наносила удары, я понял, что она действительно спешит, и даже очень спешит. Откровенно говоря, я не ожидал таких сильных ударов, а потому начал вскрикивать от боли. Через некоторое время она переменила розги и, перейдя на другую сторону скамейки, стала еще с большей силой меня пороть. Теперь уже я не мог от боли не кричать. Наконец мне стало совсем невтерпеж, и я начал просить ее прекратить экзекуцию.

- Вы, кажется, совсем одурели, - сказала на это она - не торопись я, еще бы не так вас выпорола: вы не мальчуган. Раз вы мужчина - должны терпеливо выносить розги...

Видимо, она сама воодушевилась и увлеклась: я заметил, что она опять сменила розги и перешла на другую сторону. Мое мучение становилось совсем нестерпимым, бывали такие удары, что я от боли просто задыхался и не в силах был произнести не только слова, но даже испустить крик, до того у меня захватывало дух.

- Подождите, это еще не все, - сказала она, бросая розги на пол, - на закуску я угощу вас прелестным хлыстом. Взяв длинный, гибкий хлыст из настоящего китового уса, она стала полосовать меня им, да так, что я мог только мычать и страдать от боли. Она дала мне хлыстом всего только десять ударов, но я был совсем разбит...

- Это на пять долларов, - сказала она, как только я с трудом встал со скамейки. От боли я забыл о гонораре. Но мисс Ж. С., как чистая американка, к счастью, ничего не забыла.

Вручив ей деньги, я мило с ней простился и по уходе ее лег отдохнуть, но пришлось лежать на животе, так как на спине и боках невозможно было от невыносимой боли. Рубашка была вся в крови, но я забыл сказать, что это была клубная рубашка, в которую облачается каждый, подвергающийся флагелляции. На столе лежало еще две рубашки из такого же дорогого полотна.

Лежа в такой непривычной позе, я размышлял, что затея издателя газеты, хотя и удовлетворила мою страсть к флагелляции, все-таки стоит гораздо больше ста долларов, и я решил, помимо вознаграждения за все расходы, просить за статью не менее двухсот долларов.

Я продолжал лежать, чувствуя, как боль начинала понемногу утихать. Переменил опять рубашку, так как первая, которую я сменил после наказания, опять выпачкалась в выступавшей все еще крови и прилипла к телу. Вдруг слышу, что кто-то стучится. Я спрашиваю: "Кто там"? - "Это я, сестра милосердия, можно войти?". Говорю, что можно. Вошла пожилая женщина в одежде сестры милосердия. В руках у нее была вата, клеенка, марля и два-три пузырька с чем-то. Из расспросов оказалось, что она постоянно живет в клубе на жалованьи, чтобы оказывать первую помощь после флагелляции.

С моего разрешения она осмотрела меня, нагрела воду, обмыла ею и какой-то жидкостью, которая очень щипала, иссеченные места и затем вышла, сказав, что она сейчас принесет мне чашку черного кофе с рюмкой ликера или коньяку, или рому - по желанию. Я попросил - с рюмкой коньяку. Когда она принесла и я стал с наслаждением пить кофе, она заметила, что меня мисс Ж. С. слабо высекла: "Обыкновенно она значительно сильнее наказывает. Нередко наказанный или наказанная, особенно последняя, ночуют в клубе. Две недели тому назад она так наказала одну барыню, что та два дня провела в клубе, не могла встать... Вот вы посмотрели бы, как она ее отделала, а у вас пустяки!.."

Страсть к флагелляции для лиц, коими она овладела, становится столь же тираничной, как и всякая другая страсть, например, к спиртным напиткам, опиуму, морфию и т. д. Я в этом убедился на собственной своей персоне.

Совершенно разбитый от последнего наказания, я, тем не менее, через три дня уже мечтал не столько о гонораре за статью, сколько строил в своем воображении разные сцены, где розги и хлыст играли главную роль, а мое тело опять просило их благодетельных уколов"...

Я нарочно привел подробно выписки из дознания и отчасти из статьи этого господина, напечатанной в "Бостонском Таймсе", обратившей внимание полиции на клуб, который вскоре был ею закрыт.

В Берлине существует тоже очень много последователей флагелляции.

Мой приятель, профессор Ролледер, зная, что я интересуюсь этим вопросом, сообщил мне об одном обществе флагеллянтов, существование которого было открыто берлинской полицией.

Вот что сообщает мой уважаемый коллега, который почерпнул все подробности из полицейского дознания.

Общество, подобно бостонскому, стремилось к удовлетворению страсти к флагелляции. Берлинское общество пошло намного дальше своего американского собрата. Так, оно устроило пикантное развлечение из самого приема каждой новой особы, пожелавшей вступить в члены общества. (Да, я забыл сказать, что это общество состояло из одних женщин). Невольный стыд кандидатки, ее смущение, оскорбленное целомудрие и т. д., - все это доставляло большое наслаждение членам. По уставу, кандидатка в члены общества не могла получить ни малейших разъяснений относительно рода и характера ожидающих ее испытаний в минуты посвящения в тайны общества.

Клуб носил название, - не позволявшее угадать о целях, которые он преследовал. Он назывался "Клуб независимых дам". Независимые дамы-члены этого клуба - в числе десяти душ учредительниц назывались каждая своими девичьими именами, хотя большая часть из них была замужем. На собрания общества, которые происходили только по случаю приема нового члена, все являлись в одинаковых костюмах: шелковый голубой корсет с красными шнурками, коротенькая шемизетка из белого тюля, доходящая едва до колен, чтобы можно было показать икры ножек, обутых в шелковые розового цвета чулки и белые атласные башмачки с высокими каблуками.

Шемизетка была с большим вырезом на шее, чтобы лучше можно было показать все сокровища этих молодых и по большей части красивых женщин.

Когда "новенькая" была представлена членам общества, то от нее прежде всего требовали торжественной клятвы, что она будет хранить в самой глубокой тайне все секреты общества и согласна подчиниться всем установленным правилам общества. После того, как она давала клятву и согласие, ее приглашали раздеться и надеть такой же костюм, как у других членов общества.

Обыкновенно кандидатка знала, что общество, в члены которого она добивалась принятия, не преследовало каких-нибудь высоких целей, но она не предполагала, что ей придется показаться совсем голой; против этого она протестовала, а это уж был отказ от данного ею обещания беспрекословно исполнять все требования устава; следовательно, ее за это нужно было наказывать.

- Вы нарушили устав, не соглашаясь исполнить мое приказание, - строго говорила смущенной кандидатке президентша. - За это вас высекут розгами!..

Конечно, та еще сильнее протестовала, - начинала уверять, что она никогда не думала, что в их обществе такие порядки - сечь особ ее лет; полагала, что они развлекаются наказыванием розгами приютских детей, которые в чем-нибудь провинились.

Но тут уже не помогали никакие протесты, доводы и даже мольбы, к которым переходили некоторые из кандидаток. Все дамы окружали ее, и президентша приказывала привести приговор в исполнение.

Приносили крепкую дубовую лестницу, ставили ее с легким наклоном к стене. В это время другие дамы раздевали кандидатку, даже силой, если она сопротивлялась; затем ей связывали кисти рук и привязывали их к верхней ступеньке лестницы так, чтобы концы пяток едва касались пола.

Понятно, что жертва продолжала протестовать, вся в слезах от стыда и страха от предстоящих ей побоев, но все ее протесты были бесполезны.

Дамы бросали затем жребий которой из них сечь кандидатку. Та, которая вынула жребий, брала пучок розог и, слегка ударяя по ягодицам кандидатки, говорила:

- Извольте сейчас же извиниться и сами просить, чтобы вам серьезно высекли!

Очевидно, девушка отказывалась исполнить это. Тогда начинали пороть.

Первый удар розгами давался с особенной силой по крупу кандидатки, который, конечно, тотчас же розовел.

Жертва дико вскрикивала и бросалась, насколько позволяла привязь, в сторону, но следовал второй и следующие удары розгами, она начинала корчиться, вертеться, невольно стараться попасть ногами на первую ступеньку и в то же время молить пощадить ее и перестать бить...

- Как вы смеете сходить с места! - кричала на нее президентша. И приказывала пороть ее по ногам.

Часто бывало, что дамы старались вырвать у нее под розгами какую-нибудь тайну; под влиянием боли она сознавалась в какой-нибудь связи, в которой ее смутно подозревали. Когда жертва сознавалась в каких-нибудь интимностях, в сущности довольно пустяшных, удары начинали сыпаться чаще, розги хлестали с удвоенной силой, тогда она нередко каялась в таких проступках, которых никогда не совершала, или, думая избавиться от своих мучительниц, начинала признаваться в своих любовных увлечениях, выкрикивая между ударами розог самые интимные подробности.

В это время все присутствующие обыкновенно уже не в силах сдерживать своего возбуждения, лихорадочно раздеваются, хватают розги и начинают хлестать друг друга, кружась в бешеном танце.

После этого кандидатку отвязывают, все к ней подходят и крепко целуют, говоря, что она принята в члены клуба "Независимых дам".

Общество это, пишет мне далее профессор Ролледер, было закрыто, благодаря довольно комичному случаю, рассказанному одной из берлинских газет. Одна из кандидаток, разозленная тем, что ее подвергли истязанию, в отместку не придумала ничего лучшего, как представить в кандидаты своего юного возлюбленного. Последний, переодетый девушкой, был принят обществом с обычным церемониалом, но так как его коварная подруга скрыла от него все, подробности приема, то он, конечно, стал энергично протестовать, когда ему велено было раздеться перед дамами, и просил позволить ему переодеться в новый костюм в соседней комнате. Понятно, что непослушание его требовало, по обычаю, примерного наказания. Потребовалось содействие чуть не всех членов, чтобы его раздеть, но этого им не удалось бы сделать, так он умело защищался, если бы не пришла на помощь сама президентша, которая, вооружившись пучком розог, стала ими хлестать его по чем попало. Благодаря этому дамы его раздели, и уже собирались снять с него рубашку, как он заорал во всю мочь:

- Бога ради, остановитесь! Приведя сюда, меня обманули, я не женщина!..

Это открытие, как гром, поразило всех присутствующих. Но президентша не потеряла головы. Возмущенная, она поворачивается к представившей его девушке и говорит:

- Вас первой нужно выпороть за то, что вы оскорбили наш клуб, приведя сюда лицо другого пола. Будьте спокойны, я велю вас жестоко высечь!

Как девушка ни сопротивлялась, она в мгновение была раздета обозленными членами общества и привязана к лестнице, но теперь, по требованию некоторых членов общества, ее привязали к лестнице за ноги.

Потребовалось опять все присутствие духа президентши, чтобы сдержать ярость членов, когда поднялся вопрос о том, сколько ей дать ударов розгами. Некоторые требовали дать ей тысячу розог в два приема... В конце концов, послушались президентши и назначили триста розог в два приема, причем через каждые пятьдесят ударов розги будут меняться, и наказывать должны по очереди две самые сильные и злые дамы.

Уже хотели начать экзекуцию, когда вице-президентша заявила, что она находит наказание совсем слабым и не соответствующим важности проступка девушки перед обществом, а потому предлагает, если уже не хотят дать ей больше ударов, то хотя бы наказывать одновременно с двух сторон, для чего выбрать еще двух сильных дам. Как ни протестовала президентша, предложение это при голосовании получило большинство голосов.

Выпороли ее очень жестоко, так что, когда ее отвязали от лестницы, она дошла до дивана с помощью двух дам.

Возлюбленный ее все время смотрел, как секли его подругу, и не заметил, как к нему тихонько подошли две дамы и, схватив за руки, связали их шнурком.

Как только его подруга была отвязана от лестницы, тотчас же на ее место привязали его.

После бесконечных споров о числе розог, которое ему следует дать, и нескольких голосований решено было большинством голосов дать ему тысячу пятьсот розог, менять розги, а также сменяться и наказывающим через каждые пятьдесят ударов, между каждыми пятьюстами ударов давать три минуты отдыха и наказывать, как и его подругу, с двух сторон одновременно, но ему, опять же по предложению вице-президентши, постановлено было считать удары только с одной стороны, а с другой стороны удар не считается. Как президентша ни доказывала, что раз постановили уже дать тысячу пятьсот ударов, то не следует подобным предложением удваивать назначенное число ударов, большинством голосов было принято предложение вице-президентши. Таким образом, ему предстояло получить три тысячи розог.

Потребовалось почти целый час ждать начала экзекуции, пока принесли прутья и вязали из них пучки розог. Этой работой занялись все дамы. Наконец все шестьдесят пучков были готовы. Президентша велела начать сечь его. Он так был утомлен долгим ожиданием, что был доволен, когда ему прикололи рубашку на шее и начали пороть.

Пять или шесть ударов он вынес, не произнеся ни звука... Но розги свистели и хлестали с силой, которой он не ожидал от женских ручек.

От жгучей боли он стал сперва слегка вскрикивать, находя в этом как будто облегчение. Президентша, хотя и протестовала против числа ударов, видимо, теперь изменила свое мнение, и сама старалась усилить и без того жестокое наказание. Она сама вызвалась считать удары, и наказывающие дамы должны были бить по ее счету. Благодаря этой процедуре, УДары ложились методично и уверенно, с тягостной медленностью.

Теперь наказываемый все время, как маленький школьник, кричит во всю глотку и молит о прощении... Во время наказания его розгами Президентша, так же как и во время перерыва, не раз требует, чтобы он обещал никому ничего не рассказывать о их обществе.

Впрочем, ко второму перерыву, т. е. когда ему была дана тысяча или, вернее, две тысячи розог, она смягчилась и, собрав всех дам, сделала предложение простить ему остальные пятьсот или, вернее, тысячу розог, ввиду того, что он просит прощения и обещается ничего не разбалтывать... К несчастью его, предложение это не получило большинства голосов. Пришлось снова его сечь, что было исполнено с не меньшей жестокостью.

Наконец экзекуция была окончена, и их обоих отвели в соседнюю комнату, где они оделись, затем они вышли из клуба, дав еще раз обещание никому ничего не рассказывать...

Неизвестно, кто из них не сдержал своего слова, но только полиция провела обо всем и после допроса всех лиц закрыла клуб...

Профессор д-р Ролледер как раз лечил отца молодого человека. Отец сам ему говорил, что "дамские ручки так отделали его сына, что тот два дня пролежал в кровати".

СВЯЗЬ ФЛАГЕЛЛЯЦИЙ С МАСТУРБАЦИЕЙ

У детей, говорит д-р Форель в своем труде "Половой вопрос", половой аппетит неудержимо дает себя чувствовать проявлениями в половых органах, у мальчиков в особенности в яйцах. Если молодой человек не может удовлетворить своего полового аппетита, который заявляет о своем существовании все с возрастающей силой в виде учащающихся с каждым днем поллюций, то этот аппетит, когда он особенно силен, вызывает у молодого человека ночью эротические сны, разрешающиеся обыкновенно ночными поллюциями или извержениями семени, если только он днем и вообще во время бодрствования не вызовет сладострастного возбуждения и, в конце концов, извержения семени, сопровождаемого эрекцией члена. Это последнее явление называется мастурбацией или онанизмом. Об этом пороке есть классическое сочинение моего друга, профессора Ролледера (на русском языке в полном, без всяких сокращений, переводе д-ра Шехтера), к этому сочинению я и отсылаю всех, интересующихся этим пороком, его предупреждением и лечением у лиц всех возрастов.

"Мужчина, - продолжает д-р Форель, - онанирует трением своего члена о мягкий предмет. В последнем случае с онанизмом соединяется эротическое представление в

воображении голых женщин или половых органов женщины. Подобную мастурбацию можно назвать, так сказать, удовлетворяющей природную потребность, так как она не основана на извращении аппетита, но только служит для удовлетворения естественной потребности, не могущей быть удовлетворенной по тем или другим причинам.

Но существует целый ряд манипуляций, употребляющихся с той же целью, которые являются как бы психическими эквивалентами первой мастурбации. В глухих гарнизонах, в закрытых учебных заведениях, где находятся юноши, за которыми плохо смотрят, часто приходится встречать похотливых лиц, удовлетворяющих свою похоть при помощи педерастики, то есть вводя свой уд в анус более молодого товарища, в особенности более или менее напоминающего по наружности женщину. Животная содомия тоже практикуется нередко с той же целью.

Мужчин, предающихся таким порокам, считают глубоко развращенными, к ним относятся с большим презрением, более или менее лицемерным. В действительности они довольно часто - славные малые, в остальных случаях очень честные, одаренные от природы повышенной половой чувствительностью. Попадают иногда между ними слабоумные, над которыми женщины подсмеиваются и отталкивают от себя, почему они поневоле прибегают к таким актам. Конечно, есть между ними и циники, более или менее порочные.

Половой аппетит у женщины не может возбуждаться, как у мужчины, скоплением спермы. Она не имеет поллюций, являющихся последствием сладострастных ощущений, и лишена, таким образом, возможности искусственно вызывать половой аппетит. По одной этой причине нужно у женщины вызвать патологическое половое возбуждение, чтобы у ней явились сладострастные грезы или охота мастурбировать.

По той же самой причине у женщины не может быть речи о мастурбации с целью удовлетворения половой потребности, строго говоря.

Между тем, онанизм весьма част среди женщин, хотя не так част, как среди мужчин. У нее он является последствием временного возбуждения, искусственного и местного, или следствием дурного примера, или, наконец, благодаря гиперестезии, безусловно патологической. Но раз это вошло у ней в привычку, то она, как и мужчина, с большим трудом перестает онанировать, заставляя себя противиться сладострастным желаниям.

Женщина мастурбирует трением клитора пальцем или введением какого-нибудь округленного предмета во влагалище и при помощи этого предмета подражая движениям коитуса. Некоторые истеричные женщины введением разных предметов в свой половой орган часто вызывают воспаление. У сумасшедших женщин мастурбация иногда совершается беспрерывно, причем нельзя им помешать ее делать".

Невозможно было изложить с большой психологической точностью и ясностью это явление, которое как у женщины, так и у мужчины заменяет отчасти, а иногда и вполне, натуральный половой акт.

Можно сказать с полной уверенностью, что онанизм практикуется девятью десятими человечества в ту или иную пору жизни каждого субъекта и тем или иным способом, в зависимости от темпераментов, субъектов и условий их жизни.

Я думаю только, что д-р Форель ошибается, утверждая, что онанизм менее распространен среди женщин, чем среди мужчин...

По моему мнению, как раз наоборот. Нормальный мужчина, которому натуральное удовлетворение половой потребности не представляет затруднений, редко когда онанирует; тогда как многие женщины, замужние и имеющие даже любовников, предаются и онанизму, который им доставляет более живое наслаждение и которым они могут заниматься беззаботно и без всякого стеснения.

Ведь не следует забывать, что, если мужчина в коитусе находит полное наслаждение (я говорю о мужчине нормальном), - женщина при коитусе не испытывает такого же наслаждения, и даже, если оно и существует, к нему примешивается горечь смеси страхов с другими посторонними мыслями, которые его портят и искажают...

Один уже страх, что каждое объятие грозит ей возможностью забеременеть, приводят

женщину в такое душевное состояние, которое мужской эгоизм никогда не будет в силах ни понять, ни разделить.

Между тем, нетрудно представить себе, как эта боязнь беременности должна парализовать у женщины половые восторги; и вот тут-то и следует искать причину, почему так много женщин стремится к онанизму и сафизму, находя в них половое удовлетворение и не испытывая постоянного страха, уменьшающего их наслаждение при коитусе.

Однако многие женщины с нормальным инстинктом бессознательно мечтают, находясь в объятиях женщины или мастурбируя, о силе мужских объятий, нередко даже о их грубости.

Эта потребность в насилии в минуты сафизма и превращают многих лесбияк и онанисток во флагеллянтток того или другого рода.

Так как у мужчины флагелляция в состоянии удовлетворить половую потребность и сама по себе является главным источником наслаждения, у женщины она обыкновенно служит только средством сделать мастурбацию более приятной и острой.

Только в случае особенно порывистого сафизма пассивная жертва его испытывает достаточно сильное страдание, чтобы не обращаться к непосредственному воздействию на свои наружные половые органы. Да и то подобные случаи довольно редки.

Можно почти с полной достоверностью сказать, что у лесбияк, активных и пассивных, практикующих флагелляцию, не только мастурбация постоянно сопровождает последнюю, но играет главную роль.

В подтверждение изложенного я приведу несколько фактов, мною лично наблюдаемых или взятых из вполне достоверных источников.

М-м А. В. славилась своей красотой и распушенностью при Наполеоне III. Ходили слухи, что он дал ей тридцать тысяч франков, чтобы присутствовать при ее любовных восторгах со своими собаками. Страстная охотница, она держала свору собак, которые доставляли ей наслаждение не только как охотнице, но и как женщине...

Бывали часы, когда она запиралась со своими четвероногими друзьями, превосходно выдрессированными для удовлетворения ее довольно странных вкусов. В то время, как она была одних, другие горячо лизали ее или даже "третировали", как подругу своего рода.

Эта барынька, довольно циничная, была даже предметом одной басни: про нее рассказывали, что она любезно предложила себя обществу ученых для производства опытов возможности оплодотворения женщины каким-нибудь животным самцом!..

Заглянув в седую историческую старину, мы встретим там одну похотливую лесбийку, онанистку и флагеллянтку в лице Елены, жены византийского императора Юлиана Отступника. По словам историка Тацита {Авторство данной версии приписано Тациту произвольно. - Прим. ред.}, она для возбуждения своих чувств приказывала при себе сечь розгами или плетью юных голых галльских невольниц в то время, как другие молодые женщины, чаще даже дети, безнравственно ее ласкали.

Мы уже не раз говорили, что Маргарита Валуа, по свидетельству состоявшего при ней генерала д'Арка (полные выдержки о сечении читатель найдет в главе "Странная страсть" сочинения д-ра Дебэ "Физиология брака", в полном со многими дополнениями переводе д-ра медицины А. 3-го), была страстная любительница телесных наказаний. Подвергая за серьезные проступки своих фрейлин жестоким наказаниям розгами, она за неважные шалости или даже просто без всякого повода, чтобы насладиться смущением от страха перед розгами какой-нибудь хорошенькой, совсем еще юной вновь назначенной фрейлины, приказывала ее, как изобразил один современный придворный художник, наказывать розгами. Наказывающая девушка была также голая и только в поясе, прикрывавшем ее половой орган; как и греческую императрицу Елену, королеву Маргариту в это время, одетую в греческий костюм, окружают две обнаженные молодые девушки и ласкают... Королева Маргарита была очень образованная и, вероятно, читала Тацита, откуда и напала на мысль повторить сцену императрицы Елены... Впрочем, это мое личное предположение... По словам Тацита, императрица Елена находила особенное удовольствие приказывать сечь

розгами в своем присутствии молодых галльских девушек, так как они были довольно полные, блондинки и имели чрезвычайно нежную кожу, которая под розгами краснела скорее и сильнее, чем смуглая кожа девушек юга; благодаря этому императрица испытывала более острое сладострастное удовольствие...

Конечно, трудно теперь сказать, в какой дозе примешивался садизм во всех подобных развлечениях. Но если внимательно прочесть страницы историка, сообщающего нам вышеупомянутые факты, то можно заметить, что императрица предавалась особенно жестоким развлечениям, когда она злоупотребляла спиртными напитками, тогда как в трезвом виде она была сравнительно умеренной флагеллянткой.

Впрочем, нет даже надобности забираться в такие исторические дебри, стоит только прочесть тайные полицейские дознания или судебные отчеты, чтобы на каждом шагу встретить до невозможности скандальные истории, где матери или мачехи подвергают истязанию своих детей обоего пола под предлогом наказания, а в сущности - для удовлетворения своих похотливых желаний.

Луиза Ж., жена углекопа, бездетная, взяла за привычку каждое утро, как только ее муж уходил на работу, брать к себе в кровать находившегося у них на воспитании молодого племянника, мальчика восьми лет. Она занималась с ним разными продолжительными манипуляциями, наслаждалась разными бесстыдными с ним прикосновениями, затем она секла его розгами, причем не особенно строго, требуя от него ласк, пока у нее не появлялась сладострастная спазма.

Мария Т., поденщица, вдова, пользуется отличной репутацией, часто караулит на выходе из школы мальчиков и, соблазнив некоторых из них игрушками и конфетками, приводит к себе на квартиру, где раздевает их и сечет розгами, а в промежутки при помощи разных предметов мастурбирует себя.

Евгения М., нянька, в течение долгого времени сечет детей розгами в отсутствие родителей, заставляет их себя мастурбировать и разными угрозами так запугивает детей, что те не смеют ничего рассказать о ее проделках.

Виргиния С., портниха, свою десятилетнюю дочь долго наказывает розгами и часто очень жестоко, привязывая на скамейке и моча во время наказывания розги в уксусе. Во время сечения и после него мастурбирует себя с такой яростью, что с нею происходит настоящий истерический припадок.

Леопольдина В., сельская акушерка, чрезвычайно ловко избавляла от тяжести забеременевших молодых девушек. Но необходимым условием она ставила, чтобы девушка предварительно позволила себя подвергнуть продолжительному и чувствительному сечению розгами, которое, как она уверяла своих пациенток, необходимо для успеха операции. У следователя же она призналась, что единственной целью было удовлетворение ее страсти к активной флагелляции. По ее словам, во время сечения она онанировала себя и при этом испытывала такое страшное наслаждение, которое никогда ни один естественный коитус ей еще не доставил.

Сестра Евлалия была воспитательницей в одной из школ для мальчиков, содержащихся конгрегациями. Ей было поручено наблюдать за мальчиками в возрасте от пяти до семи лет. Отчаянная онанистка и флагеллянтка, она удовлетворяла свои страсти при помощи своих учеников, которым под страхом жестокого наказания розгами невольно приходилось исполнять все ее капризы. Буквально не проходило ни одного урока, чтобы она не вытащила за уши со скамейки по крайней мере одного ученика в соседнюю комнату, где она заставляла его долго кричать и вертеться под ударами розог; затем, не давая ему как следует подвязать штанишки, выталкивала из комнаты, чтобы наедине заняться онанированием себя.

В Лондоне в одной из очень известных и посещаемых водолечебниц происходили довольно любопытные сцены скрытой флагелляции.

В то время, как для некоторых клиентов все шло нормальным порядком и с соблюдением величайшей скромности, для других, которые были далеко не всегда кокотки, а часто девушки из очень хороших семей, происходила полная перемена декорации.

Практиковавший врач, отчаянный флагеллянт, некоторым из своих пациенток делал душ сам собственноручно, направляя бьющую струю на ребра, ягодицы и вообще жирные части тела; затем он производил массаж, прописываемый для полноты реакции в виде ручной флагелляции и даже умеренного сечения розгами.

Бесполезно пояснять, что пациентки вовсе не были так глупы, чтобы не раскусить настоящей цели подобного массажа. Но они испытывали полное наслаждение от довольно оригинального лечения, которое для некоторых из них еще дополнялось смелыми прикосновениями, чрезвычайно умело рассчитанными. Последние тем особенно были прелестны, что доктор никогда ни одной из своих пациенток не признавался, что ими он старается удовлетворить только свое сладострастие, а напротив, постоянно с замечательным упорством утверждал, что они необходимы в интересах восстановления здоровья пациентки.

Кто не знает, что большинство массажисток, публикующих в газетах, - не более, как простые онанистки. Но между ними встречаются и массажистки, практикующие настоящий медицинский массаж, но в то же время старающиеся отыскать среди своих действительно больных клиенток таких, которые страдают извращенным сладострастием, но не хотят в этом признаться, и вот они их удовлетворяют с удивительно искусным лицемерием...

Есть немало женщин, которые ни за что в мире не признаются в любви к сафизму, флагелляции, но которые готовы с наслаждением удовлетворить эти скрытые свои страсти при посредстве массажа, являющегося для них простой флагелляцией или даже скрытым онанизмом.

Я знал в Лондоне одну массажистку, фамилии которой не назову, для читателя она не интересна; эта массажистка практиковала настоящий медицинский массаж, но в то же самое время это был замечательный психолог в юбке! Достаточно было ей взглянуть на клиентку, чтобы сразу же угадать, что она могла от нее ожидать, и решить, возможно ли попробовать вызвать у ней развитие скрытых страстей, потворство которым может быть для нее очень прибыльным.

Женский массаж часто назначается как успокаивающее средство при нервных болезнях, как укрепляющее средство для лимфатических натур, а также чтобы бороться с перерождением жировых тканей тела или заставить похудеть тучную женщину или имеющую склонность к чрезмерной полноте.

В таких случаях он применяется специально к наиболее жирным частям тела пациентки и сопровождается более или менее сильными шлепками.

После первых же ударов при подобной флагелляции опытной массажистке нетрудно заметить, если ее удары и манипуляции вызывают у пациентки сладострастный трепет, и в таком случае от ее ловкости зависит соразмерять их, доводя до высшей степени возбуждения или грубо обрывая...

Моя знакомая массажистка не имела соперниц в искусстве превращать сеанс массажа в непрерывное чувственное наслаждение для той особы, которая отдавала себя в ее опытные руки. Впрочем, клиентками ее были преимущественно светские барыни с незапятнанной репутацией, особенно дорожившей ею, а потому они сами и массажистка всегда умели хранить свою тайну... Ни одного неприличного прикосновения, ни одной двусмысленной фразы во время сеанса!

Между тем, сладкие вздохи, прерывистое дыхание под ласкающими ударами массажистки были слишком ясны даже для близоруких свидетелей, если бы эти тайные сцены имели таковых.

Массажистка заставляла платить по полтора фунта стерлингов (около 15 р.) за какой-нибудь сеанс в двадцать минут и не в состоянии была удовлетворить всех желающих, так велико было их число! В начале своей практики она сама испытала сладострастное удовольствие от своих клиенток, потом появилось равнодушие или даже отвращение к некоторым аномалиям, и с тех пор у ней было только, так сказать, мозговое наслаждение: постараться определить настоящую психологию той особы, которая сладострастно трепетала под ее растираниями и шлепками.

Одна очень высокопоставленная дама взяла ее к себе на постоянную службу, и та пробыла при ней около восьми лет.

Впоследствии, через много лет, я случайно встретился с этой массажисткой. Ей было уже под шестьдесят лет, и она бросила свою специальность, давно наживши большое состояние.

Ее наблюдения отличались замечательной точностью и тонкостью. Вот, например, некоторые из них: "У мужчины воображение возбуждается под ударами розог или руки, тогда как у женщины кожа, очень нечувствительная, становится восприимчивой к ударам, только если у нее работает воображение в известном направлении...

Вообще мысль о сечении пугает большинство женщин, и на таких женщин сама флагелляция часто не производит ровно никакого впечатления как в отношении боли, так и в отношении сладострастия.

Женщины, испытывавшие сладострастное удовольствие, постоянно закрывали глаза в минуту моих ласк, а мои шлепки, видимо, доставляли им полное наслаждение. Для некоторых требовалось, чтобы сладострастное наслаждение возрастало у них медленно, сначала при помощи легких дуновений, потом ручных прикосновений, сперва очень слабых, но все более и более усиливавшихся, до того, что растирания и шлепки, становившиеся очень сильными, почти жестокими, следовали теперь уже беспрерывно... Другие же, наоборот, испытывали наслаждение от неожиданных сильных ударов, чередовавшихся с едва заметными прикосновениями. У них сладострастное наслаждение возникало именно от неожиданности удара, от ожидания его, а также от его непродолжительности, продолжайся удары непрерывно и долго, наслаждение сменилось бы неприятным чувством.

Встречаются женщины, испытывающие высшее сладострастное наслаждение, когда касаются их бедер. Троньте их ниже талии, по покатости крупа, и вы увидите, как они покраснеют от удовольствия!..

В каждой женщине, даже такой, которая не имеет ни малейшего понятия о сафической любви, таится бессознательная лесбийка, - активная или пассивная. Я узнавала тех и других, смотря по тому, как изгибалось их тело под давлением моих рук. У первых ляжки как бы вдавались вовнутрь, все их тело подавалось вперед, совершенно инстинктивно, как это делает мужчина во время обладания женщиной. Тогда как у вторых круп поднимался, подражая невольно движению при коитусе противоположного пола.

У меня была клиенткой одна маркиза, женщина страшно высокомерная, не удостоивавшая даже кивком головы при входе; но когда я уходила, она каждый раз горячо жала мне руку и всегда немного прибавляла против условленной платы. Будь у нее любовники, она на них потратила бы все до последнего гроша; к счастью для кошелька ее мужа, она была честная женщина".

Страсть к флагелляции есть половое извращение, наблюдающееся как у субъектов гетеросексуальных, так и гомосексуальных.

Активная флагелляция заменяет коитус, который нельзя совершить вследствие внешних препятствий, или она удовлетворяет сладострастие, которое не было удовлетворено нормальным совокуплением.

В пассивной флагелляции субъекты, страдающие импотенцией, нередко находят средство, могущее оживить их половую способность.

Известно, что половое возбуждение может быть вызвано раздражением нервов седалищной области при помощи флагелляции или трением.

Нередко замечали, что наказанные розгами мальчики имели поллюцию во время самого наказания или тотчас же после него. Особенно часто у них член приходил в состояние напряжения.

Пассивная флагелляция заменяет, как и активная, иногда нормальный коитус. Она способна, как я уже сказал, вызвать половое возбуждение. Последнее подтверждается следующими историческими фактами.

В XIII и XIV веках существовали секты флагеллянтов. Сектанты ради покаяния и для

умерщвления плоти секли себя собственноручно, думая, благодаря этому, сохранить целомудрие, рекомендовавшееся церковью, освободив свой ум от господства над ним чувств. Вначале церковь относилась довольно благосклонно к этим сектам и помогала их распространению, но потом обнаружилось как раз обратное - флагелляция именно возбуждала половую чувственность, что подтверждалось многочисленными скандальными фактами; тогда церкви пришлось, в конце концов, выступить с осуждением флагелляции.

Вот факты, взятые из жизни Марии де Еоцци и Елисаветы де Жентон. Эти две героини флагелляции доказывают вполне, какое возбуждающее действие производят розги и плетки на половую чувственность.

Первая девушка, из очень хорошей семьи, была монахиней ордена камерлистов во Флоренции, в 1580 году она пользовалась громкой известностью, благодаря своим флагелляциям; она даже за это удостоилась чести быть цитированной в анналах.

Для нее было величайшим счастьем, если настоятель монастыря велел завязывать ей руки на спину и сечь ее розгами по обнаженным ягодицам в присутствии всех сестер монастыря. Телесные наказания, которым она подвергалась с самого раннего детства, окончательно расстроили ее нервную систему, и вряд ли какая-либо другая героиня флагелляции испытала столько унижений, сколько эта девушка. Во время галлюцинаций, которыми она страдала, ей виделись любовные сцены. Внутренний огонь угрожал сжечь ее, и она кричала часто: "Довольно! Не давайте пожирающему меня огню сжечь меня совсем, - не о подобной смерти я мечтаю, - она сопровождалась бы слишком сильным блаженством и наслаждением!"

Так длилось довольно продолжительное время. Но дьявол рисовал ее воображению самые сладострастные и похотливые сцены, так что она не раз была готова потерять невинность!

То же самое происходило и с Елисаветой де Жентон. Из этой флагелляция сделала самую бесшабашную вакханку. С нею случались припадки, достигавшие невероятной силы, когда она, возбужденная необычайной флагелляцией, воображала себя соединившеюся со своим идеалом; в подобном состоянии она испытывала такое высокое блаженство, что кричала: "О, любовь, о любовь бесконечная, о любовь! А вы, земные создания, повторяйте все вместе со мною: любовь! любовь!"

Мы уже сказали, что пассивная флагелляция очень близко подходит к мазохизму. Часто субъект стремится достигнуть полового возбуждения - эрекции члена для совершения с подругой нормального совокупления-при помощи флагелляции как высшего унижения по человеческим понятиям.

Я лично знал одного господина, который мне признавался, что он не любил самую боль наказания розгами, которому, часто довольно серьезно, подвергала его подруга, но ему доставляло наслаждение и вызывало эрекцию члена, позволявшую совершить нормальный коитус, часто само назначение ему наказания розгами и все приговорительные действия. Почти всегда требовалась со стороны подруги, не знавшей, конечно, таких подробностей, особенная настойчивость, чтобы довести дело до конца и подвергнуть его наказанию, нередко довольно серьезному, так как подруга его была с склонностью к садизму.

Бывало, что, лежа с подругой в кровати, он не мог добиться эрекции члена, и она, рассерженная, говорила строго: "Ты, кажется, выведешь меня окончательно из терпения; я вот привяжу тебя на столе и так выпорю розгами, что ты дня два не сядешь!" Почти всегда эти слова производили магическое действие, и эрекция являлась. Конечно, подруга это заметила и прибегала всегда к такому средству в критических случаях, когда желала скорее акта. Редко ей приходилось привести угрозу в исполнение. В таких случаях она наказывала всегда особенно больно и всегда заканчивала наказание угрозой, что "если через полчаса не будешь молодцом, то опять выпорю вдвое больше!" Но, по словам моего пациента, два раза никогда не приходилось его наказывать, так как он всегда был в назначенный срок "молодцом" и исполнял желание строгой подруги.

Подобные же феномены наблюдаются и у лиц гомосексуальных. Д-р Молль сообщает

по этому поводу следующий факт:

- Один господин, страдающий половым извращением, которого я знаю и который находится в связи с другим таким же больным, часто испытывает желание, чтобы его любовник обращался с ним грубо, для этого он старается возбудить у него ревность, чтобы добиться своей цели. "Маленькая сцена ревности, - рассказывал он мне, - возбуждает страшно моего возлюбленного, и она заканчивается побоями; но побои от него доставляют мне величайшее наслаждение. Когда мой друг бьет меня, я иногда просто готов упасть в обморок от испытываемого сладострастного наслаждения".

Я лично знаю тоже одного извращенного, который не испытывает полового удовлетворения, и у него не бывает истечения семени с наслаждением, если мужчина, с которым он имеет сообщение, не трет ему щеткой спину до крови; без этого для него нет удовлетворения.

Подобных наблюдений немало было оглашено в специальных медицинских журналах.

Д-р Лидстон знал одного интеллигентного мужчину, у которого половое возбуждение являлось только после сильнейшего наказания розгами по обнаженным ягодицам.

Есть очень немало женщин, страдающих мазохизмом, выражающимся в жажде флагелляции. Многие из них умоляют мужей или любовников избавить их от телесного наказания, как будто они испытывают ужас, а в действительности весьма часто они желают быть высеченными в минуты страсти. Флагелляция, которой добиваются женщины, толкает часто их на желание разыгрывать роль мужчины, и они обладают подругой с тем большею горячностью, чем флагелляция их была суровее и продолжительнее...

Вот еще один случай, лично мне известный. Августина Г., высокая и красивая девушка двадцати пяти лет, пошла по торной дорожке с шестнадцати лет. Вначале она имела несколько приличных любовников, но потом пала очень низко, стала пьянствовать. В это время она сошлась с одним человеком, на вид довольно приличным, удивительно изворотливым, страшно ленивым, научившим ее очень ловким штучкам, дававшим порядочные доходы, которыми он пользовался.

С этих пор Августина стала меньше пить и зажила припеваючи, так что все женщины в ее квартале были просто поражены. Они знали, что она страшно нуждалась, эта дылда-брюнетка, обожательница ликеров, отдававшаяся какому-нибудь подозрительному первому встречному, который, несмотря на ее покладистость, молодость и хорошенькую мордочку, оскорблял и обворовывал ее.

Августина теперь имела свою квартиру с собственной обстановкой и даже свою прислугу. Она охотилась только за господами и почти никогда не возвращалась без добычи. В чем разгадка? Уж не заслужила ли она премию, обещанную Сарданапалом тому, кто выдумает новое наслаждение?

Понятно, что завистливые души стали подозревать ее в каких-нибудь тайных пороках. Ее обвиняли в том, что она предается порокам, от которых покраснел бы даже житель Содомы и Гоморы. В этом отношении они жестоко ошибались.

Порок раздражает нервы, от него дурнеют, а Августина выглядела совсем свеженькой и красивее, чем когда-либо. Каким же это способом ей удавалось заставлять мужчин делать ей хорошие подарки, не растрчивая своих прелестей?

Красивый мот, ее новый друг, заметил, что уличные любовники - большею частью люди уже изрядно поистаскавшиеся, ищущие главным образом чего-нибудь нового для возбуждения своих утомленных половых органов...

Ну, а Августина обладала замечательной пластикой и особенно великолепно развитым и красивым крупом; его-то сутенер и посоветовал своей подружке эксплуатировать. Первые уроки флагелляции были даны ей лично им самим, но он упустил одно из видов - что от розог на теле появляются довольно некрасивые следы. Кроме того, Августина жаловалась, что ласки розог слишком для нее тяжелы...

Приходилось искать что-нибудь другое; тогда он смастерил особую плетку из резиновых, диаметром в полтора сантиметра дутых трубочек. Плетка была из пяти хвостов.

После ударов не оставалось следов на теле. Боль тоже была ничтожная или почти ничтожная.

С этого времени наша красавица заставляла своих случайных поклонников сечь ее, ни один из них не отказывался исполнить этот ее каприз. Августина так ловко извивалась крупом во время сечения, что все пороли ее с особенным удовольствием и испытывая большое наслаждение, так что, когда приходилось расплачиваться, никто не жалел заплатить хорошо девушке, позволявшей себя так сильно пороть!

Она во время наказания была так грациозна, с таким удовольствием позволяла любоваться своим покрасневшим крупом, что иногда это подталкивало флагеллянта в свою очередь просить и его подвергнуть сечению, но хитрая девица в таком случае брала хорошие березовые розги и секла так сильно, что тот вскоре просил ее прекратить и платил щедро, думая, что и она была должна так же страдать, когда он ее сек.

Иногда она пускала в ход другую штуку, если замечала, что субъекта можно поймать на удочку. По совету все того же своего сутенера, она приобрела якобы художественное биде, роскошно разрисованное. Этот инструмент был разбит на несколько кусков и искусно склеен, но довольно слабо и совершенно незаметно. Временный поклонник, которому она любезно предлагает сделать свой туалет в ее кабинете, конечно, для обмывания усаживается на стоящее на виду биде, которое в ту же секунду разваливается на кусочки и он летит на пол страшно сконфуженный...

Разбитое биде никуда теперь не годится. Августина, в сопровождении горничной на шум вбегает и участливо спрашивается, не поранил ли себя господин. Потом с глазами, полными слез, произносит:

- Художественная вещь... дорогая память!...

При этом она начинает уже рыдать. Еще секунда и она поклялась бы, что биде досталось ей от матери!

- Не плачьте, - говорит тот, - я вам куплю другое.

- Такого не найти больше!

- Тогда я вам заплачу за него!

На другой день утром наивный посетитель оставляет за разбитое вечером биде три фунта стерлингов (около 30 р.).

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ ЖЕНЩИН НА ВОСТОКЕ

Хотя торговля рабами строго преследуется в Азии и в Африке, торговцы, поставщики для турецких гаремов, находят средства добывать человеческое мясо к услугам азиатских пашей.

В прежние времена владетельные особы содержали особых комиссаров, объезжавших Грузию и Кавказ с целью похищения девушек, славившихся своей красотой, для снабжения ими гаремов вышеупомянутых особ. Так как подобный варварский способ в наше время не практикуется, торговцы рабынями прибегают к другим средствам: они по-прежнему охотятся за человеческой дичью, но вместо силы теперь пускают в ход обольщение, прельщая молодую девушку более или менее значительной суммой денег и стараясь уговорить ее бросить своих бедных родителей, чтобы жить в роскоши и безделья. Нередко также и родители продают своих дочерей этим торговцам человеческим телом.

Но так как громадное большинство таких девушек без всякого образования и очень невоспитанные, покупатели отправляют их в особые учреждения, нечто вроде пансионов, где опытные женщины обучают их манерам и умению держать себя в предстоящем новом положении; благодаря этому ценность их значительно возрастает.

Подобные воспитательные пансионы существуют главным образом в Малой Азии и Аравии, они предоставляют как бы склады женщин, черных и белых, всевозможных рас в распоряжение богатых мусульман.

Подобные учреждения могут быть посещаемы довольно свободно даже европейцами; за несколько золотых монет допускают осматривать эти оригинальные пансионы, обыкновенно устроенные с большой роскошью, так как нередко их посещают очень богатые особы-с целью лично выбрать женщину.

В таких учреждениях женщины считаются рабынями, а потому обращаются с ними очень строго. Разве не необходимо, чтобы будущий господин нашел полное и беспрекословное послушание в той, которую он покупает для своего наслаждения? Вот почему, если которая-либо из них в чем-нибудь провинится, то она немедленно передается в руки евнухов, которые наказывают ее телесно.

"В таком доме каждая рабыня спит на досках, покрытых только ковром, говорит корреспондент газеты "Стандарт", который провел четыре дня за большие деньги в таком учреждении и имел возможность наблюдать все порядки. - На колени ей на ночь одеваются особые колодки, чтобы она привыкла спать неподвижно и не могла впоследствии будить своего будущего господина. Утром эти колодки снимаются.

После этого их всех одновременно гонят в особую комнату, где в полу понаделаны дыры, предназначенные для удовлетворения естественных потребностей, которые удовлетворяются ими всеми одновременно.

После того их ведут в умывальную комнату, где их тщательно массируют, а затем сажают в довольно горячую ванную, по выходе из которой они поступают в распоряжение педикюрш и маникюрш, которые служат им в то же самое время и горничными, причесывающими и одевающими их.

Если которая из рабынь заслужила своим поведением награды, то ей позволяют спать без колодок или даже с подругой, с которой она может забавляться разными чувственными наслаждениями, что для развития в ней сладострастия сильно поощряются.

Наказания бывают исключительно телесные и очень жестокие; тут можно встретить самую варварскую утонченность с чисто дьявольской жестокостью.

Для наказаний имеется особая комната. В ней находятся всегда наготове всевозможные орудия наказания: ременные плетки, веревочные плети, длинные прутья, лежащие в воде для сохранения гибкости, волосяные щетки, стальные цепочки, снабженные более или менее тяжелыми гирями и т. д.; посреди комнаты стоит скамья, на которой наказывают, довольно широкая и снабженная кольцами, крючками, веревками, ремнями; один вид подобной скамьи наводит ужас...

Обыкновенно за небольшой проступок дается не более двадцати ударов по обнаженному телу розгами или плетью, - главное при наказывании, чтобы ни по одному месту тела не пришлось два удара и кожа не была бы повреждена. За более важные проступки подвергают всевозможным истязаниям, продолжая заботиться о целостности кожи. Подвергают и значительно большему числу ударов розгами или плетью, но тогда, опять же с целью сохранения кожи, секут через мокрые простыни, которые во время наказывания меняют несколько раз.

После двадцатого удара или вообще после окончания наказания розгами или плетью наказанную относят в соседнюю ванную комнату, где ее немедленно погружают в холодную ванну".

При корреспонденте, находившемся в соседней ванной комнате и наблюдавшем через отверстие, наказывали трех провинившихся женщин.

Наказание происходило в присутствии владельца дома и производилось тремя евнухами. Наказанных приводили по очереди. Все они послушно ложились на скамью и вообще давали все делать с собой перед наказанием, но во время наказания неистово кричали... Вот описание экзекуции: "Первой привели наказывать девушку, совсем ребенка еще. Она была в одной рубашке. Около скамьи стоял с розгами в руках один евнух и часто ими зловеще свистал в воздухе. Девушка, видимо, что-то хотела объяснить, но ей не дали, и два евнуха быстро уложили ее на скамейку и привязали. Было грустно смотреть на обнаженную девушку, лежавшую привязанной на скамейке.

Как только евнухи привязали ее, то отошли в сторону. К ней близко подошел владелец и стал что-то скоро говорить...

Евнух с розгами отошел на шаг от скамьи и смотрел, как собака, в глаза владельцу. Затем, вероятно, тот велел начать ее сечь, потому что евнух свистнул розгами в воздухе и

ударил по телу. Свист резкий, отвратительный. Раздался нечеловеческий крик и на теле легла красная полоса.

Через каждые пять ударов евнух переходил на другую сторону скамьи, меняя при этом каждый раз розги. Считал удары другой евнух. Мгновение между ударами казалось мне целым часом. Когда ей дали двадцать ударов, евнухи быстро отвязали девушку, она встала и стала что-то говорить владельцу. Все время, пока ее пороли, она неистово орала односложными звуками, произнося какие-то слова между ударами... Когда она встала и стала говорить, то лицо у нее было бледное-бледное, видимо, она силилась улыбнуться, но у нее выходила какая-то жалкая гримаса. По знаку рукой владельца ее увели, и через несколько секунд привели другую.

Эта была высокая, уже вполне сформировавшаяся девушка черкешенка. На ней лица не было... Девушку заметно колотила дрожь, она как-то беспомощно оглядывалась, словно затравленный заяц... Владелец несколько раз повторил громко одно слово, - переводчик перевел корреспонденту, что он говорит ей "ложись".

В это время один евнух, ухаживший, вернулся с двумя простынями, намоченными в воде. По объяснению переводчика, это значило, что ее будут очень строго наказывать...

Но она не ложилась, тогда два евнуха взяли ее, подняли на руки, положили на скамейку и привязали. Владелец опять сказал что-то, оказавшееся приказанием дать ей двести ударов. Даже переводчик сказал: "Больно много, большая вина у нее!"

Снова свист, дикие крики, причитания в промежутки между ударами, теперь полос не было видно, а только судорожные вздрагивания тела.

Эта наказанная сама уже не могла встать со скамьи, - ей помогли евнухи, которые и увели ее, поддерживая...

Наконец, привели третью, приблизительно такую же девушку, как вторая. Эту не разложили на скамейке. Она была подвергнута истязанию грудей, после этого наказана на скамейке плетью и, как и две ранее наказанные, посажена в холодную ванну. Последняя во время истязания впала в обморочное состояние..."

Мы уже сказали, что при всех истязаниях стараются причинить как можно больше мучений, не повреждая кожи.

По словам того же корреспондента, очень часто наказывают провинившуюся девушку еще так: раздевают ее донага, ставят спиной к колонне в комнате или к стене, связав кисти рук, поднимают их вверх и привязывают, чтобы один локоть закрывал лицо, ноги наказываемой привязывают к кольцам в полу, и в таком положении владелец или евнух называет ее розгами по передней части тела. Так как эта часть тела особенно чувствительна, а наказание производится обыкновенно довольно жестоко, то редко когда несчастная выносит назначенное число розог, не потеряв от боли сознания; но ее тогда приводят в чувство и затем опять продолжают драть, пока не дадут сполна назначенное число ударов. Правда, подобному наказанию подвергают за более важные проступки, как, например, за побег, если не действуют другие наказания, за покушение к побегу, потерю невинности, причем за последний проступок всегда наказывают, не щадя кожи, и нередко засекают насмерть.

За побег обыкновенно подвергают подобному наказанию после жестокого истязания и наказания по задней части тела, после выхода из ванной...

Корреспонденту удалось купить в Бейруте рисунок, изображающий наказание подобным способом девушки владельцем такого склада рабынь.

ТЕЛЕСНОЕ НАКАЗАНИЕ ЖЕНЩИН В ИСПАНИИ

По словам известного испанского историка Кольменара, в средние века в Мадриде существовали процессии флагеллянтов, о которых я говорил в первом томе. В церемониал этих процессий входило столько же религиозного, сколько и любовного отношения к женщине. Но я предпочитаю предоставить слово самому историку. Вот что он пишет:

"В этих процессиях принимали участие все кающиеся или флагеллянты, стекавшиеся со всех кварталов города. На голову они надевали очень высокий белый полотняный колпак

в виде сахарной головы, с передней части его спускалась широкая полотняная полоса, которая закрывала лицо. Среди участвующих, конечно, были лица, подвергавшие себя публичной флагелляции, движимые чувствами действительной набожности; но другие практиковали ее, чтобы угодить своим любовницам; подобная галантность была совершенно оригинальной и неведомой другим народам. Эти милые флагеллянты надевали белые перчатки и такого же цвета ботинки, рубашку, рукава которой были украшены лентами, на голове и на плаще была лента любимого цвета.

Они бичевали себя по вполне определенным правилам веревочной плеткой, на концах хвостов которой были вплетены кусочки стекла. Тот, кто сек себя с большей силой, считался более мужественным и достойным большого уважения.

Эти странные влюбленные, проходя под окнами своих дульциней, наносили себе более сильные удары. Но в то же время все эти флагеллянты выражали свое восхищение и перед встреченными женщинами, особенно если те были хорошенькие, в таком случае они старались, чтобы несколько капель их крови попало на даму. Если той нравился флагеллянт и она хотела отнестись благосклонно к его ухаживанию, она поднимала свою вуаль".

В те времена многие жены находили, что из-за телесного наказания, которому подверг ее муж, не стоит особенно огорчаться. Некоторые из них даже находили удовольствие в этих побоях. Муж, бьющий жену, доказывает, что он дорожит ею, иначе он не старался бы ее исправить наказаниями.

В то время подобного взгляда придерживались почти все народы. Раньше, когда на жену смотрели почти как на рабыню, дело обстояло совершенно иначе: за малейшую провинность муж приказывал сечь ее своей прислуге, и, вероятно, подобное унижение не доставляло ей большого удовольствия. По-видимому, в Испании мужья или любовники, приказывающие пороть своих жен или любовниц, не пользовались от них за то большим уважением, если судить по рассказу знаменитого Сервантеса "Ринконет и Картадийо".

"...Только что Мониподио, капитан королевской гвардии, начальник караула, собрался поужинать в компании двух веселых молодых дам, как в дверь сильно постучались. Мониподио прицепил шашку и, подойдя к двери, грозно спросил: "Кто там?" "Никто, это я только, Ваше Высокоблагородие, Фагарот караульный, - пришел доложить вам, что вот тут стоит девушка - Юлия Каригарта, вся растрепанная и в слезах, как будто с ней приключилось ужасное несчастье". Действительно, за дверью слышались женские всхлипывания.

Услыхав их, Мониподио отворил дверь. Он приказал Фа-гароту вернуться в караульный дом и в другой раз не смей так громко стучать в дверь, что тот обещал исполнить...

В то время, как Мониподио отечески журил караульного за слишком сильный стук в дверь, в комнату вошла Каригарта, девушка из разряда тех же особ, с которыми капитан собирался весело провести время. Волосы у нее были распущены, лицо все в синяках, и лишь только она вошла в комнату, как упала на пол... Обе гостьи капитана бросились ей на помощь. Облив лицо водой и расшнуровав ее, они увидели на груди тоже много синяков. Как только девушка пришла в себя, она стала кричать: "Да поразит правосудие Бога и короля этого бессовестного разбойника, труса, мошенника, которого я уже не раз спасала от виселицы, хотя у этого молокососа еще молоко не обсохло на губах. Что я за несчастная женщина! Посмотрите на меня, - я потеряла свою молодость и красоту ради такого негодяя и неисправимого бездельника!

- Успокойся, Каригарта, - сказал Мониподио, - я ведь здесь и готов оказать тебе полное Правосудие. Расскажи, в чем дело. Ты потратишь на свой рассказ больше времени, чем я на наказание твоего обидчика. Скажи, ты серьезно с ним поссорилась и хочешь, чтобы я за тебя отомстил ему? Тогда скажи только слово...

- Поссорилась! Я бы очень была рада только поссориться! Я скорее готова отправиться в ад, чем сесть с таким мерзавцем за один стол или лечь с ним вместе в кровать! - И подняв платье до колен, даже немного выше, она показала свои ляжки, которые были все в грязи и синих полосах, затем продолжала:

- Вот, полюбуйтесь, как меня отделал этот негодяи Реполидо, который обязан мне больше, чем своей матери! И вы знаете за что? Разве я дала ему малейший повод? Ровно никакого! Он избил меня за то только, что, проигравшись до последнего гроша, этот разбойник послал ко мне Кабрило, чтобы я прислала ему тридцать реалов, а я дала только двадцать четыре. И одному Богу известно, как тяжело они мне достались! Вместо того, чтобы отблагодарить меня, он решил, что я точно украла из той суммы, которую он надеялся получить в своем пылком воображении... Сегодня утром он увел меня в дальние поля, что за королевскими садами; там под одним каштановым деревом раздел меня совершенно донага и, сняв с себя свой ременный пояс, несмотря на мои мольбы и крики, стал безжалостно пороть меня по чем попало; он даже не снял с пояса пряжек!.. Драл он меня до тех пор, пока я не потеряла сознание. Вот, полюбуйтесь на следы такой ужасной порки!..

Мониподио обещал, что обидчик будет жестоко наказан, как только его разыщут и приведут сюда. "Не бойся, Каригарта, у меня дивные розги, и я шкуру ему спущу!"

Одна из барышень, гостей капитана, стала также утешать Каригарту и говорить ей:

- Я бы многое дала, чтобы у меня случилось подобное с моим другом; не забывай, Каригарта, кто сильно любит, тот сильно и наказывает! Когда наши бездельники секут нас или просто колотят, - значит, они нас любят... Сознайся, после того, как он тебя избил до полусмерти, я уверена, он тебя приласкал разочек?

- Как разочек?! Да ты очумела! Он уговорил идти домой, и мне даже показалось, что у него были слезы на глазах после того, как он меня так жестоко выпорол".

Инквизиция! Вот слово, при произнесении которого у вас невольно в воображении рисуются картины самых жестоких сцен!

Мы знаем, как изобретателен был ум по части пыток.

Китайцы, как известно, считающиеся мастерами по части причинения страданий преступникам, не в состоянии были изобрести решительно ни одного самого ужасного истязания, которое не было бы в ходу в страшных тюрьмах, где были заключены еретики.

Инквизиционные суды возникли в латинской Европе, где католицизм торжествовал свою победу помпой и роскошью своих религиозных церемоний.

В течение долгих веков в набожных городах разносился запах горелого человеческого мяса. Ведь каких-нибудь всего полтора-два столетия назад людей жгли на кострах!

В своем труде я не собираюсь говорить подробно о пытках в тюрьмах Инквизиции.

Пабло Воиг и Павел де Сен-Виктор, особенно второй в своем замечательном сочинении "Люди и Бог", говорят о флагелляции в Испании.

Последний рассказывает разные подробности о сектах флагеллянтов и дает вообще много подробностей о флагелляции со сладострастной целью.

Что касается до Пабло Воига, то он сообщает, что в 1640 году на одной из городских площадей города Мурсии была публично наказана розгами маркиза Мерседес Ажийо. Ее секли, предварительно раздев донага, что вызвало громадный скандал во всей Испании, где подобные наказания не производились публично, чтобы не оскорблять высокого целомудрия испанцев.

Кальвинист Базер из Цюриха, известный своими проповедями против пьянства и незаконных связей, рассказывает, что однажды ему пришлось быть в городе Саламанке. Его внимание было поражено встреченной им процессией осужденных женщин. Тут были все совсем молоденькие девушки, смуглые, с блестящими от слез глазами, большею частью еврейки. Почтенный философ полюбопытствовал узнать, к какому наказанию они приговорены. Ему сообщили, что их везут в монастырь "Девичий", где их будут наказывать розгами, причем во время наказания монашенки будут петь духовные песни, подходящие к грехам этих еретиков.

Вольтер сообщает тоже, что иногда секли розгами под аккомпанемент церковного органа. Вообразите, до чего человек мог додуматься, чтобы пороть розгами под орган или пение духовных песен! Правда, это хоть немного нарушает монотонность подобных церемоний и все-таки дает известный местный колорит наказаниям розгами в древней

Иберии.

Но наказание розгами, которому подвергали провинившихся девушек в "Девичьем монастыре", было вовсе не такое, чтобы можно было шутить.

Дело не ограничивалось тем, что было поднято несколько женских юбок и отшлепано несколько женских крупов.

Нет, тут лилась кровь, в цвет которой окрашено кардинальское облачение, из комнаты, где наказывали девушек, неслись отчаянные крики от истязаний, которым их подвергали.

Монаха, вооруженного розгами или плетью, ничто не способно было смягчить - ни молодость, ни красота еретички-девушки.

Привязанная к позорному столбу или растянутая на скамье, девушка должна была оставить всякую надежду; ей не предстоит вынести известное число ударов розгами или плетью... Ее будут пороть даже не до тех пор, пока устанет монах-палач, а пока кровь не польется ручьем, пока она не умрет...

Эти молодые женские тела, извивающиеся под ударами розог или плетей подобно змеям, представляли ужасное зрелище.

Вы напрасно станете искать в глазах секущего монаха малейшего признака сожаления... Он совершенно равнодушен, как машина, бездушная даже к прелестям самым секретным, которые обезумевшая от боли девушка выставляет на показ без всякого стыда...

Еще на днях (в октябре 1909 г.) под давлением католических монахов был расстрелян невинный патриот Феррера, настаивавший на том, чтобы народная школа была светской и не находилась в руках монахов. Гнусный поступок испанского правительства вызвал негодование во многих странах. Во Франции и Италии произошли забастовки, народные манифестации, окончившиеся столкновениями с полицией; были даже убитые и раненые с обеих сторон.

В Испании, где католицизм проникает всюду и проявляет часто совсем неуместное своевластие, не все обстоит благополучно среди этого наиболее преданного религии народа.

История знаменитого Антония Переца и его сотоварища Филиппа II представляет одну из самых кровавых страниц, которую только превосходит история завоевания Южной Америки. Это было время полного торжества розог и плетей, за которое расплачивались несчастные туземцы.

- Я не считаю себя компетентным описывать все тогдашние трагедии или пытки. Могу только заметить, что даже в наше время, до войны Испании с североамериканскими Соединенными Штатами, иезуиты являлись полными господами на острове Куба и не стеснялись подвергать телесному наказанию кого угодно.

В газете "Тайме" была подробно рассказана история, как две молодые девушки-негритянки, виновные в том, что попались на глаза монаху в довольно легком одеянии, были, по приказанию монаха, схвачены и приведены в монастырь иезуитов, где их раздели, растянули на скамейке и наказали розгами настолько жестоко, что они потеряли сознание. Мало того, монахи заставили перед их окровавленными телами дефилировать негритянских мальчиков и девочек. Наглядное обучение, сказали бы педагоги!

Но возвратимся к Инквизиции, продолжавшейся много веков, в течение которых женщин секли, потому что телесные наказания были вообще в тогдашних нравах, а также потому, что на подобные истязания смотрели, как на одно из тысячи средств пытки. Но изобретательность пыталыщиков не остановилась на нем, и они придумали для евреев такие ужасные истязания, которые только могли зародиться в их развращенном воображении.

Тело допрашиваемых с "пристрастием" женщин всегда подвергалось истязаниям, которые нередко вдохновлялись далеко не целомудренной жестокостью. Нетрудно представить себе, как должно было возбуждать умы, извращенные половым воздержанием, зрелище обнаженных и обезумевших женщин. Отсюда до удовлетворения своего возбужденного сладострастия оставался один шаг, который довольно часто переступался в чем легко убедиться, если не поленишься открыть мемуары современников.

Среди испанских девушек, наказанных телесно, я могу указать на Консепцию Нуец.

Случай с этой совсем юной барышней настолько типичен, что перед нами, как живая, встает вся эта бурная и кровавая эпоха. Передавая этот случай, я постараюсь по возможности сохранить местный колорит языка историка Жуанеса, у которого я его беру.

Концепция Нунец. Лишь только вечерняя прохлада спускалась на апельсиновый лес и воздух наполнялся резким ароматом бергамотов, Концепция Нунец шла в церковь, где долго перед ликом Мадонны молилась за упокой усопших.

Это была маленькая деревенская церковь, освещавшаяся несколькими свечками, криво поставленными в паникадила на хорах.

Завернувшись в свою черную мантилью, Нунец преклоняла колена перед алтарем, рассыпав на плитах лепестки из розы, приколотой в ее черных, как смоль, - волосах.

Концепция, дочь мясника Антония Нунец, была самая красивая девушка в своей деревне, - маленькой деревушке на берегу Средиземного моря.

Вся деревня жила добычей от моря, и почти все жители были рыбаки. Девушки не отличались недоступностью, насчет их добродетели ходили самые неблагоприятные слухи.

Они не выходили замуж, так как обыкновенно растрачивали "капитал" честной девушки. Достигши семнадцати лет, они поступали в какую-нибудь труппу странствующих актеров или отправлялись в Мадрид, где поступали в дома терпимости.

Морской воздух, ветер с гор и аромат апельсиновых рощ придавали их смуглым, золотистым телам эластичность вполне спелого плода, запах которого сводил с ума мужчин.

Бесспорно, самой прекрасной между ними была Концепция Нунец.

Высокая и дородная, с талией более тонкой, чем обыкновенно у испанок, она соединяла с прелестью своего соблазнительного стана еще грациозное личико с правильными чертами.

Стоило раз увидеть ее глазки, большие и темно-синие, ее розовый ротик, где ряд зубов походил на жемчужины в атласном розовом футляре, как вы безнадежно погибали и готовы были продать свою душу Сатане. Концепция отлично знала, какое очарование она внушала мужчинам/

Она походила на те тропические деревья, которые соблазняют своею тенью и плодами усталого путника и причиняют смерть раньше, чем он отведаст их.

Она уже знала тайну любви, - еще будучи совсем маленькой девочкой, она любопытными глазенками смотрела вместе с своим другом, таких же лет мальчиком, как бык выражал свой любовный восторг, крепко обнимая корову.

В четырнадцать лет, уже совсем пленительная женщина, она стала любовницей одного восемнадцатилетнего матроса, погибшего вскоре во время бури в море.

Концепция ходила молиться за упокой души своего возлюбленного в крошечную деревенскую церковь, где Мадонна осушала слезы всех верующих.

Но новая любовь заставила забыть прежнюю. Красавица брюнетка познала другие объятия. Она была на вершине блаженства, когда близко сошлась с одним мясником, красивым, как Антиной.

С этих пор Концепция была похожа на ядовитый цветок, один аромат которого убивает; мужчины дрались из-за нее, и палки с ножами были в ходу круглый год.

Ревность разделила молодых мужчин, которые сердца свои бросили к ногам красавицы девушки; а она раздавала свои благосклонные взгляды направо и налево, как бы пронзая ими грудь, так как из-за них обыкновенно происходили драки на ножах.

"Мюжер! (Испанское слово, значит "женщина"). У нее в глазах кинжалы, а мы перед нею, как годовалый бык перед шпагой тореадора"! - говорил Мануило Карриес, самый высокий, самый сильный и самый богатый из рыбаков побережья.

И этот ловкий и здоровый, как юный бог, малый любил Концепцию, но она не любила его, или, по крайней мере, этого не было заметно.

Когда она черпала воду из колодца, делая своим телом сладострастные колебания, которые положительно приводили в исступление всех мужчин, она видела, что в тени за ней следит пара черных глаз, как дикое животное следит за барашком, пришедшим на водопой.

Концепция не боялась нисколько. Она хохотала от души, показывая при этом свои

очень маленькие зубы и розовые десны.

- Эй, Мануило, напрасно прячешься, я тебя видела... Ты все еще меня любишь? - Влюбленный, пойманный, с досадой скрывался в чаще кактусов и алоэ, выражая свое бешенство ударами ножа в стволы деревьев.

Иногда, после жесткой внутренней борьбы, когда он признавал себя побежденным, он робко подходил к молодой девушке, улыбающейся и смотрящей на него благосклонно.

- Когда же ты меня полюбишь?

- Когда? Вот забавный вопрос! Нет, ты подумай, разве я обязана тебя любить... А между тем, ты мне далеко не противен, нет, ты мне не противен. Я полюблю тебя, как только сделаешься тореадором!

Это означало то же самое, что никогда, так как бедный Мануило не имел ни малейшей склонности к трудному искусству борца с быками.

Он возвращался домой, разбитый, удрученный и полный ненависти ко всем тем, которые пользовались ласками Консепции.

Раз утром, когда все рыбаки были совсем уже готовы, чтобы выйти на рыбную ловлю в открытое море, лодка Мануило оставалась на песке, в то время, как все остальные весело покачивались на воде, как бы подсмеиваясь над ней.

Мануило в ту же ночь уехал, унеся с собой свои сети и все свои сбережения.

Когда эту новость сообщили Консепции, то она весело и дерзко рассмеялась.

- Он вернется, - сказала она, - я знаю, где он находится, он уехал в город, чтобы наняться в шуло (помощники тореадора)... Но его не возьмут, и вы увидите, что завтра он опять будет среди нас.

Но ни завтра, ни послезавтра, ни в течение многих следующих дней никто не видал Мануило..

Ровно через год после его исчезновения торговец быками, богатый и веселый человек, увез с собой Консепцию, оставшись очень доволен ею после того, как провел с нею три ночи в деревне.

С отъездом ее в деревне стало уныло, как в саду без цветов, в птичнике без птиц, но зато в деревне молодежь перестала драться.

В узких улицах, окружающих королевские цирковые арены в Мадриде, в час, когда сентиментальные влюбленные распевают любовные романсы под балконами своих возлюбленных, сквозь щели закрытых ставень одного кабачка пробивался желтый луч от еврейской лампочки.

Это был трактирчик, где по вечерам собирались шуло, пикадоры и вообще темные личности, которые обыкновенно бродят за кулисами цирковых арен.

Слышались звуки гитары, какой-то глухой сдавленный голос напевал популярный романс, шумел баскский барабан, раздавался веселый смех женщин и площадная брань во всех четырех концах низкой и полной табачного дыма зале.

Среди комнаты стоял чрезвычайно длинный стол, за которым каждый из собутельников мог свободно расположиться и поглощать вино, подаваемое кабатчиком.

На первом плане вырисовывалась на стене тень Мануило, сильно похудевшего от жизни, полной приключений.

Он служил простым рабочим на королевских аренах, желая во что бы то ни стало осуществить свою мечту и сделаться тореадором, которому бы аплодировали все хорошенькие дамы Мадрида и в особенности Консепция Нунец.

Вошел высокий, сухой и мускулистый молодой парень, неся в руках свернутую шаль.

- Здорово, ребята! - сказал он, - синьора еще не пришла?

После того, как трактирщик отрицательно покачал головой, он сел к столу и, взяв гитару, стал играть какую-то "хабанеру" с довольно страстными звуками.

Женщины повысыпали из всех углов; опрокинув корпус назад, выпятив сильно круп и высунув руки вперед, они стали танцевать.

- Анда! Анда! Олле! Олле! Мужчины хлопали в ладоши в такт.

- Сеньора... сеньора!

Высокая молодая девушка, стройная, с матовым цветом лица, блестящими глазами от страсти, вскочила на стол ловким кошачьим прыжком.

- Олле! Олле!

Заиграли три гитары, раздался звук кастаньет, и Мануило, весь бледный, встал и ушел в темный угол комнаты.

Красавица Концепция танцевала вместе с другими публичными женщинами недалеко от стола.

Он думал, что все это сон, но нет, это не было видение, - его руки касались легкой материи шарфа прелестной Нунец.

Совершенно опьяневший от ревности, отчаяния, он сидел в своем углу, потеряв всякую способность к размышлению; перед его глазами в вихре танца кружилась его возлюбленная.

Под резкие звуки гитар и бубна, под веселый припев "олле" девушки, продолжая танцевать, начали медленно раздеваться, и тут одна из них стала со спокойным бесстыдством мимировать возбуждающий танец папиросниц. Многие писатели говорили о грубой сладострастности этого танца. Женщина берет в рот сигару, зажигает ее, держа руки в боки. Она кончает танец, вынимает изо рта сигару и вставляет ее в... другое место.

Среди смеха, плоских шуток пьяных людей Концепция стала также танцевать танец папиросниц, не сократив даже его финального жеста...

Раздался гром аплодисментов, женщины прыгали от радости, мужчины чокались стаканами с вином, проливая его на стол.

Концепция, задыхающаяся, раскрасневшаяся, одевалась, прикрывая шалью свои обнаженные плечи и грудь.

Вдруг блеснул нож и пронзил насквозь материю, - это был нож Мануило.

Но он промахнулся, - кто-то подтолкнул его под руку, и оружие оцарапало только кисть руки молодой женщины, которая стала кричать что есть силы.

Затем раздалась площадная брань, началась драка, и тот, кого величали Жозе, бросился на Мануило.

В углу Концепция стонала, перевязывая себе руку салфеткой.

На дерущихся бросились и их развели. Они ругали друг друга и показывали кулаки.

Тогда патрон, до сих пор не вмешивавшийся и все время сохранявший полное спокойствие, взял Мануило за плечи и вытолкнул вон на улицу.

Снова появилось вино, и попойка продолжалась до самой зари.

Концепция, опираясь на руку Жозе, уже забыла танец, Мануило и свою рану.

Жозе смотрел на нее влюбленными глазами...

Солдаты Наполеона I наводнили Испанию и одерживали легкие победы в стычках с гверильясами.

Можно сказать, что красавицы испанки были не менее упорны в своей ненависти к неприятелю, чем сами испанцы, и если французские солдаты могли хвастаться победами, то, конечно, только не любовными.

Гордые черноволосые девы отчаянно сопротивлялись и уступали только насилию французов.

Впрочем, как среди мужчин всегда находятся изменники, так и между женщинами встречались изменницы.

В глазах пылких испанских патриотов достаточно было малейшего знака симпатии к неприятельским солдатам, чтобы быть обвиненным в измене родине.

Было несколько девушек, которые, соблазнившись красотой гусар или драгун, капитулировали без всякого сопротивления.

Они за это жестоко платились. Стоило им только попасть в руки банды патриотов, как их подвергали жестокому наказанию розгами или плетью, оканчивавшемуся обыкновенно смертью после мучительной агонии.

Самым беспощадным из этих импровизированных судей был, конечно, высокий, худой

молодой человек с фанатическим лицом священника; его звали все Монжийо; внушаемый им ужас был настолько велик, что французы обещали большую премию тому, кто доставит его живым или мертвым.

О Монажийо говорили во всех концах Испании, и слава о его подвигах способствовала возрождению у многих надежды на освобождение страны от французов.

Концепция Нуец была именно из числа женщин, не оказавших сопротивления неприятелю. Прежде всего потому, что ее профессия давала ей возможность очень легко вступать в связь с красивыми французскими лейтенантами.

Она становилась все красивее и красивее и была способна вскружить голову всем мужчинам, даже самому Монажийо.

С лицом непорочной девственницы, на вид кроткой, но в действительности коварной, Концепция очень походила на обманчивую поверхность глубоких болот или на те роскошные, но ядовитые цветки, что растут на берегах гниющих вод.

У ней была интрижка с одним драгунским лейтенантом, потом с гусарским капитаном, затем случай свел ее с адъютантом четвертой кавалерийской бригады.

Она отнюдь не скрывала своей страсти к военной форме, а кирасы, латы и другие украшения наполеоновских солдат являлись для нее самым лучшим возбуждающим средством.

Уже таково свойство женского ума: последствия имеют мало связи с причиной. Концепция не могла видеть без сладострастного трепета золотых шнурков гусарского мундира.

Она сошлась с совсем юным офицером, убедившим ее последовать за армией, двигавшейся на Сарагосу.

После многих колебаний прелестная куртизанка согласилась на его предложение и последовала за армией в экипаже, запряженном четырьмя мулами, которых меняли на каждом привале,

Во время движения отряда по узким лесным тропинкам не раз происходили перестрелки с испанскими народными ополченцами (гверильясами). Тогда она вспоминала свою маленькую деревенскую церковь и усердно молила свою прежнюю Мадонну, чтобы последняя пуля сразила ее, так как она предпочитала скорее умереть, чем попасть в руки фанатических гверильясов.

Как нарочно, в отряде, за которым она следовала, постоянно шли рассказы о смелых подвигах Монажийо. Но все были спокойны, полагая, что если нападение и возможно, то его можно ожидать на хвост колонны, где могла достаться хорошая пожива, а не на их отряд, где добыча была бы совсем ничтожная.

Однако раз, ночью, во время перехода их отрядом маленького тесного ущелья, сплошь поросшего кактусами и другими растениями, раздались вдруг выстрелы, затем из засады выскочили несколько человек с кинжалами в руках и набросились на них.

Произошла короткая борьба, раздалось еще несколько ружейных выстрелов, один мул жалобно мычал.

Все солдаты конвоя были перебиты, их трупы валялись на краю дороги. Концепция, еле живая от страха, лежала в опрокинутом экипаже, притаив дыхание, рассчитывая, что ее не заметят.

Кто-то громко прокричал: "Ищите хорошенько, она должна быть тут!.."

Одна рука, затем две или три другие осторожно освободили ее из-под экипажа.

Как только она была вынесена из-под экипажа, ее крепко связали ремнями, засунули в рот кляп и, как мешок, бросили на носилки из ветвей, которые два человека понесли беглым шагом.

Она совершенно не представляла, куда ее несут. Обезумевшая от страха, глядела она на звезды, горевшие на небе, издавая по временам глухое рычание, заглушаемое кляпом во рту.

Среди молчания ночи она ясно расслышала звон колокола... Это был монастырь Санта-Фэ, где находилась главная квартира Монажийо.

Концепция на другой же день предстала перед судом, членами которого были сам Монажийо, Жозе из Кордовы и один бакалавр из Саламанки, занимавшийся медициной, - его брата недавно повесили французы.

Саламанкский бакалавр сам присутствовал при повешении своего брата и бесчисленное число раз рассказывал о последних его минутах. Это был человек жестокий и бесстрастный; он сражался просто по страсти к подобным приключениям, и ему было мало дела до Испании. Он дрался раньше за Англию, за еретиков на каком-то корабле, -он потому сражался за Монажийо, что эта война, состоявшая вся из нечаянных нападений и засад, была ему особенно по душе.

Вот из каких лиц состоял трибунал; было велено привести Концепцию. Она вела себя, как ведут в подобных случаях все кокотки. Она только и знала, что рыдала и ползала перед судьями на коленях.

- Гнусное животное, - закричал на нее Монажийо с поднятыми кулаками, -ты путалась с врагами веры, с слугами дьявола, будь готова теперь предстать перед престолом Всевышнего и искупить свои злодеяния под ударами плети... Молись, чтобы Господь простил тебя!

- Пощади! Пощади меня! Божия Матерь, спаси меня!.. Молодая женщина, выкрикивая эти слова, продолжала ползать на коленях, обнимая руками колени то одного, то другого судьи.

Два человека принесли в это время тяжелую скамейку и поставили ее посреди комнаты со сводами, напоминавшей готическую часовню.

- Разложите ее, как змею, совершенно голою на скамейке... Как самое презренное животное! - приказал Монажийо, подойдя одновременно сам к скамейке"

Концепция и не помышляла даже о сопротивлении. В миг ее раздели, разорвав в клочья платье и белье, в котором она больше не будет уже иметь нужды. И вот молодая женщина предстала обнаженная во всей своей дивной красе.

Грубо двое мужчин своими мозолистыми руками взяли ее за ноги и за руки и разложили на скамейке.

Ее должны были сечь до смерти, что она знала, и молила теперь Бога послать ей скорее смерть.

Один импровизированный палач взял плеть, которая была сплетена из трех кожаных полос; на концах ее были узлы с вплетенной в них проволокой. Он вытянул плетью несчастную, раздался нечеловеческий крик.

Затем посыпались следующие удары. Монажийо бесстрастно присутствовал при истязании...

Наконец она испустила дух...

Монажийо опустился на колени перед ее телом; потом встал, взял ее за голову и поцеловал.

Так погибла бедная Концепция Нунец, виновная в том только, что сильно подчинялась капризам своей молодой крови...

В общественном мнении цивилизованных народов сложилась легенда, верная или неверная, что наша страна является особенной поклонницей березовых розог.

Я видел гравюру одного известного французского художника, изображающую английский семейный очаг.

Отец и старшая сестра читают Библию, а мать готовится наказывать розгами прехорошенькую девочку лет десяти, которая плачет и рвется. Под рисунком такая подпись: "Маленькие английские девочки очень хорошенькие, но их очень часто секут розгами"!

Я, к сожалению, должен признать, что у нас еще в большом ходу наказание детей розгами.

Что же касается разных исповедей молодых девушек в возрасте восемнадцати лет и старше, наказываемых в наше время розгами, то это чистейшие басни, если не считать крайне редких исключений.

В старину в наших тюрьмах секли женщин. Этот способ наказания был распространен повсюду в Соединенном королевстве.

Виновных наказывали на массивной скамье, имевшей ремни для привязки. Женщине читался приговор, осуждавший ее на наказание розгами или плетью. По прочтении приговора она должна была лечь на скамейку животом. Ее привязывали к ней ремнями за руки и ноги. В таком положении она едва могла шевелиться и была в полной власти палача.

Затем поднимали платье и юбки до самой головы, обнажая спину, круп и ляжки.

Затем по знаку начальника тюрьмы начинали сечь. Раздавались нечеловеческие крики... Обыкновенно секли очень жестоко, после чего наказанную отводили в камеру, часто в бессознательном состоянии.

При Елизавете женщин нередко наказывали публично. Наказание производилось на тюремном дворе, "который в тюрьме Уат-Шапель в Лондоне был очень мал, чтобы вместить всех желающих присутствовать на подобном зрелище.

Вот как современный хроникер описывает одно из подобных наказаний: "Когда мы прибыли на тюремный двор, то уже на нем была большая толпа народу, которую с трудом сдерживало около двадцати городских.

Тут собрались все подонки Лондона. Женщины бесцеремонно толкали всех, протискиваясь, чтобы лучше видеть.

Это были большею частью публичные женщины, из которых многие уже были знакомы с розгами или плетью Чарльза (имя палача).

Весь этот народ кричал, жестикулировал, отпускал плоские шутки и переговаривался на особом жаргоне.

На грубые шутки отвечали площадной бранью. Несколько няnek и мастериц тоже затесались в эту толпу, чтобы посмотреть, что будет происходить. Следует заметить, что большая часть зрителей не могла ничего видеть...

Наконец толпа заколыхалась и двинулась вперед, но городские грубо ее осадили назад. "Вот она! Вот она!"

Наша карета застряла как раз против тюремных ворот. Толпа ее окружила, многие, несмотря на протесты кучера, взобрались на верх ее, на колеса... Сами мы уселись на козлы и могли видеть все превосходно.

Моя спутница - Елена-вся побледнела и прижалась ко мне.

Мы увидели, как маленькая дверь тюрьмы открылась, и на пороге ее появилась женщина, одетая в арестантский костюм - полосатую рубашку и красную шерстяную юбку. Насколько можно было различить издали, она была совсем молоденькая и очень недурна собой. Несчастная, еле живая, втянула голову в плечи и смотрела по сторонам безумными глазами... За нею шел судебный пристав, судья в парике, два или три офицера ирландского полка. Руки у нее были связаны сзади веревкой, конец которой держал палач. В это время два помощника устанавливали скамейку для наказания.

На эти приготовления потребовалось очень мало времени. Небольшой отряд солдат выстроился перед дверью. Помощники палача взяли девушку, которая стала кричать, грубо разложили ее на скамье и привязали к ней за ноги и руки. Палач поднял и завернул ей на голову красную юбку и стал сечь. Палач вертел свою плеть-девятихвостку, как ручку шарманки; девять хвостов хлопали по телу, тело краснело, пухло, местами струилась кровь...

Елена, вся красная, отвернулась в сторону - ей было стыдно смотреть на обнаженное тело женщины.

Наказываемая все время дико кричала, но палач спокойно продолжал ее пороть. Ей было дано тридцать ударов.

"За что же меня наказывают?.. Пощадите... Нешто возможно!.. Нешто возможно?!" - кричала наказываемая в промежутки между ударами плети. Под конец, впрочем, она только стонала и вскрикивала.

Когда ей был дан последний удар, то спина, ляжки и оба полушария крупа, еще недавно белые, как-то вздулись и были от крови сплошь красные, хотя, по словам

подошедшего ко мне начальника тюрьмы, ее наказывали не особенно строго - в "полплети", т. е. палач держал плетъ за середину, там, где ствол плети переходит в девятихвостку.

На дворе в толпе раздавались смешки.

Наконец наказанную отвязали, палач спустил ей юбку и дал ей что-то выпить. Бледная, как смерть, она стояла; крупные слезы катились у нее по щекам. Затем, опираясь на помощников палача, она скрылась в двери тюрьмы, которая за ней захлопнулась.

Я никогда в жизни не забуду этого наказания. Свист плети о тело заставлял болезненно вздрагивать у меня сердце. Мгновения между двумя ударами плети тянулись, как вечность. Пристав считал удары.

Елена дрожала, как осиновый лист, и повторяла: "Пойдем отсюда скорее!"

Городовые очистили тюремный двор от толпы и освободили нашу карету, дав нам возможность уехать".

Наказание, подобное описанному нами, считалось классическим, и церемониал его никогда не изменялся.

Народные картины, а в особенности карикатуры, довольно часто изображают сцены телесного наказания женщин.

Хогарт, а позднее Еоуландсон посвящают ему несколько страниц.

Последний особенно был большой любитель женских круп и сумел их изобразить в самых интересных положениях.

Кто не знает знаменитую "Лестницу" этого великого художника?

Забавная и пикантная сцена, где семь или восемь дам молодых и в летах падают и пересчитывают десяток ступенек, показывая всю прелесть своего солидного или миниатюрного крупа.

Впрочем, это было во вкусах той эпохи. Все современные карикатуры, по-видимому, только и стараются выставить прелести женских круп.

В материале не было недостатка: то очаровательная маркиза при выходе из кареты спотыкается и падает, показывая свой очаровательный круп королевскому принцу; то девочка-подросток отправляет в углу естественную потребность, а ее мамаша закрывает ее от любопытных взглядов прохожих.

С подобною же целью эксплуатировалось телесное наказание, которое потому и не могло ни у кого вызвать слез сожаления, что было слишком часто вышучиваемо. Каждому невольно рисовался образ женщины в положении маленькой девочки.

Между множеством подобных эстампов в жанре Роуландсона я обратил внимание на один из них, изображающий наказание Бетти.

Я вовсе не намерен сделаться историографом Бетти, но меня она заинтересовала тем, что ее часто секли розгами и плетью за различные проступки, как-то: пьянство, оскорбление городских и т. п.

Она была очень хорошо знакома с тюремной скамейкой. Она не придавала особенного значения порке и предпочитала подобным образом расплачиваться за свои проступки, чем отсиживать за них в тюрьме. Она объясняла даже, что твердостью своего крупа и его развитием она обязана главным образом тому, что ее слишком часто секут.

По обычаю она давала на чай палачу Чарльзу, чтобы он не слишком сильно давал ей первый удар розгами или плетью.

Обыкновенно этот первый удар наносился со страшной силой, последующие удары давались сравнительно мягче. В конце концов, это было выгоднее для наказываемой.

Карикатура изображает Бетти на скамейке, готовую совсем для наказания, она извивается, у скамьи стоит палач и держит над Бетти девятихвостку, готовясь дать ей удар.

Мы не станем продолжать исследований тюремной дисциплины, когда заключенных женщин секли розгами за малейшую провинность, из боязни утомить наших читателей описанием картин, до невозможности похожих одна на другую. Я хочу теперь еще раз сказать несколько слов о телесном наказании в английских школах. О нем было написано немало книг и пролиты ведра чернил. Я опять буду пользоваться неоспоримыми

документами, вроде судебных отчетов, полицейских дознаний и т. п. Передо мною отчет о деле доктора Гаррисона, имевшего большой пансион для девочек в окрестностях города Глазго. Пансион этот считался одним из самых аристократических; существовал с 1881 г.; полные пансионерки платили очень высокую годовую плату в размере от ста пятидесяти до двухсот фунтов стерлингов (1500-2000 р.).

В пансион принимались девочки в возрасте от девяти до пятнадцати лет. С самого основания в пансионе телесные наказания были в большом ходу. Прежний владелец, как обнаружилось на суде, применял их еще чаще. Доктор Гаррисон купил пансион в 1889г. и в 1902 г. был, по жалобе родителей, привлечен к суду за наказание их пятнадцатилетней дочери ста двадцатью ударами розог. Суд приговорил доктора к 15 фунтам стерлингов штрафа (150 р.).

Процесс этот, разбиравшийся в течение трех дней, лучше всего доказывает, что у нас телесные наказания даже взрослых девушек не шокируют никого. На суде читались письма замужних дам, получивших образование в этом пансионе; были заслушаны показания молодых дам, дававших свои показания без всякого стеснения и высказывавших свои убеждения открыто по интересующему нас вопросу. Замечу, что дело разбиралось почти все время при открытых дверях; их закрывали, когда заходила речь о пороках, существовавших между воспитанницами. Свидетельницы описывали сцены довольно подробно, и мне остается только пользоваться стенографическим отчетом.

Вот показание одной двенадцатилетней девочки (фамилии я не буду приводить): "Я сделала утром в диктанте двадцать две ошибки, а на замечание учительницы ответила довольно резко. По окончании урока моя классная дама сделала мне довольно грубо замечание, что я не смею так дерзко говорить с учительницей. Я не привыкла к такому обращению и сказала, что не ее дело вмешиваться... Классная дама сказала мне, что она меня усмирят, и ушла. В четыре часа, после урока рукоделия, меня позвали в кабинет помощницы директора. Меня привела в кабинет моя классная дама. Вместе со мной привели еще четырех воспитанниц, моих подруг, они для примера должны были присутствовать при моем наказании.

Директриса долго мне читала нотацию... Потом две классные дамы положили меня на скамейку силой. Одна из них долго возилась, пока развязала мне панталоны. Когда я почувствовала на теле свежий воздух, то у меня совсем замерло сердце от страха. Я ни чуточки не стыдилась, что лежала раздетая, а только ужасно боялась. Первый удар розгами мне причинил нестерпимую боль; я только что собралась закричать, как меня ударили второй раз, и я не могла произнести ни слова, а только кричала все время, пока меня секла моя классная дама. Мне дали тридцать розог. После этого директриса меня спросила, буду ли я говорить дерзости. Я отвечала, что никогда больше не буду. После этого меня сняли со скамейки, велели поправить костюм, и нас всех увели в классы..."

В наших рабочих домах, где исполняются каторжные работы, девятихвостка играет большую роль.

Как и мужчин, женщин очень часто наказывают плетью и в настоящее время. Теперь только палачом является женщина, которая, впрочем, с не меньшей жестокостью сечет виновных.

Еще на днях одна суфражистка, по словам газеты "Стандарт", совсем юная, была подвергнута унижительному наказанию в тюрьме, где она содержалась. Наша пресса заволновалась. Рассказывали все мельчайшие подробности наказания.

Но что уже совсем скандально, директора больших магазинов, как я убедился из одного полицейского дознания, тоже наказывают розгами своих служащих-женщин за некоторые проступки. Наказанная женщина пожаловалась полиции и хотела возбудить дело в суде за то, что ее высекли и потом все-таки уволили из магазина. Так как директор согласился ее взять обратно в магазин, то она взяла свою жалобу назад. Вот ее "показание: "Меня потребовали в кабинет директора. Он стал меня упрекать в том, что я таскаю из своего отделения духи, несколько флаконов которых нашли в моем мантио. Я чистосердечно

созналась в своей вине и просила меня простить.

Директор сухо предложил мне или потерять место и попасть под суд за воровство, или согласиться быть высеченной розгами. Я сказала, что прошу наказать меня розгами как ему угодно.

Тогда он нажал на пуговку электрического звонка; появилась женщина высокого роста, довольно полная, лет под сорок, на вид очень сильная. Посмотрев на нее, я подумала, что если она меня будет наказывать, то мне предстоит перенести тяжелое испытание. Она была старшей приказчицей в бельевом отделении. Осмотрев меня холодным взглядом с ног до головы, она велела мне идти за нею. Вся дрожащая, я пошла за нею, ноги у меня почти подкашивались.

Она привела меня в комнату, где хранятся остатки от кусков шелковых материй. Подняв меня, она положила меня на стол так, что низ моего живота касался края стола. Перед тем как класть меня на стол, она подняла мне платье и юбки, так что я касалась стола панталонами. В таком положении мне было велено лежать, пока она меня привяжет. Я маленькая, худенькая и совсем слабосильная, почему решила делать все, что мне прикажут, и покорно вынести наказание. Ведь я в действительности была виновата. Ремнем она меня крепко притянула за талию к столу. Потом развязала мне панталоны, спустила их, затем привязала каждую мою ногу к ножке стола, привязав к каждой кисти моей руки толстый и длинный шнурок, она вытянула мне руки вдоль стола и привязала каждую руку к противоположной ножке стола, после этого она подложила мне под лицо подушку, а шею притянула тонким ремешком к подушке. Теперь я попробовала пошевелиться и повернуть голову, но я почти не могла сделать даже маленького движения, так крепко я была привязана. После этого она подняла мне рубашку и, завернув ее мне на голову, приколола к моим юбкам.

"Вы, голубушка, можете кричать во всю глотку, вам будет легче, здесь никого нет кроме меня и девочки, что принесет розги. Вы украли больше чем на 25 ф. ст. духов. Директор велел дать вам двести розог."

Я стала плакать и просить, чтобы сбавили число розог, что я ukrала не на такую большую сумму. Женщина ответила мне, что она не смеет сбавлять.

В это время я увидела, как отворилась дверь и вошла девочка, неся в руках охапку березовых прутьев.

- Отчего же ты не связала, как я тебе велела, четыре пучка? - сказала женщина девочке. Та ответила, что она не знала, по сколько прутьев нужно в пучок. - Ну ничего, я сама лучше свяжу, чтобы хорошенько пробрать эту воровку, а ты, милая, сбегай и принеси на всякий случай воды.

Я продолжала все время плакать. Вскоре девочка вернулась с водой. Пучки были тоже готовы, так как я услышала, как женщина пробовала их, свистя ими в воздухе, от чего меня бросало и в жар, и в холод. Я чувствовала, что меня сейчас начнут наказывать...

"Тебя раньше никогда не секли розгами?" - спросила женщина меня, стоя с розгами и готовясь начать сечь. Я ответила, что меня никогда раньше не секли.

Тут она меня вытянула розгами, я вскрикнула от боли и рванулась, но увидела, что мне не вырваться, и оставалось только кричать...

Боль была нестерпимая, я задыхалась, кусала подушку, и после каждого удара мне казалось, что следующего не переживу.

Я подумала, что не вынесу живая всех двухсот розог. Но ничего, вынесла, только с трудом встала со стола, когда меня отвязали. Все мое тело ломило, а спина и особенно круп и ляжки были в полосах, из которых некоторые были фиолетовые, все тело было в крови. Выпив стакан воды, я поправила свой туалет, и старшая приказчица повела меня к директору, который сказал, что в другой раз он вряд ли уж согласится наказывать розгами, а прогонит и заявит полиции.

Директор разрешил дать мне выпить рюмку виски и велел идти в свое отделение. Я рискнула попросить освободить меня, но он отказал.

Я просто умирала от стыда, когда пришла в свое отделение, но покупателей была такая масса, что никто не обратил на меня внимания. Только старшая спросила, где я пропадала так долго. Я ей сказала, что меня директор задержал. Она слегка улыбнулась и велела мне отпускать товар покупателям.

Наказана я была очень серьезно. В течение целых восьми дней я не могла без боли садиться и, конечно, до самой смерти я не забуду тех ужасных минут, когда меня секли розгами. Теперь уже я ни за какие деньги не решилась бы украсть даже на один шиллинг..."

По-видимому, у нас вошло в обычай наказывать розгами kleptomанок; многие дамы были подвергнуты подобному наказанию. Между ними есть немало даже аристократок.

Во всяком случае, я нахожу довольно странным присвоенное себе директорами наших больших караван-сараяв право.

У меня собрано немало неопровержимых документов, из которых видно, что женщин подвергали телесным наказаниям в Египте, в Индии и в особенности в Трансваале во время англо-бурской войны.

В Индии розги употреблялись французами как дисциплинарное наказание, а после завоевания Индии нами, они перешли в руки наших солдат. После известного восстания сипаев кровь лилась ручьем с невероятной жестокостью.

Солдаты возмущившихся полков привязывались к дулам пушек и расстреливались картечью.

Женщин же беспощадно наказывали розгами.

Девизом было: "Око за око, зуб за зуб".

В самом деле, множество англичанок, следовавших за своими мужьями в Индию, было перебито, изнасиловано, подвергнуто страшным истязаниям и наказано розгами или плетью туземцами.

В Лагоре одна банда афганских горцев напала на дом королевского комиссара, которого жена не хотела бросить одного в опасности.

Это была молодая женщина, славившаяся своей красотой, изяществом и храбростью. Во время холерной эпидемии она ухаживала за больными туземцами, вызвав удивление и восторг у всех мужчин.

Молодая женщина, увидав входящих на их двор бандитов, выстрелила из ружья, чтобы вызвать присылку подкрепления.

Ее сопротивление было непродолжительно; через несколько минут она была связана туземцами.

Своими острыми ножами они разрезали ей пантолоны и по обнаженному крупу жестоко высекли ее шомполами. Несчастная вскоре впала в обморок. Ей не суждено было очнуться: подвергнув ее гнусному насилию, они отрубили ей голову, которую бросили в колодезь.

Впоследствии крупы индийских женщин поплатились жестоко за то, что туземцы отнеслись с неуважением к крупам англичанок.

Кавалерийский патруль прибыл в один сельский дом, хозяева которого были заподозрены в участии в мятеже.

Мужчины были схвачены и немедленно расстреляны, - трупы их усеяли двор. С женщинами было поступлено иначе: жена, дочь и две женщины-служанки были раздеты донага и привязаны к стволам деревьев. Около каждой стал солдат с ремнем в руках и по знаку офицера, начальника патруля, несчастных стали пороть. Каждую секли до тех пор, пока она не потеряет сознание. После этого ее отвязывали и оставляли валяться на земле. Когда все были наказаны, то отряд сел на лошадей и отправился в другое место наказывать виновных.

Это был бы сизифов труд, если бы я захотел перечислить все случаи наказания женщин розгами или плетью в наших колониях.

Но подобное происходит и у других народов. Последние известия из Конго сообщают нам, что бельгийцы не жалели ни розог, ни плетей для мужчин и женщин этой страны.

Было немало случаев во время англо-бурской войны в Трансваале, когда женщины подвергались жестокому телесному наказанию.

На этих фактах я намерен остановиться несколько дольше, потому что жертвы были барышни и дамы европейки, дочери или жены буров, сражавшихся против англичан.

Между множеством подобных эпизодов вот, например, один, происшедший после битвы под Блумфонтеном.

Бой был горячий, неуловимый Девет угрожал правому крылу английской армии, бивачные огни которой были видны у подножия холма.

Лейтенант В. ланкаширского полка покуривал свою трубку, стоя у входа в палатку и любуясь цепью гор.

Около его палатки стоял полковой фургон, нагруженный пудингами, на которые соблазнительно поглядывали валявшиеся на земле солдаты.

В. зевнул и собрался уйти к себе в палатку, когда к нему подъехал полным карьером драгун. Лошадь была вся в мыле и тяжело дышала. Драгун протянул офицеру пакет: "От господина полковника", - сказал он.

В. торопливо разорвал конверт и прочел бумагу.

- Проклятая судьба, ни одной минуты покоя в этой дьявольской стране... ну, что делать!

С философским спокойствием положив бумагу в карман, он вошел в палатку, чтобы взять револьвер и шашку.

Затем он вышел, бормоча всевозможные ругательства на разных языках, велел позвать к себе сержанта К., капралов и два отделения солдат. Всем было приказано приготовиться выступить в поход.

Полковник приказал ему продвинуться вперед и занять ферму, которая виднелась в нескольких милях впереди.

По свистку офицера, солдаты построились в колонну и тронулись по обеим сторонам дороги.

В. и сержант К. шли посередине дороги; лейтенант по временам останавливался и смотрел вдаль в бинокль.

Ферма совсем ясно вырисовывалась среди бесконечной равнины.

- Если только их там двадцать человек, то они нас перестреляют, как рябчиков, - сказал В., - а я-то собирался сегодня выиграть приз в лаун-теннис!

Он подумал несколько секунд о своем провалившемся чемпионате, что еще более усилило его дурное настроение.

- В цепь, на пятнадцать шагов! К., нет вы, Ж., возьмите четырех человек и сделайте рекогносцировку фермы.

Солдаты рассыпались по равнине и застыли с ружьями наготове. Ж. со своими четырьмя людьми вышел вперед; все держали пальцы на курках ружей и продвигались по направлению к ферме.

Вопреки всяким предположениям, по ним не стреляли с фермы; капрал проник на двор и, махая ружьем, давал знать, что ферма никем не занята.

В. собрал оба отделения и беглым шагом двинулся к ферме. Когда все они, запыхавшись от скорого бега, вошли на двор, который был занят Ж. и его солдатами, Ж. доложил офицеру:

- Господин лейтенант! Я не решился войти в самый дом. Я ждал подкрепления... Я думаю, что там никого нет, иначе в нас стреляли бы!

В. с волочащейся по земле шашкой подошел к двери дома и сильно ударил в нее рукояткой револьвера. Ему никто не отвечал.

- Выломать ее!

Трое солдат бросились с топорами и стали выламывать дверь, которая вскоре поддалась, и офицер во главе своих солдат вошел в дом.

В первом зале не было никого, во второй комнате тоже никого; на кухне сидели две женщины, одна лет двадцати пяти, а другая - молодая девушка не более шестнадцати лет.

Величественно, без малейшего страха, они смирили англичан с ног до головы гордым и презрительным взглядом.

В. поклонился и посмотрел благосклонно на них, так как обе были очень хорошенькие.

Блондинки, высокого роста, с лицами честными и повелительными, они, казалось, были сестрами.

- Вы, конечно, владельцы этой фермы? - спросил В.

Молодые женщины не отвечали ни слова.

- Вы слышите, я вас спрашиваю, - ваша ли это ферма? - уже более громко произнес офицер, не скрывая своего нетерпения.

Молодые женщины по-прежнему продолжали смотреть на него в упор, но не отвечали на его вопрос.

В. увидел в углу ружейный патрон, винтовку Маузера и мужскую шляпу.

- Ну, а это тоже ваше?

- Да черт вас возьми, проклятые бабы, будете ли вы мне отвечать? Вы немые, что ли? Я вижу, вы смеетесь надо мною, но я вас предупреждаю, что я долго этого не потерплю... Если вы сию же минуту не ответите мне, где хозяин этого оружия, то я клянусь честным словом ланкаширского стрелка, что найду средство развязать вам язык и заставить говорить. Слышите ли вы?

Молодая девушка прижалась к более взрослой; эта последняя покачала головой, на ее хорошеньком лице не было заметно ни малейшего волнения.

- Отлично! - сказал В. и, повернувшись к Ж., приказал ему нарезать свежих березовых прутьев и навязать из них несколько пучков розог.

Когда молодая девушка услышала приказ офицера, то она вскочила и, посмотрев испуганными глазами на офицера, произнесла: "О! Нет!".

Тогда другая, которая была постарше, повернулась к молоденькой и сказала:

- "Милая Аня, умоляю тебя, молчи, что бы с нами ни делали!"

Аня замолкла, но у нее выступили слезы на ресницах.

- Итак, вы желаете надо мною издеваться," - заорал в бешенстве В., ну, я вас заставлю говорить... Я прикажу своим солдатам пороть вас розгами по голому телу, как маленьких девочек... Мы еще посмотрим, кто последним будет смеяться! Ж., завяжите им руки назад, на спину, и выведите их на двор, а солдатам велеть построиться с ружьями у ноги, в две шеренги... Расставьте часовых вокруг фермы".

Приказание было быстро исполнено.

На дворе Ж. навязал несколько пучков розог и с ними ждал.

Обе молодые женщины, белые платья которых особенно резко выделялись среди форменной одежды яркого цвета, дрожали от страха, в особенности более молодая, она, казалось, готова была упасть в обморок на руки поддерживавших ее солдат.

- Еще раз, - спросил В., - хотите ли вы отвечать на мои вопросы? Нет? Тогда вы, Эдуард, и вы, Стефан, поднимите этой большой юбки, спустите ей панталоны и держите ее за ноги и за руки, чтобы Ж. мог ее пороть розгами, пока я не велю перестать!..

В один миг приказание было исполнено; молодая женщина сопротивлялась и билась, словно ласточка, в руках раздевавших ее солдат.

Вскоре солдаты, разорвав ей панталоны, растянули ее на земле, один сел ей на спину и шею, а другой на ноги... Ж. поднял ей сорочку и обнажил ее нежное тело.

- Порите ее!

Ж. свистнул розгами по воздуху. Свист был резкий, отчаянный, по словам солдата, присутствовавшего при экзекуции в числе других солдат, стоявших в строю.

Свист - и на вздрагнувшем теле легла красная полоса.

- Два... Три... Четыре... Пять... Шесть... - считал Ж.

Через каждые пять ударов солдат переходил на другую сторону тела.

Вопли наказываемой женщины нарушали гробовую тишину на дворе.

Анна, которую за веревку держал солдат, смотрела с расширенными зрачками на

истязание...

Когда крики становились отчаяннее, Анна начинала умолять перестать сечь:

- Довольно, пощадите ее, довольно!

- Тогда говорите! - приказал В.

- Не говори ни слова, Анна! - простонала наказываемая.

Уже во многих местах на теле появились капли крови, но розги продолжали полосовать несчастную, отыскивая все новые места и вырывая у жертвы отчаянные крики.

Наконец офицер велел сержанту перестать ее сечь.

- Довольно для нее пока... Мы ее скоро снова начнем пороть. Но теперь очередь за другой, нужно ее немного пробрать!

В одну минуту Анна была раздета и положена так же, как старшая.

Ее била дрожь, и на лице ее выражался стыд, который исчез после первого же удара розгами, заставившего ее подпрыгнуть, насколько позволяли сидевшие солдаты.

Ее крики теперь смешались с тихими сравнительно стоном валявшейся на земле ранее наказанной женщины, монотонно произносившей: "аа!.. аа!.. аа!.." Эти крики, по словам все того же вольноопределяющегося, присутствовавшего при наказании, раздирали душу.

- Простите! Ой, не буду! Простите! - кричала Анна, видимо, задыхаясь от боли, и вскоре, не будучи в состоянии произносить слов, только выкрикивала односложные вопли.

- Тогда говорите! - упрямо повторял В.

И розги продолжали свистеть в воздухе.

Вдруг раздалось четыре выстрела, потом три и наконец целый залп...

В. вынул свой револьвер. Солдаты бросились со двора, с ружьями наперевес.

Это был небольшой отряд буров, который, как всегда, нагрянул совсем неожиданно.

В. увидал, что все погибло. Теперь он думал о том только, как бы погибнуть с честью. Когда он собирал своих людей, чтобы с ними забаррикадировать ферму, он прошел мимо обеих женщин, которых он только что приказал так жестоко высечь.

Старшая, как только услышала выстрелы, забыв свою боль, вскочила на ноги и с дикой радостью закричала:

- Это он, хозяин оружия, это - Коб, Коб, мой муж, он пришел с вами расправиться... Ты видишь, я говорю теперь... палач... палач... это Коб, мой дорогой муж!

Но В. не обращал внимания на ее слова, весь занятый тем, чтобы возможно дороже продать свою жизнь и погибнуть с честью во славу королевы.

Он был убит, с ним погибло около двух третей солдат из его отряда. Солдаты, державшие женщин во время наказания, а также сержант Ж., наказывавший их розгами, были взяты живыми и расстреляны.

Остальные взятые в плен солдаты, по обычаю буров, были отпущены на свободу после того, как у них отобрали оружие.

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ, СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И ГОЛЛАНДИИ

Негры Северо-Американских Соединенных Штатов имеют плохую репутацию. В негре соединилось смешное с грустным, это - особа комичная и напыщенная, говорящая на странном английском языке и поющая неблагозвучные песни. Конечно, есть исключения.

В громадном большинстве негр-разбойник, грабитель, вор и лентяй.

Невозможно перечислить все случаи суда Линча над неграми, справедливо или несправедливо применяемого населением. Их расстреливают, вешают, жгут живьем даже в тюрьмах, где они содержатся в заключении. Во время знаменитой войны Севера с Югом происходили чудовищные репрессалии над черными. Они отражались и на белых, которые осмеливались выступать защитниками того или другого негра. Участь мужчин была куда лучше судьбы женщин. Первых расстреливали, тогда как белых женщин подвергали всевозможным унижениям: их секли розгами, плетью и т. п.

Число дам, наказанных телесно за свое человеколюбие, так велико, что мы не можем назвать всех и принуждены воздать им общую хвалу за их великодушие. Это были большою

частью квакерши или женщины, принадлежавшие к одной из религиозных сект.

Удивительная страна, законы и обычаи которой в отношении целомудрия мало кому известны!

В тех местах, где господствуют мормоны, нравственность превращается в унижительное рабство: штраф за курение, штраф за употребление спиртных напитков... Поцелуй в губы считается антигигиеничным и потому запрещенным в интересах общественного здоровья... На Венеру надевают панталоны. Женщины умышленно одеваются безобразно, чтобы не возбуждать мужчин. Мужчины чрезвычайно религиозны, а между тем на городских площадях наказывают розгами обнаженных девушек.

Кстати, по поводу штрафов замечу, что особенным обилием их отличается Бавария. На курорте Киссинген, например, назначен штраф в триста марок (около 144 р.) за поцелуй в лесу, парке и т. п. За выражение в тех же местах полного любовного восторга - изгнание из курорта.

В американских газетах всего каких-нибудь два или три года тому назад был рассказан случай, как восемнадцатилетняя девушка, влюбленная в молодого человека, была выслежена одной старухой, добывшей несомненные доказательства того, что молодые люди поцеловались в губы.

На другой день молодую девушку схватили, привели на деревенскую площадь и в присутствии семи или восьми "целомудренных" мужчин раздели донага, оставив ее в одних только чулках.

Привязав ее к лестнице, прислоненной к стене, они наказали ее плетью.

Мораль была отмщена только после двадцатого удара, когда на теле стали выступать капли крови.

Один журнал поместил даже рисунок этого наказания.

Подобные случаи, впрочем, нередки в наше время и в других странах. Так, французская газета "Journal" в номере от 14 февраля 1909 г. под заголовком "Галантная фермерша, наказанная розгами" рассказывает, что в одной деревне в окрестностях Гренобля двадцатидвухлетняя женщина была приведена семьей ее любовника на деревенскую площадь, где ее за измену раздели и дали сто розог, так что ее пришлось отнести на руках на ее ферму.

Она пролежала после порки три дня, прежде чем могла встать и садиться.

Таким образом, нет надобности переплывать океан...

В августе того же года, по словам той же газеты, в Монпелье разбиралось в исправительном суде дело одной содержательницы пансиона, обвинявшейся в истязании тринадцатилетней ученицы. По словам девочек-свидетельниц, их очень часто секли розгами за провинности, но никогда не наказывали в присутствии других учениц. Вот как, обыкновенно, производилось наказание.

Виновную приводили в один из пустых классов или в дортуар. Там стояла скамейка, начальница пансиона приказывала ученице лечь, а классная дама привязывала ее. Если наказывали в дортуаре, то часто привязывали на одной из кроватей. Иногда, особенно маленьких девочек, начальница секла, положив к себе на колени или зажав девочку между ногами.

Когда девочка была привязана, то классная дама развязывала ей панталоны и обнажала тело. Наказывали чаще всего розгами или резиновыми ремнями.

Наказание последними было особенно мучительно. В редких случаях секли крапивой, что было еще больнее.

Подобные же наказания, по словам американских газет, практикуются, впрочем, в большинстве американских колледжей, из которых многие смешанные.

В последних девочки приобретают мальчишеские манеры, что имеет свою прелесть.

Американские газеты, сообщая факты наказания розгами учеников или учениц, а также печатая отчеты о судебных процессах по поводу подобных наказаний, отнюдь не возмущаются их нескромностью, в том числе и для девочек.

Впрочем, в стране, где, по правде сказать, неизвестно, чем должен кончиться каждый флирт, - это не особенно удивляет меня.

К тому же молодые американские девушки, не исключая даже молоденьких миллиардерш, пользуются чрезвычайной свободой.

Рассказывают следующий анекдот про одну из таких мисс миллиардерш.

Лулу, как звали ее подруги, во время прогулки в парке с несколькими молодыми людьми вдруг видит перед собой ручеек глубиной около метра.

Девушка предлагает держать с ней пари, что она перейдет ручей, не замочивши даже кружевных оборок своих панталон.

Пари было принято.

Лулу без малейшего колебания подняла обеими руками свое платье и юбки и действительно перешла ручей, не замочивши оборок панталон.

Газета, сообщающая этот анекдот, добавляет, что ей неизвестна сумма пари, справедливо замечая, что проигравшие не даром потеряли свои деньги.

Пока я не стану больше распространяться о телесных наказаниях женщин в Америке и вернусь в Европу - в город Амстердам.

Зеленая Голландия, так сильно разрекламированная благодаря современным эстампам, где некоторые деревни в своем цивилизаторском развитии как бы нарочно остановились, чтобы дать возможность жителям юга посетить, видеть и сравнить, верно ли описывается все это в Бедекере.

В окрестностях Мидльбурга я видел тех же старинных толстых голландок, только XX век сделал черты их лица немного более тонкими, а формы менее грубыми.

Как в старину, на горизонте вы увидите массу ветряных мельниц, останавливающих свои колеса на ночь.

Маленькие, некогда укрепленные города, где в кабачках местные тузы мирно попивают пиво или ликер.

На кухне здоровенная, краснощекая мамаша порет розгами девочку лет двенадцати, жирный крупик которой сжимается и разжимается под ударами розог, которые секут больно... Но что курьезно: мамаша, увидав мой любопытный взор, только на секунду приостановила порку, а затем продолжала сечь ребенка, не обращая на меня никакого внимания.

Моя мысль переносится в глубь отдаленных времен, и по возвращении в чистенький и уютный номер гостиницы я сажусь с удовольствием за чтение истории этого народа.

Маленькие голландочки, кругленькие, полненькие, похожие на куколок, знакомы ли они были с розгами и плетью? Я перелистываю историю.

Голландцы были пуритане и к тем, кто по слабости совершил какой-нибудь проступок или преступление, были неумолимо строги. Нетрудно догадаться, что они часто обращались к помощи розог или плетей. Голландская юрисдикция щедро пользовалась ими.

В общем, относительно Голландии можно было бы сказать то же самое, что и относительно нашей страны, Франции и многих других. Однако некоторые факты могут все-таки внести некоторое разнообразие в интересующий нас вопрос, роковым образом осужденный на утомительные для чтения повторения.

В голландских тюрьмах употреблялись каторжные работы и плети для наказания преступников обоего пола.

Пьяниц, учинивших на улице скандал, опускали в колодезь, который они должны были все время выкачивать под угрозой быть затопленными... Когда они теряли сознание от тяжелой работы, им давали для подкрепления миску хорошего бульона, а потом раздевали, растягивали на скамье и жестоко пороли розгами.

Это было превосходное средство.

По словам почтенного историка Ван дер Флита, подобное лечение применялось довольно часто и к дамам; это доказывает, что умеренное потребление спиртных напитков составляет в Голландии один из семи смертных грехов прекрасного пола.

Секла наказываемую женщина, а также держали ее женщины, - ради целомудрия мужчинам было запрещено сечь по обнаженным женским крупам.

Обыкновенно наказание производилось в особую для того назначенную залу тюрьмы.

За более важные преступления, требовавшие публичного наказания, виновных секли розгами или плетью на дворе городской ратуши.

В таком случае женщины перед наказанием надевали на себя панталоны, которые ограждали их целомудрие, но не спасали их тело от боли и ран, причиняемых розгами или плетью.

Размер розог был вполне точно определен законом. Плеть была похожа на английскую девятихвостку, но только имела три хвоста.

Историк заимствует описание наказания у современника, монаха Рисброека, рассказавшего подробно о коллективном телесном наказании, очевидцем которого он был сам.

Сцена происходила на дворе ратуши, добрые фламандцы, веселые, многие из мужчин слегка подвыпившие, толпились перед широкими воротами.

На дворе ратуши, пишет монах, посредине стояла скамья с ремнями, и около нее лежала груда пучков розог из длинных, довольно толстых и свежих березовых прутьев.

После продолжительного барабанного боя под конвоем солдат привели на двор около дюжины фламандок, довольно молодых, здоровенных и в большинстве толстых. Из прочтенного судебным приставом приговора было видно, что все они провинились в том, что вымазали человеческим калом ворота непопулярного городского головы. За это они были присуждены к наказанию каждая тридцатью ударами розог. Согласно приговору, наказание должно было быть публичным.

Наказывали по очереди, начиная с младшей по возрасту.

Она была живо растянута на скамье и крепко к ней привязана ремнями.

Когда ей подняли юбку, то на ней оказались надетыми в обтяжку панталоны. Нельзя сказать, чтобы она с терпением вынесла тридцать ударов, все время она неистово орала; по словам монаха, очевидца, ее крики напоминали ему крик поросят, которых везут продавать на базар.

После этой наказанной, которой не могло быть больше пятнадцати лет, следующая преступница имела около двадцати лет. Перед тем, как лечь на скамью, она должна была также надеть панталоны, которые (все в кровавых пятнах) поспешила сбросить ранее высеченная.

Последней наказывали сорокалетнюю женщину, у которой панталоны, ставшие уже совсем красными, лопнули, так как она была очень полная особа. Тем не менее ей дали все тридцать розог по обнаженному отчасти телу. Ее крики смешались с криками, плачем и причитаниями ранее наказанных, и получился редкий по какофонии концерт.

Я закончу сообщение о флагелляции в Голландии рассказом о флагелляции из-за мести. Как раз во время моего пребывания в Амстердаме в окружном суде города Брюгса разбиралось дело некоего Ван Мелена и др., обвиняемых г-жой Ван Удем в наказании ее розгами. Я заимствую из отчета об этом деле, разбиравшемся два дня, напечатанного в лучшей газете "Амстердамский Вестник" - со слов специального ее корреспондента - под заголовком "Домик на набережной".

Добавлю только, что по части флагелляции город Брюгс имеет свое историческое прошлое. В нем в 1619 году жил знаменитый монах Ван Друбенс, имевший обыкновение всех своих духовных дочерей раздевать в исповедальной и наказывать розгами за грехи.

"Это был очень миленький домик на "Набережной Испанцев", в чисто фламандском стиле. Изображение прелестного домика отражалось в спокойных водах канала.

Тюлевые шторы позволяли видеть на окнах первого этажа дорогие китайские вазы.

Этот на вид скромный домик, впрочем, ничем, по наружности, не отличался от целого ряда других таких же домов этого аристократического квартала.

Однако, пишет корреспондент, заставив разговариваться владельца табачного магазина

на улице Драгоценных камней, я заметил сразу, что "домик на набережной", как его почему-то здесь величали, был предметом неодобрения у брюгских жителей.

Причиной, понятно, был не самый дом, архитектура которого не представляла ничего скандального, но обитательница дома, г-жа вдова Ван Удем. Госпожа Ван Удем, имевшая около тридцати лет, была замечательной красавицей.

Довольно высокого роста, стройная, как совсем юная девушка, светлая шатенка с большими синими глазами, она была удивительно обаятельна, особенно благодаря своей очаровательной, напоминавшей немного кошачью, походке и своему чувствительному роту, губки которого кончик розового язычка поддерживал постоянно влажными.

Такова она была на суде, когда спокойно и непринужденно давала показание как потерпевшая. Такою она была, по словам лиц, знавших ее, и в обыденной жизни.

Превосходная музыкантша, литературно образованная, недурная артистка, обладавшая всеми недостатками и пороками, она, по справедливости, считалась не особенно неприступной, и изобилие ее любовных приключений могло бы дать материал на том более чем в пятьсот страниц "убористой печати"!.. Она много путешествовала и познакомилась с любовью в различных странах, со всеми отличиями, свойственными этому чувству, в зависимости от климата и нравов тех стран, которые она посещала.

Защитникам подсудимых удалось установить свидетельскими показаниями, что госпожа Ван Удем была от природы чрезвычайно безнравственна, а частое посещение артистов еще более усилило ее безнравственность; у ней влюбчивый темперамент соединился с удивительным любопытством.

Так, по словам одной свидетельницы, ее бывшей компаньонки, в Египте, когда она поднималась вверх по Нилу, Ван Удем вступила в связь с одним туземцем, одетым в белое, с неизбежной красной феской на голове, - во время остановки парохода всего на каких-нибудь два часа.

В Палермо, бродя по старинным улицам города, она остановилась и заинтересовалась рисунками на воротах. Рассматривая их, она познакомилась с одним кавалерийским унтер-офицером. Она пригласила его в ресторан, в отдельный кабинет, причем оплатила сама все расходы...

В Тулоне она вступила в связь тоже с одним кавалерийским унтер-офицером. В Константинополе она была в связи с... Но самая продолжительная связь у нее была с нашим карикатуристом, помещавшим рисунки под псевдонимом Бобби Шарп. Ван Удем познакомилась с ним в Трувиле. Он завоевал ее сердце гораздо быстрее и легче, чем мы Трансвааль. Этот господин имел талант или даже, вернее, много талантов. Маленький, плутоватый, тихий, особенно опасный потому, что, с видом совсем скромной девушки, он обладал невероятным нахальством.

Ван Удем исколесила с ним всю Италию. Они наслаждались любовью в Венеции, даже в развалинах Помпеи, недалеко от дома Саллюстия, за очень хороший "пурбуар"...

Вернувшись с нею в Брюгс, карикатурист вскоре ее бросил, - она ему, как откровенно он заявил на суде, "больно надоела своею любовною требовательностью", и он боялся из-за слишком сильного злоупотребления любовными удовольствиями ускорить свой конец.

В Брюгсе все ее похождения, как это всегда бывает в маленьких городах, были всем отлично известны. На нее почти показывали пальцами, когда она ежедневно прогуливалась на вокзал и обратно домой.

Нужно родиться и жить в Брюгсе, чтобы вполне составить представление о том, до чего мелочно нравственны жители этого города.

Городок представляет собой как бы символ всей Голландии, и чтобы познакомиться с сохранившейся там чистотой нравов, нужно приехать в день процессии Святого Санга,

Из всех окрестных приходов стекаются пилигримы, держась за руки друг с другом, молодые люди, застенчивые, неуклюжие, девушки - молодые, толстые, краснощекие; старики и старухи с лицами, загорелыми от полевых работ, с умилением смотрят на молодое поколение, которое строится вокруг своих знамен.

Раздаются звуки фанфар! Военный оркестр становится во главе процессии. Национальная гвардия выстраивается по обеим сторонам пути, по которому пойдет процессия. Молодые девушки города идут с пальмовыми ветвями в руках, ветвями они машут на статую Иисуса Христа, несущего крест.

Дух искреннего католицизма овладевает всеми присутствующими, головы которых почтительно обнажаются. Музыка наигрывает старинные мотивы, громадные древние трубы тоже издают звуки, переносящие нас в былые времена...

Толпа не входит в собор, а сосредоточивается на площади, где музыка синематографов, крики и хохот сливаются и покрывают звуки органа из собора...

Вот теперь вторая часть программы.

Пилигримы, жадные до развлечений, устремляются в лавочки, где набрасываются на пирожки, бутерброды, пиво и разные сласти.

Это фламандский праздник во всей своей прелести. Крестьяне веселятся без удержу.

Девушек опрокидывают в ямы. Они без всякой церемонии, на глазах тысячной толпы, с чисто крестьянским отсутствием всякого стыда, удовлетворяют свою нужду около писуаров для мужчин, не стараясь отыскать для этого укромный уголок...

Этот город, при своей поразительной стыдливости, несколько, по-видимому, таким зрелищем не шокирован. Я собственными глазами видел, как во главе возвращавшегося в казарму пехотного полка шло восемь выстроившихся в ряд молодых девушек, понятно, не из числа добродетельных; они с безумным весельем плясали и все могли видеть, что они были без панталон, а это не были дети; одна из них, которая особенно задирала ноги вверх, показывая все свои прелести, имела на вид шестнадцать лет.

Если общественное целомудрие несколько не было оскорблено этими скандальными уличными сценами, зато оно не могло простить г-же Ван Удем ее интриг, скрашивавших немного ее жизнь.

Так как она не отличалась показной религиозностью и ее никогда не видали в церкви на скамьях верующих, где обыкновенно городские дамы болтают между собою, то она вскоре стала предметом всеобщего презрения для целомудренных дам из буржуазии.

Как раз в это время произошли события, благодаря которым и возник процесс, так взволновавший общественное мнение всей Голландии.

Красавица жила летом не в городском доме, а в своей вилле на берегу моря, в окрестностях города, среди дюн.

Дачу эту она назвала "Золотой Рог" - в память своего пребывания в Константинополе, а ее наиболее частые гости, большею частью голодающие артисты, прозвали "Рогом изобилия". Рядом стояла еще одна вилла и две гостиницы. Эти четыре здания вполне обезобразили прелестный берег моря, с маленькой деревушкой из нескольких всего домиков, сгруппировавшихся вокруг мельницы.

Красавица-вдова жила четыре летних месяца на этой вилле среди своих воспоминаний, своих друзей и целой коллекции эротических книг.

У нее было превосходное издание Аретино, действительно великолепное, и несколько офортов Ропса, из наиболее удавшихся.

Мадам Ван Удем была очень либерального образа мыслей и любила говорить с большим искусством и тонким изяществом по поводу сочинений, написанных на довольно скабрзные темы.

Во время одной из многочисленных своих прогулок в дюнах, она познакомилась с Р. Д., парижским журналистом, путешествовавшим по Голландии.

Р. Д. был очень красив, худой, изящный, его белокурые усы покорили сердце нежной вдовы, и ее золотая книга любви украсилась новой подписью.

Осуществилась ее заветная мечта! Молодой человек был красавец; она его полюбила, но имела неосторожность слишком открыто афишировать себя с ним.

Случилось, как говорится в старинных рассказах, что молодые люди, отправившись срывать цветы любви в дюны, были застигнуты несколькими игроками в гольф в таком

критическом положении, что не могло быть ни малейшего сомнения в интимности их отношений.

Когда в этот вечер молодая вдова вернулась к себе домой, то под мышкой у нее был корсет, завернутый в газету.

Слух о скандальном происшествии пошел гулять по деревушке, проник в гостиницы, дошел до обитателей частных вилл. Об этом болтали вполголоса у парикмахера, в кафе; один богатый маляр в довольно грубых и сильных выражениях выразил негодование, которое вызвало недостойное поведение г-жи Ван Удем чреда крестьян и разных сумасбродов, проживавших на дачах.

В течение целых трех недель дело находилось в таком положении, под пеплом был скрыт огонь; одни только поставщики вдовы продолжали ей кланяться, хотя за глаза сильнее других высказывали свое возмущение.

Р. Д. должен был уехать в Париж; разлука была самая трогательная, г-жа Ван Удем отвезла его на вокзал, откуда остендский поезд умчал его далеко от сердца милой подруги.

В то время, как она в самом меланхоличном настроении возвращалась с вокзала домой, ей попался навстречу Ван Мелен, подрядчик, - тот самый, который десять лет тому назад выстроил ей виллу.

Он ей посмотрел в упор в глаза, но не поклонился. С ней это случилось в первый раз, и она была сильно удивлена, но не стала особенно долго размышлять о причине подобного невежества.

Когда она отпирала входную дверь своей виллы, двое уличных мальчишек бросили в нее два камушка, из которых один попал ей в спину.

Войдя в гостиную, превращенную в мастерскую художницы, она застала в ней свою горничную Мижку, которая ее ожидала.

- Знаете ли, сударыня, мой дядя, отпускающий на прокат экипажи, купил кафе и берет меня туда прислугой... Впоследствии, если барыня захочет меня опять взять, я с удовольствием пойду к ней...

Вдова почти не дала ей окончить свою речь:

- Отлично, уходите сию же минуту... Вот ваше жалованье, сейчас же забирайте свои вещи и уходите.

Кухарка ее Анна явилась к ней в спальную и тоже потребовала расчета.

Оставшись одна, она невольно задумалась над всеми этими событиями и решила через неделю уехать куда-нибудь путешествовать.

- Какие сумасшедшие, - думала она, ложась спать в постель. - Что за кретины! они чего доброго всех возмутят против меня!.. "

Увы, тут было не возмущение, а настоящая революция!..

Главой заговора был подрядчик Ван Мелен, который увлек еще за собой маляра, одного извозчика и нескольких зубоскалов, отличавшихся особенной чопорностью.

Вся деревня была на их стороне, потому что Ван Удем была пугалом для всех матерей и мелких буржуазен, посещавших морские купанья, начиная от Бланкенсберга, по всему голландскому берегу.

Питербум из Ганда, охотник, любивший пропустить не одну рюмочку пунша в ресторанчике, открыто говорил первому встречному, что вилла "Золотой Рог" и ее владелица являются позорищем для всей страны... Из-за них все честные люди избегают этот берег.

- Разве хороший пример для наших дочерей подобная потаскушка!

Каждый сочувственно поддакивал ему, напуганный мыслью, что подобное бедствие способно отвлечь богатых клиентов от их морских купаний.

- Ах, знаете ли, господин Питербум, мы найдем средство заставить ее уехать отсюда, - сказал Ван Мелен, если верить показанию на суде двух мужчин, сидевших в это время в ресторане; причем Ван Мелен многозначительно подмигнул.

Было велено подать кружки пива, затем заговорщики начали бесконечные партии в пикет, в ожидании рокового часа, когда явится возможность привести в исполнение их план.

По словам все тех же свидетелей на суде, в одиннадцать часов Ван Мелен и другие вышли из ресторана, каждый по одиночке, чтобы не возбудить ни у кого подозрения.

Впрочем, в этот час вся деревня уже спала и ни в одном окне не светилось огонька.

Все собрались около церкви; тут были Ван Мелен, маляр и четверо молодых людей, всего шесть заговорщиков.

- Мы подождем прихода последнего трамвая из Брюгса; ты, Ж., потушишь тогда свою трубку; вот как нужно будет все сделать: я войду с Л., Н. и Ж., двое других будут стоять на часах у парадного входа и у ворот виллы, сказал Ван Мелен, по словам одного из обвиняемых молодых людей, чего, впрочем, он и не отрицал на суде.

Трое других пожали плечами, и один из них сделал подобное справедливое замечание:

- Как же так, значит мы ничего не увидим?!

На это, по словам все того же обвиняемого, Ван Мелен ответил:

- Нужно делать так, как я говорю, иначе я отказываюсь от участия!

Еще немного поболтали о "деле" с разными шутками и остротами, вызывавшими смех среди полной ночной тишины.

Наконец послышался звонок приближающегося последнего трамвая, и, как только он ушел обратно в Брюгс, заговорщики двинулись по направлению к вилле Ван Удем.

Величественно и таинственно стояла вилла с угрожающим видом среди ночной тьмы. Сердца заговорщиков бились усиленно. Как-никак дама, жившая на вилле, была богатая женщина; богатство, несмотря на всю глупость большинства участников, производило на них впечатление и заставляло относиться к себе с уважением.

- Ну, идем туда! - сказал Ван Мелен.

Он свистнул, на соседней вилле открылось окно и показалась голова женщины, освещаемая колеблющимся от ветра пламенем свечи.

- Это ты, Гендрика?

- Да, лестница внизу около стены, я сейчас сойду... Она сошла в сад виллы, воспользовавшись приставленной лестницей. ?

Тихонько, ключом, который ей дала ушедшая горничная, она отперла входную дверь, и четыре человека вошли в комнаты, а двое, как было велено, остались сторожить.

- Ты поднимешься с нами? - сказал Ван Мелен.

- Понятно, я знаю дом, - не раз помогала Мижке гладить белье! Одни вы будете много шуметь... Вот что нужно делать: поднимитесь на террасу, а оттуда в большую комнату-гостиную, из нее прямо дверь в переднюю, где направо дверь в ванную и туалетную комнату, а налево - в спальную... Надо, чтобы кто-нибудь стал у окна и не дал бы ей его открыть...

- Само собой разумеется, -сказал Ван Мелен, - ну, идем.

Молча, они поднялись на террасу, при помощи ключа открыли стеклянную дверь в гостиную и вошли в комнату.

Все четверо мужчин дрожали, как осиновые листья, только молодая девушка была спокойна и вела их смело.

С тысячью предосторожностей они отперли дверь из гостиной в переднюю.

Мрак в передней еще более усилил их страх, и не будь с ними девушки, они, наверное, удрали бы.

- Вот ее спальная, - сказала девушка, указывая им рукой на дверь...

Собрав все свое мужество, Ван Мелен отворил дверь в спальную... Когда раздался шум от дверной ручки, все замерли. Но было тихо. В комнате горела электрическая лампочка, закрытая зеленым колпачком; она слабо освещала комнату...

Первым вошел маляр, за ним последовали остальные. На пороге девушка передала Ван Мелену пучок розог. В один миг они окружили кровать. Ван Мелен потушил лампочку, но эта была бесполезная предосторожность, так как луна превосходно освещала комнату.

В эту минуту, по словам одного из подсудимых, его охватил восторг злорадства, острую сладость которого он не испытывал еще до сей поры. В это время из-под простыни

показалась растрепанная голова молодой женщины, с ужасом смотревшей на всех них.

- Что вам нужно... оставьте меня, не убивайте... помогите... спасите... меня уби...

Ван Мелен не дал ей окончить слова. Вместе с другими он набросился на вдову. Борьба была самая непродолжительная. Ван Мелен завязал молодой женщине рот платком. По его приказу маляр и Ж. перевернули вдову и положили ее на живот. Затем Ван Мелен поднял ей рубашку и стал сечь ее розгами.

По словам Ван Удем, они, окружив ее постель, смотрели на нее злыми и радостными глазами. Беснуясь от радости, они издевались над нею, пока Кан Мелен завязывал ей рот платком, пугали, что заперют ее до смерти. Ж. в это время свистел по воздуху розгами... Пороли ее страшно больно и долго. Вначале она кричала, просила простить ее, но потом от боли не могла даже произносить слов, так у ней захватывало дух.

Девушка тоже присутствовала при порке и даже, по словам одного из подсудимых, просила того, кто держал за ноги, чтобы он их раздвинул насколько возможно шире.

По словам самих подсудимых, Ван Мелен перестал сечь, когда Ван Удем потеряла сознание, тогда они привели ее в чувство и ушли.

Доктор, свидетельствовавший Ван Удем, нашел, что она была высечена очень жестоко.

Суд приговорил Ван Мелена к годичному тюремному заключению и присудил уплатить в пользу Ван Удем около двух тысяч рублей, а остальных - к шестимесячному тюремному заключению, кроме того, всех - к уплате судебных издержек за круговую поруку.

Госпожа Ван Удем после процесса все-таки продала виллу и уехала из Голландии навсегда.

Дамы, посещающие эти морские купанья, до сих пор рассказывают друг другу о приключении с хорошенькой вдовой. Теперь даже это приключение является одним из главных приманок этого курорта.

Ван Мелен и его приятели по выходе из тюрьмы пользуются полным уважением своих сограждан. Они составляют гордость местечка. Благодаря своей славе, Ван Мелен получает массу заказов на постройку вилл и домов. Послушать его патетический рассказ о наказании розгами г-жи Ван Удем приезжают даже из Остенде.

Можно было думать, что телесное наказание женщин с дисциплинарною целью отошло в вечность, и в XX веке нет места этому варварскому и позорному для человечества наказанию.

В действительности - ничего подобного!

В некоторых странах, как, например, в России, у нас, в Пруссии и т. д. телесное наказание применяется в школах, тюрьмах, а в России особенно часто при усмирении народных волнений карательными экспедициями или просто отдельными административными лицами, нисколько не стесняющимися наказывать розгами или нагайками лиц обоего пола, хотя по закону подобные наказания запрещены.

Во Франции тоже официально телесные наказания отменены, хотя они практикуются во всевозможных видах, как показывают судебные процессы и полицейские дознания.

Как и у нас, вы не найдете там, за редкими исключениями, школьника или школьницы, который или которая, краснея, в один прекрасный день не признался бы своим родителям, что был высечен учителем или учительницей. Нельзя также утвердительно сказать, что ксендзы не секут кающихся грешниц...

Всего каких-нибудь два или три года назад разбирался в России в окружном суде процесс одного ксендза, если не ошибаюсь, белостокского, обвинявшегося в наказании розгами и веревками своих духовных дочерей.

Во всяком случае, если латинские народы исключили из своих сводов законов телесное наказание, то сами народные массы его чрезвычайно часто применяют в тех случаях, когда у них является возможность применить знаменитый закон Линча.

Припомните хотя бы случай на всемирной парижской выставке 1900 года. Он был оглашен всей парижской прессой.

В выставочном отделении буров около одной из стен зала стоял мраморный бюст

президента Крюгера, высокоуважаемого борца за независимость Трансвааля.

В то время, как около пятидесяти лиц окружали портрет президента, из толпы выдвинулась вперед молоденькая девушка-англичанка, - очень недурненькая, лет двадцати, судя по костюму - из очень состоятельного класса общества, - и с презрением плюнула на лицо бюста, который, конечно, не мог ответить ей на оскорбление.

Толпа на несколько секунд оцепенела в негодовании.

Кто-то закричал: "Вон ее! Вышвырнуть!"

Другой предложил: "Нужно высечь ее!"

Это последнее предложение, видимо, понравилось всем. В один миг мужчины и женщины набросились на англичанку, с мужеством защищавшуюся ручкой зонтика.

Через несколько секунд ее поставили на колена и нагнули голову к полу.

Около тридцати рук торопливо подняли ей юбки, развязали или, вернее, разорвали панталоны, обнажили часть тела, обыкновенно тщательно скрываемую, стали с остервенением шлепать руками по голому телу девушки.

Сторожа прибежали на шум, освободили жертву и вместе со всеми участниками скандала увели в бюро выставки.

Я не знаю, чем кончилось это дело, но это не имеет для нас ровно никакого значения. Для нас важно установить тот факт, что современная толпа, далеко не простонародная, желая отомстить, охотно прибегает к телесному наказанию.

В первом томе своего труда я говорил уже, что во время забастовок на севере Франции было множество случаев наказания женщин розгами или веревками по обнаженному телу и наказания всегда очень жестокого.

То подобному наказанию подвергаются дочери и жены патронов, то "желтые" и "красные" подчеркивают силу своих аргументов на крупах жен и дочерей своих противников.

В романах Золя попадаются нередко сцены флагелляции.

В "Жерминале" есть два-три таких случая.

В одном из них возбужденная и поющая революционные песни толпа забастовщиков с красным флагом окружает дочь одного из директоров фабрики; девушка была захвачена врасплох и не успела убежать; часть толпы устраивает вокруг плачущей девушки пляску дикарей.

Кто-то предлагает высечь девушку. Предложение принимается с дикими криками восторга... Как же, ведь это очень забавная шутка - сечь богатую девушку... Наверняка, она сложена не так, как все другие!..

Гнусное любопытство овладевает толпой; женщины в подобных случаях идут впереди... Вмиг юбки с платьем подняты, разорваны панталоны, и уже несколько рук готовы начать экзекуцию, когда отец девушки расталкивает толпу и освобождает бедняжку из ее унижительного положения.

В той же "Жерминале" рассказывается случай, как одна женщина, работающая в каменноугольных копах, была высечена женщинами.

Когда женщины спускаются в колодезь копей, то они надевают мужской костюм; мегеры разрезали у своей жертвы ножницами панталоны из синего кумача. Ягодицы, слишком сильно сжатые материей, расширили еще более отверстие и выступили наружу во всей своей красе. Бедную женщину секут по очереди то одной, то другой рукой под хохот и аплодисменты мужчин.

И это срисовано с натуры, а не выдуманно писателем.

Телесные наказания во время забастовок практикуются довольно часто. Порка женщин является одним из главных эпизодов всех подобных волнений, пока они не превратятся в настоящую революцию.

Стегают женские крупы ради простого развлечения; в него не входит никакого сладострастного интереса.

Случаи флагелляции женщин в наше время еще так многочисленны, что их нет

положительно никакой возможности перечислить все. К тому же мы сильно рисковали бы впасть в утомительные повторения - как по существу, так и по форме.

Это упражнение практикуется в наше время гораздо чаще, чем следовало бы, и число женщин, подвергшихся унижительному наказанию, много больше, чем мы предполагаем.

Из нескольких десятков вполне достоверных случаев я приведу в этой главе два, из которых первый послужил предметом процесса в ассизном (с присяжными заседателями) суде города Ниццы всего несколько лет тому назад, а второй вызвал частное дознание по распоряжению полиции города Тулона тоже всего каких-нибудь три года назад.

Первому случаю было посвящено немало столбцов & газетах не только Ниццы, но и Парижа. Процессом этого богатого и аристократического испанского семейства были долгое время заняты все великосветские салоны Ривьеры.

Я буду пользоваться отчетом об этом процессе, напечатанном в одной из главных газет Ниццы. Жертвой была девица Маргарита или, как ее звали в семье, Мег. Вот показание одного из главных свидетелей обвинения-берейтора:

"Четыре года тому назад я был в Виллафранш в поисках какого-нибудь занятия. Раньше я был жокеем, но потом растолстел и стал негоден для такой службы. В это тяжелое для меня время одно ниццкое агентство предложило мне поступить на должность берейтора у богатого испанского семейства Л...

Я принял предложение и через несколько дней вступил в отправление своих обязанностей. Я сопровождал лошадей и семейство моих хозяев в Болье, где у них была своя вилла.

Семейство состояло из маркиза, маркизы, взрослого сына, неудавшегося спортсмена, но одевавшегося в спортивный костюм по модным картинкам английских журналов, и дочери-барышни Маргариты.

Ну, господин президент, дочь была такая красotka, что за нее можно было бы отдать всех лошадей мира...

Вначале все шло хорошо. Работы у меня было немного, и я имел возможность уделять немало времени беседам с моим другом жокеем Скоттом, занимавшим в это время место при конюшне графа де С.

Я не знаю, господин президент, давно ли вы были на Ривьере, если недавно, то, вероятно, лучше меня знаете тамошнюю публику, что касается лично до меня, то я скажу откровенно, эта публика внушает мне глубокое чувство отвращения.

Это настоящий музей всевозможных пороков сладострастия, от Тулона до Вентимийи вы встретите положительно все его виды. В особенности отличаются светские барыни, а во главе их стоят американки!"

На этом месте бывший жокей был остановлен президентом, который предложил ему поменьше распространяться - и держаться ближе к делу.

"В этой среде я был своим человеком, - продолжает он свое показание, постоянным и усердным посетителем разных баров, где меня окружали дамы, рассчитывая выведать от меня, какая лошадь должна победить. Нужно быть тренером, чтобы узнать, до каких пределов может доходить человеческая глупость. Но я опять уклоняюсь от дела...

Я был в хороших отношениях со своей хозяйкой - маркизой. Это была жгучая брюнетка лет под сорок, очень здоровая, с склонностью к полноте, которую самые опытные массажистки не в силах были уменьшить. Она и ее дочь Маргарита, обожавшая лошадей, были довольно часто со мной, чтобы задавать мне массу самых вздорных вопросов.

Я отвечал на них с чрезвычайной почтительностью, во-первых, потому что они были мои хозяйки, а во-вторых, чудные большие глаза барышни производили на меня громадное впечатление...

Не подумайте, господин президент, что я был влюблен в нее... Нет, это была не любовь, а какое-то другое чувство, которое я не в силах объяснить.

Она отличалась от других девушек каким-то особенным, врожденным изяществом; барышня, насколько я заметил, боялась своей матери, но еще больший страх ей внушал отец,

который, при всем моем уважении к лицам, платящим мне жалованье, производил на меня довольно жалкое впечатление. По-моему, это был выживший из ума скверный человечек.

И я не раз задавал себе вопрос, как такая мразь, с позволения сказать, могла наводить такой ужас на барышню.

Очень набожный, он всеми в доме командовал с полным спокойствием, а со своей дочерью был до невозможности вежлив.

Несмотря на это, барышня дрожала перед ним, как какой-нибудь рядовой перед лордом Китчинером.

Когда барин самым ровным и спокойным голосом говорил барышне:

- Маргарита, сегодня ровно в три часа вы будете у меня в кабинете, где вас будет ждать ваша мать, слышите?! - от этих слов бедняжка приходила в страшное волнение, вся краснея, молча подбирала свои юбки и с опущенной головкой уходила к себе в комнату.

Я напрасно ломал голову и не мог объяснить, почему такая простая фраза могла так волновать барышню?..

Раз утром, когда я сопровождал ее на прогулке верхом по Гранд-Корниш, она обратилась ко мне со следующими словами:

- Ну, старина, как вам нравится эта страна?

- Настоящий рай земной, барышня, - отвечал я, - но променял бы ее с радостью на крошечный коттедж в окрестностях Лондона.

- "Рай земной!" - повторила она мои слова, глядя на меня с намернувшимися слезами на глазах, - скажите лучше "ад земной", и вы еще будете далеки от преувеличения!..

Чтобы разогнать у ней черные мысли, я предложил ей ехать галопом, но она решительно отказалась, и я заметил, что при каждом более или менее резком движении ее кобылы, когда ей приходилось подпрыгнуть в седле, она опускалась как будто на острия булавок.

Раз она не в силах была сдержать вырвавшегося у нее крика боли, чему я не придавал особого значения, ведь женщины - такие нежные создания!..

В этот день, когда мы вернулись с катания, у подъезда нас ждал маркиз ее отец.

Как только дочь остановила лошадь, он ей сказал своим обычным голосом:

- Маргарита, будьте так любезны сию же секунду отправиться ко мне в кабинет... и т. д.

Барышня покраснела, как пион, и, когда слезла с лошади, настолько сильно дрожала, что едва не потеряла равновесия.

Хотя я, господин президент, не Шерлок Холмс, но все-таки заметил, что тут кроется что-то неладное.

Я сделал вид, что пошел в конюшни, но в действительности, зайдя за кактусы, вернулся назад.

Цель моя была дойти незаметно до большого дерева, ветви которого как раз были напротив окна кабинета маркиза.

В несколько секунд я влез на дерево и спрятался в чаще его ветвей.

На мое горе, окна были закрыты и занавеси задернуты, так что я ничего не мог видеть.

Раздосадованный, я уже собирался слезать со своей обсерватории, когда заметил, что с риском сломать себе шею я могу расслышать разговор, происходивший в кабинете.

Ничто так не подзадоривает любопытства человека, как опасность. Рискую каждую секунду полететь вниз, я ухитрился, наподобие обезьяны, примоститься так, что мог приложить ухо к стене дома.

Вначале я услышал сдержанные рыдания, - плакала женщина.

Затем послышался голос маркиза.

- Это позор, - говорил он, - вы ведете себя хуже последней потаскушки, в вас нет ни одной капли нашей родовой гордости! Что вы делали сегодня утром? Вам мало, что за вашим хвостом бегают чуть не все офицеры-альпийцы, теперь вы уже флиртуете с прислугой... вы бегаєте за... это гнусно!

Я отлично знал, что все это ложь, барышня и не думала со мною флиртовать. Была

минута, когда я готов был броситься и задушить маркиза.

Но вдруг я услышал звук пощечины и голос маркизы, которая прокричала: "Вот тебе, получай, нам надоело тебя наказывать, Маргарита, ты нас выводишь из себя... Сегодня я тебя еще раз накажу. Изволь оставаться, пока я все приготовлю".

Наступило молчание. Сердце у меня страшно билось. Послышалось хлопанье дверей и звук запираемого замка... Слышались шаги, шум от передвигаемой мебели. Затем я вполне ясно услышал шлепанье розог по телу... Не было ни малейшего сомнения, что секли барышню.

Я не в состоянии, господин президент, передать то бешенство, которое охватило меня; не схватись я за сук, полетел бы вниз. Секли медленно и долго, по-моему, было дано несколько дюжин ударов. Я отлично слышал сдерживаемые крики барышни и слова "простите, не буду, ой, не буду"...

Наконец я услышал, что проклятый свист розог прекратился и маркиз сказал:

- Я думаю, душечка, что на сегодня ей довольно, отвяжи ее. Но смотри, Мег, в следующий раз за такие проделки я высыплю тебе двойную порцию...

Несколько сдержанных всхлипываний было ответом на эти угрозы. Я слышал, как хлопнула дверь. Мне ничего не оставалось делать, как слезть.

Я обошел виллу кругом и сделал вид, как будто я вышел из конюшен. Навстречу мне попался маркиз, который читал газету. Рядом с ним шел его большой приятель, румынский князь.

Вот еще любопытная персона. Он постоянно жаловался на астму. Его жена, высокая блондинка лет тридцати, довольно смазливая, вела крупную игру в Монте-Карло, а в промежутки бегала по домам свиданий Тулона или Ниццы. До невозможности грубая, она смотрела на прислугу, как на собак. Ко мне она почему-то относилась несколько благосклоннее, достаивая даже отвечать на мой поклон легким кивком головы.

Князь был завсегдатаем на вилле маркиза. Он являлся по два раза в день и нисколько не старался скрывать своей раздражительности.

Только с одной барышней он был любезен. Я уверен, что старый подагрик был в нее влюблен по уши.

Когда он встречался с ней, он почти всегда шепелявил: "Ну, как поживаете, моя прелесть, какая вы розовенькая, настоящая роза, все хорошеете и хорошеете...", - и затем начинал хохотать, очевидно, довольный своим остроумием и любезностью.

Барышня была с ним вежлива, но было сразу видно, что она не была к нему расположена.

Я не знаю сам почему, но у меня вдруг блеснула мысль, что румынский князь не являлся посторонним лицом в утренней сцене.

Он был весь красный, как дьявол, и скакал, как ворона, с правой стороны моего хозяина.

Боже мой, какая славная пара мерзавцев были эти два барина, как оказалось впоследствии!

В этот день я с особенным нетерпением ждал появления барышни.

Вы понимаете, господин президент, что невозможно оставаться равнодушным, что мужчина не может сохранить все свое хладнокровие при встрече с барышней-аристократкой, изящной и хорошенькой... девушкой двадцати лет, когда в его воображении рисуется, что эта самая девушка, такая недостижимая на вид, была всего несколько часов назад раздета и высечена, как шестилетняя девчонка!

Конечно, из факта, что девушку высекли розгами, не сделаешь драмы в пять актов... Но воля ваша, господин президент, знать, что эта самая, стоящая перед вами хорошенькая девушка только что лежала под розгами, стонала, просила прощения... что вы сами все это слышали... это, чего доброго, хуже, чем видеть все это собственными глазами...

В этот день я увидал барышню под вечер. Не было заметно ни малейшего следа слез.

Начиная с этого проклятого дня я не знал покоя. Я все подслушивал, выслеживал...

Но случайно барышню в течение целых пятнадцати дней не наказывали, по крайней мере, мне не удалось этого подкараулить.

В один прекрасный день я пришел в кабинет маркиза, чтобы доложить ему о болезни одной лошади и подать смету стоимости сбруи, которую он хотел заказать одному магазину в Ницце.

В кабинете не было ни души.

Я положил смету на стол и собирался уже уходить, как услышал, как маркиз говорил в соседней комнате, очевидно, барышне:

- Сейчас же ступайте в кабинет, слышите, сию же секунду, и я обещаю вас отлично угостить, вы знаете это угощение, ну, марш, бесстыдница!

Услыхав эти слова, я осмотрел комнату и, увидав тяжелый диван, решил, что я могу под него подлезть, а шелковая бахрома меня отлично скроет, не мешая мне видеть все, что будет происходить в кабинете.

Действительно, я отлично устроился под диваном. Сердце у меня билось, как никогда еще в жизни, и не подумайте, господин президент, что от страха быть открытым. Нет, об этом я даже не думал, это было что-то необъяснимое... Меня волновал не риск потерять место, а мысль, что вот сию секунду я увижу всю сцену...

Я лежал довольно долго и все время дрожал, как вдруг отворилась дверь и появилась маркиза с пучком розог в руках. За нею шел, ковыляя, румынский князь.

С улыбкой сводницы маркиза указала рукою князю на шкаф, куда тот немедленно спрятался.

Оказалось, что я был прав в своих предположениях относительно причастности князя... Не успела маркиза запереть шкаф, как вошел маркиз и спросил жену:

- А девочки еще нет?

Та ответила:

- Как видишь!

Затем маркиз взял розги и начал ими свистеть в воздухе. От этого свиста и мысли, что сейчас начнут истязать мою барышню, у меня мурашки забегали по телу.

- Ничего, сегодня розги особенно хороши... Постараюсь пробрать ее хорошенько. Я ей дам сегодня пятьдесят штук, и каких горяченьких! - сказал маркиз, на что маркиза раздражительно заметила:

- Ты, кажется, ошалел: пятьдесят розог за то, что она не только приняла офицера, которого я запретила ей принимать, но еще, как видела горничная, уселась к нему на колена и целовалась! Нет, за такие штуки ее нужно так выпороть, чтобы она несколько дней сесть не могла... Изволь дать ей сто розог, да таких, чтобы она и во сне забыла о поцелуях!

- Ну, хорошо, будь по-твоему, дадим сто!

Не успел окончить маркиз своей фразы, как послышался стук в дверь. Когда оказалось, что это стучалась барышня, маркиз ей ответил, что она может войти, а когда та вошла, спросил ее:

- Отчего, Мег, вы так долго не шли сюда, когда я вам велел сию же секунду идти?

- Я, папа, сию же секунду пришла... Я только оправилась немного...

- Ну, ложитесь на кушетку, я вас отучу целоваться с офицерами, которых я не велел пускать к себе в дом!

- Ради Бога, простите, я больше не буду этого делать, мама, попроси за меня! Клянусь, никогда больше не буду!

Произнося все эти просьбы, барышня, очевидно, знала, что ей не избежать наказания, так как сама расстегнула свое платье и развязала панталоны, а потом легла на кушетку и дала себя маркизе привязать, повторяя все время почти одни и те же слова, что вначале, теперь только с плачем, и еще просила не сечь ее очень больно.

Пока маркиза привязывала дочь, маркиз ходил по комнате и читал ей нотацию:

- Это ради вашей же пользы вас наказывают! - сказал он под конец.

- Да, конечно, нечего реветь и клясться. Ты труслива, как заяц, а блудлива, как кошка.

Как пороть, так ты даешь обещание вести себя хорошо, а потом усаживаешься на колена к офицерам и целуешься. Ну, сегодня, я тебя и проберу же... Еще молоко не обсохло на губах, а тоже целоваться... Вот выйдешь замуж, тогда целуйся! Сегодня я тебе дам сто розог, но в следующий раз, так и знай, что за такие фокусы получишь двести розог! Ну, мой друг, теперь можно ее наказывать, - сказала маркиза.

- Вы можете кричать. Это не поможет. Не нужно целоваться! - И тотчас же он вытянул ее розгами. Раздался какой-то визг барышни и слова:

- Ай, ай, не буду целоваться, простите, мама, мама, пожалей меня!

Удары наносились очень медленно и с большой силой, вызывая у девушки отчаянные крики и мольбы о прощении. Вы не можете представить, господин президент, что я переживал, слыша свист розог и дикий крик барышни... Промежутки между ударами розог казались мне целой вечностью... Видеть истязание и чувствовать свое бессилие помочь, такого положения не пожелаю своему заклятому врагу!

Под конец барышня не произносила слов, а только кричала бессвязно... .

Я не стану утомлять вас, господин президент, описанием того, что я испытал во время этого истязания несчастной барышни...

Когда ей дали сто розог, ее отвязали и позволили встать и уйти к себе в комнату.

Я не скажу, что хорошо целоваться с офицерами, но все-таки наказали ее страшно жестоко.

Барышня пошла, сильно пошатываясь и рыдая. На пороге маркиз ее остановил и спросил:

- Ну, Мег, обещаете ли вести хорошо? Вы видите, что бывает за непослушание! Очень больно! А в другой раз я вас накажу вдвое больше!

- Честное слово, папа, я теперь постараюсь вести себя хорошо. Простите! - проговорила девушка.

Маркиз ответил:

- Ну, ступайте!

Удивительно, как под влиянием боли гордая девушка превращается в совсем маленькую девочку, готовую давать какие угодно обещания, унижаться и умолять о прощении, лишь бы только ее не секли розгами. В этом случае всякое чувство человеческого достоинства у большинства людей пропадает, и остается одно животное чувство страха боли и готовность какую угодно ценою избавиться от нее.

Как только дочь ушла, мать обратилась к мужу и просила его немедленно поехать в Ниццу - по ее поручению. По уходе мужа, маркиза выпустила из шкафа князя.

Он вышел оттуда весь красный, скорее даже багровый, с выпученными глазами...

Как будто ничего не произошло особенного, маркиза обратилась к нему со следующими словами:

- Мой муж вам говорил, что заседание совета общества назначено на сегодня в Ницце. Кстати, акции у меня здесь,...

И она протянула ему довольно толстый пакет, который князь положил около себя, не удостоив его даже взглядом.

Он молча вынул чековую книжку из кармана, написал чек и передал его маркизе.

Это была, очевидно, своего рода плата за шкаф, которую он обязан был внести немедленно.

После этого они поболтали несколько минут и затем оба уехали вместе в Монте-Карло. Тогда я вылез из-под дивана и вернулся к себе на конюшню. Оказалось, что маркиз, перед тем, как уехать в Ниццу, спрашивал меня, но ему сказали, что я уехал для переговоров о покупке новой сбруи. Я решил забыть все виденное и уже почти забыл.

Однако, сопровождая барышню на ежедневную прогулку верхом и видя, как ее круп подпрыгивает в седле, я невольно рисовал в своем воображении тот же круп обнаженным и подпрыгивающим под ударами розог...

Тут только я понял всю гнусность подобного наказания для взрослой девушки.

Да, господин президент, женщина, раз наказанная розгами, вечно будет помнить подобное унижение.

Все шло хорошо вплоть до самого Карнавала. Так как я перестал следить, то не могу сказать, секли ли ее еще или нет.

Раз утром, когда я собирался прочесть хорошую нотацию за неприятность в конюшне конюшенному мальчику, вдруг я увидел страшную суматоху в доме... Кучер, повар, судомойка, оба лакея и обе горничные горячо о чем-то рассуждали. Подойдя к ним, я узнал, что румынский князь внезапно скончался в кабинете маркиза.

- Это ужасно, - говорила маркиза, - вдруг он вытянул руки и упал на пол, не произнеся ни одного слова!

Поблизости не было доктора, и пришлось послать за военным врачом альпийских стрелков, который мог только констатировать смерть князя.

Вечером за ужином, я имел глупость сделать предположение, не задохнулся ли князь в шкафу, причем рассказал прислуге все, что знал. Те уверили меня, что по французским законам я буду строго отвечать, если не пойду сейчас же к следователю и не расскажу ему всех подробностей".

Благодаря рассказу возникло обвинение в убийстве князя и истязании дочери маркизом и маркизой. На суде молодая девушка проявила полное великодушие, заявив, что ни о каком истязании не может быть и речи. Если ее как несовершеннолетнюю наказывали розгами, то это прежде всего касается ее одной. А она находит, что ее наказывали всегда только за проступки, наказывали, правда, строго, но никогда не секли жестоко. Она любит своих родителей, и у нее даже в мыслях не было желания жаловаться на них за то, что они ее наказывали розгами.

На основании вердикта присяжных заседателей, суд оправдал обоих обвиняемых. Испанцы продали виллу и уехали на родину, как сообщает та же газета. Удивительно, что другая прислуга не знала об экзекуциях над взрослой барышней. Вернее, некоторые знали, но боялись потерять место, а потому молчали.

Второй случай произошел в среде далеко не аристократической. Я пользуюсь дознанием, произведенным по распоряжению морского министра Томпсона и напечатанным в газете "Журналь".

В Гавре есть английский бар, в котором прислугой были три женщины, по именам, начиная с самой молодой из них: Аня из Манчестера, Рахиль неизвестно откуда и Титина из Монпелье.

Все три были довольно свеженькие, услужливые, вежливые и вовсе не недоступные.

Аня была блондинка, с милым овальным лицом, очень свеженьким; ей было двадцать лет; она умела танцевать канкан, матчиш и кекевок под аккомпанемент какого-нибудь бродячего музыканта.

Рахиль был брюнетка, довольно полная, двадцати пяти лет; она превосходно говорила на парижском жаргоне.

Титина имела чудные волосы и, несмотря на фартук, по наружному виду очень походила на воспитанную барышню; ей было тридцать лет; в семнадцать лет она попала на содержание к комиссионеру по продаже кофе в Гавре.

Все три прислуги бара жили Между собою очень дружно; хозяйка бара была очаровательная женщина, воспитанная в строгих принципах и нравах.

Спешу оговориться, что описания наружности и некоторых других подробностей нет в официальном дознании, и они были доставлены специальным корреспондентом вышеупомянутой парижской газеты. Ими я также воспользуюсь.

Английский бар ничем не отличался от целого ряда других, которых так много на улицах и переулках, перпендикулярных набережной.

Он был, впрочем, одним из самых лучших по этой улице... В нем собирались моряки с коммерческих пароходов, заходили в него также светские молодые люди во время обхода подобных кабачков.

Зало было маленькое, без воздуха. За конторкой, в дубовой раме, висел портрет нашего короля Эдуарда, рядом с пестрой рекламой виски. Еще было два этажа. Комнаты в них были удивительно бедные,

В долгие часы между завтраком и обедом хозяйка принимала своих поклонников - людей по преимуществу женатых. Впрочем, тут только флиртовали.

Три прислуги шили, вязали и болтали между собою.

Аня говорила: "Я жду Джека; он вернется на "Робинзоне". Если груз будет велик, то он останется на неделю... Он купит мне корсаж. Я видела чудесный в "Галереях".

Послеполуденное время проходило довольно спокойно до вечера. Заходило несколько стрелков с болтающимися саблями или молодых людей без занятий.

Настоящая суматоха поднималась не раньше восьми часов вечера, когда на судах кончались работы и толпы пьяных моряков всевозможных национальностей наводняли прибрежные улицы, распевая во всю глотку песни.

Бар начинал наполняться. Тут были матросы-англичане, матросы-американцы и т. д. Все это пело, кричало и хохотало, прежде чем вступить в драку. Матросы входили, толкали прислуживающих девушек, позволяли с ними разные вольности руками. В это время в баре граммофон играл без перерыва, наполняя зало звуками сентиментальных арий.

Ежедневно по вечерам происходили подобные сцены.

Иногда трем прислугам приходилось в течение ночи подниматься в комнаты верхних этажей раз по пяти. Но эти жертвы на алтарь любви, по условиям ремесла, нисколько не грязнили их сердца, так как каждая из них с нетерпением ждала своего возлюбленного.

Обожателя Рахили звали Анри; за какое-то нарушение воинской дисциплины его отправили на два года в африканский легкий пехотный полк. Его прозвали "Весельчак"; он не скрывал, что подобное прозвище доставляло ему большое удовольствие.

Однажды утром Рахиль получила от него открытку, в которой он писал, что в конце недели должен вернуться в Гавр.

Рахиль пришла в неописуемый восторг, который не думала скрывать от своих товарок, чем возбудила сильную зависть к себе у Ани и Титаны.

В это время прибыл в Гавр миноносец. Матросы были отпущены на берег, один из них, Л. С., отправился в английский бар и, открыв дверь, закричал: "У вас тут есть какая-то Рахиль?"

- Это я.

Тогда матрос рассказал ей, что он видел ее обожателя, что тот путается чуть не со всеми девочками Дюнкирхена и стал посмешищем всего города и т. п.

Рахиль со вниманием слушала рассказ матроса, и волнение, вызванное им, довольно ясно выражалось на ее хорошеньком, плутоватом личике.

- Ах, бродяга, скотина!,... Правы те, кто не верят мужчинам... Пусть он делает, что хочет, напрасно он воображает, что я буду страдать из-за него... А я-то, дура, чинила ему рубашки, в которых не было живого места!..

Она продолжала громко выражать свое негодование, прибавляя разные угрозы по адресу своего неверного обожателя... Эти выкрикивания являлись настоящим скандалом, так что хозяйка попросила ее замолчать.

Она немедленно успокоилась и подошла к матросу, который вынул из кармана пакет дешевых бельгийских папирос. Он предложил их Рахили, та взяла, Титина тоже протянула руку, а Аня отказалась...

Моряк пил тонкие ликеры и предложил Рахили кюмеля.

Та выпила и стала особенно нежной с ним. Она закричала хозяйке, заводившей граммофон: "Номер восьмой, хозяйка!"

Затем они поднялись с моряком в комнату верхнего этажа, она провела с ним всю ночь и была ласкова без всякого скупердия.

Матросик заходил впоследствии несколько раз и провел не одну ночь в английском баре.

Он наслаждался своим счастьем вполне спокойно, зная, что "Весельчак" задержался в Дюнкирхене. Разумеется, тот не давал ему никаких поручений к Рахили, и все, что он рассказал, было им выдуманно от первого до последнего слова.

Молодые люди познакомились во время переезда вместе из Африки. Обожатель Рахили был немного болтлив на язык и рассказал своему новому другу про свою любовь к ней вполне откровенно, не скрыв от него никаких подробностей.

Вот тогда-то и явилась у матроса мысль сочинить басню и воспользоваться раздражением Рахили и желанием ее отомстить...

Однажды ночью, около пяти часов, когда Рахиль спала со своим новым обожателем, раздался громкий стук в дверь бара.

Хозяйка встала с кровати и незаметно посмотрела в окно, кто стучит. Тотчас же она вскочила, как угорелая, с кровати, поднялась наверх в комнату Рахили и разбудила ее:

- Рахиль! Это... твой Весельчак... Открывать ему или нет?

- Ах, Боже мой, какое несчастье! Вставай скорей и удирай, я знаю его характер, он тебя уложит на месте!

Матросик торопливо стал одеваться. Между тем в дверь стали раздаваться удары ногой, сопровождаемые бешеными криками:

- А, негодница! Я знаю, - ты с матросом! Передай ему, что я ему переломаю все ребра... Но где же эта скотина? Скажи ему, чтобы он вышел ко мне, если он не презренный трус.

Уже в соседних домах стали открываться окна... Высовывались бледные, испуганные лица.

Хозяйка, хотя у нее душа ушла в пятки, открыла окно и, приняв вид обиженной дамы из буржуазии, закричала:

- Рахили нет здесь, сегодня вечером она ушла... Напрасно вы шумите!

- Где же она?

- Она ушла только сегодня, и завтра вернется, ступайте домой и спите спокойно.

Весельчак постоял несколько секунд в раздумьи, потом пробурчал что-то себе под нос и исчез по направлению к другому бару, хозяйкой которого была хорошенькая Тилли.

На другой день в два часа Анри, по прозвищу Весельчак, одетый в полную парадную форму, торжественно вступил в английский бар.

Хозяйка, окруженная своими тремя помощницами, шила.

Когда Рахиль увидела своего обожателя, то побледнела, как полотно платка, который она подрубала.

Весельчак не сел, он подошел к молодой женщине и сказал ей прямо в лицо:

- Итак, вчера вы мне наставили рога? - И он залился веселым смехом.

Тотчас Рахиль стала плакать, стараясь в то же время обнять своего возлюбленного.

- Постой... Ты послушай... Это он, матрос, виноват... Это он рассказал мне про тебя такие пакости... Это не мужчина!

- Вы, - сказал солдат, оборачиваясь в сторону других женщин, - не смейте вмешиваться, если не хотите, чтобы я здесь все уничтожил... Если не желаете скандала, то не мешайте мне с ней расправиться, как я хочу... Ну, а ты иди сюда поближе.

Раздалась, как показали хозяйка и девушки на дознании, звонкая пощечина по щеке несчастной девушки.

- Ах, не бей меня... Аа! аа! Свинья, свинья! Хозяйка, девушки, вступитесь за меня... Оо... Не давайте меня бить... Он меня убьет...

Рахиль отчаянно защищалась руками и ногами. Она даже кусалась...

Но медленно, подобно змее, охватывающей свою добычу, солдат схватил девушку за талию и положил ее животом на край стола, затем, подняв ей платье с юбками и обнажив круп, стал ее хлестать что есть силы рукой... Теперь Рахиль перестала уже бороться и только брыкалась под ударами, выкрикивая:

- Довольно, довольно, прости, ей-Богу, не буду, не буду, довольно!.. Ооо! Ей Богу, не буду никогда!.. Прости... Девушки... Хозяйка...

Но Весельчак, не обращая ни малейшего внимания на мольбы девушки, продолжал ее хлестать. По показанию девушек, он дал ей около ста ударов. Хозяйка же говорит, что не меньше двухсот. Сам же солдат заявил, что не считал удары, - бил, чтобы хорошенько проучить.

Когда солдат наконец поставил Рахиль на ноги, то та стала тереть себе руками круп, причитая и рыдая:

- Ой! Ой! Посмотрите, что он со мной сделал! Разве он смеет так обращаться?! Меня отец с матерью никогда не били!..

Весельчак в это самое время спокойно поправлял себе рукой волосы, совершенно растрепавшиеся во время борьбы с Рахилью. После этого он взял девушку за плечи и, указывая на лестницу в верхние этажи, сказал:

- Ну, марш туда!

Рахиль поспешила повиноваться из боязни, как она показала на дознании, новой трепки.

За нею следом пошел наверх и солдат.

Когда они оба исчезли, девушки стали хохотать.

- Совсем, как в школе, - сказала Аня. - Когда я была маленькой, меня частенько так наказывала учительница, иногда она меня секла розгами...

- Во всяком случае, она долго будет помнить эту штуку, как у ней круп распух и посинел... - сказала Титина.

Хозяйка же прибавила: "Сама виновата: бегают за мужчинами... Могло быть еще хуже... Хорошо, что он ее выпорол руками"...

По приказанию военного министра Пикара, солдат был подвергнут двадцатидневному строгому аресту и переведен в гарнизон Тарасконы.

Корреспондент парижской газеты "Матен" интервьюировал известную писательницу, пишущую под псевдонимом "Ж.", относительно вопроса о флагелляции, под предлогом литературного интереса; как известно, под таким благовидным предлогом можно расспрашивать о чем угодно.

Писательница откровенно созналась, что в монастыре, где она воспитывалась, нередко как ее, так и других воспитанниц наказывали розгами.

- Вы знаете, - сказала она корреспонденту, - стыд, этот знаменитый стыд, якобы, по мнению наказывающих розгами, более страшный, чем самая боль, не держится очень долго. Первый раз, конечно, было тяжело раздеваться, но в минуты, предшествующие наказанию розгами, испытываешь такое страшное волнение, что положительно невозможно анализировать свои чувства и ощущения.

- Ну, а боль? - спрашивает корреспондент.

- Не требуется особенно пылкого воображения, чтобы представить, что боль от розог и особенно от крапивы, которой меня раз наказали, очень велика, часто нестерпима, и избавиться от нее готова ценою каких угодно унижений...

- Скажите, - опять спрашивает корреспондент, - может ли, по вашему мнению, эта боль доставить наказываемой наслаждение?

- Как вам сказать, мне она не доставляла наслаждения, но кто знает: женщины, а особенно девушки, - натуры довольно сложные...

Более корреспонденту ничего не удалось вывести у писательницы, пожелавшей прекратить беседу.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ В ИТАЛИИ

Вступая на почву этой латинской страны, я прежде всего напому читателям о флагелляции римлян.

Во втором томе своего труда я посвятил ей несколько глав и уверен, что далеко не исчерпал эту тему - слишком были распространены телесные наказания в древнем Риме.

Скажу еще раз, что там флагелляция процветала как в интересах дисциплины, так и в интересах сладострастия.

Мессалина, по словам историка Тацита, приказывала себя сечь в публичных домах и щедро оплачивала экзекуторов, сумевших ей угодить.

Петроний, этот изящный патриций, поэт и прозаик, чувственный в самой высокой степени, по словам того же историка, почти ежедневно подвергал наказанию розгами или плетью ту или другую из своих молодых и хорошеньких рабынь. В известном романе Сенкевича "Камо Грядеши" есть сцена, где по приказанию Петрония вольноотпущенник наказывает розгами хорошенькую рабыню Эвнику за то только, что она из любви к Петронию стала протестовать, когда он хотел ее подарить своему другу. Тот сам отказался от нее, но все-таки за протест Петроний ее велел высечь розгами.

Как известно, Эвника не воспыкала к Петронию злобой за такое наказание, до того оно было в нравах римлян и не считалось унижением; она продолжала по-прежнему его любить и добилась того, что стала его наложницей, которую он сильно полюбил. Когда Петроний решил выпить яд, то Эвника заявила, что умрет вместе с ним, и выпила яд из одной с ним чаши.

В Луперкалиях самые стыдливые римляне не стеснялись раздеваться и позволять себя сечь розгами священным жрицам Елезиса.

На рынке человеческое тело подешевело, благодаря тому, что патрицианки стали заниматься проституцией из любви к искусству и этим понизили плату куртизанкам.

Но главным образом в эту эпоху подвергали жестокой флелляции христианских женщин, которые принимали ее с восторгом; как вновь обращенные в христианскую веру, они горели желанием подвергнуться мучительному истязанию, которого не избег сам Христос - их учитель.

Их выводили на роскошные арены колоссальных цирков, где народ с разинутым ртом смотрел, как нежное и белое тело девочек под ударами плетей превращалось в кровавый кусок мяса.

Классическая страна величественного падения привлекает наше внимание и другими эпохами, когда поцелуи сливались с последними звуками предсмертной агонии, когда ночь любви начиналась в алькове дожа, а оканчивалась на глубине какого-нибудь венецианского канала.

В те отдаленные времена нередко звуки мандолин и болтовня подозрительных масок заглушали крики и стоны наказываемых розгами провинившихся женщин. Иногда трудно было отличить крики радости от криков боли.

Флоренция, Равенна, Венеция и другие большие города - цитадели не только великого искусства, но и утонченного сладострастия.

Удивительные принцессы, королевы по рождению и королевы по развращенности, простирают так далеко непонимание своей порочности, что поручают увековечивать художникам свои изображения в далеко нелепом виде.

Среди последних наше внимание невольно останавливается на образе Лукреции, этой жрицы любви и жестокости... Лукреция Борджиа, одно ее имя вызывает в нашем воображении видения, сходные с обитательницами Дантовского ада!

Я намерен уделить ей несколько прочувствованных страниц в своем труде, так как нельзя без волнения касаться праха королевских гробов...

Если верно, что жизнь - это своего рода арена, на которой люди, как собаки, рвут кусочки счастья, славы или богатства, которые выброшены судьбой... Если верно, что цель оправдывает средства, что жизнь слабого не идет в счет, когда сильный стремится к удовлетворению своего честолюбия; что для подобного чудовища преступление, кровосмешение, предательство, гибель целых армий в один день, истребление женщин и детей теряют свое значение, раз только его господство растет, - тогда будем восхищаться поступками этих Борджиа, из которых один был папой и заставлял пресмыкаться пред собой даже государей, а другой настолько свиреп и опасен, что Людовика XII от одного его имени бросало в жар, как бросает в жар и теперь тех, кто читает повествования о совершенных им злодеяниях.

Читая описание жизни Борджиа, вы на каждом шагу наталкиваетесь на труп. Среди чудовищных пыток, которые изобретали эти похотливые и жестокие умы, телесные наказания с дисциплинарною целью занимали одно из первых мест, если только не самое первое...

Вот сначала личность Родригеца Борджиа, личность интеллигентная, насмешливая, когда нужно - добродушная. Он нам напоминает немного Людовика XI, столько он употребил настойчивости, часто довольно злостной, чтобы уничтожить власть государей, управлявших мелкими итальянскими государствами.

Когда он познакомился с девицею Ваночца в 1471 году, он был уже кардиналом, епископом Порто. В молодости он дрался, грабил, искал разных опасных приключений, но потом понял, что только одна Церковь может дать ему положение, которого требовало его от природы ненасытное честолюбие. Вот почему он бросает военную карьеру и поступает в монашеский орден, где и подготавливает избрание в папы Сикста IV при помощи чисто дьявольских интриг; одновременно он работает в пользу избрания в папы и Иннокентия III, сея повсюду раздоры и становясь знаменитостью исключительно благодаря своим скандалам.

Современная хроника сообщает нам, что Ваночца из фамилии Катанеи была девушка пылкая и страстная, которая вполне могла влюбиться в этого странного завоевателя, отличавшегося холодной жестокостью и дикой страстью к господству.

Родригец Борджиа не скрывал своих любовных увлечений с беззаботностью, свойственной натурам сильным, душа которых развращена полной безнравственностью, так как они ставят себя выше всяких человеческих законов.

Однако Ваночца, конечно, поняла, что она сама станет жертвой этого бессовестного сердца, а потому решила искать в своей семье защиты от преступлений, которые она предвидела, и забытья своих ошибок, хотя имела от связи с Родригецом трех детей.

Кардинал Борджиа преследовал ее и успел, как рассказывает современный итальянский историк Брюшарди, настигнуть ее в окрестностях Рима, где она укрылась у одного из своих родственников. Родригец сжег замок, захватил свою любовницу и привез ее в свой дворец, где ночью собрал совет из своих секретарей, епископа Таррижента и священника Мурсии. Но предоставим слово самому историку Брюшарди, хроники которого имеют особенную ценность и оригинальность. Я привожу латинский текст, без малейшего сокращения, сохраняя также ту грубость, которую допустил автор.

"Это был довольно странный совет, собранный будущим папой Александром VI. Трудно себе представить что-нибудь более отвратительное, как бегающие глаза кардинала Мурсии, который никогда не мог посмотреть противнику прямо в глаза, и в то же время вы чувствовали, что он из-под ресниц пронизывает вас насквозь своими глазами. Епископ Таррижента был маленький, подвижный, болтливый, под его медоточивыми речами скрывалась жестокость, отличавшаяся чисто дьявольской изобретательностью.

Таковы были два аколита кардинала Борджиа, и они втроем заседали на особой эстраде. У подножия их сидело шесть их приверженцев, раздетых в богатые одежды; они-то и должны были судить провинившуюся любовницу, эту несчастную Ваночцу, которая совершенно нагая сидела на дубовом резном стуле, спрятав свое лицо в своих распущенных густых золотистых волосах, дрожа от холода и страха. Это было ужасно и величественно.

Родригец патетическим голосом, но с невозмутимым выражением на лице изложил подробно свою претензию. Он поведал, как сильно он любил Ваночцу, что трое детей от нее подтверждают это достаточно, и вот, в награду за эту любовь, она не побоялась навлечь на него и его приближенных всевозможные беды. Он особенно напирал на то, что его больше всего возмущает, что эта мать, дочь которой впоследствии должна была испытать ласки Родригеца и продолжить его славу, бросает трех детей. Затем он задает вопрос: какому за это наказанию следует ее подвергнуть?

Его подчиненные приговорили ее к смерти, думая этим пойти навстречу тайному желанию своего начальника. Но на лице Родригеца появилось недовольное выражение; тогда

поднялся кардинал Мурсии. В зале наступила полная тишина, нарушаемая только рыданиями несчастной Ваноццы.

Кардинал Мурсии прежде всего сослался на то, что Евангелие запрещает убивать, но в конце своей речи он уже не был против казни, оправдываясь своим слишком известным презрением к женщине, но все-таки предложил назначить ей унижительное наказание, но какое именно, он не указал. Родригес после его речи улыбнулся. Епископ Таррижента, который считался большим казуистом, напомнил наиболее известные наказания мирян, подвергавших телесному наказанию, особенно часто употреблявшемуся в наши времена упадка нравов. Все присоединились к его мнению, так как мужчинам хотелось насладиться зрелищем истязания женского тела.

Но тогда в осужденной заговорила фамильная гордость Катанеев; она встала во всем величии своей наготы, и многие теперь еще более порадовались избранному наказанию. Она стала умолять, чтобы ее лучше убили, ползая у ног своего любовника, который, встав с величественно поднятой рукой по направлению к кресту, единственному украшению зала, повторял несколько раз изречение Евангелия о запрещении убивать. Нужно было положить конец этой тяжелой сцене.

Четыре человека схватили несчастную девушку. Она отчаянно защищалась, царапала их, кусала, но, наконец, утомленная, должна была уступить силе. Согнутая могучими руками, она должна была подставить свой античный круп по направлению своих судей и палачей, у которых, видимо от сладострастия, разгорелись глаза. Здоровеннейший детина, весь одетый в красный костюм, подошел к женщине, держа в руках плеть в несколько хвостов, на концах которых были свинцовые гири.

С первых же ударов раздался дикий, нечеловеческий крик, который, впрочем, не произвел на присутствующих ни малейшего впечатления. Кожа покрылась рядом красных рубцов; таких ударов ей было дано двадцать, когда она не могла уже держаться на ногах и потеряла сознание. Весь ее круп и все ляжки были совершенно обнажены от кожи и представляли сплошной кусок мяса; в таком жалком виде ее унесли в ее комнату". Брюшарди, которого я сильно подозреваю в том, что он был в числе шести аколитов, помогавших Родригесу, прибавляет лицемерно, так как в то время, как появились его хроники на латинском языке, Александр VI уже умер, и в Риме царствовал его преемник и заклятый враг Юлий II: "Подобные сцены по приказу священнослужителей, из которых один впоследствии стал даже папой, были бы позорищем для нашей святой апостольской церкви, если бы великий человек, с сердцем возвышенным, не явился бы примером своей жизни и своего высокого характера изгладить гнусное впечатление от десяти лет сплошного разврата и преступлений".

Не забудем, что этот развратник и преступник был одарен умом ясным и как догматик был непревзойден. Мы можем повторить вполне справедливое изречение про него знаменитого французского писателя Жозефа де Меера, который сказал: "Содержание булл этого чудовища вполне непогрешимо".

Одетый в золото и бархат, на громадном коне, в сопровождении свиты аргузинов, ландскнехтов, на вербованных в Швейцарии, кавалергардов, кирасы которых на солнце горели тысячами огней, и трех тысяч пехотинцев в желтых и красных мундирах, вот он - Цезарь Борджиа, со своей армией вступающий в добрый городок Шиной, чтобы встретить торжественно Людовика XII и заключить с ним разбойнический договор. Сын Александра VI настолько был убежден в необходимости невероятной роскошью ослепить французского короля, что его лошадь, а также лошади его свиты были подкованы серебряными и золотыми подковами, причем так, что, проходя по улицам города, они расковывались и теряли подковы, из-за которых народ вступал в драку, чтобы завладеть драгоценностями, с таким презрением бросаемыми.

Людовик XII уверовал в могущество этого принца, дал ему полк, двадцать тысяч луидоров и руку Шарлотты, дочери Жана Альбера, короля Наварры. И вот человек, олицетворивший в своем лице наиболее удачное воплощение дьявола на земле, вошел в

семью будущего французского короля Генриха IV.

Завоевание Романьи есть сплошной ряд сцен невероятных жестокостей и истязаний, между которыми флагелляция занимает первое место.

Когда Цезарь вступил в город Форли, который защищала Катерина Сфорца, он захватил в плен эту принцессу, по словам современных хроникеров, "красивую, как архангел Гавриил". На городской площади он собственноручно поднял ей платье с юбками и, обнажив круп, стал шлепать по нему рукой в железной перчатке на глазах всего своего войска, которое замерло в восторге при виде подобного зрелища.

В 1500 году он берет город Римини, принадлежавший Пандольфу Малатеста.

Соппротивление было продолжительное и упорное, так что Цезарю пришлось потерять довольно много своих солдат. Понятно, что наводнение города армией победителей вызвало беспорядки и насилия, неизбежные в таких случаях, особенно если это была армия Цезаря Борджиа. Однако, покидая город, чтобы отправиться в Фаенцу, Цезарь, наместник папы, приглашает своего пленника Малатеста, с которым, впрочем, внешне он находится в превосходных отношениях, на большое празднество; по его словам, он хочет изгладить следы пролитой крови. Все войска в парадной форме проходят церемониальным маршем при блеске лучей яркого солнца Италии, затем следуют идиллические сцены национальных танцев, так как этот утонченный развратник временами любил освежать свои чувства созерцанием пляшущих добродетельных крестьянских парней и девок.

В заключение праздника двенадцать совершенно нагих женщин с масками на лицах, в цепях, каждая между двух солдат, были приведены на площадь перед дворцом, откуда с балкона Цезарь Борджиа, имея около себя Малатеста, любовался этим апофеозом.

Со всех двенадцати женщин срывают маски, и Малатеста узнает среди них свою жену, двух своих дочерей и девять девушек-фрейлин. Приносятся ворохи розог, и по приказанию Цезаря несчастных начинают пороть, пока они не представляют куски окровавленного мяса. Несчастный Малатеста ползает у ног Цезаря, умоляя прекратить истязание и лучше велеть убить всех их, а также и его самого. Цезарь не обращает никакого внимания, продолжая самодовольно улыбаться, тогда взбешенный Малатеста плюет ему прямо в лицо, но Борджиа только презрительно вытирает лицо рукой.

Все знают, что Лукреция и Цезарь были в связи. По этому поводу было написано много и еще больше выдуманно. Однако действительность превзошла даже все то, что могло создать человеческое воображение. Если мы начинаем копаться в любовных увлечениях этих двух чудовищ, то на каждом шагу наталкиваемся на припадки полового бешенства и самого ужасного садизма.

Лукреция, обладавшая величественной красотой и невероятным, половым аппетитом, смело должна быть пречислена к разряду знаменитых античных сладострастных женщин, вроде Мессалины и ей подобных. Сперва она увлекается двумя своими братьями и вступает с ними в связь, впрочем, заметно отдавая предпочтение Цезарю, которого пылкость, изыщество и высокие политические цели очаровывали ее гораздо сильнее.

Убийство брата ее - Франсуа - было совершено во время одной из тех итальянских оргий, которые были особенно тогда в моде при дворах владетельных особ. Лукреция, совершенно нагая, как и другие участники и участницы пира, должна была страстными ласками усыпить постоянную подозрительность Франсуа. Она собственноручно влила яд, приготовленный Цезарем, в бокал Франсуа и с милым жестом влюбленной женщины протянула его своей жертве. В ту минуту, когда Франсуа, выпив напиток, побледнел и встал, чтобы громогласно заявить, что его отравили, Лукреция страстно обняла его и горячими поцелуями старалась заглушить предсмертные стоны до тех пор, пока в ее объятиях не был уже холодный труп несчастного.

При дворе ее отца интриги, кровосмесительство и флагелляция с сладострастной целью играли главную роль.

Сперва Лукреция выходит замуж за Жана Сфорца, сеньора Пизаро, но вскоре заставляет своего отца уничтожить ее брак под предлогом бессилия мужа. Впрочем, она сама

наказывает мужа за бессилие, приказывая задушить его в своей кровати. На другой год она вступает в законный брак с герцогом де Бизалья, незаконным сыном короля неаполитанского Альфонса II.

Герцог испугался разделить участь своего предшественника, разъехался с Лукрецией и потребовал развода, который ему легко дали, но она за такую выходку отомстила ему тем, что завлекла в западню, где его закололи шпагой перед базиликой Св. Петра, в то время как его отец, по обыкновению, присутствовал на ежедневной обедне. Господствуя вполне в папском дворце, она устраивала в нем ежедневные оргии. Современный хроникер Муратор сообщает об этом любопытном факте так: "Когда Александру VI нужно было уехать куда-нибудь на продолжительное время, он передавал бразды правления Лукреции, которая пользовалась своей властью исключительно в интересах удовлетворения своего ненасытного сладострастия. Во время парадного ужина она заставляла перед ее гостями танцевать пятьдесят хорошеньких, совсем еще юных, обнаженных девушек; поощряя довольно ценными премиями наиболее отличившихся в сладострастных движениях. Сама же она в это время находилась всегда в объятиях своей возлюбленной, наслаждаясь сафическими удовольствиями. Затем, в конце ужина, она приказывала подать на блюде на стол пятнадцатилетнего мальчика, принадлежащего обыкновенно к одной из аристократических фамилий Италии и захваченного Цезарем в "одно из его разбойнических нападений. Тогда два здоровяка насиловали юношу на глазах гостей, чтобы подобным зрелищем сильнее возбудить их половое сладострастие. Наконец, чтобы подобное гнусное преступление не могло быть открыто, несчастного ребенка растягивали на скамейке и пороли насмерть розгами или плетью. Все это, чтобы очаровать своих гостей и видом такого кровавого зрелища усилить страстность их объятий.

По одному из тех странных стечений обстоятельств, которые так нередки, Лукреции суждено было на склоне своей жизни стать покровительницей литературы и искусства при дворе герцога Феррары, Альфонса Дестэ, который был ей третьим и последним мужем. Но протеже ее становились в то же самое время ее любовниками; между ними особенно известен как замечательный ученый итальянский кардинал Бембо.

Посмотрим, как окончил свое существование Цезарь Борджиа, этот беззастенчивый авантюрист, наводивший в течение целых десяти лет ужас и трепет на всю Италию, начиная от Рима и до Венеции.

Когда в 1502 году умер Александр VI, выпив по ошибке яд, приготовленный им для своих врагов, звезда Борджиа совсем поблекла. Все те, которые были жертвами их жестокости и порочности, соединились вместе, чтобы изгнать этого последнего отпрыска ненавистного рода. Цезарь, теперь уже не блестящий вельможа, перед которым все трепетали, а отлученный от церкви новым папой беглец, скрывающийся от висящего над его головой приговора; теперь он скрывается при дворе вице-короля неаполитанского после того, как принужден был уступить все свое состояние в пользу церкви, чтобы такой ценой спасти себе жизнь. Столь же трусливый, как и жестокий, он вымаливает себе приют у своего шурина - короля Наварры. Последний, боявшийся его и более, чем кто-либо, желавший исчезновения, посылает его сражаться с кастильлянами. Тут, во время осады Пармы, шальная пуля смертельно его ранит. Во время предсмертной агонии он произносит ругательства и проклятия, внушая ужас и отвращение окружающим даже в последние минуты своей жизни.

С падением Борджиа итальянская история, приучившая Европу к великолепию во времена своего упадка, становится вдруг скромной и уже не в силах поддерживать свою прежнюю славную репутацию, созданную кондотьерами, принцессами и блудницами.

Чтобы натолкнуться на эпизоды более или менее известной фллагелляции, приходится ждать воцны за независимость Италии и времени господства австрийцев на полуострове.

Австрийское иго давило тяжелой пятой итальянский народ. Вот почему солдаты Наполеона I повсюду в Италии встречались с восторгом; иностранцы полагали, что в складках французских знамен живы традиции 1789 года.

Во время австрийского господства множество женщин, часто молодых и хорошеньких, было подвергнуто телесному наказанию, иногда даже публичному.

Один австрийский генерал был известен как особенный любитель сечения женщин. Это довольно недурная слава! К сожалению, она страдает тем недостатком, что нельзя имена выпоротых женщин и девушек внести в послужной список подобного "героя".

Среди наиболее известных случаев я приведу факт наказания розгами Терезы Бианки. Я изложу его сокращенно, пользуясь бельгийской газетой, где этот случай был описан подробно собственным корреспондентом, находившимся при отряде генерала Вюрмстера и присутствовавшим при экзекуции Бианки.

"Белые мундиры" занимали Равенну и почти все побережье Адриатического моря. Они проникли вплоть до самой Флоренции, где была штаб-квартира начальника отряда - генерала Вюрмстера.

В долине Арно, около одного старинного моста стояла дивная вилла, или вернее дворец, из розового и зеленого мрамора. В нем жила красавица Тереза Бианка, уроженка Венеции.

Не будучи куртизанкой в полном смысле этого слова, она имела несколько богатых любовников, а в ее салонах собирались все сливки тогдашнего лучшего общества, как местного, так и космополитического.

Это было в 1840 году, когда повсюду в Европе царствовал литературный романтизм.

У красавицы Бианки гости вместе с хозяйкой комментировали Данте, а когда сумерки спускались на воды Арно, взоры многих искали появления тени Беатриче или самого творца "Божественной Комедии". Ни разу им не удавалось увидеть дивные черты лица вдохновительницы Данте, но зато Тереза и ее поклонники видели довольно ясно и без всякого риска быть обвиненными в галлюцинации белые мундиры австрийских офицеров, прогуливавшихся около дворца, бросая страстные взоры на хорошенькую собственницу его.

Это сильно злило Бианку. Она сжимала кулаки и, посылая своими прекрасными черными глазами презрительные взгляды, ругала офицеров на своем родном языке, как известно, очень богатом как ласкательными, так и бранными словами.

Об этом дошло до сведения генерала Вюрмстера и не на шутку его взволновало. Как же это так, - все-таки офицеры, а их какая-то итальянка ругает, да еще какими словами...

Вюрмстер был порядочный плут. Он велел собрать к себе всех офицеров. Перед собравшимися в полной парадной форме офицерами он, по словам корреспондента бельгийской газеты, произнес следующую речь: "Господа офицеры! Я вас собрал сюда, чтобы поговорить с вами об одном маленьком деле, которое, не скрою, меня сильно волнует. Я подозреваю, что в розовом дворце на берегу Арно собираются заговорщики под предлогом развлечения музыкой и чтением стихов... Все эти собрания довольно подозрительны... И я давно должен был бы принять строгие меры, если бы не издавняя моя галантность, заставляющая меня сохранять известную осторожность в отношении очаровательной молодой хозяйки дома, у которой происходят эти собрания..."

Офицеры почтительно наклонили головы, как бы одобряя действия своего принципала.

"Во всяком случае, - продолжал старый Вюрмстер, - я нахожусь в довольно затруднительном положении: должен ли я арестовать синьору и велеть ее расстрелять или же оставить все в покое... Нет, последнее невозможно... Тогда что вы мне посоветуете делать?"

"Ваше превосходительство! - отвечал старший из командиров полка, полковник Стецкий. - Позвольте мне дать вам совет поступить так: по моему мнению, синьора в заговоре не при чем, она настоящий ребенок, безответственный в своих поступках, и было бы с нашей стороны величайшей ошибкой, если бы мы расстреляли такую хорошенькую куколку... В настоящем положении, по-моему, самое важное - это захватить синьору и потребовать от нее, чтобы она выдала имена соучастников, которых мы арестуем и затем решим участь каждого из них!"

- Согласен с вами, - отвечал генерал Вюрмстер, - но возможно, что она откажется назвать имена соучастников!

- Ба, - возразил добродушно полковник, - вы, Ваше превосходительство, умеете развязывать язык женщинам, когда это нужно!

Вюрмстер после этих слов разразился громким смехом, причем стал хлопать себя по бедрам руками, что у почтенного генерала служило признаком высшего восторга.

Когда радость генерала немного утихла, он распустил офицеров, предложив им собраться вечером в парадном зале, украшенном австрийскими гербами и знаменами.

Тереза Бианка была в своем уютном будуаре, когда горничная пришла доложить, что один австрийский офицер желает ее видеть.

- Скажите этому господину, что для него меня нет дома!

- Но, барыня, с ним пришло человек двадцать солдат, - которые ждут его у подъезда.

- В чем дело, что им от меня нужно? Скажите, что я иду!

В роскошном кружевном капоте, грациозная и воздушная, как пташка, она спустилась по парадной лестнице к австрийскому лейтенанту, ожидавшему ее у подъезда.

Тот почтительно ей поклонился и передал ей запечатанный конверт с казенной печатью.

Тереза торопливо его вскрыла и вынула записку следующего содержания: "По приказанию начальника гарнизона Флоренции, вы арестуетесь и должны немедленно следовать за офицером, который вручит вам настоящую записку. Он вам ничего дурного не сделает. Начальник штаба, полковник..."

Прочитав записку, Тереза пришла в бешенство, начала громко протестовать, угрожать, что она возмутит весь город против австрийцев, и в конце концов со слезами на глазах, все-таки принуждена была набросить на себя розовое манто и следовать за офицером.

Мысленно она решила, что это какой-нибудь пустяк, просто каприз начальника отряда, вздумавшего ее разозлить.

Под конвоем отряда солдат она перешла площадь, возбуждая удивлявшихся аресту такой молодой и, видимо, богатой женщины.

По прибытии во дворец, где жил Вюрмстер, ее тотчас же ввели в парадную залу, где были собраны все офицеры. Посредине стоял большой стол, покрытый красным сукном; за столом в центре сидел Вюрмстер, а по сторонам его командиры полков. Остальные офицеры стояли в одну шеренгу по сторонам зала.

Впереди стола стояла узкая длинная дубовая скамья.

- Садитесь, сударыня, - сказал Вюрмстер Терезе, когда ее ввел в зал лейтенант.

Тереза послушно села. Вокруг нее стало четыре солдата с обнаженными шашками

Допрос производился, как обыкновенно производятся подобные допросы, и я его опускаю.

Молодая женщина в сильном волнении горячо протестовала.

- Да нет... нет. Это невозможно... Клянусь, что все это ложь!

- Послушайте, - обратился к ней по-отечески генерал, - будьте с нами откровенны, назовите имена ваших соучастников, и я сию же секунду велю вас освободить!

- Но ведь это подло... У меня нет соучастников, я никогда не составляла никаких заговоров, даю вам честное слово, клянусь всем...

- Ну, тогда я велю вас сечь розгами, пока вы не будете с нами вполне откровенны.

- Оо! Пощадите!.. Ведь это ужасно! За что же?! Затем с ней сделался истерический припадок. Вюрмстер велел позвать доктора и принести два пучка розог. Причем он велел лейтенанту, которому отдавал приказание, посмотреть, чтобы розги были хорошие, свежие...

Доктор пришел и через несколько минут вернул к действительности несчастную женщину, дав ей что-то понюхать.

В это время вернулся офицер с двумя пучками розог в руках.

Увидав розги, Бианка опять зарыдала... Но Вюрмстер громко сказал окружавшим ее солдатам, чтобы они разложили ее на скамейке и начали сечь.

Не успела она сказать несколько слов, как уже была растянута на скамейке с поднятым капотом, обнаженная...

По приказанию офицера один солдат взял пучок розог и начал сечь, как только офицер скомандовал: "Начинай!".

"Стыдно было, - говорит корреспондент брюссельской газеты, - стыдно невероятно смотреть на полуобнаженную красавицу, молодую женщину, лежащую на скамье на глазах двух десятков офицеров"...

Солдат свистнул розгой по воздуху... Свист - и раздался отчаянный, нечеловеческий крик Бианки, на теле ее легло несколько красных полос...

Я не считал удары, но через несколько секунд, показавшихся мне вечностью, когда на теле была уже во многих местах кровь, а крики перешли в какой-то сплошной вой, Бианка успела между двумя ударами розог закричать:

- Сознаюсь... оо... - ой.. остановитесь Бога ради... все скажу...

Вюрмстер, в душе, конечно, хохотавший, велел солдату перестать сечь.

Бианки встала при помощи офицера и солдат со скамейки, поправила свой туалет, вся красная от стыда и перенесенной боли, не смея никому взглянуть в глаза. Затем она начала сознаваться. В чем? Во всем, что ей взбрело в голову, стала называть первые попавшиеся ей на язык имена своих знакомых, готовая на какую угодно низость из страха, что ее снова будут сечь...

Несмотря на все свое волнение, она не упустила воспользоваться случаем, чтобы свести счеты со своими личными врагами, включив в список якобы заговорщиков одного поэта, большого забулдыгу, который иногда месяцами жил у нее на всем готовом, и в благодарность стал потом всюду звонить по городу, что у нее отвратительный стол и что она никогда не меняет белья. В этом сказалась чисто женская черточка.

Поэт был арестован и выслан из Флоренции.

Впоследствии, по совету своих друзей, она подала жалобу на Вюрмстера императору австрийскому, который уволил Вюрмстера в отставку, а командирам полков, заседавшим вместе с Вюрмстером, объявил строгий выговор.

Бианке же император пожаловал прелестный брильянтовый фермуар, стоимостью в три тысячи гульденов (около 2400 руб.).

Свое исследование о флагелляции в Италии я закончу сообщением о наказании палками публично двух миланских певиц - Л. С. и Ф. Р.

Как всегда, причиной послужило участие обеих певиц в заговоре, стремившемся избавить Италию от деспотического режима Австрии.

Обе бедняжки, самое большее виновные в произнесении неосторожных слов против австрийцев, были преданы военному суду, который приговорил их наказывать палками, прогнать через строй солдат.

Весь гарнизон был построен в каре. Забили барабаны. Перед собранным в полном составе штабом проводят двух молодых певиц, шатающихся от стыда и страха.

Перед выстроенной ротой солдат с гибкими палками в руках обнажают им спины. Ради иронического целомудрия им позволяют сохранить юбки, которые они должны сами поддерживать. От ударов палками руки не могут конечно, поддерживать юбки, и круп обнажается. Палочные удары сыпятся на него.

По окончании экзекуции обе несчастные девушки падают без чувств...

Вот все, что мне удалось собрать пока по истории розги в Италии.

В наше время флагелляция с дисциплинарною целью почти не практикуется вовсе в Италии. В итальянских школах не секут учеников.

Италия, быть может, вместе с Испанией, представляют две страны, где флагелляция практикуется меньше, чем где-либо, по крайней мере, в светском обществе.

В монастырях - совсем другое дело!

Еще на днях одна большая миланская газета сообщила о том, что в одном из монастырей воспитывающиеся там девушки, даже вполне взрослые, наказываются розгами по обнаженному телу монахинями за более или менее важные провинности.

Счастливые народы не имеют истории, и это счастье для великой латинской страны,

что по истории флагаелляции в ней мне удалось собрать фактов всего на несколько страниц.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ФЛАГЕЛЛЯЦИИ

Наказание розгами или плетью из мести случается довольно часто. Выше я привел несколько подобных случаев, вроде наказания Лианкур, Розен и т. д. В томе III "Скандалной хроники" я нашел случай с дворянином де Буфье и некоторые другие.

Дворянин Буфье написал очень ядовитые стишки насчет одной довольно известной в то время маркизы. Стихи произвели фурор и долгое время служили развлечением в великосветских салонах. Несмотря на это, маркиза сделала вид, что нисколько не обижена на автора пасквилья, и даже пригласила его к себе поужинать с ней вдвоем, чтобы, как она выразилась, "скрепить заключенный мир".

Дворянин принял приглашение и отправился в назначенный день к маркизе ужинать. Он только, по свойственной ему осторожности, захватил с собой пару пистолетов.

Едва он вошел в гостиную и собирался поцеловать ручку маркизы, как неожиданно появились три негра, лакеи маркизы, которые схватили его и обнажили ему спину и круп... По приказанию маркизы его подняли, и в то время, как один негр держал за ноги, а другой за плечи, третий начал пороть по обнаженному телу розгами. Перед тем, как начать его сечь, маркиза прочла ему его стихотворение и затем велела дать ему сто розог. Когда ему дали сто розог, он был весь в крови, так жестоко его высекли... Встав на ноги и поправив костюм, он вынул пистолеты и, наведя их на маркизу и негров, приказал им слушаться его, если они не желают быть убитыми. Затем по его приказанию негры растянули свою хозяйку на кушетке и, обнажив, как только что его, дали ей сто розог, несмотря на ее крики и угрозы. После этого Буфье велел позвать горничную и передал на ее попечение высеченную барыню.

После этого каждый из негров должен был дать другому по сто розог.

Только тогда Буфье удалился из дома маркизы.

В 1740 году французскому парламенту пришлось разбирать одно дело, где жалобщица была тоже подвергнута телесному наказанию из мести.

Я пользуюсь сборником знаменитых процессов издания Питаваля, в котором дело изложено так: "В это время, т. е. в понедельник и вторник недели Св. Троицы, вся деревня, лежащая в окрестностях Сомюра, была на ногах. В ней устраивался под покровительством местного помещика большой праздник. Все было предусмотрено, чтобы доставить приятное развлечение гостям. В год божиею милостью 1740 прещедрый помещик пригласил на это празднество всех своих соседей, а также дочерей господина Р. В., которых просил придти на праздник вместе с их подругой-барышней Катериной Ф., славившейся своей красотой и веселостью.

Вечное соперничество между женщинами вместе с кокетством были причиной, что молодые девушки, закадычные друзья в начале праздника, под конец его, когда вернулись домой, стали заклятыми врагами. Дело в том, что обе дочери Р. В. вообразили, что их затмила подруга их Катерина Ф., которая будто бы привлекла на себя почти все взоры кавалеров. Они вернулись с праздника с твердым намерением отомстить ей за это.

Одна из сестер написала Катерине Ф. записку, в которой просила ее принять участие в прогулке в соседнем лесу, по имени Шатоаньер, в назначенный ею день. Катерина, хотя прогулка не представляла особенного интереса, отправилась в назначенный день, не желая обидеть своих подруг неприходом на прогулку.

В назначенный день дети вооружились толстыми, длинными березовыми прутьями и конюшенными ножницами, которые их мать посоветовала взять, чтобы осуществить задуманное ими мщение. Дети отправляются в лес заблаговременно и всячески стараются удалить из лесу посторонних лиц, которые могли бы помешать им осуществить их предприятие; с немалым трудом им это удается, и они остаются одни в лесу, где и ожидают свою жертву.

Ничего не подозревая, Катерина отправляется по дороге в лес. Младший брат выходит ей навстречу; он с ней очень мило здоровается и говорит, что его брат и обе сестры ждут ее в лесу с нетерпением. Не успела она придти на место свидания, как оба брата набросились на

нее, а сестры, забыв всякий стыд и приличие, раздели ее, и в то время, как трое держали ее, четвертая поролла розгами, пока не устала. После этого она переходила держать, а пороть начинала следующая сестра. Потом ее секли оба брата, также сменяясь, как и сестры. Когда они все ее по очереди пересекли, она была вся в крови и с трудом могла встать и одеться. Но подобного истязания им было мало. Как только она пришла в себя, они опять набросились на нее и отрезали ей волосы почти до самых корней.

Я не стану перечислять всех дальнейших гнусностей, которые они проделали над несчастной незащищенной девушкой. Трудно представить, до чего может дойти распущенная и плохо воспитанная молодежь под влиянием чувства мести!

Катерина Ф. после некоторого колебания подала жалобу на своих мучителей. Возник процесс, во время которого родители обвиняемых подали в свою очередь жалобу на Катерину Ф., обвиняя ее в совращении их сыновей. Из-за этого процесс был приостановлен и назначено следствие, которое не подтвердило основательности возведенного на Катерину обвинения, и суд оставил жалобу родителей без последствий. Затем за проделку их детей они были присуждены к уплате Катерине двух тысяч франков убытков и судебных издержек.

Случай телесного наказания более современный произошел в Америке всего каких-нибудь десять лет тому назад - в 1899 году.

Двенадцать молодых вдов, хотя и не миллиардерш, но очень все-таки богатых, составили в Чикаго клуб под президентством г-жи Хартингтон. Все эти богатые барыни собирались в нанятом ими роскошном особняке с громадным парком почти каждый вечер. На эти собрания доступ мужчинам был строго запрещен. Понятно, что по поводу этих таинственных собраний в городе ходила масса самых невероятных слухов. Многие уличные листки занимались ими, но ничего точного не могли открыть.

В один прекрасный день газеты узнали, что вдовы купили роскошную яхту... Много рабочих трудилось над ее меблировкой и украшением. Были устроены уютные каюты-спальни со всем комфортом, прекрасная библиотека, гостиная и т. д. Все это не представляло само по себе ничего необычайного, но, что было удивительно, барыни не думали приглашать капитана для управления этой дивной яхтой в ее плавании по озеру Эри (оно должно было продолжаться не менее трех месяцев) и ни одного матроса. Наконец работы были закончены и яхта в изобилии снабжена всевозможной провизией. Всеми работами руководила лично президентша клуба. Мелкие уличные листки, как ни старались, не могли проникнуть в тайну...

Вдруг в одной из больших газет появилось объявление, что нужна женская прислуга для исполнения разных работ на яхте.

Между сотрудниками этого журнала был очень молодой человек, который особенно старался проникнуть в тайны этого клуба... К величайшей его досаде, он до сих пор не мог ровно ничего разузнать.

Прочитав объявление, он решил, что нашлось средство отомстить вдовам за потерянное им время. Он познакомил со своим проектом редактора газеты, который вполне одобрил его план, заранее смакуя, какой сенсационный успех вызовут статьи газеты по поводу этого таинственного клуба, тайны которого наконец будут разоблачены.

Было решено, что молодой сотрудник явится к госпоже Хартингтон с предложением услуг в качестве женской прислуги. Он был совсем безусый, маленького роста и в женском платье мог спокойно сойти за женщину.

Снабженный поддельным аттестатом, он явился к госпоже Хартингтон и был ею нанят женской прислугой; причем она потребовала, чтобы прислуга тотчас же отправилась на яхту, отплытие которой было назначено на следующий день. Президентша не желала, чтобы будущая их прислуга имела сношение с посторонними лицами перед отплытием.

Яхта отплыла под командой Хартингтон. Эта смелая женщина одна взяла на себя роль капитана. Легкая яхта не успела выйти в открытое озеро, как к ее борту подошла лодка с письмом на имя госпожи Хартингтон. Одна из дам-путешественниц приняла письмо, и яхта продолжала путь полным ходом.

Письмо сообщало президентше клуба, что на яхте находится мужчина, и разоблачало плутовскую проделку молодого сотрудника.

Хартингтон немедленно собрала всех остальных дам и сообщила им содержание письма. Единогласно было решено наказать сотрудника розгами и потом высадить его на первом попавшемся пустынном островке.

Несмотря на отчаянное сопротивление, сотрудник был привязан на столе и затем - обнажен. Ему, согласно общему постановлению, было дано каждой дамой по пятнадцати розог, что составило сто восемьдесят ударов, данных во всю силу взбешенными женщинами. Как он ни кричал, ни умолял о прощении, ему дали все назначенное число розог. В то же самое время яхта пристала к какому-то пустынному островку, на который высадили беднягу, иссеченного до крови, одетого в женскую рубашку и голодного. Его вскоре, к счастью, заметили рыбаки, которые взяли его и доставили в таком плачевном виде в город. Таким образом, не только не появилось сенсационных статей в газете, но она принуждена была промолчать о приключении, чтобы не вызвать насмешек со стороны своих завистливых собратьев.

Позднее полиция заинтересовалась этим делом и открыла, что клуб госпожи Хартингтон был просто собранием флагеллянтш-лесбиянок.

Только тогда оскорбленный сотрудник решил привлечь госпожу Хартингтон к суду, и вся история попала на столбцы газет, откуда я и взял ее.

В таком же отчасти роде был случай в отдаленные от нас времена. Один хирург нарушил профессиональную тайну, позволив себе подшучивать над тем, что он видел у одной дамы, обратившейся к его услугам. Дама эта была королева Наварры, которая во время войн с Лигой прибыла под Амьен и хотела завладеть этой крепостью, но оппозиции удалось поднять восстание против нее и заставить ее бежать в сопровождении всего сорока дворян и приблизительно стольких же солдат. Бегство было так поспешно, что королева вынуждена была удирать на неоседланной лошади. Проехала она в таком положении громадное расстояние, подвергаясь каждую минуту опасности попасть в плен. Достигнув наконец безопасного места, она переменила сорочку, взяв ее у своей горничной, и продолжала путь до ближайшего городка Юссон в Оверне. Здесь она пришла немного в себя от перенесенных волнений, но от сильной усталости заболела лихорадкой, продержавшей ее несколько дней в постели. Кроме того, вследствие путешествия без седла она ужасно натерла себе круп, почему ей пришлось обратиться к хирургу. Доктор в несколько дней вылечил его, но не мог удержаться, чтобы не подшутить в кругу друзей над интимными прелестями королевы. Каким-то образом королева об этом узнала и пришла в сильный гнев... Она велела послать опять за этим доктором, а когда он явился, то принести скамейку и розог. Несмотря на мольбы о прощении бедного хирурга, гайдуки растянули его на скамейке и в присутствии почти всех фрейлин дали по приказанию королевы шестьсот розог, так что после наказания его пришлось на простыне снести в дворцовый лазарет.

Следующее приключение еще очень недавно наполняло столбцы ниццских газет. В суде с присяжными заседателями слушалось дело об изнасиловании заснувшей женщины в то время, как ее муж находился на работе. Чтобы сохранить местный колорит, я воспользуюсь отчасти докладом доктора.

Муж потерпевшей, Филипп Понсо, занимает место ночного сторожа на железной дороге, а его жена тридцати лет - прачка-поденщица. "Я лечил, говорит в своем рапорте доктор, - Понсо от трудности мочеиспускания, впрочем, довольно пустой; болезнь явилась вследствие простуды. В это время он жаловался, что вдруг стал почти бессильным. Я вылечил его от первой болезни и остальным не занимался. Прошло около года, как Понсо опять приходит ко мне, заметно расстроенный, и просит меня выдать ему удостоверение, что я лечил его от известной болезни и что он страдает бессилием. Я ему выдал удостоверение, но умолчал о бессилии, объяснив ему, что я не могу удостоверить факта, который только его жена может удостоверить. Видимо, это ему было очень неприятно, и он мне объяснил причину в следующих словах: "Нужно вам заметить, что моя служба сторожить ночью, и я

возвращаюсь домой около пяти часов утра, без этого для вас будет непонятно все то, что я вам расскажу дальше. Я имею полное доверие к моей жене, которая работающая женщина и не думает о разных "глупостях". Подозревать ее мне чрезвычайно тяжело, но вот она теперь беременна... Но я отлично знаю, что неспособен сделать ребенка! Несмотря на полную очевидность измены, жена клянется всеми святыми, что я отец ребенка, которого она носит в животе! Я ее порол уже не один раз, порол каждый раз до крови, но она все-таки не сознается в измене и по-прежнему продолжает настаивать, что это я сделал ей ребенка. Я колочу ее ежедневно, от побоев она даже теперь заболела и хочет на меня жаловаться в суд. Вот мне придется иметь дело еще с правосудием! Может быть, она хочет меня запугать. Во всяком случае, я не хочу платить за чужие разбитые горшки, - я не при чем в ее беременности: вот почему, доктор, я и пришел просить вас удостоверить мое бессилие".

- Но зачем вы сейчас заставили меня обратить внимание на то, что вы всегда ночью не бываете дома? - спрашиваю я его.

- А это потому, что жена рассказала мне следующую историю: она уверяет, что- около трех месяцев тому назад я вернулся, как всегда, в пять часов утра, и как только я лег в постель, то приласкал ее. Так как она, по ее словам, была этим приятно удивлена, то решила не шевелиться. Я теперь хорошо припоминаю, что она раз или два подшучивала над моей пылкостью, но так как я в последнее время не люблю подобных шуток, то я серьезно рассердился на нее, и об этом не было разговора. Теперь она опять ссылается на тот случай и даже прибавляет, что в ту ночь, после того, как я ее приласкал, я встал с кровати и вышел на двор, сославшись на сильные колики.

- А!.. И вы после того вскоре вернулись опять в свою постель?

- Конечно, по ее уверению. Но это все ее выдумки, - я не помню, чтобы у меня были колики, и во всяком случае, я отлично знаю, что не ласкал своей жены.

- Ну, а вам не кажется странным этот рассказ жены? Вам не приходила на ум мысль, что кто-нибудь другой мог вас заместить...

Понсо быстро встал и, смотря на меня выпученными глазами, сказал:

- Черт возьми! Вы, может быть, правы, нужно это расследовать хорошенько!

- Поговорите об этом спокойно с вашей женой, возможно, она припомнит что-нибудь еще, что даст вам возможность напасть на след.

Филипп Понсо последовал совету доктора и вскоре раскрыл тайну и подал жалобу в суд.

Хотя его жена ничего не могла припомнить другого, кроме того, что она рассказала, но она заподозрила тотчас же некоего Малети, итальянского подданного, их соседа, который держал себя в отношении нее довольно странно и мог, по ее мнению, быть причастным к этой истории.

Полицейский комиссар, производивший дознание, установил полную возможность постороннему лицу заменить мужа. Действительно, Понсо уходил на службу около десяти часов вечера, его жена запиралась и клала ключ под дверь так, чтобы мужу легко было его достать. Итальянец как раз жил напротив их. Он мог все это заметить, а так как его соседка была очень хорошенькая, то возможно, у него могло явиться желание обладать ею, не тратя времени на правильную осаду, связанную с риском потерпеть неудачу и другими неприятностями.

Допрошенный комиссаром, молодой итальянец смутился и в конце концов сознался. Зная, что муж возвращается только в пять часов утра, он вошел в квартиру супругов Понсо около четырех часов, быстро приласкал его жену, а когда та спросила его, куда он опять уходит, он ответил тихонько, сквозь зубы: "Колики"! Затем он запер дверь и положил ключ на свое место, где его муж и нашел через несколько минут.

Но дело становится еще более курьезным: когда супруги Понсо узнали о признании Малети, то ворвались в его квартиру, привязали его на кровати и жестоко выпороли веревочной плетью, так что он две недели пролежал в больнице.

Дело Малети окончилось осуждением его к шестимесячному тюремному заключению

за изнасилование госпожи Понсо. Сравнительную мягкость наказания суд объясняет тем, что Малети подвергся насилию со стороны супругов Понсо.

На суде председатель спросил госпожу Понсо, правда ли, как уверяет ее супруг, что с открытия ее беременности он ее чуть не ежедневно сек? Она ответила, что правда, хотя не ежедневно, но очень часто. На вопрос же председателя, чем именно он ее наказывал, - она не захотела ответить, заявив, что это касается только ее одной.

Один мой коллега прислал мне перевод из одного русского исторического журнала воспоминаний двух лиц о времени, проведенном одним в гимназии, а другим в духовном училище. Из них читатели увидят, что телесные наказания в школе процветали в России в очень недавнее время.

"Директором гимназии в то время был Круглов, - пишет в своих воспоминаниях о Саратовской гимназии в 1850 году Ив. Воронов (Русская Старина, 1909 г., Э 9), - а инспектором Левандовский, поляк; первый вскоре умер, а второй пробыл около двух лет, т. е. до 1852 года. О Левандовском сохранилась в моей памяти лишь страсть его к ежедневным поркам учеников за пустячные провинности и грубость его обращения, доходившая до мордобития, за что и сам он подвергся тому же, получив сдачи от одного из гимназистов 7-го класса, вынужденного на такой поступок ругательством и дракою инспектора. Результатом такого печального инцидента была ссылка гимназиста рядовым на Кавказ и устранение Левандовского от должности с увольнением на покой.

Новый инспектор Ангерман был лютеранин; язвительная злость его характера превосходила известных тиранов-иезуитов, так как он не гнушался кровавыми порками больших и малых учеников и со злобной улыбкою на устах, с мефистофельским выражением физиономии всегда на них присутствовал лично и нередко собственноручно ублаговотворял розгами обнаженные педагогические части учеников. Тиранство это доходило до такой жестокости, что наказанным нередко приходилось пользоваться услугами весьма незатейливого и скудного гимназического лазарета, где можно было найти горчишники, хинин в порошках, березовую примочку, тинктуру арника и т. п. препараты; что же касается до услуг доктора или фельдшера, то за ними надо было посылать, так как они являлись в гимназию ежедневно около полудня (на всякий случай) и через каких-нибудь полчаса исчезали.

Вообще личность Ангермана была психически феноменальна, как и все его поступки; свободный в праздники, он обязательно бывал в кирхе, где усердно читал молитвенник, внимательно выслушивал проповедь пастора и в то же время следил за присутствующими в кирхе гимназистами, и если кто-либо из них возбуждал недовольство богомольного инспектора (не по форме одет, с расстегнутым сюртуком, выпущенным из-за галстука белым воротничком рубахи и т. п.), то он по окончании службы старался виновного разыскать и сделать ему внушение, а на следующий день подвергал его наказанию. Ангерман был тираном и в своей семье, потому что маловозрастные дети - его сыновья; - нередко им наказывались, что знали все гимназисты, так как квартира инспектора была при гимназии. В конце концов, ненормальность Ангермана подтвердилась прискорбным для него фактом. Будучи переведен из Саратова директором гимназии в Самару после какой-то учиненной им порки, ввиду грозившего ему давления свыше из округа, он сошел с ума.

Русский язык, т. е. грамматика и история литературы, преподавались: первая в трех классах, а вторая - в старших, начиная с четвертого. В то время, когда мне пришлось проходить младшие классы, было два преподавателя: Дмитрий Андреевич Андреев, а после его смерти - Сперанский.

После первой половины класса русского языка, так сказать повествовательной, начиналось испытание учеников в знании заданного им урока. В это время класс преобразовывался в какой-то комический театр, где разыгрывалась веселая пьеса, вроде оперетки, с пением, живыми движениями и быстрою переменою картин. Учитель, спрашивая ученика урок, лениво шагал по узкой классной площадке в виде коридора между передними партами и стеною и исподлобья взирал на учеников, заметив шалости которых,

протискиваясь между партами, невозмутимо подходил к виновному и, хватая его за ухо, вел его на площадку впереди парт и заставлял стать на колени, говоря: "В Сибири ездят на оленях, а ты стой на коленях". Такое вождение учеников было поодиночке и парами, так что к концу класса коленопреклоненным статистам не доставало места, тогда их фамилии записывались Андреевым в памятную его книжку; дабы подвергнуть их такому же наказанию в следующий его урок. Подобные путешествия учеников на коленопреклонение сопровождалось заунывным пением всего класса церковной песни "Исайя ликуй" или "се жених грядет" - что, возбуждая лектора, влекло его к азарту, и он уже не водил, а вызывал виновных, стихотворными возгласами: "Ей ты, Петров, знаешь падеж именительный, ну так выходи и будь почтительный" или "Семенов, болван, колена преклони, да собой таких же дураков не заслони". Бывало так, что из 30 и более стоящих на коленях, крайние, подвигаясь вправо и влево, старались скрыться за партами и ползком на четвереньках исчезали и располагались в лежащем положении позади парт, так сказать, за авансценою класса. Звонок в продольном коридоре между классами давал знать об окончании урока, читалась громко молитва, и Андреев направлялся к выходу из класса, напутствуемый тихим пением: "Выйди вон, выйди вон ты из класса кувырком".

Другой учитель русского языка, Сперанский, бывший студент какого-то университета, но не окончивший курса, был из семинаристов. Он старался казаться джентльменом, но с оттенком, свойственным природе его звания, проявлял замашки людей, склоняющихся и заискивающих перед начальствовавшими, чтобы получить от них похвалу или повышение. Поэтому он, как младший учитель, получающий ограниченное жалованье, происками и лестью приобрел доверие директора Мейера, по ходатайству и хлопотам которого пристроился учителем русского языка в Саратовском институте благородных девиц и в римско-католической семинарии, что дало ему средства обветшалую свою экипировку сделать франтовскою и сделаться любителем быть всегда навеселе, в каковом виде он являлся нередко и в классы с растрепанными чувствами. Не придерживаясь курса Востокова, Сперанский излагал преподаваемый им предмет словесно, давая свои краткие письменные заметки; заставлял заучивать наизусть басни, стихотворения, занимал учеников грамматическим разбором, но почти не практиковал их диктовками, чтобы приучить к правильному письменному изложению мыслей. А как лектор был всегда в возбужденном настроении, то проявлял несдержанность, соединенную с грубостью и ругательством, по отношению к ученикам, к которым относился с презрением и надменностью; все это отзывалось нелюбовью к нему учеников, которая увеличивалась еще и тем, что Сперанский часто жаловался на учеников зверю-инспектору, что сопровождалось обыкновенно немедленным телесным наказанием. А так как крики наказуемых доходили до слуха учеников, то Сперанский с ядовитою улыбкою поучал их так: русский язык систематический, стройный и строгий по своим правилам и благозвучию, доказательством чего и служит-де тот вопль, который издает теперь подвергнутый сечению. Сперанского мне пришлось перетерпеть в бытность мою в третьем классе, когда он скончался от излишней дозы принятого какого-то возбуждательного средства".

М. Гурьев, в своих воспоминаниях о духовном училище, в котором он обучался с 1852 по 1862 год (Русская Старина, 1909 г., Э 9) рассказывает следующее: "По приходе всех учеников в класс, пред началом первого урока была общая молитва в особом зале; такая же молитва была там же и вечером, после четвертого урока, в 6 часов. На них утром и вечером пелись разные молитвы и церковные песнопения; продолжались они не менее четверти часа и были памяты нам по тем экзекуциям, какие в этом зале совершались. Жизнь учеников в этом училище проходила так тяжело, особенно в первые годы, что теперь становится непонятным - как мы могли переносить эту жизнь: да мы ли это были? Наше ли тело испытывало те истязания, порки и побои, каким ежедневно подвергали нас начальство и учителя за малейшие проступки, а иногда и без всякой вины. Начнем нашу речь с начальства и учителей училища. Смотрителей во время нашего пребывания в бурсе сменилось три: первый, при котором мы поступили в училище, был светский человек, страдал чахоткой и

умер через год; второй-протоиерей, прослуживший 5 лет, и третий иеромонах С., оставшийся еще смотрителем после нашего перехода в семинарии. Все они были очень строгие, но особенно последний. Не лучше их были и два инспектора: один священник, учивший еще наших отцов и в их время запоровший до смерти одного из учеников. Дело это, по словам отцов, так в Лету и кануло; очевидно, местное начальство, боясь огласки и скандала, скрыло этот вопиющий и возмутительный случай. Другой инспектор был светский, маленький, худенький, но очень зоркий; меньше ста лоз не давал ученику, на которого он никогда не смотрел, а потому думал, что секут мимо, вследствие чего с первого года и определили такую порцию лоз.

При поступлении нашем с братом в 1-й класс учеников-товарищей оказалось 63, все моложе 10 лет. Мы были дети городского священника и явились в класс в гарусных рубашках, между тем как другие товарищи, дети сельских священников, бедных дьячков и пономарей, сидели в армяках или в грубых рубашках, а иные даже, если было лето, и босиком. Поэтому все товарищи с первого урока, должно быть из зависти, невзлюбили нас. Жизнь наша в училище сразу стала невыносимой: над нами смеялись, нам злорадствовали, называя нас "баричами", и часто без всякой вины били. В первый год учения нас не секли, так как мы учились хорошо, за что товарищи еще более нас ненавидели. Во второй год мы решились сойтись с товарищами, принося им из дому хорошие закуски, и таким образом мало помалу помирились, хотя без драк не обходилось и потом.

Порядок учения в нашем училище в то время был такой. Учителя всех классов для облегчения себя назначили каждый в своем классе так называемых "аудиторов" из лучших, по их мнению, учеников. Эти аудиторы утром, по приходе нашем в класс (для чего мы приходили за полчаса раньше срока), выслушивали наши уроки и отмечали наши ответы в так называемых "нотатах". Каждый аудитор выслушивал 5-6 человек и отмечал ответ наш в журнале. Если не дать аудитору хорошей закуски, то он часто и при знании урока ставил пс. Правды, значит, не было и между товарищами. По приходе учителей в класс аудиторы подавали им журнал. Иные учителя не брали даже "нотаты", так как до прихода учителя все отмеченные пс должны были стоять на месте своем на коленях. Некоторые из учителей прежде всего пороли стоящих на коленях, а затем уже занимались своим делом; были, впрочем, и более справедливые: внимая мольбам отмеченного, они выслушивали его, и если находили его знающим, то наказывали тогда самих аудиторов. Но такие случаи были очень редки в течение моего десятилетнего в училище обучения. К сечению мы как-то привыкали; пороли нас свои же товарищи; но это были люди отпетые: ничему не учились, старшие и учителя от них отказывались, и сидели они на последних партах. Мы называли их "секарями", а учителя - почему-то "каппадокийцами". Секли нас после утренней или вечерней молитвы в присутствии всего училища за леность, за громкий смех в классе, за нечаянное разбитие стекла, за порчу вещей, за неявку по какой-либо причине в класс и т. п. Наказывали розгами часто и невиновных, по доносу так называемого старшего. Это был один из учеников IV класса, назначавшийся инспектором; их было всегда от 5 до 6. Должность их состояла в хождении по квартирам учеников младших классов, в слушании их уроков, в наблюдении за их шалостями; все это они записывали в выданные им журналы, даже тех, кого не заставляли на квартире, и обо всем доносили потом инспектору. Аудитора можно было ублаготворить хорошей закуской; старшего же ничем нельзя было умиловить: ни слезами, ни мольбами, разве только деньгами. Деньгами богатые ученики иногда подкупали даже учителей (хорошо помню один случай с учеником II класса Поповицким), приходивших иногда в пьяном виде и придиравшихся к богатым ученикам, с которых и брали деньги, вероятно, на водку. Иного ученика наказывали розгами три раза в день, несмотря на его заявление, что его уже секли два раза; на это учителя обыкновенно отвечали: "Не овес сеять". Иных секли по два раза в день и оставляли без обеда до 6 часов вечера. Были и такие случаи, когда ученик, вопреки приказанию учителя, ни за что не хотел ложиться под розги: упирался за парту, кусался; учитель такого ученика приказывал товарищам вытащить из-за парты, говоря: "Ребята, возьмите его". К стыду нашему

находились охотники из секарей, вытаскивали ослушника на середину и тут распинали его, приподняв от полу на аршин, что учителя называли "Сечь на воздушех". Секли его два секаря с двух сторон, а иногда запарывали до бесчувствия, так что уносили его на место, а после урока сторожа или товарищи отводили его домой, где он лежал иногда неделю и более и не ходил в класс. За худое чистописание в 1 классе часто секли учеников розгами по рукам и заставляли потом опять писать. Могли хорошо писать вспухнувшие от розог руки? Чем руководились наши учителя в порках учеников, укажу следующие три случая (я их очень хорошо помню).

Был урок пения во II классе; а известно, что не все ученики способны к пению, и потому иные, и зная ноту, поют худо и вздорно. Спросил раз учитель пения одного из таких неспособных - пропеть "С нами Бог". Песнь эта по обиходу начинается с очень высоких нот, как известно. Лишь только ученик взял первую высокую ноту, весь класс так и грохнул от смеха, а первый ученик - громче всех. "Лоз!" - крикнул учитель, обращаясь к первому ученику: "Ты смеялся!". На заявление ученика, что смеялся весь класс, учитель ответил: "Ты громче всех. Ложись!". И влепил ему, несчастному, 150 лоз. По окончании порки ученик шел на свое место и долго горько плакал. К концу урока он немного успокоился и, увидав на парте муху, поймал ее и раздавил. Учитель, заметив это, записал в журнал "за мухоловство". На вечерней молитве в тот же день инспектор высек этого ученика уже за мухоловство в классе и дал ему опять 150 лоз.

Пришел в III класс на послеобеденный урок священной истории один учитель сильно пьяный. Вошедши в класс, он подошел к первому ученику по разрядному списку и сказал ему: "Ты мальчик хороший, учишься ты хорошо; но иногда шалишь, а мне драть хочется, ложись!". Делать нечего, - лег, и его высекли. Второй ученик был очень смирный, хорошо учился и, к удивлению всех, ни разу не был в жизни высечен. Учитель, обратившись к нему, сказал: "Первого высек, как же тебя не высечь? Ложись!". И второй ученик был высечен в первый раз в жизни только потому, что так захотелось пьяному учителю. Потом и другие учителя с легкой руки пьяного учителя стали его сечь. А затем целый уже урок прошел у него в порке остальных, уже без всяких оговорок. Чтобы описать третий случай, нужно сделать небольшое объяснение. Кроме розог в нашем училище практиковались другие наказания. Каким иногда издевательствам над мальчиком, каким только побоям и истязаниям не подвергались бедные ученики! У одних учителей был обычай "молоть кофе", то есть учитель брал ученика за волосы и кружил его, кружил долго, пока у этого не образуется порядочная плешь; таким образом многие из наших учеников прежде времени ходили плешивыми. Стоять на коленях отмеченным не знающими мы не считали почти и наказанием. Но вот было варварское наказание для учеников: стояние на голых коленях посреди класса на песке, причем иногда время от времени давалось два полена в руки и этой пытке подвергались иногда ученики 2-, 4-, 6-го и даже более старших классов. Мы с братом в 3-м классе подвергнуты были однажды зрителем училища такому наказанию на целую неделю, но без полен в руках, за то, что вследствие половодицы возвратились в училище позже недель с пасхальных вакаций от родителей, которые по стечению неблагоприятных обстоятельств были переведены в это время в дальнее село, в 120 верстах от города. Как будто мы, мальчики, были виновны в том! Злее и свирепее всех учителей был преподаватель арифметики и географии, священник о. А-ий. Это был зверь, а не учитель, не знавший сам предмета и заставлявший зубрить из учебника "от энтих до энтих", как он выражался, не объясняя нам решительно ничего. Понятно, мы зубрили, но ничего не знали из арифметики, каждый урок ожидая его с великим страхом и трепетом! Даже секари, и те его боялись, так как он и им не давал спуска и порол их. Завидя его подходящим к училищу, мы все крестились и молились: да пронесет Господь мимо нас страшную грозу! Но гроза являлась, плотная, высокая, здоровая, сердитая; вошедши в класс и обозрев стоящих на коленях, еще до чтения молитвы, он уже кричит громовым голосом: "Лоз!". Все дрожат, особенно стоящие на коленях. Не спрашивая урока и не проверяя отметок аудиторов, он прежде всего начинает пороть незнающих, а таких у него всегда было много. Затем принимается за знающих,

заставляет их написать на доске цифры в два числа: вверху 1850, а внизу 15647, и спрашивает ученика, что с ними нужно делать? Ученик недоумевает. И вот - хват! летит затрещина, да какая! Ученик сразу падает тут же у доски. Был один случай с учеником, который от удара учителя упал, побледнел и пролежал без сознания более часа. Зверь струсил и стал, было, поднимать ученика, говоря: "Вася, встань!". Но тот не шевелился, его отнесли на место, и потом он всю жизнь не слышал одним ухом. Еще у этого учителя было наказание: поднимет ученика за виски и пронесет его по классу туда и обратно. Оставшиеся в живых его ученики до сих пор вспоминают о нем с содроганием. А был священник! За то и смерть его была, по словам очевидцев, самая мучительная. Избавились мы от него еще до смерти: приехал ревизор, инспектор семинарии, как раз ко времени июльских экзаменов. Здесь он увидел наши знания по арифметике и тут же распорядился об увольнении зверя-учителя. К началу следующего года на его место послан был другой, молодой; о нем я скажу дальше. Был еще один учитель латинского языка, маленький, горбатенький, в сущности - человек благодушный; но сечь и колотить любил, хотя не так много, как другие: лоз 10, 15. Больше он ставил на колени и делал это особым образом: выставит гуськом учеников по всему классу друг за другом по ту и другую сторону парт, а средину оставит пустую для своего прохода. Затем он пойдет по классу и толкает последнего ученика своей маленькой ножонкой: этот конечно, падает, роняет другого, другой - третьего и т. д. до конца, все падают и нарочно катятся под парты, а он самодовольно улыбается: вот-де я какой богатырь! Но больше всего он любил при чтении латинского текста за неправильное произношение слов бить ученика в голову кулаком, для чего вызывал всегда к своему столу. Если ему надоело самому колотить в голову, то он иногда вызывал двух учеников: один читает, а другой следит за ним. Лишь только читающий сделает ошибку, учитель говорит другому ученику: "Дай ему коку в голову". Тот дает. Затем переменяет их роли, и уже битый бьет небитого. Был учитель чистописания, не тот который когда-то сек по рукам, а другой после него. Каждому ученику он выдавал особую пропись в начале года, на которой были написаны какие-нибудь изречения, например, на моей: "Праздность есть мать всех прочих пороков". И эту пропись писали мы до рождественских экзаменов, так как у нас в течение года было два экзамена: перед Рождеством и в июле. Этот учитель чистописания чинил нам перья, так как мы писали гусиными перьями, а остальных тогда и помину не было. Для чинки перьев он собирал с нас 60 копеек, денег на перочинный ножичек, который и оставался всегда у него. При новом наборе учеников он делал тот же сбор. Написав свою пропись, каждый ученик подавал ее учителю, который рассматривал ее тут же при нас и делил их на две части. По подаче и пересмотре всех тетрадей, он брал одну из этих частей, всегда побольше, называл фамилии учеников, дурно написавших, и командовал: "Ложитесь все разом! 1-му пять лоз; 2-му десять, остальным по 13, а последним двум по 25 лоз". Являлись три-четыре секаря из 2-го класса, который был рядом с 1-м; а так как весь пол был устлан мальчиками, что представляло весьма смешную картину, то секари пороли наказываемых со смехом, а сам учитель, подпирая бока руками, смеялся громко до упаду".

В 1643 году парижскому парламенту пришлось в течение целых двух заседаний разбирать дела богатого бакалейного купца города Тура - Дюху, который просил развода с женой вследствие того, что она вступила в связь с одним сапожником.

В своей жалобе бакалейщик пишет, что 12 января 1643 г. он купил на рынке много разной рыбы и, между прочим, большую камбалу. Рыбу он отослал своей жене при записке, в которой просил приготовить ее получше, так как он намерен к завтраку в двенадцать часов пригласить ксендза и еще несколько приятелей.

На его же записке жена ответила ему, что он может приглашать кого угодно, что она постарается приготовить рыбу превосходно.

Разбирая рыбу и увидав крупную камбалу, она решила, что для мужа и его гостей вполне довольно и остальной рыбы, а камбалу через свою старинную приятельницу отправила к своему возлюбленному, сапожнику, попросив ее предупредить его, что она придет к нему ужинать и есть вместе камбалу, а затем останется у него ночевать...

Сапожник, получив такую чудную камбалу, позвал кухарку и велел ей приготовить на ужин вместе с другими блюдами, предупредив ее, что он будет ужинать со своей возлюбленной.

Около двенадцати часов дня пришел из лавки домой бакалейщик вместе с ксендзом и еще тремя приятелями, которых он пригласил есть камбалу. Не успели они раздеться и поздороваться с его женой, как он всех своих приятелей потащил на кухню показать им замечательную камбалу. Он позвал свою жену и просил показать ее друзьям. Та удивленно посмотрела на него и ответила, что никакой камбалы она не получала... Была разная рыба, но камбалы не было. Купец был страшно взбешен и, схватив палку, бросился на жену, но ксендз и приятели удержали его и успокоили.

Он продолжал клясться и уверять, что он купил громадную камбалу, но жена, чтобы сделать ему назло, спрятала ее или отдала кому-нибудь...

В конце концов, решено было завтракать без камбалы. Все уселись, и началась выпивка. Купец и его друзья изрядно выпили и уговорились провести целый день вместе: идти сейчас погулять за город, потом обедать у ксендза... Событыльники слегка подшучивали над знаменитой камбалой. Купец ворчал и говорил, что он жене этой шутки не простит...

Жена заметила, что муж, вернувшись с прогулки, пронес в спальную, стараясь скрыть от нее, какой-то пакет. Когда он через час отправился обедать к ксендзу, она стала разыскивать пакет и нашла его спрятанным под кроватью. Развернув его, она увидела два пучка свежих березовых прутьев. Она догадалась, что муж собирается ее наказывать за пропавшую рыбу...

Тогда эта хитрая дама бежит к своей приятельнице, молоденькой вдове. Ей она со слезами на глазах рассказывает, что муж ее очень любит ласкать и что последнюю ночь он так ее часто ласкал, что она просто боится ласк, ожидающих ее сегодня ночью, а потому умоляет заменить ее. За это она сумеет ее отблагодарить...

Вдова, как оказалось на суде, согласилась не без некоторого колебания. Уложив свою приятельницу вместо себя в кровать, предупредив ее, что она должна притворяться нездоровой и ни слова не говорить, а главное, конечно, не показывать своего лица, жена бакалейщика отправилась к своему возлюбленному есть камбалу и ночевать.

Между тем бакалейщик вернулся домой довольно поздно и порядочно навеселе, но все-таки не настолько, чтобы не помнить своего намерения наказать жену розгами за устроенную ею штуку с рыбой.

На рассвете он схватил свою якобы жену и, положив ее поперек кровати, жестоко выпорол розгами, так, что она была вся в крови и почти потеряла сознание... Бедная вдова, которая ожидала совершенно другого угощения, как только ушел купец в лавку, убежала к себе, проклиная свою коварную подругу.

Во время отсутствия мужа жена вернулась и нашла в спальне массу обломков от розог и все простыни, выпачканные кровью. Она тотчас же хорошенько вымела комнату, заменила выпачканные простыни чистыми и сама улеглась в кровать, тем более, что она нуждалась в отдыхе.

По возвращении из лавки, муж был крайне удивлен, что застал жену спокойно лежащей в кровати. Правда, его удивило немного, что в то время, как он сек жену розгами, она только стонала, но не произносила ни одного слова в свою защиту. Подобную странную покорность он объяснял только тем, что жена была вполне виновна и не знала даже, что сказать в свое оправдание... Но теперешнее ее спокойствие, после такого строгого наказания розгами, было просто непостижимо для него...

- А не пора ли вставать? - сказал он.

- Анри, - отвечала жена, кокетливо и с улыбкой потягиваясь, - разве уже так поздно? Ты знаешь, я совсем не слыхала, как ты ушел, я видела очень странный сон.

- Я думаю, - отвечал муж - что ты видела камбалу во сне, не правда ли? Меня это нисколько не удивило бы, так как я тебе ее отлично сегодня утром напомнил.

- Честное слово, я не видала во сне ни тебя, ни твоей камбалы.

- Как, - сказал муж, - ты ее так скоро забыла?
- Представь, что я совсем забыла свой сон и положительно ничего не помню из него, - отвечает жена.

- Ну, а то, как я выпорол тебя розгами, тоже забыла?

- Выпорол меня розгами?

- Да, тебя! Обломал целых два пучка розог, в чем можно убедиться, посмотрев на выпачканные кровью простыни.

- Ты просто, мой друг, болен... Я не знаю, что ты делал или что задумал, но я одно только помню, что ты меня сегодня рано утром очень мило приласкал... Что касается до всего другого, то, вероятно, ты видел все это во сне, как приснилось тебе, что ты мне прислал камбалу.

- Это просто чудо, дай-ка я осматрю тебя хорошенько. - Осмотрев жену и увидав, что на ней нет никаких следов розог, а простыни не выпачканы в крови, купец превратился в столб от удивления. Постояв несколько секунд в полном оцепенении, он затем сказал:

- Знаешь, мой друг, я был убежден, что я тебя сегодня до крови высек розгами за пропавшую вчера рыбу. Но теперь я вижу, что этого не было, и просто ума не приложу, что произошло.

- Перестань об этом думать, - сказала жена, - согласишься, что ты во сне меня наказывал розгами, так же, как вчера во сне послал мне камбалу.

- Теперь я вижу, что ты права и я погорячился, упрекая тебя при чужих. Прости меня!

- Охотно прощаю тебя, но только на будущее прошу тебя быть сдержаннее.

- Клянусь тебе, мой ангел, - отвечал растроганный муж, - больше этого никогда не будет.

Обман вполне удался бы, если бы озлобленная вдова не рассказала всю проделку жены.

Французский парламент утвердил приговор местного суда о разводе супругов и наказании неверной супруги пятилетним заключением в монастыре и запрещением на всю жизнь вступить в брак.

Тот же парламент разбирал просьбу о разводе дамы из Реймса. Дело слушалось в марте 1675 года. Жена одного адвоката в Реймсе просила ее развести с мужем, так как он редко ее ласкает...

Дело в том, что древние христианские законы относились к требованиям плоти довольно враждебно, а потому запретили близкое сближение с супругами в дни поста, в большие праздники и даже накануне таких праздников. Нарушение этого запрещения считалось большим грехом.

Бесполезно говорить, что не все женщины были способны подчиняться этим суровым законам и героически соблюдать воздержание; если даже большинство из них не особенно страдало от неудовлетворения своей половой потребности, то все-таки находилось немало и таких, которые считали ссылку мужей на религиозные законы недостаточно обоснованной и обвиняли в бессилии, отчего возникло изрядное количество процессов о разводе, вроде процесса рейм-ского адвоката.

Жена его объясняла в своей жалобе, что с первых же дней замужества муж ей постоянно проповедует о том, что "брак установлен в целях серьезных, а не удовольствия и любовных наслаждений, что он будет исполнять свои супружеские обязанности в две недели раз, как всякий порядочный муж, по его мнению, должен поступать". Затем он приводил ей много религиозных доводов.

В течение десяти дней молодые супруги находились спокойно в своей спальне и, по словам мужа, он думал уже, что его жена вполне согласилась с его мнением и доводами Святых Отцов Церкви о великом грехе сближения в известные дни, как вдруг 6 января, в день Крещения, вечером, когда они уже легли, жена стала требовать, чтобы муж ей выдал авансом то, что ей следовало только через четыре дня. На его отказ жена стала настойчиво требовать, обвиняя его в бессилии. Тогда взбешенный муж вытащил жену в сарай, где при содействии кучера и горничной привязал ее на скамейке, и велел кучеру дать ей семьдесят

пять розог, предупредив, что в следующий раз он ее за подобную штуку накажет розгами гораздо строже. Жена, по-видимому, успокоилась и обещалась больше не предъявлять к нему неуместных требований или обвинений, но на другой день уехала в замок к родителям, откуда подала жалобу на мужа, обвиняя его в бессилии и истязании ее и прося развод.

Парламент утвердил приговор местного суда, постановившего не только отказать жене, но неосновательности, в разводе, но подвергнуть ее наказанию плетьюми в тюрьме, в количестве двадцати ударов. Тогда муж с женой подали прошения на имя короля. Первый просил заменить наказание плетьюми при тюрьме, предоставив ему самому наказывать жену ста ударами розог дома, не через тюремного палача, а через свою собственную прислугу. Жена просила о том же.

Король уважил просьбу супругов и разрешил заменить наказание плетьюми наказанием розгами дома и через собственную прислугу мужа, но с тем, чтобы жене было дано сто пятьдесят розог, и наказание было произведено в присутствии ее духовника, который должен наблюдать, чтобы жена была наказана строго и полным числом ударов, о чем ксендз обязан донести своему епископу, которого просили копию с донесения препроводить в парламент {Парламент во Франции в те времена представлял высшую судебную инстанцию, вроде нашего сената. - Переводчик.}.

При деле действительно подшита копия с донесения аббата Флориана епископу, из которой видно, что 22 сентября 1675 г. жена была наказана розгами в том же сарае, где и первый раз; сек ее тот же кучер. После восьмидесяти девятого удара наказываемая потеряла сознание, и пришлось позвать врача. Врач быстро привел в чувство бедную женщину и нашел, что потеря сознания чисто нервная, а потому свободно можно продолжать наказывать без всякого вреда для здоровья. Как только он удалился, жену опять привязали на скамейке и дали остальное число розог. Аббат добавляет, что она "больше не теряла сознания, но страшно сильно кричала и по окончании экзекуции с трудом встала со скамейки".

К сожалению, мы не имеем сведений, исправилась ли жена...

В появившемся недавно в печати дневнике известных французских романистов братьев Гонкур есть довольно яркий эпизод, из которого видно, насколько сильно может овладевать субъектами страсть к флегелляции: "Сегодня я посетил одного сумасшедшего. Через него, как через разорванный занавес, я увидел отвратительную пропасть, гнусную сторону истаскавшейся денежной аристократии, вносящей жестокость в чувство любви и находящей, благодаря развращенности, удовлетворение в причинении женщине страдания".

На балу в парижской опере он был представлен одному молодому англичанину, который, просто чтобы начать разговор, сказал, что в Париже нет настоящих развлечений, что Лондон стоит в этом отношении неизмеримо выше Парижа, что в Лондоне существует очень хороший дом миссис Женкинс, где собраны молодые девушки, начиная от тринадцати лет, которых сперва заставляют изображать учениц в классе, а затем секут розгами, тех, которые помоложе, не особенно сильно, ну, а которые постарше - так очень сильно. Им можно также засовывать булавы, не особенно далеко, но только так (и он показывал нам кончик своего пальца), чтобы выступила кровь. Затем молодой человек спокойно и невозмутимо продолжал: "У меня жестокие вкусы, но я не иду дальше людей и животных... Когда-то я нанял с одним моим большим приятелем за огромные деньги окно, из которого можно было видеть, как будут вешать женщину-убийцу, мы даже взяли с собой женщин, чтобы с ними развлечься, - при этих словах он продолжал сохранять на лице самое скромное выражение, - как раз в ту самую минуту, когда она будет повешена. Мы даже просили палача поднять ей юбки во время повешения... Но такая досада, королева в самую последнюю минуту помиловала ее".

"И вот сегодня Сен-Виктор вводит меня к этому жестокому оригиналу. Это еще молодой человек лет тридцати, лысый, с голубыми светлыми и живыми глазами, кожа у него совсем прозрачная, а голова его, как это ни странно, напоминает пылких молодых ксендзов, окружающих на старинных картинах епископов. Элегантный молодой человек, у которого в руках и движениях нет гибкости, как это обыкновенно бывает у людей с начинающейся

болезнью позвоночного столба, отличается чрезвычайной вежливостью в обращении с вами и замечательной мягкостью манер.

Он открыл большой библиотечный шкаф, где у него хранилась громадная коллекция эротических книг в превосходных переплетах и, протягивая мне сочинение Мейбониуса "О пользе флегелляции при брачных и любовных наслаждениях", переплетенное одним из лучших переплетчиков Парижа, с особыми железными застежками, изображающими фаллусы и черепа, - сказал:

- Ах эти застежки... Вы знаете, сперва он не хотел переплести с ними... Тогда я дал ему почитать книги из моей библиотеки... Теперь он мучает свою жену... бегают за маленькими девочками... Но зато переплетает мне с такими застежками... - Потом он нам показал книгу, приготовленную для переплета, и сказал: - Для этой книги я жду кожи молодой девушки, обещанной мне одним из моих приятелей... Ее дубят... Нужно шесть месяцев на дубление... Вы, может, захотите ее посмотреть тогда? Но она ничего особенного не представляет; главное - это то, что требовалось снять ее с совсем живой девушки... К счастью, у меня нашелся приятель, доктор Барч, вы знаете, тот самый, который путешествует по Африке; так вот, он обещал мне после одного избиения негров велеть снять живьем кусок кожи с какой-нибудь молодой негритянской девушки. - Как маньяк, он постоянно смотрит на свои ногти, вытянув пальцы рук перед собой, и все время говорит, говорит каким-то певучим голосом, который, как винт, вводит в ваши уши эти каннибальские речи"...

Обнажение тела при телесных наказаниях почти всегда считалось необходимым. Нагота телесная во все времена рассматривалась, как нечто приятное божествам.

В Греции циники, вроде Диогена, имели обычай появляться публично совершенно голыми, а между тем их считали за святых.

В Индии факиры не носят одежды, а свои религиозные упражнения они совершают постоянно публично. Там очень часто можно встретить флегеллянтов разгуливающими на городских улицах совсем голыми.

Обыкновенно у религиозных фанатиков обнажение тела сопровождается почти всегда бичеванием его. Можно подумать, что плеть или розги в таких случаях как бы лишают наготу бесстыдства.

С подобными же фактами мы встречаемся у протестантов. Густав Шульц в небольшой книжке, напечатанной им в 1872 году, утверждает, что "главным злом в монастырях, особенно женских английских, является наказание розгами или плетью провинившихся монахинь и послушниц по обнаженному телу; это, как заметили врачи, в сильной степени возбуждает половой аппетит, который, не находя удовлетворения нормальным способом, толкает в монастырях на онанизм или гомосексуальный порок молодых девушек, а частенько и монахинь-учительниц со своими воспитанницами. Это вовсе не клевета на монастыри; многочисленные воспоминания, дневники, записки и словесные рассказы после выхода замуж целого ряда дам, получивших воспитание в различных монастырях, подтверждают все вышеизложенное".

Во многих женских монастырях телесные наказания монахинь производились в присутствии всех, причем подобное безобразие оправдывалось словами из Священного Писания: "Стыдите грешниц в присутствии всех".

В 1817 году один церковный собор постановил, что провинившихся монахов следует наказывать телесно в присутствии всех монахов, чтобы их сильнее пристыдить.

Кардинал Дамиен говорит, что нагота является обязательной при телесном наказании лиц обоего пола, так как наказываемый грешник не должен стыдиться быть и том же самом положении, в котором был сам Христос. Иезуиты советовали флегелляцию по обнаженному телу как средство умерщвления плоти.

Некоторые из католических святых, по моему мнению, из числа импотентов, защищались при помощи флегелляции от женщин, приходивших искушать их.

Аббат Буало рассказывает подобное приключение со - Св. Бернардином из Сиенна: "Однажды, когда Бернардин вышел, чтобы купить себе хлеба, одна городская женщина

завала его к себе в дом. Как только он вошел к ней в дом, она заперла дверь на ключ и объявила ему, что если он не исполнит ее требования, то она его опозорит, напечатав, что он покушался изнасиловать ее.

Бернардин, поставленный в такое двусмысленное положение, обратился внутренне с горячей молитвой к Богу, прося его прийти ему на помощь, так как самое преступление ему страшно не хотелось совершить.

Бог услышал его молитву и внушил ему сказать женщине, что он готов исполнить ее желания, если только она разденется донага.

Женщина тотчас же исполнила его требование, тогда Бернардин вынул плетку, которую он носил всегда при себе, и стал пороть недостойную женщину, пока у ней не пропало от боли все половое возбуждение. Впоследствии она еще сильнее полюбила добродетельного мужа, а ее муж стал относиться к нему с особенным уважением, когда узнал о поступке Бернардина".

Все тот же аббат Буало рассказывает о подобном приключении с другим монахом. Раз этого монаха приютили в одном замке в Пьемонте. Он лег спать и спокойно заснул, как вдруг был разбужен молодой девушкой, свеженькой и прекрасно сложенной, которая потребовала от него заняться с нею любовными удовольствиями.

Монах быстро вскочил с постели, схватил свою плетку и стал безжалостно хлестать по чем попало девушку до тех пор, пока у нее не показалась во многих местах кровь и не исчезли похотливые желания.

Не только полная нагота женщины является могучим средством для полового возбуждения мужчины, но даже пластическая красота некоторых частей ее тела ласкает взор мужчины и вызывает в нем стремление потрогать их, приласкать и даже поцеловать.

В античные времена особенно безгранично восхищались местом соединения круп с ляжками. Греки воздвигали даже особый храм в честь Венеры с красивым крупом. Римляне не меньше греков ценили красоту круп. Поэт Гораций говорит, что для любовницы это большое несчастье - иметь некрасивый круп, совершенно одно и то же, как иметь сплюснутый нос или длинные ступни, одним словом, безобразный круп может внести полную дисгармонию при совершенстве всех остальных форм тела женщины.

Все народы мира смотрели всегда на эту часть тела, как на специально предназначенную для принятия ударов розгами, плетью и другими орудиями телесного наказания.

Впрочем, на флагелляцию врачи античного мира часто смотрели как на хорошее медицинское средство, судя по словам многих тогдашних известных писателей.

Сенека говорит, что флагелляция способна вылечить от лихорадки, так как движение под ударами розог или плети заставляет скорее циркулировать кровь.

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В СОВРЕМЕННОЕ НАМ ВРЕМЯ

Про императора Вильгельма недавно рассказывали во французских газетах следующий анекдот: император присутствовал в своей трибуне на скачках; свежий, одетый в прекрасно сшитый мундир, окруженный блестящей свитой из офицеров и раздетых в роскошные туалеты придворных дам и девиц.

В этот день император был в особенно хорошем настроении, и когда одна из придворных дам, чтобы лучше видеть прибытие к столбу какого-то чемпиона, довольно сильно перегнулась за балюстраду трибуны, выставив свой округленный круп, - император несколько раз ударил по нему своим хлыстом.

Дама, вся покраснев от стыда, встала, а император залился веселым и добродушным смехом.

Я не стану утверждать, что этот случай дает право причислить императора к приверженцам телесных наказаний.

Рассказанный французской газетой анекдот, по-моему, забавен только потому, что участвующие лица - император и придворная дама.

В другом круге общества, например во время свадьбы в деревне, считается признаком

хорошего тона и очень забавным, если кавалер ударит свою даму по спине; девушка протестует, и все раздражаются веселым смехом.

Я вовсе не думаю делать сопоставлений.

Понятно, флагелляция в Германии была распространена в те самые эпохи, что и у других народов Европы и с тем же самым церемониалом. Однако можно сказать с полной уверенностью, что в Германии розги и плеть всегда были в большем почете, чем, например, хотя бы во Франции.

Если во Франции сравнительно уже давно в тюрьмах не наказывают телесно женщин, то нельзя то же самое сказать про Германию.

Всего каких-нибудь тридцать лет тому назад наказание плетью в женских тюрьмах уничтожено официально. Но, по-видимому, только официально, хотя я не могу указать на случаи телесного наказания в недавнее время в тюрьмах Германской империи.

Розги и плеть, если судить по книжному рынку, играют чрезвычайно важную роль в немецкой литературе; существует множество произведений, которые как бы специализировались на изучении исследуемой нами страсти, многие авторы, вроде Захер Мазоха и Рейнгарта, написали объемистые книги, которые, кстати сказать, не прибавили им уважения современников.

Первый увековечил свое имя в клиниках, а другой обретается в полном забвении, о котором он, конечно, не мечтал, когда писал свои романы.

Романы Захер Мазоха трактуют флагелляцию в целях сладострастия, я их оставлю в стороне и остановлюсь в этой главе на двух больших томах, написанных Рейнгартом и названных им "Вступление Елены" и "Выход Елены".

Оба эти сочинения являются довольно тщательным и продуманным изучением обычаев и нравов, существующих в германских тюрьмах. Краски, которыми описаны им места для заключения преступниц, достаточно живы; нарисованная им картина за пятьдесят лет не могла поблекнуть.

Елена - это совсем юная девушка, кроткая и хорошенькая, которую несчастная любовь, немного ребяческая, хотя и героическая, приводит в тюрьму для отбытия назначенного ей судом наказания. В целом ряде писем она рассказывает одной из подруг свои впечатления и особенно выдающиеся события, в которых ей приходится принимать участие.

Розги и плеть занимают одно из первых мест в письмах Елены, которая с мельчайшими подробностями описывает наказания, свидетельницей которых ей приходится быть.

То молодая девушка, виновная в том, что утаила свою беременность, растягивается на скамейке и наказывается розгами по обнаженному телу в присутствии своих товарок по заключению.

В другой раз совсем юную девушку, виновную в покушении на отравление тетки, порют почти ежедневно в наказание за ее преступление.

Наконец, - и это самое лучшее место в книге, - сама Елена должна подвергнуться публичному наказанию розгами, она, кроткая и такая милая девушка, должна испытать это наказание, назначенное для всякой вновь поступившей в тюрьму; заключенные дали ему кличку "вступительное приветствие".

Ее выводят на тюремный двор; толпа состоит из любителей сильных ощущений, среди которых теперь особенно много разодетых в пух и прах барынь, проведавших, что сегодняшнее наказание будет особенно интересным ввиду молодости и красоты преступницы.

Появление Елены и ее манера держать себя производят на присутствующих благоприятное для нее впечатление. Все ей симпатизируют, но в то же время почти все, видимо, горят желанием поскорее увидеть экзекуцию такой хорошенькой жертвы...

Палач со своими двумя помощниками быстро укладывает жертву на скамейку и обнажает ее. Затем - свист розог, дикие крики...

Елена пробует вырываться, но помощники палача держат крепко, и она оставляет бесполезные попытки... Сперва она выкрикивает какие-то слова, но потом от боли у нее

захватывает дух и она не может уже произносить слов, а только дико кричит, как баран, которого режут...

Елена описывает стыд, который она испытала, когда ее укладывали на скамейке и руки чужих мужчин касались ее обнаженного тела.

Со скамейки после наказания тридцатью ударами розог она встала только с помощью помощников палача...

Едва держащуюся на ногах, ее отвели в тюрьму, где подруги по заключению проявили много трогательного участия: утешали ее, лечили иссеченные места и т. д.

Другой том того же автора является продолжением первого.

Назван он "Выход Елены" и написан тоже в форме писем Елены, но в нем есть одно ответное письмо молодой подруги Елены, в котором та с мельчайшими подробностями описывает телесные наказания провинившихся учениц в школах целомудренной Германии.

Чтобы утешить свою юную подругу, молодая девушка в одном месте своего письма вспоминает их ученические годы и первое телесное наказание Елены, которой было тогда двенадцать лет. Елена была хорошенькая девочка, довольно полная, белокурая, две чудные косы золотистых волос падали на плечи.

За какой-то пустяк ее решили высечь розгами.

Наказывать ее должна была ее классная дама.

Елена покорно исполнила приказание и легла к ней на колени. Та подняла ей юбочки и, по ее мнению, целую вечность возилась с развязыванием ей панталон. Наконец она их развязала, и Елена была обнажена.

Классная дама начинает сечь розгами, Елена кричит и просит прощения, в то время как присутствующие ученицы с любопытством и вниманием смотрят на экзекуцию.

- Какая она хорошенькая, - говорит одна из подруг Елены другой шепотом, - меня так и подмывает выйти и поцеловать ее!..

Но наказание совершенно неожиданно усложняется тем, что классной даме приходит фантазия приказать каждой из присутствующих учениц дать Елене по три удара розгами по крупу, на котором уже было немало красных полосок.

Первой должна сечь Лолота, та самая, которая пишет это ответное письмо; она дрожащими руками берет из рук классной дамы розги и отчасти из страха от угрозы классной дамы высечь немедленно каждую девочку, которая будет слабо, не из всей силы, ударять, а больше от нервного возбуждения, бьет сильно и как раз по тем местам, которые ей известны как самые чувствительные. Она сознается, что была страшно довольна, когда после ее удара Елена сильно вскрикнула и особенно, когда увидела выступившую каплю крови... Ей стыдно в этом теперь сознаться, но она была счастлива и после третьего удара с сожалением передала розги следующей ученице...

Заканчивая свое послание, написанное с очаровательной детской простотой и откровенностью, чуждой всякой фальшивой сочиненности, она просит Елену простить ее за то, что она была тогда такой злой, что ей теперь особенно тяжело, когда милая, добрая Елена снова должна подвергнуться прежнему унижительному наказанию.

- В моем воображении рисуется, - пишет она, -- что ты, теперь уже взрослая девушка, опять должна будешь поднять свои юбки и показать свое обнаженное тело глазам злой и насмешливой публики!

Увы, это была печальная правда. Согласно тому же дикому закону, Елена за день до выхода из тюрьмы снова должна подвергнуться "прощальному" наказанию розгами.

Ей еще раз придется лежать на скамейке и показать все прелести своего девственного тела...

Второе письмо, это - письмо Елены к Лолоте; в нем несчастная арестантка подробно описывает "прощальное" наказание розгами.

Она опять на том же тюремном дворе, что и в первый раз, все перед той же ужасной скамьей; невольно ее взор упал на кучу пучков розог, которыми сейчас ее будут наказывать, и она отшатнулась назад, - они ей показались очень длинными и очень толстыми, а она знает,

что ей теперь дадут уже не тридцать розог, а сорок.

Дело в том, что тюремное начальство, ввиду особенно хорошего поведения Елены во все время заключения, ходатайствовало перед высшим начальством об освобождении ее от обязательного перед выходом из тюрьмы наказания розгами в количестве пятидесяти ударов самое меньшее.

Высшее начальство отказало в освобождении совсем от наказания, а разрешило наказать ее сорока розгами, т. е. уменьшило наказание на десять ударов.

Елена покорно идет к скамейке и сама ложится на нее, только слезы льются градом по щекам.

Вот она привязана и обнажена, как и в первый раз, на глазах гогочущей и толкающейся, чтобы лучше видеть экзекуцию, толпы.

Палач стоит уже с поднятыми розгами и ждет от начальника тюрьмы только разрешения начать сечь ее.

Наконец раздается свист розог в воздухе, и ее начинают пороть.

Нестерпимая боль заставляет забыть всякий стыд, и Елена кричит, вертится под розгами и невольно принимает бесстыдные положения на глазах сотен зрителей.

Она должна испить чашу до дна. Но это уже конец ее мучениям. После наказания ее отводят в одиночную камеру, где ей объявляют, что завтра она будет выпущена из тюрьмы.

Теперь она соединится со своим женихом и в счастливой любви забудет всю горечь прошлого.

Книга Рейнгарта представляет одно из редких сочинений, основанных на "человеческих документах". В ней нет глупых, сочиненных сцен, не возбуждающих никакого волнения в читателе.

Вот почти все, что можно сказать относительно телесного наказания в германских тюрьмах.

В наши дни, как известно, полиция очень любит задерживаемых ею лиц подвергать побоям. Это практикуется более или менее часто почти во всех странах. Так, в Москве в одном из полицейских участков высекали, если не ошибаюсь, помощника присяжного поверенного. В Петербурге в одном полицейском участке наказали розгами пятнадцатилетнюю девушку-проститутку. Наказать ее розгами разрешил пристав, двое городских растянули ее на скамейке и держали, пока ее порола собственная мать. Но мы знаем об этих фактах только потому, что они дошли до суда. Тысячи, если только не десятки тысяч, остаются неоглашенными. Правда, в других странах не порют, а просто колотят... Хотя для женщин довольно часто везде делается исключение и их не подвергают побоям, как мужчин, а поднимают юбки и шлепают руками довольно чувствительно, в редких случаях обнажают, и шлепки заменяются розгами, плеткой или другим каким-нибудь попавшимся под руку орудием наказания... Это менее опасно.

В первом томе я говорил о наказании розгами школьников и школьниц в польских провинциях Пруссии. Думаю, что газеты немного преувеличили в политических целях суровость подобных наказаний польских детей. В Германии во всех школах секут мальчиков и девочек розгами за более или менее важные проступки. Это наказание считается излюбленным для поддержания школьной дисциплины.

Бесспорно одно - что телесные наказания имеют несравненно больше защитников в англосаксонских и некоторых славянских странах, чем в латинских.

Можно ли из этого сделать вывод, что последние в своих нравах более цивилизованы?

Я этого не думаю... Кто хорошо знает кодекс целомудрия, для того не тайна, что одно и то же наказание, унижительное для французского ребенка, является самым естественным наказанием для английского, немецкого или русского ребенка.

Не следует видеть нарушения целомудрия в известном слове или известной части нашего тела, произвольно объявленным позорным. Впечатление, вызываемое видом тех или других частей тела, совершенно так же, как отвращение к мясу тех или других животных, является плодом воспитания целого ряда поколений, так сказать, атавизма, который не

всегда отличается строгой логичностью.

Интересующихся этим вопросом я отсылаю к превосходному сочинению французского профессора Ш. Летурно "Нравственность. Развитие ее с древнейших времен и до наших дней".

Французский писатель Фернанд Шаффиноль в недавно выпущенной им книге, на основании документов, открытых им в государственных архивах, записок современников и семейных архивов, утверждает, что Екатерина Медичи не брезговала собственноручно иногда наказывать розгами неугодивших ей фрейлин или даже горничных, как наказывают совсем маленьких девочек. Он собрал массу анекдотов, которые служат лучшим доказательством, до чего была распространена в то время при дворе флелляция. Так, например, честь сидеть на табуретке у ног императрицы была сопряжена со многими тяжелыми обязанностями, благодаря которым "счастливица" частенько навлекала на себя громы суровой королевы-флеллянтши.

Если иногда страдала хорошенькая головка провинившейся фрейлины, по лицу которой раздавалась звонкая королевская плюха, то несравненно чаще страдала часть тела противоположная, столь удобная для прогулок розог и плетки... От такой чести не были избавлены самые аристократические особы.

Шаффиноль утверждает с документами в руках, что подобные наказания производились королевой без соблюдения всякого уважения к чувству стыдливости наказываемой фрейлины или служанки... Она смотрела на них, как на своих собачонок. За малейший пустяк фрейлину раздевали и секли розгами.*

Была особая женская прислуга, которая обучалась уменью наказывать розгами или плеткой... Их выбирали из числа здоровых и сильных. В таких случаях наказываемой приходилось переносить не только сильную боль, но еще чувствительное унижение от того, что ее наказывает розгами или плеткой прислуга, которая по тогдашним понятиям особенно мало уважалась.

Я уже говорил в предшествующих томах об этой королеве, а потому прошу читателя великодушно меня простить, если я повторю что-нибудь уже сказанное.

Екатерина нередко, если были две виноватые, которых она решила наказать розгами, приказывала им наказывать по очереди одна другую.

Она, по ее собственным словам в письме к одной своей приятельнице, находила забавным видеть озлобленную физиономию той, которой первой приходилось раздеваться и ложиться на скамейку под розги в ожидании, когда она сама, после наказания ее розгами, в свою очередь будет пороть свою мучительницу...

Бывали иногда случаи, что дама секла слабо свою приятельницу, думая этим задобрить и в свою очередь быть легко ею высеченной, но королева за этим строго следила и почти уничтожила подобные штуки тем, что немедленно, если замечала подобное, приказывала позвать прислугу, которой и поручала выпороть обеих, но уже так, что они едва могли сами встать со скамейки. А потому одной угрозы позвать прислугу было достаточно впоследствии для того, чтобы дама поролла вполне добросовестно, нарочно старалась бить не только сильно, но и по самым чувствительным местам, зная, что через несколько минут ее теперешняя жертва постарается отомстить ей за все это...

Редкая дама могла гордиться, что она избегла подобного унижительного наказания.

По словам Шаффиноля, одна молоденькая фрейлина в день своего венчания позволила себе зло подшутить над туалетом и цветом лица королевы, благословлявшей жениха. Королева узнала об этом, велела позвать ее в отдельные комнаты дворца, где в присутствии ее молодого мужа новобранную разложили на скамейке и дали сто розог. Секла ее особая женщина... От стыда фрейлина уехала в свое имение. Она вернулась ко двору через несколько лет, и то по особому приказу королевы, пожелавшей ее иметь под своим началом. И таких дам была масса.

Знаменитый современный русский писатель Максим Горький, как мы видели выше, описывает подробно наказание плеткой девушек в публичном доме. Тот же писатель в

некоторых своих рассказах дает нам сведения об орудиях телесных наказаний. Это розги из березовых прутьев, кнут, плетки, холщовые мешочки, набитые песком; последние имеют то преимущество, что, причиняя боль, в то же время не повреждают кожи наказываемых.

В деревнях девушек секут по обнаженному крупу... Один из наших писателей именно этим специальным массажем объясняет чрезвычайно сильное развитие крупа у русских куртизанок.

В его произведениях можно найти указание на тот странный психологический факт, что русские крестьянки находят подобное обращение вполне естественным, обыкновенно не сопротивляются и не питают никакой злобы к своим палачам за учиненную над ними жестокую порку...

Человек так уже сотворен, что ко всему привыкает и, по словам другого известного писателя, Достоевского, эта способность привыкать ко всему является одной из главных особенностей, отличающей человека от других животных.

До Горького о телесном наказании мужчин в тюрьмах говорил Достоевский. Он указывал на ужас, который вызывает подобное наказание у провинившихся.

В своем бесподобном произведении "Записки из Мертвого Дома" он изучает различные типы каторжников. Один из них рассказывает свою историю, и тут мы наталкиваемся, как на нечто самое обычное, на существование в деревнях телесного наказания женщин с исправительною целью.

В своей семье русская крестьянская девушка довольно часто наказывается розгами, веревками, вожжами и т. п., независимо от ее возраста.

В подтверждение этого мы приведем выдержки из произведения Достоевского "Записки из Мертвого Дома", которое будем цитировать дословно.

Каторжник рассказывает про свое обручение и женитьбу. Чтобы жениться на молоденькой и хорошенькой девушке из богатой семьи, красавице Акульке, он придумал такую уловку. При содействии нескольких бездельников из его банды он вымазал ворота избы, где жила девушка, дегтем, что по местным понятиям является выражением презрения к девушкам, живущим в доме, поведение которых не отличается нравственностью. Но я уступлю слово самому Достоевскому или, вернее, мужу Акульки:

- Вот мы Акульке ворота и вымазали. Так уж драли ее, драли за это дома-то ...Марья Степановна кричит: "Со света сживу!" Бывало, соседи на всю улицу слышат, как Акулька ревмя-ревет: секут с утра до ночи...

В то время и я раз повстречал Акульку, с ведрами шла, да и кричу:

- Здравствуйте, Акулина Кудимовна! салфет вашей милости, чисто ходишь, где берешь, дай подписку с кем живешь! - да только и сказал, а она как посмотрела на меня, такие у нее большие глаза-то были, а сама похудела как щепка. Как посмотрела на меня, мать-то думала, что она смеется со мною, и кричит в подворотню: "Что ты зубы-то моешь, бесстыдница!", так в тот же день отец ее опять драть.

Бывало целый битый час дерет. "Засеку, - говорит, - потому она мне теперь не дочь".

Я не стану приводить всех мест, где идет речь о телесном наказании.

Можно сказать, что нет почти ни одного произведения русского писателя, в котором не была бы посвящена одна или несколько страниц описанию сцен телесного наказания.

Обыкновенно, как мужчин, так и женщин, подвергаемых телесному наказанию, растягивают на длинной, узкой деревянной скамье, обнажают спину, круп и ляжки; затем, в то время как один держит за ноги, другой - за плечи, третий порет розгами или чем попало...

В семьях часто просто хватают провинившуюся и, обнажив, наказывают без помощи скамьи, иногда без помощи посторонних. Нередко привязывают наказываемых на скамью или к столбам или стойлам лошадей и затем секут. Вообще, тут существует масса вариаций.

Невольно является вопрос, не вызывают ли русские крестьянки своим предосудительным поведением необходимости подвергать их телесному наказанию?

В низших классах, как я уже заметил выше, телесное наказание не является наказанием унижительным. Еще не особенно давно, если не ошибаюсь, плетка составляла необходимую

принадлежность приданого новобрачной, не только крестьянки, но даже купеческой девушки.

Чрезвычайно суровый и полный произвола режим вызывает, конечно, протесты. Борьба классов в России в полном разгаре. Репрессии идут с обеих сторон. На бомбы и револьверы отвечают виселицами, порками, ссылками и заключением в тюрьмы.

В России не редкость встретить изящную девушку, с тонкими аристократическими ручками, созданными для держания дорогого веера, вооруженную револьвером большого калибра и стреляющую в представителя власти.

Еще чаще, говорят, можно видеть девушку-революционерку растянутой на скамье в каком-нибудь полицейском участке, нескромно обнаженной и наказываемой розгами... Подобные сцены особенно были часты во время недавних погромов в городах, которые отведены для житья евреям...

Не знаю, насколько верно, но рассказывают, что одна молодая еврейская девушка редкой красоты, чтобы иметь возможность слушать курсы в университете города, где евреям не дозволено жить, записалась в проститутки, которым дозволено жить повсюду вне черты еврейской оседлости. Раз ее вечером задержали и привели в участок. С проституткой не думали особенно церемониться и решили высечь ее розгами. Тогда она открыла, что она не проститутка и что она воспользовалась этим званием для другой цели... Посылают за полицейским врачом, который подвергает девушку освидетельствованию и находит, что она девственница... Тем не менее ее все-таки растянули на скамье, привязали и дали сорок розог... Если даже все это верно, то, по-моему, подобные увлечения при усмирении народных волнений в стране, не особенно цивилизованной и где не все воспитаны в чувстве законности, не представляют чего-нибудь особенно выдающегося...

Казачья нагайка является пугалом у нас на Западе. Нагайка, которую казак держит постоянно в руке и которая иногда гуляет по спине какой-нибудь нежной барышни, вызывая у нее стоны от боли, пускается казаком с единственной целью причинить возможно сильную боль... Казак мало понимает разные тонкости в страстях и, по мнению почти всех русских писателей, не является флагеллянтом в полном значении этого слова. Он не заботится, чтобы жертва была в том или другом положении, обнажена или нет, он не оказывает предпочтения той или другой части ее тела и не старается бить предпочтительно по крупу женщины. Повторяем: он бьет, чтобы заставить почувствовать боль, но не стыд. Наказание женщин в известной постановке, на скамье, розгами и т. д. является уже плодом фантазии более интеллигентных лиц... В таких случаях экзекутор или тот, по приказанию кого производится экзекуция, в большей или меньшей степени заражен садизмом. Что раскладывали на скамьях и пороли по обнаженному телу розгами или нагайками студентов или студенток, это вполне возможно, но сомнительно, чтобы инициаторами таких церемониальных экзекуций были казаки. Они являлись простыми исполнителями чужих велений... Ведь если не лицемерить, то нужно сознаться, что мало найдется мужчин, которые, имея приказ свыше наказать розгами молоденькую девушку, пожертвовали бы своей карьерой и отказались от исполнения подобного поручения, приведение которого включает массу прелестей... Тем более, что подобное наказание женщин в нравах страны... Ведь всего каких-нибудь пять лет назад Императорским указом отменены телесные наказания, да и то для каторжников, в военных тюрьмах и для ссыльно-поселенцев розги сохранены... Но вековые обычаи нельзя искоренить в такой короткий срок. Крестьянин знает, что его отца, деда, прадеда пороли розгами, а потому нельзя сразу изменить его психологию и требовать, чтобы он находил в этом наказании что-то позорное. Администраторы, начальники разных карательных экспедиций, отрядов или просто усмирители народных волнений еще долго будут пользоваться розгами, так как они воспитаны в том убеждении, что это самое волшебное средство для подчинения неповинующихся. Правда, в города начинают проникать идеи нашего "гнилого Запада", но в деревнях крестьяне еще долго не будут видеть ничего позорного в наказании розгами.

В Болгарии во времена Стамбулова высшая власть закрывала глаза на то, что

полицейские участки превратились, подобно тюрьмам, в застенки, где день и ночь истязали заключенных. Напротив, Стамбулов даже поощрял усердие своих агентов. Представители власти не стеснялись подвергать заключенных самым ужасным пыткам под предлогом наказания их или с целью добиться от них признания или выдачи соучастников. Пока истязания производились в тюрьмах и полицейских участках, до Запада только изредка доходили жалобы истязуемых. Но после его смерти и восстановления в стране сравнительной законности, все ужасы тогдашнего бурного времени, все жестокости слепых, варварских репрессий всплыли перед изумленными глазами цивилизованного мира.

Среди многочисленных случаев истязания, сообщенных очевидцами, в добросовестности которых мы не имеем права сомневаться, я остановлюсь только на таких, которые не выходят за рамки моего труда. Теперь вполне установлено, что множество женщин и девушек, принадлежавших к семьям политических противников Стамбулова, подверглось жестокому наказанию розгами, в то время как их мужья, отцы и братья только в редких случаях наказывались розгами, которые для них считались слишком слабым орудием истязания. Их били главным образом плетью или мешочками, наполненными песком и т. п.

В казармах, полицейских участках, даже на дворах некоторых частных домов расход на розги был колоссальный.

Гордые молодые женщины и девушки были подвергнуты этому жестокому и смешному наказанию. Много невинных было наказано розгами в виде предупреждения заботливой властью.

Все арестованные по простому капризу пристава наказывались до потери сознания розгами или мешочками с песком. Общественное положение, конечно, имело значение, хотя были случаи наказания розгами дам из высших слоев общества. Я приведу один из таких случаев, который попал на столбцы берлинских газет со всеми подробностями. Может быть, потому, что дама - жена когда-то очень влиятельного чиновника, а полицейский чин оказался галантным человеком. Я почти целиком воспользуюсь изложением корреспондента берлинской газеты.

Уроженец Тырнова из небогатой купеческой семьи, Р. довольно хорошо учился в Софийском университете. Родители прочили его в профессора, и, вероятно, он достиг бы этого звания, так как он любил заниматься, но он имел несчастье потерять родителей и остаться совсем без средств, когда ему было двадцать лет.

Сперва он думал бороться и пробовал содержать себя уроками, репетированием, живя в конурке и частенько голодая. Но потом у него не хватило энергии бороться со всеми этими лишениями. После двух лет борьбы он бросил университет, горя желанием насладиться жизнью, и принял предложение старого друга их семьи, предложившего ему поступить в канцелярию министра полиции.

Он поступил на службу полиции против своего желания. Но со временем он привык к своему положению, на которое вначале смотрел, как на падение. Решив воспользоваться обыкновенными наслаждениями в жизни, так как высшие цели были ему недоступны, он стал усердно работать. Он обладал талантом по части сыска, благодаря чему быстро прошел низшие должности. Открытие заговора на жизнь одного из министров Стамбулова обратило на него благосклонное внимание министра полиции, и он был назначен на очень завидный пост главного инспектора департамента полиции в Софии.

Вежливый, хорошо воспитанный, с приятной внешностью, он был радушно принят в лучшем обществе и посещал некоторые гостиные. Правда, про него ходило много анекдотов, в которых ему приписывались странные вкусы и совершенно особенная жестокость. Между прочим, рассказывали, что после ареста заговорщиков он собственноручно сек арестованных женщин до тех пор, пока не получал ценных сведений. Говорили также, что он питает особенное пристрастие к женскому крупу.

Это был человек сладострастный и подобно всем сладострастникам, которых обстоятельства заставили сдерживать свои страсти в юношеские годы, он был теперь немного маньяком. Субъект, который в годы, когда потребность в женщине является

необходимостью, лишен возможности удовлетворить свой половой аппетит, рискует стать онанистом или, что еще хуже, сладострастником в мечтах. Привычка мечтать о женщине, не имея возможности обладать ею, отогнать на время эти мечты, мало-помалу приводит к тому, что такой субъект находит полное удовлетворение при виде слишком приподнятой юбки, при сделанном женщиной каком-нибудь соблазнительном движении, при виде той или другой части женского тела, даже прикрытой материей.

Если позже судьба поблагоприятствует такому субъекту, он сильно рискует остаться все-таки маньяком. Тело женщины, которым ему не пришлось обладать в молодости, о котором он имеет далеко не полное представление, не соблазняет его как таковое; только часть этого тела способна его возбудить. Он становится, как говорит профессор Крафт-Эбинг, фетишистом.

Этот фетишизм распространяется не только на известные части женского тела, но даже на некоторые принадлежности женского туалета.

В сентябре 1909 года в Берлине был арестован на месте преступления один мужчина средних лет, пытавшийся у совсем юной девушки отрезать косу. Оказалось, что он человек состоятельный и режет косы не для продажи, а потому только, что вид отрезанной косы с головки молоденькой и хорошенькой девушки вызывает у него сладострастное возбуждение, появляется напряжение члена и эякуляция... Он уже раз отсидел за подобный поступок два месяца в тюрьме. На суде врач-эксперт нашел у него все признаки вырождения, тем не менее суд приговорил его к четырем месяцам тюремного заключения. Подобным субъектам, по-моему, место не в тюрьме, а в больнице.

Подобный фетишизм я наблюдал неоднократно и у старых дев. Причина его одна и та же. Так, одна 34-летняя девушка из Москвы возбуждалась страшно при виде затылка мужчины, который ей нравился по наружности... Если ей это удавалось сделать, то у нее появлялось сильное сладострастное возбуждение, и на половом органе она замечала мокроту. Она мне призналась, что раз, во время путешествия в экипаже с мужчиной, которому она симпатизировала, ей было, конечно, приятно, когда он ее обнимал, целовал и трогал, но высшее наслаждение и сладострастную спазму она имела, когда понюхала и поцеловала его затылок. Та же девушка влюбилась в крупье в Интерлакене. Она страшно увлеклась игрой в лошадки... Но не забывала и своей платонической любви к крупье, который, конечно, заметил ее влюбленные взгляды, но познакомиться, если я не ошибаюсь, им не удалось. Тем не менее, раз, когда она стояла сзади своего крупье и ухитрилась понюхать его затылок, у нее опять явилась сладострастная спазма, и она почувствовала опять мокроту на половом органе. Ему она послала какой-то подарок. Все это сильно напоминает обожание учителей в женских институтах.

По моему мнению, это все тот же фетишизм, явившийся от невольного полового воздержания и невозможности для девушки удовлетворить половую потребность нормальным путем.

Есть мужчины, увлекающиеся женскими ботинками, но изящными, известной формы и даже иногда - определенного цвета.

Другой возбуждается при виде женщины, удовлетворяющей естественную потребность, но опять же в известной обстановке...

Таких aberrаций бесчисленное множество. Они разнообразны до бесконечности. Так как в наших цивилизованных странах мало мужчин, которые при наступлении половой зрелости могли бы вполне удовлетворить свой половой аппетит, то можно смело сказать, что каждый из них отдавал предпочтение той или другой второстепенной подробности.

Р. имел грустную молодость.

Судьба дала ему возможность познать сладость обладания женщиной в сравнительно очень поздние годы. Долгие годы ему приходилось сдерживать свою похоть. И если что заставило поступить его на службу в полицию, то именно

убеждение, что стремление к научной карьере не даст ему возможности еще долго удовлетворить свою половую потребность.

По части сладострастия у него сохранилось единственное воспоминание, что в молодости оно у него возбуждалось при виде довольно частых сцен флагелляции.

Родители его имели на юге России большое имение с несколькими сотнями душ крепостных. Будучи ребенком, он почти ежедневно присутствовал при наказании розгами провинившихся дворовых девушек и другой челяди. По его словам корреспонденту берлинской газеты, вид обнаженного женского крупа, подпрыгивающего под влиянием боли, с тех пор глубоко врезался в его память.

Позднее он наблюдал те же самые сцены над мальчиками, когда давал уроки или репетировал. Он довольно часто нападал на родителей, которые за леность или плохой балл в школе безжалостно при нем же пороли детей розгами. В полиции он тоже присутствовал неоднократно при сценах истязания уже взрослых женщин. Малопомалу, он стал при виде наказания розгами женщины испытывать величайшее наслаждение.

Когда ему в первый раз удалось обладать женщиной, то он испытал полное разочарование. Подобно многим флагеллянтам, он решил, что сечь женщину доставляет больше сладострастного наслаждения, чем обладать ею нормальным путем. Может быть, к этому еще присоединилось немного желания отомстить за долгие годы воздержания. Он исполнял закон природы, но только после удовлетворения своей мании.

Строго говоря, он не любил жестокости, вид крови был ему неприятен. Кроме того, он питал к своим случайным жертвам некоторую признательность, вроде той, которую имеет человек к женщине, давшей ему высшее любовное наслаждение.

Понятно, что Р., заняв пост полицейского инспектора, не постеснялся воспользоваться своей громадной властью для удовлетворения этой мании.

Все задержанные полицией проходили перед ним. Но он был эстетом и не испытывал почти никакого удовольствия, если наказываемая розгами женщина была некрасива. Женщина должна была быть недурна собой и отличаться изяществом, чтобы он лично присутствовал при наказании ее розгами.

Нечистоплотных девиц с грязным нижним бельем, проституток низшего разбора он предоставлял наказывать своим помощникам. Для себя он сохранял, конечно, девушек и женщин из буржуазии, зараженных ненавистью к Стамбулову. Иногда даже он достаивал собственноручно сечь розгами виновную, если обнаженный круп ее произвел на него особенно сильное впечатление. Кроме того, для наказания розгами в его распоряжении были три городских, из которых один отличался геркулесовской силой. Все они слепо исполняли каждое его приказание.

Если при осмотре задержанных, по словам секретаря Р. корреспонденту, какая-то одна обратила на себя внимание Р., то он немедленно приказывал отвести ее в соседнюю комнату, где ее тщательно обыскивала особая женщина. После обыска ее отводили в его кабинет, где, смотря по настроению, ее наказывали розгами, причем Р. или сам сек, или приказывал сечь ему, секретарю, или кому-либо из городских. Если ему почему-либо хотелось эту женщину наказать особенно строго, то он говорил: "Ее нужно хорошенько пробрать", - и приказывал сечь ее розгами городскому - Геркулесу Кейзеру, уроженцу Данцига.

Никто из нас, по словам того же секретаря, не смел сказать что-нибудь против такого варварского способа расправы с женщинами, иногда виновными в том только, что неодобрительно отозвались о Стамбулове. Мы все были глубоко убеждены, что только благодаря таким решительным действиям Р. удавалось добиться признания и сведений о самых секретных заговорах против Стамбулова или кого-либо из его министров.

В действительности это был самооговор, как оказалось теперь.

Р. никогда не придавал значения признаниям, вырывавшимся у жертв под розгами. Он просто смотрел на подобные наказания как на преимущество своего положения, дающее ему возможность безнаказанно наслаждаться излюбленным зрелищем.

За редким исключением, все подобные наказания розгами были сравнительно ребяческими. Р. был маньяк, но не палач. Каждый раз, когда только это не являлось нарушением долга службы, он вознаграждал виновных в возможно широкой степени за

доставленное ему наслаждение. Довольно часто даже он приказывал выпустить тотчас же после наказания розгами тех, которые были виновны в каком-нибудь не особенно важном проступке. Даже более важных заговорщиков он освобождал, если они успевали уверить его, что строгое наказание розгами, которому он их подверг, навсегда отбило у них охоту заниматься политикой.

В остальном он был вполне галантный человек, конечно, насколько галантность совместима со званием полицейского офицера.

В один прекрасный день он простер свою галантность настолько далеко, что изменил долгу своей службы ради любви.

В 189. г. Р. уже перешагнул за сорок лет. Расцвет второй молодости, особенно опасный для любви тем, кто не успел насладиться ею в двадцать лет, сопровождался для него смутными сожалениями. Храбрый, он не раз рисковал жизнью, считая, что обязан добросовестно служить, если поступил на службу. Сознание, что жизнь его сложилась неудачно, делало его особенно смелым. Было несколько таких дел, где он безумно, вопреки самой элементарной осторожности, рисковал жизнью и имел успех. Благоклонность к нему всесильного министра все росла и росла; он был даже представлен князю.

В свободное от службы время он посещал некоторые великосветские гостиные. Прекрасный рассказчик, живой, веселый, он всюду был желанным гостем. Храбрость, несколько даже рыцарская, проявленная им при открытии нескольких заговоров и поимке заговорщиков, заслужила ему всеобщее уважение. Защитники стамбуловского режима видели в лице его одну из самых надежных своих опор. Беспартийные и даже оппозиционно настроенные лица преклонялись перед подвигами его личного мужества.

В это самое время г-жа М. поселилась в Софии. Ее муж занимал довольно важный пост префекта, но за какие-то злоупотребления вынужден был подать в отставку. Оба они всячески старались, чтобы опять попасть в милость. Но все было напрасно. Хотя их еще принимали в высшем свете, но никто из влиятельных особ не хотел похлопотать за М., который переступил в своих действиях границы дозволенного даже в Болгарии, а этим уже немало сказано.

К тому же высший свет если и принимал М., то только благодаря его жене, редкая красота и таланты которой являлись ценным украшением любой великосветской гостиной... Превосходная музыкантша, недурная певица, она своим небольшим, но чарующим голосом и своей красотой вызывала в сердцах дотоле неведомые вспышки страсти... Из числа тех, кто имел счастье увидеть ее, начиная от юноши и кончая престарелым старцем, вряд ли нашелся бы один, который не пожертвовал бы решительно всем за час обладания ею.

Как только М., человек очень неглупый, увидел, что у него нет никакой надежды вернуть утраченное положение, он решил покориться своей участи. В конце концов, не все ли ему равно! Состояние у него было хорошее, и он мог жить не только в довольстве, но даже очень широко. Вообще жизнь казалась ему еще очень заманчивой.

Но жена его не могла помириться с необходимостью отказаться навсегда от высокого положения, которое она еще так недавно занимала. Очень чувственная по натуре, она тем не менее сумела отодвинуть любовь на второй план.

Она испытывала все самые рискованные положения, которые только возможны при любовной интриге; она готова была с удовольствием отдаться чувственным наслаждениям, но всего этого ей было мало для полного счастья.

Долгое время она продолжала интриговать. Не раз она даже шла на определенный риск, но все было напрасно.

В это время ей был представлен Р. Как мужчина, он ей понравился, а зная, что он пользуется громадным влиянием у Стамбулова, она решила отдаться ему при условии, если он устроит, чтобы ее муж опять попал в милость...

Р. был ею ослеплен. Казалось, к нему вернулась молодость. Красота г-жи М., которая при этом еще обладала очаровательным крупом, сделала то, что Р. после двух-трех встреч безумно в нее влюбился.

И что особенно удивительно, в первый раз тело женщины возбуждало в нем нормальное желание обладать им.

Весь под обаянием этого нового для него чувства и зная, что он скользит к старости, Р. не только не думал бороться со своим чувством, но напротив, всю силу своего ума пустил в ход, чтобы придти на помощь своей страсти. Лучше, чем кто-либо другой, он знал, что все попытки вернуть милость М. останутся бесплодными.

Однако он был страшно потрясен, когда заметил, что, после того, как он об этом откровенно сообщил г-же М., она его стала избегать. Она вбила себе в голову достигнуть своей заветной цели при помощи этого человека, продаться ему, хотя при других обстоятельствах она сама взяла бы его в любовники. Р. понял, что он должен оставить всякую надежду; он не стал умолять ее отдаться ему и сумел расстаться с нею с полным достоинством.

Он снова стал искать на службе забвения неудачной любви и еще с большим, чем прежде, усердием стал преследовать заговорщиков на жизнь Стамбулова.

Число недовольных Стамбуловым было очень велико, и заговорщики имели сочувствующих в самых высоких слоях общества. Многие недовольные из числа тех, которые потеряли жирные синекуры, страстно желали наступления нового режима, при котором они рассчитывали всплыть на поверхность.

Лица, стоявшие во главе заговорщиков, отлично знали действительную ценность подобных господ, тем не менее старались воспользоваться их услугами в интересах дела.

Г-жа М. в конце концов должна была помириться с тем фактом, что ее мужу нельзя рассчитывать вернуть утраченное положение. Заговорщики следили за нею и в очень короткое время завербовали в свои ряды. Ей поручили однажды передать новый условленный шифр. Жажда мести, надежда достигнуть чего-нибудь побудили ее принять опасное поручение.

Из донесений сыщиков Р. узнал, что одна великосветская барыня служит посредницей заговорщикам.

Из других донесений своих агентов он узнал, что опять затевается опасный заговор против Стамбулова. Ему удалось захватить многих из главных заговорщиков, и, зная, что таинственная великосветская дама должна тоже придти в дом, где были арестованы заговорщики, он распорядился чтобы ее немедленно при приходе арестовали и доставили к нему.

Несколько часов спустя, поздно вечером, когда Р. сидел в своем кабинете и внимательно читал дело о заговоре на Стамбулова, ему пришли доложить, что вышеупомянутая дама арестована и доставлена в сыскное отделение. Р. велел позвать секретаря и немедленно привести даму к нему в кабинет. Г-жа М. была в верхнем мантии и вуали. Она не оказала никакого сопротивления при аресте, так как была захвачена совершенно врасплох, когда она вышла у подъезда дома, где ей была устроена западня, из наемной кареты. Р. по обыкновению, тотчас же приступил к допросу ее, приказав ей снять густую вуаль, которая совсем скрывала ее лицо.

Трудно передать его изумление, когда он узнал в лице арестованной женщины ту, которую он когда-то любил и продолжал еще любить.

Несколько секунд он не мог сдержать охватившего его волнения. М., следившая за малейшими движениями своего бывшего поклонника, заметила это и почувствовала себя немного успокоенной. Она знала, что сильно скомпрометирована, и считала себя совсем погибшей, но теперь у ней появилась надежда, что Р. изменит Стамбулову и выпустит ее. У ней явилась мысль снова очаровать, отдаться даже ему и такой ценой избавиться от наказания.

Овладев собою, Р. сухо, после обычного допроса о ее личности и т. д., предложил ей передать ему шифр, который поручили ей заговорщики, а также назвать все их фамилии, предупредив, что почти все они ему известны и он хочет только испытать ее.

М. откинула мантию и показала в вечернем чудном туалете. Она ехала на вечер к

генеральше Д. Она была декольтирована. Притворяясь сконфуженной и испытывающей ужасный стыд и т. п., которого у нее в действительности вовсе не было, она вынула маленькое саше, где был зашит документ, и протянула его Р.

По мнению секретаря, со слов которого писал корреспондент берлинской газеты, она умышленно, передавая саше, так нагнулась над столом, что у нее вывалилась грудь. При этом она бросила довольно страстный взор на Р. В то же время она заявила, что назвать фамилии заговорщиков не может, так как не знает их фамилий. "Да и к чему их называть, - прибавила она, слегка улыбаясь, - раз они известны господину инспектору!"

Было видно, что поведение М. злило Р. Он ей сухо заметил, что если она не назовет фамилий, то он вынужден будет наказать ее розгами.

М. стала говорить довольно громко, почти кричать, что он не имеет права подвергнуть ее такому наказанию, что она не девка, что сумеет найти дорогу к самому князю, что он потеряет место и т. д. Р. молча слушал эту тираду и потом нажал кнопку звонка. Когда явился городской, он велел ему принести скамейку и розог, а также позвать еще городского и геркулеса Кейзера. У секретаря, по его собственному признанию, забилося сердце, когда он увидел, что М. не избежать розог. Ему было только досадно, что Р., очевидно, хочет велеть сечь барыньку не ему, а Кейзеру.

Через несколько минут, в течение которых М. продолжала угрожать Р., вошли три городских со скамейкой и пучком розог.

К удивлению секретаря, М. при виде скамейки и розог замолчала, и, когда по приказу Р. городовой подошли к ней, чтобы положить на скамейку, она, как пятилетняя девочка, стала реветь и сквозь слезы просить, чтобы ей позволили снять платье... Р. остановил городских и сказал, что она может снять платье. "Но лучше вам, - прибавил он, - не упрямиться и исполнить мое приказание назвать фамилии заговорщиков, тогда я не велю вас сечь"...

На эти слова М. промолчала, только всхлипывала, снимая платье и развязывая тесемки. После этого она опустила руки и покорно дала себя уложить на скамейку... Кейзер взял в руки розги, когда двое других городских обнажили М. и приготовились держать ее один за ноги, а другой за плечи.

Р. велел Кейзеру передать розги городовой, державшему М. за плечи, а тому сечь ее, Кейзеру же держать ее за плечи.

Городовой, весь красный, взял розги и по знаку Р. начал сечь М.

М. после первого удара слегка вскрикнула и сжала ягодицы, но удары стали сыпаться. Этот городской вскоре оправился и стал сечь методично, делая ровную выдержку между ударами и выдерживая розги после удара несколько секунд на теле наказываемой. После десяти с лишком ударов стоны сменились более сильными криками и просьбами о прощении. Круп весь стал уже красный и в багровых полосах, было видно, как наказываемая сжимает ноги, думая этим смягчить боль от удара.

Наконец, обезумевшая от боли женщина, забыв всякую гордость, начинает умолять Р. Тот после нескольких ударов приказывает перестать ее сечь.

Когда ее сняли со скамейки и поставили на ноги, она тотчас же села на пол и стала рыдать, как маленький наказанный ребенок.

Мало-помалу рыдания стихли. Она вытерла себе лицо поданной секретарем мокрой губкой и встала... Секретарь подал ей панталоны, которые она потеряла, когда вставала со скамейки.

В эту минуту Р. приказал секретарю выйти в соседнюю пустую комнату, не имевшую другого выхода, кроме, как в кабинет инспектора.

Секретарь сознался корреспонденту, что не удержался и смотрел в замочную скважину, что происходило в кабинете Р. Он слышал, как тот сказал: "Одевайтесь скорей, мы сейчас едем"!

М. поправила все беспорядки своего туалета. Р. помог ей одеться, дал ей выпить воды, объяснял ей, что он не мог не велеть наказать ее розгами, чтобы не возбудить подозрений, что наказали ее довольно слабо, что если бы ее сек Кейзер, то у нее с первого же удара

брызнула бы кровь, а после тридцати пяти розог, которые ей дали, она не встала бы сама со скамейки, и ее пришлось бы отправить в больницу...

Когда они совсем были готовы, Р. позвал секретаря и велел ему идти с ними. Они вышли втроем и сели в карету Р. Секретарю пришлось сесть на козлы, ехали они довольно долго, до первой станции железной дороги. Здесь, в двух километрах от станции, у Р. была в громадном саду нанята кокетливая вилла, в которой он частенько принимал барынь, находивших удовольствие в пассивной флагагелляции. Р. поблагодарил секретаря и отпустил его в город в своем экипаже, сказав, что он вернется на другой день утром. Позавидовав своему принципиалу, оставшемуся в обществе такой хорошенькой женщины, секретарь уехал в город.

Ни на другой день, ни в последующие Р. не появился и пропал вместе с М. бесследно. Власти исчезновение его сперва приписали мести заговорщиков.

Известно, что "на ловца зверь бежит". Читая недавно появившиеся в печати мемуары графа Кевенгелюра, бывшего начальника сыскной полиции в Будапеште, особенно отличившегося при усмирении восстания венгерцев в 1848 году, я натолкнулся на факт флагагелляции одной знатной венгерской дамы.

Я предоставляю слово самому графу Кевенгелюру, которого перевожу насколько возможно ближе к подлиннику.

Рассказав, как он по приглашению некоего Д., главного начальника политического отделения сыскной полиции, присутствовал при обыске и затем получил приглашение присутствовать при допросе одной из арестованных, г-жи Л., почтенный полицейский продолжает: "На другой день в назначенный час я отправился к Д. в департамент полиции и застал его в своем кабинете, довольно скромно меблированном. Он меня принял очень любезно, усадил рядом с собой за столом и сказал: "Вы, конечно, слыхали сплетни, что я будто бы подвергаю заключенных истязанию. В этих сплетнях есть доля правды, я прибегаю к помощи розог, чтобы добыть необходимые мне сведения, но до истязания никогда не доходил еще... Вот вы сегодня лично увидите, как я действую, чтобы добиться сознания. Вчера вы присутствовали при обыске в квартире г-жи Л. и аресте ее за то, что я нашел массу компрометирующих ее писем. На сегодняшнее утро я назначил допрос. Посмотрите внимательно на паркетный пол, вы заметите четырехугольник, это - трап, а вот каучуковая трубка, при помощи которой можно говорить с лицами, находящимися в комнате под нашей... Впрочем, вы сейчас увидите!

Он позвонил и через несколько секунд появился городской, которому он велел привести г-жу Л.

Через несколько минут появилась г-жа Л., окруженная двумя городскими. Д. велел ей подойти ближе к столу и, когда она подошла, сказал: "Сударыня, я имею доказательства, что вы посвящены во все подробности интересующего меня дела... Вы мне сейчас же продиктуете фамилии всех участников, надеюсь, что вы не заставите меня принудить к этому силой..." Л., высокая, стройная, довольно недурная собой женщина лет под тридцать, слегка побледнела, и на глазах у нее показались слезы.

- Я не знаю, не понимаю вас, - сказала она, - отпустите меня, я ничего не знаю, я буду жаловаться на вас генералу графу С., вы ответите и за обыск у меня, и за то, что арестовали и продержали целую ночь Бог знает с какими женщинами!...

- Я не боюсь ваших угроз. В ваших интересах советую вам исполнить мое приказание, - сказал сухо Д.

- Я ничего не знаю и не могу говорить, - раздраженно ответила Л.

Тогда Д. взял в руки каучуковую трубку и что-то проговорил вполголоса в нее.

Вдруг г-жа Л. провалилась в трап, едва успев отчаянно вскрикнуть. Д. знаком головы показал мне, чтобы я посмотрел в отверстие трапа. Я перегнулся через стол и увидел, что все тело г-жи Л. провалилось в трап вплоть до подмышек. Платье и юбки ее были подняты вверх краями трапа.

Д. опять поднес трубку ко рту и что-то сказал. Л. вся покраснела.

- Это позорно, бессовестно! - закричала она и стала биться, сиюсь выскочить из трапа.
- Ну, вы не хотите назвать фамилий участников? - спросил Д.
- Нет, я их не знаю...

Д. опять сказал что-то в трубку, и я увидел, как Л. стала извиваться, вскрикивать, по ее лицу было видно, что она испытывает сильную боль; теперь слезы лились у нее ручьем.

- Вы все еще будете упрямиться? - сказал Д.

Л. ничего не ответила. Вдруг она страшно вскрикнула:

- Довольно! Довольно! Остановите их! Я все скажу, назову вам фамилии!

Д. сказал в трубку несколько слов и, взяв карандаш, приготовился записывать показание Л.; та продолжала рыдать, но ничего не говорила, тогда Д., не скрывая своей досады, приложил трубку ко рту и уже очень громко сказал:

- Дайте еще двадцать розог, да горяченьких!

Теперь уже Л. стала кричать во все горло и просить прощения, обещаясь все показать, но Д. не остановил порку, пока ей не были даны все двадцать розог.

Л. после этого стала показывать и называть имена замешанных в деле лиц.

Когда она окончила свое показание, то Д. велел поднять ее из трапа".

Граф Кевенгелюр заметил, что тело ее было страшно иссечено... Как только ее вынули из трапа, она без всякого стеснения упала на пол, обнажив часть своего крупа и продолжая громко реветь. Д. позвонил и велел городовым позвать женщину, которая помогла бы Л. одеться, а затем отправить ее в лазарет при сыском отделении.

Почтенный полицейский граф наивно сожалеет о том, что в наши времена невозможно употреблять такие средства.

"Это так, - говорит он, - упростило бы процедуру!"

Наиболее известная австриячка, подвергавшаяся телесному наказанию, была графиня Мадерспях, случай с которой вызвал когда-то скандал на всю Европу.

Я напому своим читателям этот известный случай, пользуясь изложением газеты "Таймс". Это была хорошенькая женщина, милая и очень остроумная.

Верная жена, она слепо держалась политических убеждений своего мужа, что и было причиной ее несчастья.

Она была публично наказана розгами.

Обнаженная до пояса, с большим трудом удерживая свои юбки на бедрах, только и помышляя о том, как бы не обнажился ее круп и наказание не стало еще более для нее унижительным, она должна была пройти через знаменитую "зеленую дорогу". В то время так называли узкий коридор между двумя шеренгами солдат с розгами в руках, которыми они били приговоренную к наказанию преступницу, обязанную пройти с одного конца коридора до другого.

В России, как я говорил в первом томе, это называлось "прогнать сквозь строй", причем солдаты вооружались палками. Иногда прогоняли через несколько тысяч палок. Преступника, обнаженного до пояса, вели. Часто забивали до смерти. Экзекуция производилась нередко в несколько приемов. Давалось известное число палок. Если присутствовавший доктор находил, что несчастный не в силах выдержать остальное число ударов, то его отправляли на поправку в госпиталь. По выздоровлении опять прогоняли сквозь строй. Иногда это делалось несколько раз, пока не было дано все назначенное судом число палок, доходившее, повторяем, до десяти и даже, кажется, больше тысяч палок.

Когда несчастная графиня Мадерспях дошла до другого конца "зеленой дороги", она уже давно выпустила из рук юбки.

От шеи до колен ее тело представляло, по словам корреспондента лондонской газеты, окровавленный кусок мяса.

Она не умерла, но удалилась в свои поместья, чтобы в глуши их оплакивать свой позор. "Я, считавшаяся всеми, меня знавшими, честной и уважаемой женщиной, - писала она своей приятельнице, - просто не в силах написать вам: полуобнаженная, была высечена розгами на глазах всех солдатами; разве может быть что-нибудь ужаснее!"

В 1864 году вызвал не меньший скандал случай с одной французской актрисой. Я опять пользуюсь рассказом корреспондента все той же лондонской газеты.

Жертвой телесного наказания, свидетелями которого были только полицейские чины, была на этот раз французская актриса из труппы, разъезжавшей по разным городам Европы и прибывшей в Вену, чтобы дать тоже несколько представлений.

Актриса была хорошенькая, молоденькая, кокетливая и жизнерадостная девушка. Успех ее в Вене, правда, зависел не столько от ее артистических талантов, сколько от амурных...

Однажды, когда она выходила из подъезда одного большого магазина на Грабене, чтобы сесть в ожидавшую ее карету, она имела неосторожность, ставя ножку на подножку экипажа, слишком высоко поднять юбки и показать проходившей публике свою ногу немного выше икр.

Городовой это заметил, и его целомудрие было настолько возмущено, что, несмотря на протесты артистки, он ее задержал и отправил в участок, где обо всем доложил приставу.

Результатом доклада явилось решение подвергнуть хорошенькую француженку наказанию розгами, установленному тайными полицейскими правилами для кокоток, задержанных на улице за неприличные выходки или открытое предложение своих услуг, в особенности юношам.

Молодую женщину привели в маленькую комнату в подвальном этаже, в которой не было никакой мебели, кроме стоявшей посередине комнаты деревянной кобылы, обитой сверх кожей, совершенно такой же, какая употребляется для гимнастических упражнений.

"Скорее удивленная, чем напуганная, - говорит артистка в своей жалобе французскому послу при австрийском дворе, - я смотрела на все презрительным взглядом... Но вскоре я вынуждена была изменить свое отношение. Привели меня двое городских, но через несколько минут появился пристав и еще один городской, в руках которого я, к ужасу своему, увидела пучок длинных розог. Тогда я только поняла, что собираются со мною делать".

Из произведенного, по настоянию французского посла, дознания обнаружилось, что, несмотря на горячие протесты хорошенькой актрисы, совершенно обезумевшей при виде розог, несмотря на рыдания, мольбы, доходившие до ползания на коленках у ног пристава, несмотря на всю эту музыку, которая обыкновенно является прелюдией подобных наказаний и которая делает взрослую женщину похожей на маленькую девочку, - двое городских растянули и привязали ее на деревянной кобыле в положении, удобном для наказания. Затем, по приказанию пристава, один городской обнажил несчастную девушку.

Это было время кринолинов, и тогдашние франтихи часто не носили панталон; их не оказалось, как видно из составленного приставом протокола о наказании, и у французской артистки.

Замечу от себя, поразительная психология у господ полицейских. Арестовывают женщину за то, что показала ногу выше икр, и наказывают ее, обнажая на глазах четырех мужчин от колен до шеи!!

Как видно из того же протокола, бедная девушка была наказана пятьюдесятью розгами. Не говоря уже об унижении, из акта, составленного свидетельствовавшим врачом французского посольства всего через два часа после экзекуции, мы видим, что за такой пустяшный поступок пристав наказывал артистку если не очень жестоко, то все-таки чрезвычайно строго.

Доктор насчитал "на спине, ягодицах и ляжках ясные следы с лишком сорока длинных красных полос-рубцов, из которых многие были с кровоподтеками и с сильной припухлостью, одиннадцать из них были темно-красными, почти черными... рубашка была в больших кровавых пятнах" и т. д.

Когда ее отвязали, она села на пол, поправила свою сорочку, юбки и вообще привела в порядок свой туалет; после чего ее отпустили...

Я занимался довольно тщательным исследованием по вопросу о флагелляции в

Австрии и не добыл ничего важного. Венгерки любят сечь мужчин, что можно видеть из многочисленных объявлений таких свирепых дам. Бесспорно также, что в австрийских школах, как мужских, так и женских, учителя и учительницы за более или менее важные проступки наказывают розгами. Так как воспитание ведется по немецкому образцу, то в этом нет ничего удивительного и невероятного. Итак, ленивые или дерзкие маленькие австриячки наказываются розгами, и это является звеном, связывающим их с маленькими немочками...

Хотя все-таки наказание розгами детей в Австрии несравненно в меньшем ходу, чем в благословенной Германии, особенно в Пруссии и в ее польских провинциях.